

444

1916 9-10

СЕНТЯБРЬ 1916 ПТРС.

ТОПИСЬ

СОДЕРЖАНИЕ:

М. ГОРЬКИЙ. Въ людяхъ. ♦ ВЯЧ. ШИШКОВЪ. Тайга. ♦ М. КИСИНЪ. Фабричная. ♦ ИВ. БУНИНЪ. Стихотворение. ♦ ЛЕОНЪ ФРАПЬЕ. Разказы. ♦ Г. ДЖ. УЭЛЛСЪ. Мистеръ Бритлингъ пьетъ чашу до дна. ♦ Н. ВЕНГРОВЪ. Стихотворения. ♦ Ю. КАМЕНЕВЪ. Соціальное содержание империализма. ♦ И. МАНУХИНЪ. Памяти И. И. Мечникова. ♦ Г. ГОРДОНЪ. Объ алкоголизмъ въ средней школѣ. ♦ Р. ВИППЕРЪ. Замѣтки историка о современныхъ религиозныхъ исканіяхъ. ♦ Л. ОРЛОВЪ. Казенная и народная медицина въ Сибири. ♦ СТ. ВОЛЬСКІЙ. Кооператоръ. ♦ В. ВОЛГИНЪ. Изъ иностранной хроники. ♦ В. КЕРЖЕНЦЕВЪ. Милитаризмъ въ Америкѣ. ♦ РАФ. ГРИГОРЬЕВЪ. Письмо изъ Итали. ♦ ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ. Дневникъ. ♦ А. ЕРМАНСКІЙ. Организованная сила. ♦ Е. МЕДЫНСКІЙ. Изъ хроники народнаго образования. ♦ Г. НОВОГРАДСКІЙ. Въ „житницѣ Европы“. ♦ БИБЛИОГРАФІЯ.

Цѣна 1 руб. 75 коп.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССІИ
ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА, имѣющая СПЕЦІАЛЬНЫЙ отдѣлъ
„TABACS et CIGARETTES de LUXE“:

Sphinx, Khedive, Classic, — Англійскіе табаки.

CIGARES de la HAVANE — mportation directe.

ПАПИРОСЫ:

„ЯКА“ 10 шт. 15 к. 30 к.
10 шт. 20 к.

„САФ“ 10 шт. 15 к. 30 к.
10 шт. 20 к.

„DARLING“ 10 шт. 15 к. 30 к.
10 шт. 20 к.

„АДА“ 10 шт.
10 к.

„ДЯДЯ КОСТЯ“ 10 шт.
10 к.

Требуйте всюду, а также въ нашихъ собственныхъ магазинахъ:
ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 24. МОСКВА, Кузнецкій м., д. 1-го Рос. Страх. О-ва
Т-во Н. Н. Богдановъ и Ко.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПАРУСЪ“

А. Н. ТИХОНОВА.

Петроградъ, Бол. Монетная, 18, кв. 4.

НОВЫЯ КНИГИ:

Вл. МАЯКОВСКІЙ. Простое, какъ мычаніе. Книга стиховъ. Ц. 1 р. 50 к.

Пьеръ Милль. МОНАРХЪ. Переводъ съ французск. „ 1 „ — „

Сборникъ армянск. лит. подъ редакц. М. Горькаго. „ 2 „ — „

Лица, выписывающія книгу непосредственно отъ издательства
«ПАРУСЪ», за пересылку не платятъ.

АВТОПИСЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ

№ 9

СЕНТЯБРЬ

1916

12773

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
I. М. ГОРЬКІЙ. Въ людяхъ	5
II. ВЯЧ. ШИШКОВЪ. Тайга	33
III. М. КИСИНЪ. Фабричная.	84
IV. ИВ. БУНИНЪ. Бѣгство во Египетъ. Стихотвореніе.	107
V. ЛЕОНЪ ФРАПЬЕ. Гордячка. Гнѣздо. Мама меня поцѣловала. Пер. съ франц. Н. Шеръ	108
VI. Г. ДЖ. УЭЛЛСЪ. Мистеръ Бритлингъ пьетъ чашу до дна. Авт. пер. М. Ликиардопуло	119
VII. НАТАНЪ ВЕНГРОВЪ. Сегодня. Стихотворенія.	161
VIII. Ю. КАМЕНЕВЪ. Соціальное содержаніе империа- лизма и его преодоленіе.	164
IX. И. МАНУХИНЪ. Памяти И. И. Мечникова	186
X. Г. ГОРДОНЪ. Объ алкоголизмѣ въ средней школѣ	192
XI. Р. ВИППЕРЪ. Замѣтки историка о религіозныхъ исканіяхъ современности.	204
XII. ПО РОССІИ. Л. ОРЛОВЪ. Казенная и народная медицина въ Сибири. Ст. ВОЛЬСКІЙ. Кооператоръ.	214
XIII. ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ. В. ВОЛГИНЪ. Изъ иностранной хроники. В. КЕРЖЕНЦЕВЪ. Ми- литаризмъ въ Америкѣ. РАФ. ГРИГОРЬЕВЪ. Письмо изъ Италіи.	239
XIV. Л. Н. ТОЛСТОЙ. Дневникъ. (Извлеченія).	254
XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. А. ЕРМАН- СКІЙ. Организованная сила. Е. МЕДЫНСКІЙ. Изъ хроники народнаго образованія. Г. НОВОГРАДСКІЙ. Въ «житницѣ Европы»	276

XVI. БИБЛІОГРАФІЯ.

А. К—въ. Эпоха римскаго имперіализма въ новомъ освѣщеніи. I. Ферреро. «Величіе и паденіе Рима». О. Б. «Седьмое покрывало». Д. Выгодскій. Константинъ Бѣльшакъ. «Солнце на излетѣ». Онъ-же. «Поэма событій». Вяч. Полонскій. Борисъ Зайцевъ. «Земная печаль». В. Нейманъ. Федоръ Коммисаржевскій. «Театральныя прелюдии». А. К—въ. М. Н. Коваленскій. «Русская исторія въ культурно-бытовыхъ очеркахъ». М. Петровъ. «Статистическія данныя, относящіяся къ Петрограду и Петр. Городку. Общ. Управленію» 306

XVII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 318

Поэма В. Маяковскаго «Война и миръ» (III часть), стихотвореніе Ив. Бунина «Архистратигъ», статья Р. Ар—скаго «Рабочее движеніе во время войны», корреспонденція М. Лурье «Ростъ оппозиціи въ Германіи» и «Письмо въ редакцію» А. Керенскаго — не могли быть напечатаны въ настоящей книгѣ по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція, изъ уваженія къ труду наборщиковъ, проситъ гг. авторовъ представлять рукописи, переписанными на пишущей машинкѣ, или совершенно четко перомъ.

Редакція оставляетъ за собой право исправлять или сокращать рукописи по своему усмотрѣнію.

На отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи—по четвергамъ съ 4 до 6 час.

Пріемъ секретаря—по понедѣльникамъ и четвергамъ съ 2 до 5 час.

При этомъ. № прилагается проспектъ изданій Т-ва А. и И. Гранатъ: «Исторія нашего времени».

ТИПОГРАФІЯ

Акціонернаго О-ва Издательскаго Дѣла
«КОПЪИКА».
Петроградъ, Сайкинъ пер., 6, собств. домъ

*Перепечатка воспрещается. Право
на переводъ принадлежитъ автору.*

ВЪ ЛЮДЯХЪ.

(Продолженіе). *

ХІІІ.

Иконописная мастерская помѣщалась въ двухъ комнатахъ большого полукаменнаго дома; одна комната о трехъ окнахъ — во дворъ и двухъ — въ садъ; другая — окно въ садъ, окно на улицу. Окна маленькія, квадратныя, стекла въ нихъ, радужныя отъ старости, неохотно пропускаютъ въ мастерскую бѣдный, разсѣянный свѣтъ зимнихъ дней.

Обѣ комнаты тѣсно заставлены столами, за каждымъ столомъ сидитъ, согнувшись, иконописецъ, за иными — по двое. Съ потолка опускаются на бичевкахъ стеклянные шары, налитые водою, они собираютъ свѣтъ лампы, отбрасывая его на квадратную доску иконы бѣлымъ, холоднымъ лучемъ.

Въ мастерской жарко и душно; работаетъ около двадцати человѣкъ «богомазовъ» изъ Палеха, Холуя, Мстеры; всѣ сидятъ въ ситцевыхъ рубахахъ съ разстегнутыми воротами, въ тиковыхъ подштанникахъ, босые или въ опоркахъ. Надъ головами мастеровъ простерта сизая пелена сожженной махорки, стоитъ густой запахъ олифы, лака, тухлыхъ яицъ. Медленно, какъ смола, течетъ заунывная владимірская пѣсня:

— Какой нынче сталъ безсовѣстный народъ —
При народѣ мальчикъ дѣвочку прельстилъ...

Поютъ и другія пѣсни, тоже невеселыя, но эту — чаще другихъ. Ея тягучій мотивъ не мѣшаетъ думать, не мѣшаетъ водить тонкой кисточкой изъ волосъ горностая по рисунку иконы, раскрашивая складки «доличнаго», накладывая на костяныя лица святыхъ тоненькія морщинки страданія. Подъ окнами стучитъ молоточкомъ чеканщикъ Гоголевъ — пьяный старикъ, съ огромнымъ синимъ носомъ; въ лѣтнюю струю пѣсни непрерывно вторгается сухой стукъ молотка — словно червь точитъ дерево.

* См. «Лѣтопись» №№ I—VIII за 1916 г.

Иконопись никого не увлекаетъ; какой-то злой мудрецъ раздробилъ работу на длинный рядъ дѣйстви, лишенныхъ красоты, не способныхъ возбудить любовь къ дѣлу, интересъ къ нему. Косоглазый столяръ Панфилъ, злой и ехидный, приноситъ выстроганныя имъ и склеенныя кипарисовыя и липовыя доски разныхъ размѣровъ; чахоточный парень Давидовъ грунтуетъ ихъ; его товарищъ Сорокинъ кладетъ «левкасъ»; Миляшинъ сводитъ карандашемъ рисунокъ съ подлинника, старикъ Гоголевъ золотитъ и чеканитъ по золоту узоръ, доличники пишутъ пейзажъ и одѣяніе иконы. затѣмъ, она, безъ лица и ручекъ, стоитъ у стѣны, ожидая работы личниковъ.

Очень непріятно видѣть большія иконы для иконоставовъ и алтарныхъ дверей, когда онѣ стоятъ у стѣны безъ лица, рукъ и ногъ, только одни ризы или латы и коротенькія рубашечки архангеловъ. Отъ этихъ пестро расписанныхъ досокъ вѣетъ мертвымъ; того, что должно оживить ихъ, нѣтъ, но, кажется, что оно уже было и чудесно исчезло, оставивъ только свои тяжелыя ризы.

Когда «гѣльце» написано личникомъ, икону сдаютъ мастеру, который накладываетъ по узору чеканки «финифть»; надписи пишетъ тоже отдѣльный мастеръ, а кроетъ лакомъ самъ управляющій мастерскою, Иванъ Ларіонычъ, тихій челоуѣкъ.

Лицо у него сѣрое, бородка тоже сѣрая, изъ тонкихъ шелковыхъ волосъ, сѣрые глаза какъ-то особенно глубоки и печальны. Онъ хорошо улыбается, но ему не улыбаешься, неловко какъ-то. Онъ похожъ на икону Семіона Столпника, такой же сухой, тощій, и его неподвижные глаза такъ же отвлеченно смотрятъ куда-то вдаль, сквозь людей и стѣны.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ я поступилъ въ мастерскую, мастеръ по хоругвямъ, донской казакъ Капендюхинъ, красавецъ и силачъ, пришелъ пьяный и, крѣпко сцѣпивъ зубы, прищуривъ сладкіе, бабьи глаза, началъ молча избивать всѣхъ желѣзными кулаками. Невысокій и стройный, онъ метался по мастерской, словно котъ въ погребъ среди крысъ; растерявшіеся люди прятались отъ него по угламъ и оттуда кричали другъ другу:

— Бей!

Личнику Евгению Ситанову удалось ошеломить взбѣсившагося буяна ударомъ табурета по головѣ. Казакъ сѣлъ

на полъ, его тотчасъ опрокинули и связали полотенцами, онъ сталъ грызть и рвать ихъ зубами звѣря. Тогда взбѣсился Евгенийъ, — вскочилъ на столъ, и, прижавъ локти къ бокамъ, приготовился прыгнуть на казака; высокій, жилистый, онъ неизбежно раздавилъ бы своимъ прыжкомъ грудную клѣтку Капендюхина, но въ эту минуту около него появился Ларіонычъ въ пальто и шапкѣ, погрозилъ пальцемъ Ситанову и сказалъ мастерамъ, тихо и дѣловито:

— Вынести его въ сѣни, пусть отрезвѣетъ...

Казака вытащили изъ мастерской, разставили столы, стулья и снова усѣлись за работу, перекидываясь краткими замѣчаніями о силѣ товарища, предрекая, что его когда-нибудь убьютъ въ дракѣ:

— Убить его трудно, — сказалъ Ситановъ очень спокойно, какъ говорятъ о дѣлѣ, хорошо знакомомъ.

Я смотрѣлъ на Ларіоныча, недоумѣнно соображая: почему эти крѣпкіе, буйные люди такъ легко подчиняются ему?

Онъ всѣмъ показывалъ, какъ надо работать, даже лучшие мастера охотно слушали его совѣты; Капендюхина онъ училъ больше и многословнѣе, чѣмъ другихъ.

— Ты, Капендюхинъ, называешься — живописецъ, это значитъ, ты долженъ живо писать, итальянской манерой. Живопись масломъ требуетъ единства красокъ теплыхъ, а ты вотъ подвель избыточно бѣлилъ и вышли у Богородицы глазки холодные, зимніе. Щечки написаны румяно, яблоками, а глазки — чужіе къ нимъ. Да и невѣрно поставлены — одинъ заглянулъ въ переносье, другой на високъ отодвинуть, и вышло личико не свято-чистое, а хитрое, земное. Не думаешь ты надъ работой, Капендюхинъ.

Казакъ, слушая, кривитъ лицо, потомъ, безстыдно улыбаясь бабьими глазами, говоритъ пріятнымъ голосомъ, немножко сирымъ отъ пьянства:

— Эхъ, Ив-анъ Ларіонычъ, отецъ — не мое это дѣло, а? Я музыкантомъ родился, а меня — въ монахи!

— Усердіемъ всякое дѣло можно одолѣть.

— Нѣтъ, что такое я? Мнѣ бы въ кучера, да тройку борзыхъ, э...

И, выпнувъ кадыкъ, онъ отчаянно затягиваетъ:

Э, и-ахъ, за-апрягу я тройку борзыхъ
Темно-карихъ лошадей,

Охъ, да и помчуся въ ноченьку морозну
Да прямо — ой, прямо къ любушкѣ своей!

Иванъ Ларионовичъ, покорно улыбаясь, поправляетъ очки на сѣромъ, печальномъ носу и отходить прочь, а десятокъ голосовъ дружно подхватываютъ пѣсню, сливаясь въ могучій потокъ, и, точно поднявъ на воздухъ всю мастерскую, мѣрными толчками качаетъ ее.

— По привычкѣ — кони знаютъ,
Гдѣ су-дарушка живетъ...

Ученикъ, Пашка Одинцовъ, бросивъ отливать желтки яицъ, держа въ рукахъ по скорлупѣ, великолѣпнымъ дискантомъ ведетъ подголосье.

Опьяненные звуками, всѣ забылись, всѣ дышатъ одной прудью, живутъ однимъ чувствомъ, искоса слѣдя за казакомъ. Когда онъ пѣлъ, мастерская признавала его своимъ владыкой; всѣ тянулись къ нему, слѣдя за широкими взмахами его рукъ, онъ разводилъ руками, точно собираясь летѣть. Я увѣренъ, что если бы онъ, вдругъ прервавъ пѣсню, крикнулъ: — Бей, ломай все! — всѣ, даже самые солидные мастера, въ нѣсколько минутъ разнесли бы мастерскую въ щепы.

Пѣлъ онъ рѣдко, но власть его буйныхъ пѣсень была всегда одинаково неотразима и побѣдна; какъ бы тяжело ни были настроены люди, онъ поднималъ и зажигалъ ихъ, всѣ напрягались, становясь въ жаркомъ сліяніи силъ могучимъ органомъ.

У меня эти пѣсни вызывали горячее чувство зависти къ пѣвцу, къ его красивой власти надъ людьми, что-то жутко волнующее вливалось въ сердце, расширяя его до боли, хотѣлось плакать и кричать, поющимъ людямъ:

— Я люблю васъ!

Чахоточный, желтый Давидовъ, весь въ ключьяхъ волосъ, тоже открывалъ ротъ, странно уподобляясь галченку, только что вылупившемуся изъ яйца.

Веселая, буйная пѣсня пѣлись только тогда, когда ихъ заводилъ казакъ, чаще же пѣли унылыя и тягучія о «безсѣстномъ народѣ», «Ужъ какъ подъ лѣсомъ лѣсочкомъ» и о смерти Александра I-го, «Какъ поѣхалъ нашъ Александра свою армію смотрѣть».

Иногда, по предложенію лучшаго личника нашей ма-

стерской, Жихарева, пробовали пѣть церковное, но это рѣдко удавалось. Жихаревъ всегда добивался какой-то особенной, только ему одному понятной стройности, и всѣмъ мѣшалъ пѣть.

Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти, сухой, лысый, въ полувѣнцѣ черныхъ, курчаво-цыганскихъ волосъ, съ большими, точно усы, черными бровями. Острая густая борода очень украшала его тонкое и смуглое не русское лицо, но подъ горбатымъ носомъ торчали жесткіе усы, лишніе при его бровяхъ. Синіе глаза его были разны, лѣвый — замѣтно больше праваго.

— Пашка! — кричалъ онъ теноромъ моему товарищу, ученику, — ну-ко, заведи: «Хвалите!» Народъ, прислушайся!

Вытирая руки о передникъ, Пашка заводилъ:

— Хва-алите...

— И-имя Господне, — подхватывало нѣсколько голосовъ, а Жихаревъ тревожно кричалъ:

— Евгений — ниже! Опусты голосъ въ самыя нѣдра души...

Ситановъ глухо, точно въ бочку бьетъ, взываетъ:

— Р-рабы Господа...

— Не то-о! Тутъ надо такъ хватить, чтобы земля со-тряслась и распахнулись бы сами собою двери, окна!

Жихаревъ весь дергался въ непонятномъ возбужденіи, его удивительныя брови ходятъ по лбу вверхъ и внизъ, голосъ у него срывается, и пальцы играютъ на невидимыхъ гусляхъ.

— Рабы Господа — понимаешь? — многозначительно говоритъ онъ. — Это надо почувствовать до зерна, сквозь всю шелуху. Р-рабы, хвалите Господа! Какъ же вы, народъ живой, не понимаете?

— Это у насъ никогда не выходитъ, какъ вамъ извѣстно, — вѣжливо говоритъ Ситановъ.

— Ну, оставимъ!

Жихаревъ обиженно принимается за работу. Онъ лучший мастеръ, можетъ писать лица по-византійски, по-фряжски и «живописно», новоитальянской манерой. Принимаемая заказы на иконостасы, Ларіонъчъ совѣтуется съ нимъ, — онъ тонкій знатокъ иконописныхъ подлинниковъ, всѣ дорогія копии чудотворныхъ иконъ — Феодоровской,

Смоленской, Казанской и другихъ проходятъ черезъ его руки. Но, роясь въ подлинникахъ, онъ громко ворчить:

— Связали насъ подлиннички эти... Надо сказать прямо: связали!..

Несмотря на важное свое положеніе въ мастерской, онъ заносчивъ менѣе другихъ, ласково относится къ ученикамъ — ко мнѣ и Павлу; хочетъ научить насъ мастерству — этимъ никто не занимается, кромѣ него.

Его трудно понять; вообще — невеселый человѣкъ, онъ иногда цѣлую недѣлю работаетъ молча, точно нѣмой; смотритъ на всѣхъ удивленно и чуждо, будто впервые видя знакомыхъ ему людей. И хотя очень любить пѣніе, но въ эти дни не поетъ и даже словно не слышитъ пѣсенъ. Всѣ слѣдятъ за нимъ, подмигивая на него другъ другу. Онъ согнулся надъ косо поставленной иконой, доска ея стоитъ на колѣняхъ у него, середина упирается на край стола, его тонкая кисть тщательно выписываетъ темное, отчужденное лицо, самъ онъ тоже темный и отчужденный.

Вдругъ онъ говоритъ, четко и обиженно:

— Предтеча — что такое? Течь, — по-древнему, — значить — идти. Предтеча — предшественникъ, а не иное что...

Въ мастерской становится тихо, всѣ косятся въ сторону Жихарева, усмѣхаясь, а въ тишинѣ звучать странные слова:

— Его надо не въ овчинѣ писать, а съ крыльями...

— Ты — съ кѣмъ говоришь? — спрашиваютъ его.

Онъ молчитъ, не слышитъ вопроса или не хочетъ отвѣтить, потомъ — снова падаютъ въ ожидающую тишину его слова:

— Житія надо знать, а кто ихъ знаетъ — житія? Что мы знаемъ? Живемъ безъ окрыленія... Гдѣ — душа? Душа — гдѣ? Подлиннички... да! — есть. А сердца — нѣтъ...

Эти думы вслухъ вызываютъ у всѣхъ, кромѣ Ситанова, насмѣшливыя улыбки, почти всегда кто-нибудь злорадно шепчетъ:

— Въ субботу — запеть...

Длинный, жилистый Ситановъ, юноша двадцати-двухъ лѣтъ, съ круглымъ лицомъ безъ усовъ и бровей, печально и серьезно смотритъ въ уголь.

Помню, закончивъ копію Феодоровской Божіей Матери,

кажется, въ Кунгуръ, Жихаревъ положилъ икону на столъ и сказалъ, громко, взволнованно:

— Кончена Матушка! Яко чаша, Ты, — чаша бездонная, въ кою польются теперь горькія, сердечныя слезы міра людскаго...

И, накинувъ на плечи чье-то пальто, ушелъ — въ кабакъ. Молодежь засмѣялась, засвистала; люди постарше завистливо вздохнули вслѣдъ ему, а Ситановъ подошелъ къ работѣ, внимательно посмотрѣлъ на нее и объяснилъ:

— Конечно, онъ запьетъ, потому что жалко сдавать работу. Эта жалость — не всѣмъ доступна...

Запой Жихарева начинались всегда по субботамъ. Это, пожалуй, не была обычная болѣзнь алкоголика-мастерового; начиналось это такъ: утромъ онъ писалъ записку и куда-то посылалъ съ нею Павла, а передъ обѣдомъ говорилъ Ларіонычу:

— Я сегодня — въ баню!

— На долго ли?

— Ну, Господи...

— Ужъ, пожалуйста, не позже, какъ до вторника!

Жихаревъ согласно кивалъ голымъ черепомъ, брови у него дрожали.

Возвратясь изъ бани, онъ одѣвался франтомъ, надѣвалъ манишку, косынку на шею, выпускалъ по атласному жилету длинную, серебряную цѣпь и молча уѣзжалъ, приказавъ мнѣ и Павлу:

— Къ вечеру приберите мастерскую почище; большой столъ вымыть, выскоблить!

У всѣхъ являлось праздничное настроеніе, всѣ подтягивались, чистились, бѣжали въ баню, на-скоро ужинали; а послѣ ужина являлся Жихаревъ, съ кульками закусокъ, съ пивомъ и виномъ, а за нимъ — женщина, преувеличенная во всѣхъ измѣреніяхъ почти безобразно. Ростомъ она была вершковъ двѣнадцати сверхъ двухъ аршинъ, всѣ наши стулья и табуретки становились передъ нею игрушечными, даже длинный Ситановъ — подростокъ о бокъ съ нею. Она очень стройная, но ея грудь бутромъ поднята къ подбородку, движенія медленны, неуклюжи. Ей за сорокъ лѣтъ, но круглое, неподвижное лицо ея, съ огромными глазами лошади, свѣжо и гладко, маленькій ротъ кажется нарисованнымъ, какъ у дешевой куклы. Женщина улыбалась, она со-

вала всѣмъ широкую, теплую ладонь и говорила ненужныя слова:

— Здравствуйте. Морозно сегодня. Какъ у васъ густо пахнетъ. Это краской пахнетъ. Здравствуйте.

Смотрѣть на нее, спокойную и сильную, какъ большая полноводная рѣка, приятно, но въ рѣчахъ ея — что-то снотворное, всѣ онѣ не нужны и утомляютъ. Передъ тѣмъ, какъ сказать слово, она надувалась, еще болѣе округляя почти багровыя щеки.

Молодежь, ухмыляясь, шепчетъ:

— Вотъ такъ машина!

— Колокольня!

Сложивъ губы бантикомъ, а руки подъ грудями, она садится за накрытый столъ, къ самовару, и смотритъ на всѣхъ по очереди добрымъ взглядомъ лошадиныхъ глазъ.

Всѣ относятся къ ней почтительно, молодежь даже немножко боится ея, — смотритъ юноша на это большое тѣло жадными глазами, но, когда съ его взглядомъ встрѣтится ея тѣсно-обнимающій взглядъ, — юноша смущенно опускаетъ свои глаза. Жихаревъ тоже почтителенъ къ своей гостьѣ, говоритъ съ нею на вы, зоветъ ее кумушкой, угощая — кланяется низко.

— Да вы не безпокойтесь, — сладко тянетъ она, — какой вы безпокойный, право!

Сама она живетъ не спѣша, руки ея двигаются только отъ локтей до кисти, а локти крѣпко прижаты къ бокамъ. Отъ нея исходитъ спиртной запахъ горячаго хлѣба.

Старикъ Гоголевъ, заикаясь отъ восторга, хвалитъ красоту женщины, — точно дьячекъ акафистъ читаетъ, она слушаетъ, благосклонно улыбаясь, а когда онъ запутается въ словахъ — она говоритъ о себѣ:

— А въ дѣвицахъ мы вовсе некрасивой были, это все отъ женской жизни прибавилось намъ. Къ тридцати годамъ сдѣлались мы такой примѣчательной, что даже дворяне интересовались, одинъ уѣздный предводитель даже коляску съ парой лошадей общали...

Капендюхинъ, выпившій, встрепанный, смотритъ на нее ненавидящимъ взглядомъ и грубо спрашиваетъ:

— Это — за что же общаль?

— За любовь нашу, конечно, — объясняетъ гостья.

— Любовь, — бормочет Капендюхинъ, смущаясь: — какая тамъ любовь?

— Вы, такой прекрасный молодець, очень хорошо знаете про любовь, — говоритъ женщина просто.

Мастерская трясется отъ хохота, а Ситановъ ворчитъ Капендюхину:

— Дура, коли не хуже! Эдакую можно любить только отъ великой тоски, какъ всѣмъ извѣстно...

Онъ блѣднѣетъ отъ вина, на вискахъ у него жемчужинами выступилъ потъ, умные глаза тревожно горять. А старикъ Гоголевъ, покачивая уродливымъ носомъ, отираетъ слезы съ глазъ пальцами и спрашиваетъ:

— Дѣтокъ у тебя сколько было?

— Дитя у насъ было одно...

Надъ столомъ виситъ лампа, за угломъ печи — другая. Онѣ даютъ мало свѣта, въ углахъ мастерской сошлись густыя тѣни, откуда смотрятъ недописанныя, обезглавленные фигуры. Въ плоскихъ сѣрыхъ пятнахъ, на мѣстѣ рукъ и головъ, чудится жуткое, больше, чѣмъ всегда, кажется, что тѣла святыхъ таинственно исчезли изъ раскрашенныхъ одеждъ, изъ этого подвала. Стеклянные шары подняты къ самому потолку, висятъ тамъ на крючкахъ, въ облакѣ дыма, и синевато поблескиваютъ.

Жихаревъ спокойно ходитъ вокругъ стола, всѣхъ угощая, его лысый черепъ склоняется то къ тому, то къ другому, тонкіе пальцы все время играютъ. Онъ — похудѣлъ, хищный носъ его сталъ острѣе; когда онъ стоитъ бокомъ къ огню, на щеку его ложится черная тѣнь носа.

— Пейте, ѣшьте, друзья, — говоритъ онъ звонкимъ теноромъ.

А женщина поетъ хозяйственно:

— Что вы, куманекъ, беспокоитесь? У всякаго своя рука, свой аппетитъ; больше того, сколько хочется — никто не можетъ ѣсть!

— Отдыхай народъ! — возбужденно кричитъ Жихаревъ. — Друзья мои, всѣ мы рабы Божьи, давайте споемъ «Хвалите имя»...

Пѣснопѣние не удастся; всѣ уже размякли, опьянѣвъ отъ ѣды и водки. Въ рукахъ Капендюхина — двухрядная гармонія, молодой Викторъ Салаутинъ, черный и серьезный,

точно вороненокъ, взявъ бубень, водить по тугой кожѣ пальцемъ, кожа глухо гудить, заборно брякають бубенчики.

— Р-русскую! — командуетъ Жихаревъ. — Кумушка, пожалуйста!

— Ахъ, — вздыхаетъ женщина, вставая, — какъ вы беспокоитесь!

Выходить на свободное мѣсто и стоитъ на немъ прочно, какъ часовня. На ней широкая коричневая юбка, желтая батистовая кофта и алый платокъ на головѣ.

Задорно вопить гармоника, звонять ея колокольчики, брякають бубенцы; кожа бубна издаетъ звукъ тяжелый, глухо вздыхающій; это неприятно слышать: точно человекъ сошелъ съ ума и, охая, рыдая, колотитъ лбомъ о стѣну.

Жихаревъ не умѣетъ плясать, онъ просто семенитъ ногами, притоптывая каблуками ярко начищенныхъ сапогъ, прыгаетъ козломъ и все не въ тактъ размывчатой музыкѣ. Ноги у него, точно чужія, тѣло некрасиво извивается, онъ бьется, какъ оса въ паутинѣ или рыба въ сѣти, — это не весело. Но всѣ, даже пьяные, смотрятъ на его судороги внимательно, всѣ молча слѣдятъ за его лицомъ и руками. Лицо Жихарева изумительно играетъ, становясь то ласковымъ и сконфуженнымъ, то вдругъ гордымъ и — сурово хмурится; вотъ онъ чему-то удивился, ахнулъ, закрылъ на секунду глаза, а открывъ ихъ, сталъ печаленъ. Сжавъ кулаки, онъ крадется къ женщинѣ, и вдругъ, топнувъ ногой, падаетъ на колыни передъ нею, широко раскинувъ руки, поднявъ брови, сердечно улыбаясь. Она смотритъ на него сверху внизъ съ благосклонной улыбкой и предупреждаетъ спокойно:

— Устанете вы, куманекъ!

Она пытается умильно прикрыть глаза, но эти глаза, объемомъ въ трехкопѣечную монету, не закрываются и ея лицо, сморщившись, принимаетъ неприятное выражение.

Она тоже не умѣетъ плясать, только медленно раскачиваетъ свое огромное тѣло и безшумно передвигаетъ его съ мѣста на мѣсто. Въ лѣвой рукѣ у нея платокъ, она лѣнивенько помахиваетъ имъ; правая рука уперта въ бокъ — это дѣлаетъ ее похожею на огромный кувшинъ.

А Жихаревъ ходитъ вокругъ этой каменной бабы, противорѣчиво измѣняя лицо, кажется, что пляшетъ не одинъ, а десять человекъ, всѣ разные: одинъ — тихій, покорный;

другой — сердитый, пугающий; третий — самъ чего-то боится и, тихонько охая, хочет незамѣтно уйти отъ большой, неприятной женщины. Вотъ явился еще одинъ, — оскалилъ зубы и судорожно изгибается, точно раненая собака. Эта скучная, некрасивая пляска вызываетъ у меня тяжелое уныніе, будить нехорошія воспоминанія о солдатахъ, прачкахъ и кухаркахъ, о собачьихъ свадьбахъ.

Въ памяти — тихія слова Ситанова:

— Въ этомъ дѣлѣ всѣ — врутъ, это ужъ такое дѣло — стыдно всѣмъ, никто никого не любитъ, а просто — баловство...

Я не хочу вѣрить, что «всѣ врутъ въ этомъ дѣлѣ», — какъ же тогда Королева Марго? И Жихаревъ не вретъ, конечно. Я знаю, что Ситановъ полюбилъ «гулящую» дѣвицу, а она заразила его постыдной болѣзью, но онъ не бьетъ ее за это, какъ совѣтуютъ ему товарищи, а нанялъ ей комнату, лечитъ дѣвицу и всегда говоритъ о ней какъ-то особенно ласково, смущенно.

Большая женщина все качается, мертво улыбаясь, помахивая платочкомъ; Жихаревъ судорожно прыгаетъ вокругъ нея, я смотрю и думаю: неужели Ева, обманувшая Бога, была похожа на эту лошадь? У меня возникаетъ чувство ненависти къ ней.

Безликія иконы смотрятъ съ темныхъ стѣнъ, къ стекламъ оконъ прижалась темная ночь. Лампы горятъ тускло въ духотѣ мастерской; прислушаешься и — среди тяжелого топота, въ шумѣ голосовъ выдѣляется торопливое падение капель воды изъ мѣднаго умывальника въ ушатъ съ помоями.

Какъ все это не похоже на жизнь, о которой я читалъ въ книгахъ! Жутко непохоже. Вотъ, наконецъ, всѣмъ стало скучно. Капендюхинъ суетъ гармонику въ руки Салаутина и кричить:

— Дѣлай! Съ дымомъ!

Онъ пляшетъ, какъ Ванька Цыганъ — точно по воздуху летаетъ; потомъ задорно и ловко пляшетъ Павелъ Одинцовъ, Сорокинъ; чахоточный Давидовъ тоже двигается по полу ногами и кашляетъ отъ пыли, дыма, крѣпкаго запаха водки и копченой колбасы, которая всегда пахнетъ дубленой кожей.

Пляшутъ, поютъ, кричатъ, но каждый помнить, что

онъ веселится, и всѣ точно экзамень сдають другъ другу, — экзамень на ловкость и неутомимость.

Выпившій Ситановъ спрашиваетъ то того, то другого:
— Развѣ можно любить такую женщину, а?

Кажется, что онъ сейчасъ заплачетъ.

Ларіонъчъ, приподнявъ острые кости плечъ, отвѣчаетъ ему:

— Женщина, какъ женщина, чего тебѣ надо?

Тѣ, о комъ говорятъ, незамѣтно исчезли. Жихаревъ явится въ мастерскую дня черезъ два-три, сходить въ баню и недѣли двѣ будетъ работать въ своемъ углу молча, важный, всѣмъ чужой.

— Ушли? — спрашиваетъ Ситановъ самъ себя, осматривая мастерскую печальными, синевато-сѣрыми глазами. Лицо у него некрасивое, какое-то старческое, но глаза — ясные и добрые.

Ситановъ относится ко мнѣ дружески, — этому я обязанъ моей толстой тетради, въ которой записаны стихи. Онъ не вѣритъ въ Бога, но очень трудно понять — кто въ мастерской, кромѣ Ларіонъча, любитъ Бога и вѣритъ въ Него: всѣ говорятъ о немъ легкомысленно, насмѣшливо, также, какъ любятъ говорить о хозяйкѣ. Однако, садясь обѣдать и ужинать — всѣ крестятся, ложась спать — молятся, ходятъ въ церковь по праздникамъ.

Ситановъ ничего этого не дѣлаетъ и его считаютъ безбожникомъ.

— Бога нѣтъ, — говоритъ онъ.

— Откуда же все?

— Не знаю...

Когда я спросилъ его: какъ же это — Бога нѣтъ? — онъ объяснилъ:

— Видишь ли: Богъ — Высота!

И поднялъ длинную руку надъ своей головой, а потомъ опустилъ ее на аршинъ отъ пола и сказалъ:

— Человѣкъ — Низость! Вѣрно? А сказано: «человѣкъ созданъ по образу и подобию Божию», какъ тебѣ извѣстно! А чему подобенъ Гоголевъ?

Это меня опрокидываетъ: грязный и пьяный старикъ Гоголевъ, несмотря на свои годы, грѣшитъ грѣхомъ Онана; я вспоминаю вятскаго солдатика, Ермохина, сестру бабушки, — что въ нихъ богоподобнаго?

— Люди — свиньи, какъ это извѣстно, — говоритъ Ситановъ и тотчасъ же начинаетъ утѣшать меня:

— Ничего, Максимычъ, есть и хорошия, есть!

Съ нимъ было легко, просто. Когда онъ не зналъ что-либо, то откровенно говоритъ:

— Не знаю, объ этомъ не думалъ!

Это — тоже необыкновенно, до встрѣчи съ нимъ я видѣлъ только людей, которые все знали, обо всемъ говорили.

Мнѣ было странно видѣть въ его тетрадкѣ, рядомъ съ хорошиими стихами, которые трогали душу, множество грязныхъ стихотворени, возбуждавшихъ только стыдъ. Когда я говорилъ ему о Пушкинѣ, онъ указывалъ на «Гаврилиаду», списанную въ его тетрадкѣ...

— Пушкинъ — что? Просто — шутникъ, а вотъ Бенедиктовъ, это, Максимычъ, стоитъ вниманія!

И, закрывъ глаза, тихонько читалъ:

Взгляни: вотъ женщины прекрасной

Обворожительная грудь...

И почему-то особенно выдѣлялъ три строки, читая ихъ съ гордой радостью:

Но и орла не могутъ взоры,

Сквозь эти жаркіе затворы,

Пройти — и въ сердце заглянуть...

— Понимаешь?

Мнѣ очень неловко было сознаться, что — не понимаю я, чему онъ радуется?

XIV.

Мои обязанности въ мастерской были не сложны: утромъ, когда еще всѣ спятъ, я долженъ былъ приготовить мастерамъ самоваръ, а пока они пили чай въ кухнѣ, мы съ Павломъ прибирали мастерскую, отдѣляли для красокъ желтки отъ бѣлковъ, затѣмъ я отправлялся въ лавку. Вечеромъ меня заставляли растирать краски и «присматриваться» къ мастерству. Сначала я «присматривался» съ большимъ интересомъ, но скоро понялъ, что почти всѣ, занятые этимъ раздробленнымъ на куски мастерствомъ, не любятъ его и страдаютъ мучительной скукой.

Вечера мои были свободны, я рассказывалъ людямъ о жизни на пароходѣ, рассказывалъ разныя исторіи изъ книгъ, и незамѣтно для себя, занялъ въ мастерской какое-то особенное мѣсто, рассказчика и чтеца.

Я скоро понял, что все эти люди видѣли и знаютъ меньше меня; почти каждый изъ нихъ съ дѣтства былъ посаженъ въ тѣсную клѣтку мастерства и съ той поры сидитъ въ ней. Изъ всей мастерской только Жихаревъ былъ въ Москвѣ, о которой онъ говорилъ внушительно и хмуро:

— Москва слезамъ не вѣрить, тамъ гляди въ оба!

Все остальные бывали только въ Шуѣ, Владимірѣ; когда говорили о Казани, меня спрашивали:

— А русскихъ много тамъ? И церкви есть?

Пермь для нихъ была въ Сибири; они не вѣрили, что Сибирь — за Ураломъ.

— Судаковъ-то уральскихъ и Юсепровъ — оттуда привозятъ, съ Каспійскаго моря? Значитъ — Уралъ на морѣ!

Иногда мнѣ думалось, что они смѣются надо мною, утверждая, что Англія — за моремъ-океаномъ, а Бонапартъ родомъ изъ калужскихъ дворянъ. Когда я рассказывалъ имъ о томъ, что самъ видѣлъ, они плохо вѣрили мнѣ, но все любили страшныя сказки, запутанныя истории; даже пожилые люди явно предпочитали выдумку — правдѣ; я хорошо видѣлъ, что чѣмъ болѣе невѣроятны событія, чѣмъ больше въ рассказѣ фантазія, тѣмъ внимательнѣе слушаютъ меня люди. Вообще, дѣйствительность не занимала ихъ, и все мечтательно заглядывали въ будущее, не желая видѣть бѣдность и уродство настоящаго.

Это меня тѣмъ болѣе удивляло, что я уже довольно рѣзко чувствовалъ противорѣчія между жизнью и книгой; вотъ предо мною живые люди, и въ книгахъ нѣтъ такихъ: нѣтъ Смугаго, кочегара Якова, бѣгуна Александра Васильева, Жихарева, прачки Натальи...

Въ сундукъ Давидова оказались потрепанные рассказы Голицинскаго, «Иванъ Выжигинъ» Булгарина, томикъ Барона Брамбеуса — я прочиталъ все это вслухъ, все мнѣ понравилось, а Ларіонычъ сказалъ:

— Чтеніе отмѣчаетъ ссоры и шумъ — это хорошо!

Я сталъ усердно искать книгъ, находить ихъ и почти каждый вечеръ читалъ. Это были хорошіе вечера; въ мастерской тихо, какъ ночью, надъ столами висятъ стеклянные шары, — бѣлыя, холодныя звѣзды, ихъ лучи освѣщаютъ лохматыя и лысыя головы, припикшія къ столамъ, я вижу спокойныя, задумчивыя лица, иногда раздаются возгласы похвалы автору книги или герою. Люди внимательны

и кротки непохоже на себя; я очень люблю ихъ въ эти часы, и они тоже относятся ко мнѣ хорошо; я чувствовалъ себя на мѣстѣ.

— Съ книгами у насъ стало, какъ весной, когда зимнія рамы выставляютъ и первый разъ окна на волю открюютъ, — сказалъ однажды Ситановъ.

Трудно было доставать книги; записаться въ библиотеку не догадались, но я, все-таки, какъ-то ухитрялся и доставалъ книжки, выпрашивая ихъ всюду, какъ милостыню. Однажды пожарный брандмейстеръ далъ мнѣ первый томъ Лермонтова, и вотъ я почувствовалъ силу поэзии, ея могучее влияние на людей.

Помню, уже съ первыхъ строкъ «Демона» Ситановъ заглянулъ въ книгу, потомъ — въ лицо мнѣ, положилъ кисть на столъ, и сунувъ длинныя руки въ колѣни, закачался, улыбаясь. Подъ нимъ заскрипѣлъ стулъ.

— Тише, братцы, — сказалъ Ларіончъ, и тоже бросивъ работу, подошелъ къ столу Ситанова, за которымъ я читалъ. Поэма волновала меня мучительно и сладко, у меня срывался голосъ, я плохо видѣлъ строки стиховъ, слезы навертывались на глаза. Но еще болѣе волновало глухое, осторожное движеніе въ мастерской, вся она тяжело ворочалась и точно магнитъ тянулъ людей ко мнѣ. Когда я кончилъ первую часть, — почти всѣ стояли вокругъ стола, тѣсно прислонившись другъ къ другу, обнявшись, хмурясь и улыбаясь.

— Читай, читай, — сказалъ Жихаревъ, наклоняя мою голову надъ книгой.

Я кончилъ читать, онъ взялъ книгу, посмотрѣлъ ея титулъ и, сунувъ подъ мышку себѣ, объявилъ:

— Это надо еще разъ прочитать! Завтра опять прочитаешь. Книгу я спрячу.

Отошелъ, заперъ Лермонтова въ ящикъ своего стола и принялся за работу. Въ мастерской было тихо, люди осторожно расходились къ своимъ столамъ; Ситановъ подошелъ къ окну, прислонился лбомъ къ стеклу и застылъ, а Жихаревъ, снова отложивъ кисть, сказалъ строгимъ голосомъ:

— Вотъ это — житіе, рабы Божіе... да!

Приподнялъ плечи, спряталъ голову и продолжалъ:

— Демона я могу даже написать: тѣломъ черенъ и

мохнать, крылья огненно-красныя — сурикомъ, а личико, ручки, ножки — до синя бѣлыя, примѣрно, какъ снѣгъ въ мѣсячную ночь.

Онъ вплоть до ужина безпокойно и несвойственно ему вертѣлся на табуретѣ, игралъ пальцами и непонятно говорилъ о Демонѣ, о женщинахъ и Евѣ, о раѣ и о томъ, какъ грѣшили святыя.

— Это — все правда! — утверждалъ онъ. — Ежели святыя грѣшатъ съ грѣшными женщинами, то, конечно, Демону лестно согрѣшить съ душой чистой...

Его слушали молча; должно быть, всѣмъ какъ и мнѣ не хотѣлось говорить. Работали неохотно, потягивая на часы, а когда пробило девять, — бросили работу очень дружно.

Ситановъ и Жихаревъ вышли на дворъ, я пошелъ съ ними. Тамъ, глядя на звѣзды, Ситановъ сказалъ:

Кочующіе караваны

Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ...

— Этого не выдумашь!

— Я никакихъ словъ не помню, — замѣтилъ Жихаревъ, вздрагивая на остромъ холодѣ. — Ничего не помню, а его — вижу! Удивительно это — человѣкъ заставилъ чорта пожалѣть? Вѣдь жалко его, а?

— Жалко, — согласился Ситановъ.

— Вотъ, что значитъ — человѣкъ! — памятно воскликнулъ Жихаревъ.

Въ снѣгахъ онъ предупредилъ меня:

— Ты, Максимычъ, никому не говори въ лавкѣ про эту книгу, она, конечно — запрещенная!

Я обрадовался: такъ вотъ о какихъ книгахъ спрашивалъ меня священникъ на исповѣди!

Ужинали вяло, безъ обычнаго шума и говора, какъ будто со всѣми случилось нѣчто важное, о чемъ надо упорно подумать. А послѣ ужина, когда всѣ улеглись спать, Жихаревъ сказалъ мнѣ, вынувъ книгу:

— Ну-ко, еще разъ прочитай это! Порѣже, не торопись..

Нѣсколько человѣкъ молча встали съ постелей, подошли къ столу и усѣлись вокругъ него раздѣтые, поджимая ноги.

И снова, когда я кончилъ читать, Жихаревъ сказалъ, постукивая пальцами по столу:

— Это — житіе! Ахъ, Демонъ, Демонъ... вотъ какъ, братъ, а?

Ситановъ качнулся черезъ мое плечо, прочиталъ что-то и засмѣялся, говоря:

— Спишу себѣ въ тетрадь...

Жихаревъ всталъ и понесъ книгу къ своему столу, но остановился и вдругъ сталъ говорить обиженно, вздрагивающимъ голосомъ:

пода? Ювъ — рабъ, а Господь — Самъ говорилъ съ нимъ!

— Живемъ, какъ слѣшые щенята, что къ чему — не знаемъ, ни Богу, ни Демону не надобны! Какіе мы рабы Гос-Съ моисеемъ тоже! Моисею Онъ даже имя далъ: Мой сей, значить — Боговъ челоувѣкъ. А мы — чьи?..

Заперъ книгу и сталъ одѣваться, спросивъ Ситанова:

— Идешь въ трактиръ?

— Я къ своей пойду, — тихо отвѣтилъ Ситановъ.

Когда они ушли, я легъ у двери на полу, рядомъ съ Павломъ Одинцовымъ. Онъ долго возился, сопѣлъ и вдругъ тихонько заплакалъ.

— Ты что?

— Жалко мнѣ всѣхъ до смерти, — сказалъ онъ, — я вѣдь четвертый годъ съ ними живу, всѣхъ знаю...

Мнѣ тоже было жалко этихъ людей; мы долго не спали, шопотомъ бесѣдуя о нихъ, находя въ каждомъ добрыя, хорошія черты, и во всѣхъ что-то, что еще болѣе усугубляло нашу ребячью жалость.

Я очень дружно жилъ съ Павломъ Одинцовымъ; впоследствии изъ него выработался хороший мастеръ, но его не надолго хватило, къ тридцати годамъ онъ началъ дико пить, потомъ я встрѣтилъ его на Хитровомъ рынкѣ въ Москвѣ босякомъ и недавно слышалъ, что онъ умеръ въ тифѣ. Жутко вспомнить, сколько хорошихъ людей безтолково погибли на моемъ вѣку! Всѣ люди изнашиваются и — погибаютъ, это естественно; но нигдѣ они не изнашиваются такъ страшно быстро, такъ бессмысленно, какъ у насъ, на Руси...

Тогда онъ былъ круглоголовымъ мальченкомъ, года на два старше меня; бойкій, умненькій и честный, онъ былъ даровитъ: хорошо рисовалъ птицъ, кошекъ и собакъ, и удивительно ловко дѣлалъ каррикатуры на мастеровъ, всегда изображая ихъ пернатыми. Ситанова — печальнымъ

куликомъ на одной ногѣ, Жихарева — пѣтухомъ, съ оторваннымъ гребнемъ, безъ перьевъ на темени, большого Давидова — жуткой пиголицей. Но всего лучше ему удавался старый чеканщикъ Гоголевъ, въ видѣ летучей мыши съ большими ушами, ироническимъ носомъ и маленькими ножками о шести когтяхъ каждая. Съ круглаго, темнаго лица смотрѣли бѣлые кружки глазъ, зрачки были похожи на зерна чечевицы и стояли поперекъ глазъ — это давало лицу живое и очень тусное выраженіе.

Мастера не обижались, когда Павелъ показывалъ каррикатуры, но карриатура Гоголева у всѣхъ вызывала непріятное впечатлѣніе и художнику строго совѣтовали:

— Ты лучше порви-ко, а то старикъ увидитъ, пришибетъ тебя!

Грязный и гнилой, вѣчно пьяный старикъ былъ назойливо благочестивъ, неугасимо золь и ябедничалъ на всю мастерскую приказчику, котораго хозяйка собиралась женить на своей племянницѣ, и который, поэтому, уже чувствовалъ себя хозяиномъ всего дома и людей. Мастерская ненавидѣла его, но боялась, поэтому боялась и Гоголева.

Павелъ неистово и всячески изводилъ чеканщика, — точно поставилъ цѣлью своей не давать Гоголеву ни минуты покоя. Я тоже посильно помогалъ ему въ этомъ, мастерская забавлялась нашими выходками, почти всегда безжалостно грубыми, но предупреждала насъ:

— Попадетъ вамъ, ребята! Вышибетъ васъ Кузька-жучекъ!

Кузька-жучекъ — это прозвище приказчика, мѣтко данное ему мастерской.

Предостереженія не пугали насъ; мы раскрашивали сонному чеканщику лицо; однажды, когда онъ спалъ пьяный, вызолотили ему носъ, онъ сутокъ трое не могъ вывести золота изъ рытвинъ губчатаго носа. Но каждый разъ, когда намъ удавалось разозлить старика, я вспоминалъ парохоль, маленькаго вятскаго солдата и — въ душѣ у меня становилось мутно. Несмотря на возрастъ, Гоголевъ былъ, все таки, такъ силенъ, что часто избивалъ насъ, нападая врасплохъ; изобьетъ, а потомъ пожалуется хозяйкѣ.

Она, — тоже пьяненькая каждый день и потому всегда добрая, веселая, — старалась испугать насъ, стучала опухшими руками по столу и кричала:

— Опять вы, бѣси, озорничаете? Онъ — старенькій, его уважать надо! Кто это ему въ рюмку, вмѣсто вина, фотогену налиль?

— Это мы...

Хозяйка удивлялась:

— А, батюшки, да они еще и сознаются! А — окаянные... Стариковъ уважать надо!

Она выгоняла насъ вонъ, а вечеромъ жаловалась приказчику, и тотъ говорилъ мнѣ сердито:

— Какъ-же это ты — книжки читаешь, даже Священное писаніе и — такое озорство, а? Гляди, братъ!

Хозяйка была одинока и трогательно жалка; бывало, напьется сладкихъ наливоекъ, сядетъ у окна и поетъ:

Никто меня не пожалѣетъ
И никому меня не жаль,
Никто тоски моей не знаетъ,
Кому скажу мою печаль.

И всхлипывая, тянетъ старческимъ дрожащимъ голосомъ:

— Ю-у-у...

Однажды я видѣлъ, какъ она, взявъ въ руки горшокъ топленого молока, подошла къ лѣстницѣ, но вдругъ ноги ея подогнулись, она съела и поѣхала внизъ по лѣстницѣ, грузно шлепаясь со ступеньки на ступеньку и не выпуская горшка изъ рукъ. Молоко выплескивалось на платье ей, а она, вытянувъ руки, сердито кричала горшку:

— Что ты, лѣшой? Куда ты?

Не толстая, но мяткая, до дряблости, она была похожа на старую кошку, которая уже не можетъ ловить мышей, а отягченная сытостью только мурлычетъ, сладко вспоминая о своихъ побѣдахъ и удовольствіяхъ.

— Вотъ, — говорилъ Ситановъ, задумчиво хмурясь, — было большое дѣло, хорошая мастерская, трудился надъ этимъ дѣломъ умный человекъ, а теперь все хинью идетъ, все въ Кузькины лапы направилось! Работали, работали, а все на чужого дядю! Подумаешь объ этомъ и вдругъ въ башкѣ лопнетъ какая-то пружинка — ничего не хочется, наплевать-бы на всю работу, да лечь на крышу и лежать цѣлое лѣто, глядя въ небо...

Павелъ Одинцовъ тоже усвоилъ эти мысли Ситанова, и раскуривая папиросу приемами взрослога, философствовалъ

о Богѣ, о пьянствѣ, женщинахъ и о томъ, что всякая работа исчезаетъ, одни что-то дѣлаютъ, а другіе разрушаютъ сотворенное, не цѣня и не понимая его.

Въ такія минуты его острое, милое лицо морщилось, старѣло, онъ садился на постель на полу, обнявъ колѣни, и подолгу смотрѣлъ въ голубые квадраты оконъ, на крышу сарая, притиснутаго супробами снѣга, на звѣзды зимняго неба.

Мастера храпятъ, мычатъ во снѣ, кто-то бредитъ, захлебываясь словами, на полатахъ выкашливаетъ остатки своей жизни Давидовъ. Въ углу, тѣломъ къ тѣлу, валяются окованные сномъ и хмелемъ «рабы Божіе» Капендюхинъ, Сорокинъ, Першинъ; со стѣнъ смотрятъ иконы безъ лицъ, безъ рукъ и ногъ. Душить густой запахъ олифы, тухлыхъ яицъ, грязи, перекисшей въ щеляхъ пола.

— До чего-же мнѣ жалко всѣхъ! — шепчетъ Павелъ. — Господи!

Эта жалость къ людямъ и меня все болѣе беспокоить. Намъ обоимъ, какъ я сказалъ уже, всѣ мастера казались хорошими людьми, а жизнь — была плоха, недостойна ихъ, невыносимо скучна. Въ дни зимнихъ вьюгъ, когда все на землѣ — дома, деревья — тряслось, выло, плакало и великопостно звонили унылые колокола, скука вливалась въ мастерскую волною, тяжелой, какъ свинецъ, давила людей, умерщвляя въ нихъ все живое, вытаскивая въ кабакъ, къ женщинамъ, которыя служили такимъ-же средствомъ забыться, какъ водка.

Въ такіе вечера — книги не помогали, и тогда мы съ Павломъ старались развлечь людей своими средствами: мазали рожи себѣ сажей, красками, украшались пенькой, и разыгрывая разныя комедіи, сочиненныя нами, героически боролись со скукой, заставляя людей смѣяться. Вспомнивъ «Преданіе о томъ, какъ солдатъ спасъ Петра Великаго», я изложилъ эту книжку въ разговорной формѣ, мы влѣзали на полаты къ Давиду и лицедействовали тамъ, весело срубая головы воображаемымъ шведамъ; публика — хохотала.

Ей особенно нравилась легенда о китайскомъ чортѣ Цинги-Ю-Тонгѣ; Пашка изображалъ несчастнаго чорта, которому вздумалось сдѣлать доброе дѣло, а я — все остальное: людей обоего пола, предметы, добраго духа и даже камень, на которомъ отдыхалъ китайскій чортъ въ вели-

комъ уныни, послѣ каждой изъ своихъ безуспѣшныхъ попытокъ сотворить добро.

Публика хохотала, а я удивлялся, какъ легко можно было заставить ее смѣяться — эта легкость неприятно задѣвала меня.

— Ахъ, паяцы, — кричали намъ. — Ахъ супостаты!

Но чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе назойливо думалось мнѣ, что душѣ этихъ людей печаль ближе радости.

Веселье у насъ никогда не живетъ и не цѣнится само по себѣ, а его нарочито поднимаютъ изъ-подъ спуда, какъ средство умѣрить русскую, сонную тоску. Подозрительна внутренняя сила веселья, которое живетъ не само по себѣ, не потому, что хочется жить, а является только по вызову печальныхъ дней.

И слишкомъ часто русское веселье неожиданно и неуловимо переходитъ въ жестоку драму. Пляшетъ человѣкъ, словно разрывая путы, связавшія его, и вдругъ, освобождая въ себѣ жесточайшаго звѣря, въ звѣриной тоскѣ бросается на всѣхъ и все рветъ, грызетъ, сокрушаетъ...

Это натужное веселье, возбужненное толчками извнѣ, раздражало меня и, до самозабвенія возбужденный, я начиналъ рассказывать и разыгрывать внезапно создавшіяся фантазии, — ужъ очень хотѣлось мнѣ вызвать истинную, свободную и легкую радость въ людяхъ! Чего-то я достигалъ, меня хвалили, мнѣ удивлялись, но тоска, которую мнѣ какъ будто удавалось поколебать, снова медленно густѣла и крѣпла, пригнетая людей.

Сѣрый Ларіонычъ ласково говорилъ:

— Ну, и забавникъ ты, Господь съ тобой!

— Утѣшитель, — поддерживалъ его Жихаревъ. — Ты, Максимычъ, направляй себя въ циркъ, али въ театръ, изъ тебя долженъ выйти хо-орошій паяцъ!

Изъ всей мастерской, въ театръ ходили, на Святкахъ и на Масляницѣ, только двое — Капендюхинъ и Ситановъ; старшие мастера серьезно совѣтовали имъ смыть этотъ грѣхъ купаньемъ въ крещенской проруби на Іорданѣ. Ситановъ особенно часто убѣждалъ меня:

— Брось все, учись на актера!

И волнуясь, рассказывалъ печальную «Жизнь актера Яковлева».

— Вотъ, что можетъ быть!

Онъ любилъ разсказывать о королевѣ Маріи Стюартъ, называя ее «шелемой», а особенно восхищался «Испанскимъ дворяниномъ».

— Донъ Сезаръ де Базанъ, это, Максимычъ, благороднѣйшій человѣкъ! Удивительный!

Въ немъ самомъ было что-то отъ «Испанскаго дворянина»: однажды, на площади передъ каланчей трое пожарныхъ, забавляясь, били мужика, толпа людей человѣкъ въ сорокъ смотрѣла на избіеніе и похваливала солдатъ. Ситановъ бросился въ драку, хлесткими ударами длинныхъ рукъ посшибалъ пожарныхъ, поднялъ мужика и сунулъ его къ людямъ, крикнувъ:

— Уведите!

А самъ остался, одинъ противъ троихъ; пожарный дворъ былъ въ десяткѣ шаговъ, солдаты могли позвать помощь и Ситанова избили-бы, но на его счастье пожарные, испугавшись, убѣжали во дворъ.

— Собаки, — крикнулъ онъ вслѣдъ имъ.

По воскресеньямъ молодежь ходила на кулачные бои къ Лѣснымъ дворамъ за Петропавловскимъ кладбищемъ, куда собирались драться противъ рабочихъ ассенизаціоннаго обоза и мужиковъ изъ окрестныхъ деревень. Обозъ ставилъ противъ города знаменитаго бойца — мордвина, великана, съ маленькой головой и большими глазами, всегда въ слезахъ. Вытирая слезы, грязнымъ рукавомъ короткаго кафтана, онъ стоялъ впереди своихъ, широко разставя ноги и добродушно вызывалъ:

— Выходите, что-ли, а то — зябко!

Противъ него съ нашей стороны выступалъ Капендюхинъ, и всегда мордвинъ билъ его. Но окровавленный, задыхающійся казакъ говорилъ:

— Живъ быть не хочу, а — одолѣю мордву!

Это, наконецъ, стало цѣлью его жизни, онъ даже отказался пить водку, передъ сномъ вытиралъ тѣло снѣгомъ, ѣлъ много мяса, и развивая мускулы, каждый вечеръ многократно крестился двухъ пудовой гирей. Но и это не помогало ему. Тогда онъ зашилъ въ рукавицы куски свинца и похвастался Ситанову:

— Теперь — конецъ мордвѣ!

Ситановъ строго предупредилъ его:

— Брось, а то я тебя выдамъ передъ боемъ!

Капендюхинъ не повѣрилъ ему, но когда пришли на бой, Ситановъ вдругъ сказалъ мордвину:

— Отступись, Василии Ивановичъ, сначала я съ Капендюхинымъ схвачусь!

Казакъ побагровѣлъ и заоралъ:

— Я съ тобой не буду, уйди!

— Будешь, — сказалъ Ситановъ и пошелъ на него, глядя въ лицо казака пригибающимъ взглядомъ. — Капендюхинъ затоптался на мѣстѣ, сорвалъ рукавицы съ рукъ, сунулъ ихъ за пазуху и быстро ушелъ съ боя.

И наша, и вражья сторона были неприятно удивлены, какой-то почтенный человѣкъ сказалъ Ситанову сердито:

— Это, братецъ мой, вовсе не законъ, чтобы домашнiя дѣла на мiрскомъ бою рѣшать!

На Ситанова лѣзли со всѣхъ сторонъ, ругая его, онъ долго молчалъ, но, наконецъ, сказалъ почтенному человѣку:

— А ежели я убійство отвелъ?

Почтенный человѣкъ сразу догадался и даже снялъ картузь, говоря:

— Тогда съ нашей стороны тебѣ — благодарность!

— Только ты, дядя, не звони!

— Зачѣмъ? Капендюхинъ — рѣдки боецъ, а неудачи злятъ человѣка, мы понимаемъ! А рукавички его теперь смотрѣть станемъ передъ боемъ-то.

— Ваше дѣло!

Когда почтенный человѣкъ отошелъ, наша сторона стала ругать Ситанова:

— Дернуло тебя, оглобля! Побиль-бы казакъ-то, а теперь вотъ мы будемъ битыми ходить...

Ругали долго, привязчиво, съ удовольствiемъ.

Ситановъ вздохнулъ и сказалъ:

— Эхъ, вы, шантрала...

И неожиданно для всѣхъ, вызвалъ мордвина на единоборство — тотъ всталъ въ позицію, весело помахивая кулаками и балагурия:

— Побьемся, погрѣмся...

Нѣсколько человѣкъ, схватившись за руки, опрокинулись спинами на тѣхъ, кто сзади, — образовался широкій, просторный кругъ.

Бойцы, зорко присматриваясь другъ къ другу, переминались, правая рука впередъ, лѣвая — у груди. Опытные

люди тотчас замѣтили, что у Ситанова рука длиннѣе, чѣмъ у мордвина. Стало тихо, похрустывалъ снѣгъ подъ ногами бойцовъ. Кто-то не выдержалъ напряженія, пробормоталъ жалобно и жадно:

— Начинали-бы ужъ...

Ситановъ замахнулся правой рукой, мордвинъ приподнялъ лѣвую для защиты и получилъ прямой ударъ подъ ложечку лѣвой рукою Ситанова, крикнулъ, отступилъ и съ удовольствіемъ сказалъ:

— Молодой, а не дуракъ!

Они начали прыгать другъ на друга, съ размаха бросая въ грудь одинъ другому тяжелые кулаки — черезъ нѣсколько минутъ и свои, и чужіе возбужденно кричали:

— Притче, богомазъ! Расписывай его, чекань!

Мордвинъ былъ много сильнѣе Ситанова, но значительно тяжелѣй его, онъ не могъ бить такъ быстро и получалъ два и три удара за одинъ. Но битое тѣло мордвина, видимо, не очень страдало, онъ все ухалъ, посмѣивался и вдругъ, тяжкимъ ударомъ вверхъ, подмышку — вышибъ правую руку Ситанова изъ плеча.

— Разводи — ничья! — крикнуло сразу нѣсколько голосовъ и, сломавъ кругъ, люди развели бойцовъ.

Мордвинъ добродушно говорилъ:

— Не велико силенъ, а ловокъ, богомазъ! Хорошій боецъ будетъ, это я говорю на весь народъ.

Подростки начали общій бой, а я повелъ Ситанова къ фельдшеру-костоправу; его поступокъ еще больше возвысилъ его въ моихъ глазахъ, увеличилъ симпатію и уваженіе къ нему.

Онъ былъ вообще очень правдивъ, честенъ и считалъ это какъ-бы должностью своей, но размашистый Капендюхинъ ловко подсмѣивался надъ нимъ:

— Эхъ, Женя, на показъ живешь! Начистилъ душу, какъ самоваръ передъ праздникомъ, и хвастаешься — вотъ свѣтло блеститъ! А душа у тебя — мѣдная и очень скучно съ тобой...

Ситановъ спокойно молчалъ, усердно работая или списывая въ тетрадку стихи Лермонтова; на это списываніе онъ тратилъ все свое свободное время, а когда я предложилъ ему:

— Вѣдь у васъ деньги-то есть, вы-бы купили книгу!

Онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, лучше списать своей рукой!

Написавъ страницу красивымъ мелкимъ почеркомъ, съ фигурными росчерками, ожидая когда высохнутъ чернила, онъ тихонько читалъ:

Безъ сожалѣнья, безъ участя
Смотрѣть на землю будешь ты,
Гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья,
Ни долговѣчной красоты...

И говорилъ, зажмуривъ глаза:

— Это — правда! Эхъ, и здорово онъ правду знаетъ!

Меня очень удивляли отношенія Ситанова съ Капендюхинымъ — выпивши, казакъ всегда лѣзь драться къ товарищу, Ситановъ долго уговаривалъ его:

— Отстань! Не лѣзь...

А потомъ начиналъ жестоко бить пьянаго, такъ жестоко, что мастера, относившіеся къ междуособнымъ дракамъ, какъ ко зрѣлищу, ввязывались въ эту драку и разводили друзей.

— Не останови Евгенья во время — до смерти убьетъ, и себя не пожалѣетъ — говорили они.

Трезвый, Капендюхинъ тоже неумоимо издѣвался надъ Ситановымъ, высмѣивая его страсть къ стихамъ и его несчастный романъ, грязно, но безуспѣшно возбуждая ревность. Ситановъ слушалъ издѣвки казака молча, безобидно, а иногда даже самъ смѣялся вмѣстѣ съ Капендюхинымъ.

Спали они рядомъ и по ночамъ долго шепотомъ бесѣдовали о чемъ-то.

Эти бесѣды не давали мнѣ покоя — хотѣлось знать, о чемъ могутъ дружески говорить люди, такъ непохожіе одинъ на другого? Но когда я подходилъ къ нимъ, казакъ ворчалъ:

— Тебѣ чего надо?

А Ситановъ точно не видѣлъ меня.

Но однажды они позвали меня, и казакъ спросилъ:

— Максимычъ, ежели-бы ты былъ богатъ, что-бы сдѣлалъ?

— Книгъ купимъ-бы.

— А еще?

— Не знаю.

— Эхъ, — съ досадою отвернулся отъ меня Капендюхинъ, а Ситановъ спокойно сказалъ:

— Видишь — никто не знаетъ, ни старый, ни малый! Я тебѣ говорю: и богатство само по себѣ — ни къ чему! Все требуетъ какого нибудь приложенія...

Я спросилъ:

— О чемъ вы говорите?

— Спать не охота, вотъ и говоримъ, — отвѣтилъ казакъ.

Позднѣе, прислушавшись къ ихъ бесѣдамъ, я узналъ, что они говорятъ по ночамъ о томъ-же, о чемъ люди любятъ говорить и днемъ: о Богѣ, правдѣ, счастьѣ, о глупости и хитрости женщинъ, о жадности богатыхъ и о томъ, что вся жизнь запутана, непонятна.

Я всегда слушалъ эти разговоры съ жадностью, они меня волновали, мнѣ нравилось, что почти всѣ люди говорятъ одинаково: жизнь — тлоха, надо жить лучше! Но, въ то-же время, я видѣлъ, что желаніе жить лучше ни къ чему не обязываетъ, ничего не измѣняетъ въ жизни мастерской, въ отношеніяхъ мастеровъ другъ къ другу. Всѣ эти рѣчи, осыпая предо мною жизнь, открывали за нею какую-то унылую пустоту, и въ этой пустотѣ, точно соринки въ водѣ пруда при вѣтрѣ, безтолково и раздраженно плаваютъ люди, тѣ самые, которые говорятъ, что такая толкотня бессмысленна и обижаетъ ихъ.

Разсуждая много и охотно, всегда кого-нибудь судили, каялись, хвастались и, возбуждая злыя ссоры изъ-за пустяковъ, крѣпко обижали другъ друга. Пытались догадаться о томъ, что будетъ съ ними послѣ смерти, а у порога мастерской, гдѣ стоялъ ушатъ для помоевъ, прогнила половица, изъ-подъ пола; въ эту сырую, гнилую, мокрую дыру несло холодомъ, запахомъ прокисшей земли, отъ этого мерзли ноги; мы съ Павломъ затыкали эту дыру сѣномъ и тряпками. Часто говорили о томъ, что надо перемѣнить половицу, а дыра становилась все шире, во дни вьюгъ изъ нея садило, какъ изъ трубы, люди простужались, кашляли. Жестяной вертунъ форточки отвратительно визжалъ, его похабно ругали, а когда я его смазалъ масломъ, Жихаревъ, прислушавшись, сказалъ:

— Не визжитъ форточка и — стало скучнѣй!

Приходя изъ бани, ложились въ пыльные и грязныя по-

стели — грязь и скверные запахи вообще никого не возмущали. Было множество дрянных мелочей, которыя мѣшали жить, ихъ можно было легко извести, но никто не дѣлалъ этого.

Часто говорили:

— Никто людей не жалѣеть, ни Богъ, ни сами себя..

Но когда мы, я и Павелъ, вымыли изъѣденнаго грязью и насѣкомьими, умирающаго Давидова, насъ подняли на смѣхъ, снимали съ себя рубахи, предлагая намъ обыскать ихъ, называли баньщиками и вообще издѣвались такъ, какъ будто мы сдѣлали что-то позорное и очень смѣшное.

Съ Рождества вплоть до Великаго поста Давидовъ лежалъ на полатяхъ, запяжко кашляя, плевалъ внизъ шматками пахучей крови, не попадая въ ушатъ съ помоями, кровь шлепалась на полъ; по ночамъ онъ будилъ людей бредовыми криками.

Почти каждый день говорили:

— Надо-бы его въ больницу свезти!

Но сначала у Давидова оказался просроченнымъ паспортъ, потомъ ему стало лучше, а подъ конецъ рѣшили:

— Все равно, скоро умереть!

Онъ и самъ обѣщалъ:

— Я — скоро!

Онъ былъ тихий юмористъ и тоже всегда старался разогнать злую скуку мастерской шуточками, — свѣситъ внизъ темное, костлявое лицо и свистящимъ голосомъ возглашаетъ:

— Народъ, слушай голосъ вознесеннаго на полати...

И складно говорилъ грустную чепуху:

На полатяхъ я живу,
Просытаюсь рано,
И во снѣ, и на яву
Бдятъ меня тараканы...

— Не унываетъ! — восхищалась публика.

Иногда я съ Павломъ забирался къ нему — онъ шутилъ натужно:

— Чѣмъ потчивать, дорогие гости? Паучка свѣженькаго — не желаете?

Умиралъ онъ медленно и это очень надоѣло ему, онъ говорилъ съ искренней досадою:

— Никакъ не могу помереть, просто бѣда!

Его безстрашие передъ смертью очень пугало Павла, онъ будилъ меня по ночамъ и шепталъ:

— Максимычъ, кажись, померъ онъ... Вотъ помретъ ночью, а мы будемъ лежать подъ нимъ, ахъ, Господи! Боюсь я покойниковъ...

Или говорилъ:

— Ну, что жить, зачѣмъ? Двадцать лѣтъ не минуло, а ужъ умираетъ...

Однажды, лунною ночью, онъ разбудилъ меня и глядя испуганно вытаращенными глазами, сказалъ:

— Слушай!

На полатяхъ хрипѣлъ Давидовъ, торопливо и четко говоря:

— Дай-ко сюда, да-ай...

Потомъ началъ икать.

— Умираетъ, ей Богу, вотъ увидишь! — волновался Павелъ.

Я весь день возилъ на себѣ снѣгъ со двора въ поле, очень усталъ, мнѣ хотѣлось спать, но Павелъ просилъ меня:

— Не спи, пожалуйста, Христа ради, не спи!

И, вдругъ, вскочивъ на колѣни, неистово закричалъ:

— Вставайте, Давидовъ померъ!

Кое-кто проснулся, съ постелей поднялось нѣсколько фигуръ, раздались сердитые вопросы.

Капендюхинъ влѣзъ на полати и удивленно сказалъ:

— Въ сам-дѣлѣ умеръ будто... хоша — тепленькій...

Стало тихо. Жихаревъ перекрестился и, кутаясь въ одѣяло, сказалъ:

— Ну, что-жь, царство ему небесное!

Кто-то предложилъ:

— Въ сѣни-бы его вынести...

Капендюхинъ слѣзъ съ полатей, поглядѣвъ въ окно.

— Пускай полежитъ до утра, онъ и живой не мѣшалъ никому...

Павелъ, спрятавъ голову подъ подушку, рыдалъ.

А Ситановъ — не проснулся.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Горькій.

ТАЙГА.

(Продолженіе)*.

ХІ.

Мать Анны, Матрена, — ночь плакала, утромъ съ крестнымъ ходомъ не ходила, а теперь, затаившись, глядитъ изъ окна за рѣчку, туда, гдѣ выбѣгаетъ изъ тайги тропинка, и никакъ не можетъ отгородить себя отъ праздничныхъ звуковъ улицы.

Когда гармошка начинаетъ особенно безшабашно глосить, нахрапомъ врываясь въ душу, а дѣвки пѣтъ веселую, передъ глазами матери вдругъ встаетъ Анна, блѣдная и больная и такъ же вдругъ куда-то исчезаетъ. Тогда мать, надвинувъ на глаза платокъ, идетъ къ кровати, зарывается съ головою въ подушку и, всхлиывая, причитаетъ:

— Былиночка ты моя... Травонька нетоптаная...

А праздникъ идетъ своимъ чередомъ. Въ избахъ душно, жарко. Хозяйки вытаскиваютъ столы на улицу, въ тѣнь, куда-нибудь подъ навѣсъ, либо подъ забѣжавшій изъ тайги кудрявый кряжистый кедръ.

Улица ожила, заговорила, заругалась и запѣла.

Праздничнѣй всѣхъ у Федота: трехъ сортовъ наливка, пиво, пряники, пирогъ.

Освѣжившійся въ студеной рѣчкѣ батя съ удовольствіемъ пьетъ стаканъ за стаканомъ чай съ моченой брусникой: положить деревянной круглой ложкой на чайное блюдце, раздавить доньшкомъ стакана и налить чаю. Когда давить, ягоды хрустятъ и брызжутъ кровью, а батя какъ-то по особому прихрюкиваетъ и говорить:

— Вотъ это я люблю... Кисленькое...

Федотъ въ одной жилеткѣ, красный, потный, животъ до самыхъ колѣнъ. У него черезъ плечо большое холщевое полотенце. Послѣ каждого стакана Федотъ старательно утираетъ взмокшія лицо и шею.

* См. «Лѣтопись», № VII — VIII, за 1916 г.

Хозяйка, молодая и поджарая, сидѣла рядомъ съ бабушкой Офимьей.

А у стола, облокотившись на край, — маленькій солдаткинъ сынъ, Васенька Сбитень. На деревнѣ не знали, кто его отецъ: солдатка, какъ только мужа взяли на войну, стала со всякимъ путаться. Солдата убили на войнѣ, а Васенька родился. И стали его звать «Сбитнемъ».

Васенька стоялъ и дѣтскими просящими глазками слѣдилъ, какъ пьютъ большіе чай. Но его не замѣчали, а такъ хотѣлось чайку, съ молочкомъ, и оладейку. Онъ купалъ сегодня въ озерѣ чью-то бѣлую лошадь. Поглядывая, какъ Ѳедотъ забѣлилъ молокомъ пятый стаканъ чаю, Васенька, вспомнивъ лошадь, сказалъ:

— Ишь... Чай-то бѣ-ѣ-ѣ-лый... Какъ конь.

Всѣ засмѣялись, а батя сказалъ:

— Ну, отроча млада, замазь за столъ... Какъ конь, говоришь? Хо-хо... Пра-а-вильно.

Вблизи громыхнула по деревнѣ пѣсня. Успѣвшія хватить хмѣльного двѣ сосѣдки: Марья Долгая, да Палага, шли въ обнимку, весело спускаясь съ горы и визгливо вывели:

— Эхъ, баба пьяна напилась,
Во солдаты нанялась...
Не берутъ ее въ солдаты,
У ней волосы косматы...

Дѣвки въ яркихъ платьяхъ и кофточкахъ распашенкахъ прошли съ пѣснями въ край деревни.

Тамъ, на берегу есть высокіи взлобокъ съ муравчатой травой. Кругомъ стоятъ сосны, густыя и пахучія, прохладно тамъ, хорошо и далеко видать во всѣ стороны. Рѣчка—какъ на ладони: шумитъ вода, торопясь черезъ гряды камней, желтымъ пескомъ убранны приплески, на песокъ опрокинутыя добленки и берестяныя крошечныя лодочки, сѣтъ общественная на козлахъ виситъ, вдали островъ зеленѣетъ и на немъ бѣлыми цвѣтами — гуси.

Взглянешь за рѣчку: откуда-то издали набѣгають волнами увалы горъ, сплошь затканыхъ кудрявымъ ковромъ тайги.

Кругомъ тайга. Заберись на крышу часовенки, посмотри во всѣ стороны — тайга. Взойди на самую высокую

сопку, что кроваво-краснымъ обрывомъ подступила къ рѣчкѣ — тайга, взвейся птицей въ небо — тайга. И, кажется, нѣтъ ей конца и начала.

Дѣвушки принесли съ собой на полянку съѣстного: сотни три яицъ, съдобныхъ калачиковъ, кедровыхъ орѣховъ лукошко, водки захватили, пельменей, будутъ угощать парней.

Три парня Зуевы ужъ тутъ. Вотъ Тереха гармонистъ идетъ, съ нимъ Мишка Ухорѣзъ и Сенька Козырь, самые главные плясуны и прибасенники.

Карманы у парней оттопырились, горлышки бутылокъ выглядываютъ: сладкая для дѣвокъ наливка.

— Сеня, — кричитъ грудастая Варька своему «дружнику», — иди-ка, ягодка, чо тебѣ дамъ-то, — и достаетъ изъ подъ фартука мятную «заѣдку».

— Эй, Сеня!..

Но Татьяна-змѣя не пускаетъ Сеньку, крѣпко обняла, прижалась къ парню, какъ къ кедру ель:

— Не отдамъ... Мой... — и сладко, взасось, закрывъ глаза, поцѣловала...

А Варька, вспыхнувъ, въ отместку къ кудрявому Парфену льнетъ:

— На-ка, Сенька, выкуси!..

— Эхъ, ты чернявая!.. — гогочетъ, посмѣиваясь Парфень, — видалъ, Сенюха, свою кралю-то? Вотъ она!..

— Ой, затискалъ... Ой, духъ вонь, — нарочно громко верезжала Варька.

— Вали-вали! — зло смѣясь, раскатывался Сенька, — сыпь... таковская она, тварь, съ каждымъ!

Сенька всталъ, отпихнулъ Татьяну, пошептался съ Васькой, съ Фролкой, мигнулъ пьяницѣ мужиченкѣ Парамону, кивнулъ пальцемъ снохачу Гаврилѣ и всѣ пятеро, одинъ за другимъ, какъ волки на волчьей свадьбѣ, потянулись въ лѣсокъ, и тамъ встали кучкой, прячась отъ народа.

— Кому? Варькѣ, што-ли? — гогочутъ, топчутся, похотливо ловятъ Сенькинъ взглядъ.

— Ей, Варькѣ... — сухое длинное лицо Сеньки злобно, ноздри раздуваются, черные глаза косятся на мелькающіе сквозь сучья кумачи бабъ и дѣвокъ.

— Куда? Въ какое мѣсто? — гундятъ крещеные.

— Въ овины. Вотъ стемнѣетъ — уманю.

— У-гу..

— Парней поболѣ надо... Чтобъ помнила... сучка...

— У — гу... — гундятъ крещеные.

Тереху дѣвки окружили:

— Терешенька, заводи плясовую.

У Терехи большущая тальянка на ремнѣ черезъ плечо висить. Взялъ, заигралъ, пустилъ сначала трель на всѣхъ переборахъ сразу. Усики у него маленькіе, черные, какъ у жучка, глаза тоже жучьи, на выкатѣ, и весь онъ маленький, черный, юркий, словно полевой жучекъ.

— Ахъ, мамка по міру ходила.

Мнѣ тальяночку купила!..

вдругъ закричалъ онъ тончайшимъ, почти женскимъ голосомъ.

Гармошка подкурныживала за пѣсней, дѣвки подергивали плечами и начинали пробовать, веселы-ли ноги.

Двѣ прибѣжавшія съ народомъ собаченки все возлѣ толклись, имъ нѣсколько разъ на лапы и хвосты наступали, ничего, а вотъ какъ задудилъ Тереха на гармонии, онѣ отбѣжали прочь, усѣлись мордами къ Терехѣ и, посмотрѣвъ на него не то озорными, не то презрительными глазами, хамнули, подняли носы вверхъ и вразъ завыли, одна толстымъ, другая тонкимъ голосомъ. А Тереха все сильнѣй и сильнѣй растягивалъ тальянку, плясовую началъ. Веселые звуки залили всю поляну, летѣли внизъ и вверхъ по рѣчкѣ, забирались въ тайгу, плыли въ деревню, заставляя подвыпившихъ мужиковъ и бабъ вскакивать изъ-за самоваровъ и пускаться въ плясъ. Дѣвки съ парнями принялись плясать. Сенька съ Мишкой вошли въ кругъ и начали другъ передъ другомъ откалывать.

Сенькѣ Козырю жарко сдѣлалось: онъ размоталъ съ шеи длиннѣйшій, новый, надѣтый для форсу, шарфъ и, удачно поглядѣвъ на выплясывавшаго Мишку Ухорѣза, вдругъ какъ прыгнетъ въ средину круга, какъ взвѣется вверхъ, какъ закрутится налету волчкомъ и такого жару задалъ Мишкѣ, такихъ замысловатыхъ штукъ навывидывалъ своими дробно-переплетавшимися ногами, что Мишку сразу прошибло отъ неудовольствія потомъ.

— Ай да Сенюшка, Сеня соколокъ! — одобрительно покрикивали дѣвки.

— Молодца, Сенька! — поощряли парни.

— Тебѣ, братъ, Мишуха, насупротивъ его не устоять.

— Куды-ы-ы... — подзадоривали. — Кишка тонка...

Мишка Ухорѣзь усиленно пыхтѣлъ, и въ глазахъ его накопилось столько страсти, что всѣ это почувяли и ждали «штуки». Пристукивая каблуками и сбросивъ картузь, онъ выплылъ на середину, сложилъ на груди руки, и все такъ же дробно переступая, обошелъ кругъ, ни на кого не глядя и чему-то про себя улыбаясь.

Потомъ неожиданно перекинулся навзничь, упруго всталъ на руки и, пристукивая въ тактъ согнутыми въ воздухъ ногами, протанцовалъ на рукахъ русскую. Когда онъ, съ налившимся кровью лицомъ, поднялся и, пошатываясь пошелъ вонъ изъ круга, всѣ заорали:

— Ура-а-аа... Ха-ха!.. Побѣдилъ... Мишка побѣдилъ.

— Эхъ, Анки нѣту, — вздохнули дѣвушки.

— Была-бы Анка, она-бъ еще потягалась съ Мишкой-то, — сказали парни.

Варька очень жалѣла Анну. Она сегодня три раза плакала и рѣшила съ горя напиться пьяной.

Ей не хотѣлось веселиться, попытала она свою душу, подурила съ Парфеномъ-кудряшемъ, еще тяжелѣй сдѣлалось, отошла, поглядѣвъ съ тоской на Сеньку Козыря. И теперь стоитъ въ сторонѣ отъ хоровода, ждетъ: не покажется ли какимъ чудомъ по дорогѣ Анна, ея близкая подруга-сверстница.

Но вмѣсто Анны — видитъ: спускается по дорогѣ въ логъ пьяный Обабокъ, тотъ самый, что не впопадъ грянулъ въ полѣ многолѣтне.

Обабокъ былъ въ валенкахъ, онъ бѣжалъ подь гору, наклонившись впередъ, и чѣмъ ниже наклонялся, тѣмъ проворнѣй семенялъ заплетающимися ногами, наконецъ, съ размаху палъ, бороздя по дорогѣ носомъ и вздымая пыль.

Варька засмѣялась и крикнула:

— Обабокъ идетъ!

А молодежь плясала и плясала. Спины у дѣвокъ были мокрыя, у парней рубахи прилипли къ тѣлу, хотъ выжми.

— Батя съ Иваномъ да Федотъ идутъ! — опять крикнула Варька...

Эти трое шли, обнявшись за шеи, батя въ серединѣ, тѣ по бокамъ. Остановятся, помашутъ руками, поцѣлуются и дальше.

Обабокъ подошелъ къ хороводу, всталъ, весь сѣрый,

въ пыли, съ соломой въ бородѣ, руки назадъ держитъ, смотритъ впередъ и ничего не видитъ, ничего не понимаетъ, суется носомъ и не знаетъ, что бы такое сдѣлать, а сдѣлать хочется. Рывкнулъ, ничего не вышло, самъ же испугался, взадъ пятками побѣжалъ.

— Тпру-ка, ну-ка,
Что за шутка!

пробасилъ онъ и опять попятился. Лицо у него очень серьезно и озабочено. Рядомъ пять парней стояло, шестой «женатикъ». Курили и разговаривали. Обабокъ сзади подкрался къ женатику, подставилъ ногу, развернулся и треснулъ его по шеѣ.

— Съ маху подъ рубаху!!.. — и оба вразъ упали. На Обабка всѣ пятеро навалились и принялись тузить:

— Ты чего это, разбойникъ?! А?!

— А вы чего? — пыхтѣлъ, подымаясь съ земли Обабокъ.

— Мы смотримъ...

— Ну, стало быть и я смотрю...

— Ха! Смотрю-у-у... А по шеѣ то пошто?.. Песь рыжий!..

Дѣвки засуетились возлѣ узелковъ: время закусить и выпить.

— Миръ ти, Агафья, — сказалъ подошедшій батюшка, снимая шляпу.

— Здорово, батя! — откликнулись всѣ — Чего къ плясамъ опоздалъ? Будешь?

— Нѣтъ, ребята, развѣ мнѣ возможно?

— Ну, чего тамъ... На вечерахъ вѣдь пляшешь?

— Ну, такъ и быть. Винишка подадите, такъ и быть, трягну.

Обабокъ, красноголовый и встрепанный, сдернулъ картузишко, рѣшительно намѣреваясь подойти подъ благословенье пастыря. Но ноги несли его влѣво, онъ норовилъ круто повернуть къ священнику все туловище, а повернулъ лишь серьезное въ веснушкахъ лицо и, выдѣлывая ногами крендели, прытко побѣжалъ бокомъ-бокомъ къ берегу, все держа подъ пазухой картузишко и не спуская съ бати удивленно выпученныхъ глазъ, добѣжалъ до обрыва и кувырнулся подъ откосъ. Всѣ захохотали, а батюшка подошелъ къ обрыву и, улыбаясь на барахтающагося въ пескѣ

пьянаго мужика, преподаль ему съ высоты благословенье, сказавъ:

— Низринулся еси? Ну, вылазь... Хо-хо...

XII.

Этимъ праздничнымъ вечеромъ бродяги подошли къ Кедровской поскотинѣ. Невдалекѣ отъ нея, въ самомъ лѣсу на полянкѣ стоялъ срубъ. Онъ былъ доведенъ до половины и брошенъ, но и ему бродяги обрадовались: подымался холодный вѣтеръ.

Въ деревню идти вечерней порой они не смѣли: въ этихъ мѣстахъ бродягъ недолюбливали. Вотъ утромъ — другое дѣло: на виду придешь, попросишь, на виду и уйдешь.

Андрей-политикъ подумывалъ, не пойти-ли ему одному въ Кедровку, но, окинувъ еще разъ брезгливымъ взглядомъ свои лохмотья и пощупавъ клочковатую, отпущенную въ тайгѣ бороду, онъ передумалъ. Завтра на зарѣ онъ распрощается съ бродягами и, минуя Кедровку, пойдетъ таежной тропой въ Назимово. А вдругъ Анна въ Кедровкѣ? Нѣтъ, время еще раннее, Анна должна прожить у Бородулина до сѣнокосной поры. Андрей очень утомился большимъ переходомъ: лишь прикурнулъ въ углу на грудѣ щепъ, сразу-же крѣпко заснулъ.

Костеръ ярко горитъ, варево поспѣло быстро, бродяги поѣли съ удовольствіемъ.

Послѣ ужина Антонъ забрался въ самый дальній уголь, положилъ на срубъ согнутую руку, на руку голову, и замеръ. Очень грустно ему стало, такъ, сразу навалилась безпричинная тоска, обвила сердце и гнететь.

Ванька Свистоплясъ смѣшное рассказываетъ.

Тюля смѣется какъ-то по особому: зажмурится сладко, сморщитъ носъ, схватится за бока и, скрививъ толстогубый ротъ на сторону, безголосо захыхкаетъ.

— А чортъ-ли на нихъ смотрѣть, — говоритъ Ванька.— Жилъ я какъ-то на рѣчкѣ, на самомъ малиновомъ мѣстѣ, бабы туда по малину ходили, а бабъ я пуще малины люблю. Баба по малину, я по бабу...

— Хх-хх-хх...

— Да. Лодченка у меня была. У чалдона угналъ. И вотъ, братецъ мой, какая сторія вышла. Сплю, это, я подъ елью,

пообѣдалъ да прилегъ и чую, то-ли на яву, то-ли во сняхъ, — женки перекликаются. Вотъ хорошо, думаю. Гляжу: на той сторонѣ малинникъ шевелится. Ага! Тутъ! Скокъ въ лодку, гребусь тихонько къ берегу, думаю: выско-чу сразу на берегъ, да какъ зареву, напугаю всѣхъ, а одну бабенку прихвачу таки.

— Хх-хх-хх... — хрипѣль Тюля.

— Да. Вотъ ладно. — Ванька воодушевился, привсталъ на колѣни и, представляя все въ лицахъ, зашепталъ, словно боясь испугнуть воображаемыхъ ягодницъ.

— Вотъ ладно. А берегъ то круто-о-ой, да высоченный, не вылѣзъ. И только, батюшка ты мой, я къ мали-и-ннику, ну-ка, думаю, возгаркну, какъ слѣдуетъ быть... кэ-экъ медвѣдица всплыла на дыбы, да ко мнѣ!.. Изъ меня и духъ вонъ. Сэкъ я заблажу дурноматомъ, да въ перевертъ по откосу-то бухъ!!

— Хххххх, — покатывался Тюля.

— Да не угадалъ въ лодку-то, ляпъ въ воду, а глыбоко, съ ручками закрывать, да какъ началъ по саженькѣ отхватывать...

— Хххх... А медвѣдица за тобой?

— За мно-о-о-ой, — вралъ Ванька.

— Хх-ххх... Настигать?!..

— Настига-а-ать! — кричалъ, размахивая руками, поднявшійся во весь ростъ Ванька, и тоже заливался смѣхомъ.

— Ну, что-жь, слопала? — норовилъ подвести Тюля.

— Нѣтъ! — отрубилъ Ванька и глаза его забѣгали: — Ты что, язва, не вѣришь?

— Какъ не вѣрю?! — крикнулъ Тюля. — Я самъ поврать гораздъ!

— Самоходъ, такъ твою такъ! — вскипѣлъ Ванька. — Лапотонъ! Удивительной губерни...

— Ну будя... Брось... — мирно сказалъ Тюля. Онъ лизнулъ мясистымъ краснымъ языкомъ «цыгарку», покрутилъ ее грязными пальцами и почтительно подалъ Ванькѣ:

— На, не серчай!

Ванька убогаторенно улыбнулся.

Тюля досталъ измызанную колоду краденыхъ картъ и, растирая уставшія отъ хохота скулы, началъ сдавать.

— Эй, святы черти! А ну-ка, игранемъ.

Костеръ прогораль. Щепы мало тепла давали, срубъ былъ безъ крыши, становилось холодно.

Ванька ежился и шутливо говорилъ Лѣхману:

— Надо, дѣдушка, трубу закрыть... А то жарь-то выносить...

— А ты бы лучше, брехунъ, дровъ натаскаль.

— Да въ городъ не хотца што дрова-то ѣхать, — не унимался Ванька.

— Вотъ я схожу, ребятушки, погоди, я схожу... — покорно отвѣтилъ Антонъ.

Натаскавъ топлива, онъ ушелъ въ лѣсъ, выбрался къ берегу рѣчки и сѣлъ на пенъ.

Тихо кругомъ было. Въ небѣ стояли лучистыя звѣзды, а на рѣчкѣ закурился туманъ.

Антонъ становится на колѣни и начинаетъ молиться, произнося громко жалобныя слова. Молитва не утѣшаетъ, радостныхъ слезъ нѣтъ. Вспоминаетъ грѣхи свои, вспоминаетъ Любочку, товарищей, брата, всѣхъ враговъ, хочетъ всѣхъ обнять, простить, — но все не такъ выходитъ, не по настоящему, не сердцемъ молится, устами, а самъ о другомъ думаетъ, говоритъ слова, а не можетъ понять, какія: душа другимъ занята, другое видитъ, неясное и расплывчатое. Оно надвигается, какъ изъ-за горъ туча, гнететь.

— Богородица, — шепчетъ, терзаясь, Антонъ и стучаетъ лбомъ въ землю. И долго лежитъ, прислушиваясь, не готова-ль къ слезамъ душа.

Политикъ спить, а тѣ трое играють въ карты. Ванька всѣхъ удалѣй орудуеть. Ему карта валомъ валить. Дѣдъ сердится, Тюля тоже. А Ванька всякій разъ, какъ только дѣдъ опасно клалъ на конъ карту, — широко замахнувшись и крякнувъ, билъ своей.

Тюля игралъ вяло, путалъ масти, валета называлъ: «кляпъ», даму: «кряля».

Ванька острилъ надъ нимъ:

— Эй ты, шестерки-козыри!.. Сдавай.

Ванька цѣлую кучу мѣдяковъ выигралъ, Тюля изъ своихъ лохмотьевъ все вытаскивалъ зашитые пятаки, гривенники и двугривенные, и смотрѣлъ съ тоской, какъ Ванька складываетъ мѣдяки стопочкой, а серебро прячетъ за щеку, въ ротъ.

Лѣхманъ игралъ на долгѣ. Божился, что денегъ нѣтъ, хотя всѣ знали, что у него въ чиркахъ зашито рублей двадцать.

— Портки заложилъ, рубаху въ гору! — крикнулъ весело Ванька, ставя карту.

— Бита! — съ размаху хлестнулъ дѣдъ тузомъ его карту и потянулся къ кучкѣ мѣдяковъ.

— А у меня фаля! — подпрыгнулъ Ванька, показавъ даму пикъ, и загребъ всѣ деньги.

Въ это время выросла надъ срубомъ чья-то голова въ шапкѣ и торчащій стволъ ружья.

— Здорово, — сказала голова.

— Здравствуй, — отвѣтилъ за всѣхъ дѣдъ. — Ты что, пастушокъ, что-ли?

— Да...

— Сколько получаешь?

— Сколько получаю, столько и пропиваю...

— Ххе... Удалой ты парень, — пошутилъ дѣдъ. — Заглазь къ намъ: гостемъ будешь...

Голова дрожащимъ голосомъ спросила:

— А вы, дяденьки, откедова?

— А тебѣ пошто? — освѣдомился Тюля...

— Да такъ, за всяко просто...

Дѣдъ набилъ ноздри табакомъ, чихнулъ и насмѣшливо сказалъ:

— А мы съ Тихоновой горки, гдѣ пень на колоду брешеть...

— Та-а-къ, — протянула, что-то соображая, голова. Антонъ подошелъ. Разговоръ начался за срубомъ.

— Мы, милый, ничего. Вотъ переночуемъ, да завтра къ вамъ придемъ. Въ банькѣ бы помыться надо. Вша одолѣла.

— Та-а-а-къ... — еще разъ протянула голова.

— Мы, миленькій, люди тихіе, мы... —

Голоса удалялись. Наконецъ, замолкли...

Антонъ проводилъ хромого Семку до поскотины и дорогой всячески старался расположить парня къ товарищамъ. Тотъ отмалчивался.

Приперевъ покрѣпче ворота изгороди, Семка заковылялъ домой. Не доходя съ версту до деревни, онъ уже слышалъ, что праздникъ въ разгарѣ. Колыхались отзвуки пѣ-

сонъ, пилила гармошка, кто-то карауль ораль, взлаивали собаки.

Онъ шель предупредить мужиковъ о бродягахъ: хотя Антонъ поглянулъ ему, но старикъ и два парня не понравились.

Подъ кустомъ у дороги Семка услыхаль шопоть и, замедливъ шагъ, притаилъ дыханіе.

— Миленочекъ ты мой, родименькій ты мой...

Чмокъ да чмокъ.

— Это ничего, — думаетъ Семка, и хромаетъ дальше, вздыхая и поторапливаясь.

А въ деревнѣ содомъ.

Обабокъ, связанный, давно взаперти сидитъ. Онъ Тимохъ звонарю глазъ подшибъ, да въ чьей-то избѣ рамы оглоблей высадилъ: «Вотъ какъ у насъ. Съ праздничкомъ!»

Въ дальнемъ концѣ свалка зачинается:

— Васъ надо, окаянныхъ, глушить! — грозно вразъ кричатъ Мишка Ухорѣзъ и Сенька Козырь, надвигаясь на Ѳедота.

— Кого?

— Тебѣ, мироѣду, только подъ ногу попади, раздавишь!

— Ну, и проваливай!

— Даешь, или не даешь?!

— Нѣту, вся... —

— Говори: дашь, нѣтъ?! — взмахнулъ коломъ Козырь. Ѳедотъ ахнулъ, отскочилъ прочь и со всѣхъ ногъ бросился въ проулокъ.

Придурковатый Тимоха сидѣлъ пьяный на завалинкѣ и прикладывалъ къ подбитому глазу старинный сибирскій пятакъ съ соболями. Пришло ему желаніе часы отбить, всталъ, девять прозвонилъ, опять сѣлъ и затянулъ пѣсню.

— Врешь! — говоритъ кто-то черезъ дорогу. — Развѣ девять? Скоро пѣтухи запоютъ!

Тимоха поднялся и еще добавилъ два удара.

— Два... шестой... — шамкаетъ столѣтній, лежа на ячи. — Я бы еще пососалъ... Эй, да-кось... Винца-то... — бормочетъ онъ.

Котъ подходитъ къ дѣду и, задравъ хвостъ трубой, мурлычетъ и трется объ его щеку.

— Шесть! — кричитъ столѣтній; хотѣлъ крикнуть

«брысь», да не вышло, сбрасываетъ кота на полъ и добавляетъ:

— Съ Богомъ, аминь...

Сенька Козырь съ Мишкой задами, черезъ огороды, къ лодкѣ крадутся. Оглядѣлись, нѣтъ никого. Оттолкнулись отъ берега, сидятъ другъ противъ друга, глаза горятъ, зубы стиснуты.

— Ножъ то у тебя острый? — спрашиваетъ Козырь.

— Острый.

Какъ два волка прошмыгнули они въ поскотину, идутъ пошатываясь по росистой травѣ, высматриваютъ пьяными глазами добычу.

— А ну, какъ у другихъ у кого — тоже бѣлыя?

— Ну вотъ, толкуй...

Сенька въ два прыжка осѣдлалъ бѣлую корову и со всего маху всадилъ ей въ горло ножъ.

— Дай-ка мнѣ... Дай-ка...

— Вали стягомъ.

И долго они, гогоча отъ крови, носились возлѣ опушки тайги, перехватывая мирно дремавшихъ бѣлыхъ Федотовыхъ коровъ.

— Попомнитъ, клещъ окаянный, — вытирая о траву ножъ, прохрипѣлъ Сенька Козырь.

— Давай заодно и бычка пришьемъ.

— Ну его къ ляду... Будеть...

XIII.

Подъ окномъ кто-то постучалъ и крикнулъ:

— Эй, Провъ Михалычъ!

Матрена открыла окно:

— Въ Назимово уѣхалъ...

— Ахъ ты, батюшки, — сказала растерянно Семка хромой, а стоявшіе возлѣ него подвыпившіе мужики вразъ заговорили:

— Ну, стало быть, десятскаго надо отыскивать, Обабка.

— Рази мысленное дѣло ихъ такъ оставить...

— Десятскій пьяный...

— Ково! — вдругъ не то спросилъ, не то крикнулъ появившійся откуда-то Обабокъ: одна нога въ валенкѣ, другая разута, рубаха безъ пояса, виситъ на мускулистомъ

гѣлѣ рваными лоскутами, правая рука вся въ крови, лицо осатанѣлое.

— Ково?! — вновь крикнулъ Обабокъ и, посовавшись носомъ, устойчиво укрѣпился на землѣ.

— Вотъ, наряжай-ка мужиковъ: бузуевъ братъ, за поскотиной сидятъ... Семка, сколько ихъ?— заговорили мужики.

— Братъ такъ братъ... Все едино... Айда! — пробасилъ Обабокъ и, заложивъ руки за спину, направился прочь отъ мужиковъ.

— Чего: айда!.. Ты чередомъ наряжай, чо-о-ртъ!.. Оболокись самъ-то... замерзнешь!.. — шумѣли ему вслѣдъ.

— Айда!! — оралъ раскатисто Обабокъ.

— Стой-ка, ужо... Кому идти-то?..

— Айда!!

— Ну его къ яду!.. — недовольно загалдѣли мужики.

А Обабокъ, выломивъ въ изгороди колъ, прытко зашагалъ вдоль по улицѣ, и на всю деревню загремѣлъ:

— Мнѣ только бы жану найти... Стеррррва!! Меня запереть!? Меня!? Ха-ха! Убью!! Вотъ те Христось, убью!..

Мужики отрядили пятерыхъ потрезвѣе, и тѣ, предводимые Семкой, всѣ съ заряженными ружьями, двинулись къ поскотинѣ.

Стояла глухая сѣверная ночь.

* * *

Вторые пѣтухи горланятъ, Матрена все не спитъ, дожидаетъ Прова. Ей неможется: лежитъ на лавкѣ, стонетъ. Видитъ Матрена: открывается сама собой заслонка, кто-то лѣзетъ изъ печки мохнатый, толстый, человекъ не человекъ, чудо какое-то и, сверкая ножомъ, говорить: «Мнѣ бы только сердце у бабы вырѣзать»...

Матрена вскрикнуть хочетъ, но нѣтъ силъ, мохнатый ужъ на ней сидитъ, душитъ за горло: «Гдѣ-ка сердце-то, гдѣ-ка... Бузуямъ отдала? Бузуевъ привела?»

— Бузуевъ привели!

Матрена ахнула, вскочила, крестомъ осѣнила себя и, отдышавшись, приникла къ окну. На лошади мужикъ ѣдетъ и на всю деревню кричитъ:

— Бузуевъ привели!..

На востокъ утренняя заря занималась, пѣсни на горѣ

умолкли, а въ кустахъ на рѣчкѣ просыпались робкіе птичьи голоса.

У сборни тѣмъ временемъ сталъ собираться народъ, обхватывая живымъ, все нарастающимъ кольцомъ, пятерыхъ только что приведенныхъ изъ тайги людей.

Хмѣльные, безсонныя лица праздничныхъ гулякъ были сосредоточены и угрюмы.

Старики и молодухи, ядреные мужики и въ плясахъ отбившая пятки молодежь, то переминаясь въ заднихъ рядахъ съ ноги на ногу, то протискиваясь впередъ, шумѣли и перешептывались, бросали бродягамъ колючія, обидныя слова и хихикали, сочувственно жалѣли и сжимали, рыча, кулаки, готовы были сказать: «Ахъ, вы, несчастненькіе» — и готовы были кинуться на нихъ и втоптать въ землю.

И бродяги это чувствуютъ. Недаромъ такими принужденно-кроткими стали ихъ лица.

Лишь старикъ Лѣхманъ не можетъ побороть обуявшей его злобы: насупясь, сидитъ на бревнѣ и угрюмо на всѣхъ поглядываетъ суровыми глазами.

Да еще Андрей-политикъ самъ не свой. Воспаленные глаза его жадно кого-то въ толпѣ ищутъ. Онъ устало дышитъ полуоткрытымъ ртомъ и, облизывая пересошія губы, невнятно говоритъ:

— Я вамъ никто.... Слышите?.. Я самъ по себѣ...

Но его словъ не понимаютъ.

— Слышите? Гдѣ староста? Гдѣ сотскій?..

— Брось, милый, — совѣтуетъ ему тихимъ голосомъ Антонъ, — ишь, они пьяные какіе... Брось...

Старый Устинъ, усердный Господу, ближе всѣхъ къ бродягамъ. Онъ ласково имъ говорить:

— Вы вотъ что, робенки... тово... Вѣдь мы не съ сердцовъ...

— Какъ же не съ сердцовъ, — злобно сказала Лѣхманъ... — Ты спрости-ка вотъ нашего товарища, — указаль онъ на Антона. — За что мужикъ ему въ ухо даль? Это не резонъ.

— А потому—что вы пакостники, — раздраженно сказала баба въ красномъ.

— Пакостники? — повысилъ голосъ Лѣхманъ. — Чего мы у тебя, тетка, спакостили?.. Ну-ка, скажи?

— Дакъ вы тово. — сказала, размахивая руками,

Устинъ, — вотъ залазьте въ копчегъ, да и спите съ Богомъ, покамѣсть у хресьянъ гулянка, а тамъ выпустимъ. Кешка, отпирай чижовку-то...

И, обернувшись назадъ, посовѣтовалъ:

— А вы, бабы, тово... Принесли бы чо-нибудь пожрать мужикамъ-то... Молочка тамъ, али чо...

— Ну, такъ чо, — отвѣтила баба въ красномъ и ношла.

— Кешка, отпирай копчегъ! — опять скомандовалъ Устинъ. — Робятушки, залазь со Христомъ.

— Врешь, старикъ... Не имѣешь права!.. — выкрикнулъ Андрей, погрозивъ Устину пальцемъ. — Я не бродяга... Поняль?

Вдругъ, откуда ни возьмись, Обабокъ. Онъ, падая ежвось толпу, пьяно заоралъ:

— А ну, бабы, раздвиньсь: мужики полѣзуть!..—и, перелетѣвъ чрезъ сидящаго горшочкомъ мальчонку Митьку, чуть не свалилъ Устина съ ногъ:

— Урра!!

— Ахъ, ты, тетеревъ, — улыбнулся Устинъ, отступая отъ голаго, безъ рубахи, грязнаго Обабка.

А тотъ хрипѣлъ:

— Ёихъ надо бить!!

— Кого это бить-то?

— Всѣ-ѣ-хъ!.. Потому сволочи... Всѣ бабы дрянн!

Смѣшливый низенькій мужикъ, ухмыляясь волосатымъ, красноносымъ лицомъ, подмигнулъ толпѣ на голаго Обабка:

— Ишь, у него, братцы, рубаха-то до чего тонкая. Накрозъ видать... Хи-хи-хи...

— А глаза-те, — не утерпѣлъ и Митька, — быдто въ легти-и-и!

Народъ сталъ разбредаться. Придурковатый звонарь Тимоха поглядѣлъ на алѣющій востокъ, подумалъ, почесалъ бока, сладко зѣвнулъ и пошелъ къ часовенкѣ «ударить время».

Антонъ продолжалъ успокаивать Андрея:

— Ничего, Андреюшка... Завтра утречкомъ... Пусть они продрыхнутся...

Устинъ съ каморщикомъ Кешкой орудовали у чижовки.

— Вы, робенки, идите... Чего вамъ...

Кешка огарокъ изъ сборни принесъ. Тетка въ красномъ — молока двѣ кринки и яицъ съ хлѣбомъ притащила — Дѣ-ѣ-ло, — одобряль Устинъ, заложивъ руки назадъ.

Тимоха изъ усердія три раза въ колоколь ударилъ.

Устинъ взглянулъ на гору, гдѣ часовенка, и опять сказалъ:

— Дѣ-ѣ-ло...

Бродяги, посовѣтовавшись, наконецъ, зашли въ чижовку.

Ванька Свистоплясъ уже кринку молока ополовинилъ, Андрей-политикъ нейдетъ:

— Вы меня отпустите... Я политическій...

— Политическій?! Ха-ха... Ладно... Все такіе политики бывають... Ты намъ дорогой всѣ уши просмонилъ, шкелеть... Ты пошто наутекъ было хотѣлъ? А?! — вразъ сердито заговорила стоявшая съ ружьями стража.

— Я, господа, вамъ серьезно говорю... Пустите...

— Тутъ господовъ нѣтъ, — сказали строго мужики, — а вотъ коли велеть, такъ и тово...

— Мнѣ Анну... — взволнованно упрасиваль Андрей, — дѣвушку Анну...

— У насъ Анновъ хошь отбавляй, — острили мужики...

Старому Устину спать хотѣлось, да и всѣмъ наскучило:

— Кешка, бери его!.. Робята, подсобляй!..

Андрея потащили:

— Стой!..

— Кешка, налегай!..

— Иди, Андрей, чортъ съ ними, — октависто звалъ Лѣхманъ...

— Нѣтъ! — рвался изъ дюжихъ рукъ Андрей — черти такіе, олухи!.. Аннину мать позовите... отца... Старосту...

— Кешка, запирай!..

— Отвѣчать, дубье, будете!.. — ломился Андрей въ захлопнувшуюся за нимъ дверь.

— Крѣпко заперъ? — спросилъ Устинъ.

— Такъ что комаръ носу не подтачаетъ, — весело отвѣтилъ сторожъ Кешка.

— Ну, робенки, расходись! — скомандоваль Устинъ, любившій приказывать толпѣ и помахаль рукой во всѣ стороны.

— Попа-то будить? — ухмыляясь спросил подошедший Тимоха: — Заутрень скоро.

— Пшелъ ты! — незлобиво крикнулъ дѣдушка Устинъ. — Попа-а-а... Зау-утрень... Спать пора! Дураково поле.

Тимоха еще шире улынулся и провелъ подъ носомъ рукой:

— Это я гля смѣху.

XIV.

Матрена лежала на кровати и думала объ Анкѣ, о Провѣ, не «натакался-ли» въ тайгѣ на звѣря. Надо бы заснуть, но сонъ прошелъ, въ комнатѣ бѣло. Встала, занавѣсила окна скатертью и юбкой, опять легла. Слышитъ Матрена: по водѣ кто-то хлюпаетъ. Коровы, что-ль, черезъ бродъ идутъ? Не время-бы.

Думаетъ о томъ, о семъ, но голова устала, нѣтъ ясныхъ мыслей, путаются и текутъ куда-то, какъ по камнямъ рѣка...

Чуетъ: храпъ лошадиный раздается и человѣчій голосъ. Думаетъ — сонъ, опять тотъ сонъ, лохматое чудище изъ нечи выльзетъ.

Стучать.

— Эй, Матрена Ларионовна!

Вскочила, оправила рубаху, черные волосы подобрала, сунулась къ окну.

— Ахъ! — Вздрогнула, похолодѣла: «Знать, Анка кончилась»...

— Отоприка-ка скорѣй, впусти!

Насилу дверь нашла. Безъ памяти бѣжить къ воротамъ.

Вошелъ, коня за собой вѣдетъ...

— Занемогъ я дорогой... Теперь полегчало малость...

— Иванъ Степанъчъ!.. А Провъ, Анка?

Бородулинъ провелъ коня въ стойку:

— Сѣнца-то можно взять? — спрашиваетъ онъ издали.

— Да дочерь-то какова?! — кричитъ, задыхаясь, Матрена.

— У меня деньги украли, вотъ я и прикатилъ... — не слушая ее, говоритъ вяло Бородулинъ.

— А?!

— Деньги, молъ, деньги украли...

У Матрены ноги подкосились, сѣла на приступки.

«Вотъ онъ, лохматый-то... Вотъ когда сердце-то вырѣзать начнетъ».

Пѣтухъ схлопалъ крыльями, зашѣлъ. Тыща пѣтуховъ зашѣло. Изъ глазъ свѣтъ выкатился.

— Ну, пойдѣмъ-ка въ избу. Ты чего это?— —наклоняется къ ней Бородулинъ. — Анка тебѣ кланяется низко... Прова Михалыча встрѣтилъ... Все слава Богу, ничего...

Въ глазахъ Матрены сразу выросъ день. Пѣтухъ снова пропѣлъ, тыща промолчало.

— Кто укралъ-то, деньги-то? — съ усилиемъ, едва при- нудила языкъ.

— Не знаю.

— Охъ, и напугалъ-же ты меня...

Идетъ впереди, высокая и статная, скрипявъ приступки подъ сильными ногами.

«Вся въ мать», — думаетъ Бородулинъ про Анну и подымается по сѣнцамъ.

— Дочка-то какова? — опять спрашиваетъ.

— Все слава тебѣ Господи.

И купецъ, волнуясь и краснѣя, долго говорилъ объ Аннѣ, о себѣ, о новой жизни, сулилъ всего, мудрилъ и перемудривалъ, клялся, просилъ прощенья.

«Не сонъ-ли», — думаетъ Матрена.

— А ты, Богъ съ тобой, не выпивши?

Въ глазахъ ея застылъ радостный испугъ и насто- роженность, дыханіе стало короткимъ и прерывистымъ, а кожа на рукахъ и шеѣ вдругъ покрылась, какъ отъ холода, пупырышками.

— Эхъ, Матрена Ларіоновна... Кабы могъ я, вотъ схва- тилъ-бы булатный ножъ, вырѣзалъ-бы свое ретивое и пока- залъ-бы: смотри!.. Жить не могу безъ Анки... Чуешь?

Купецъ ходилъ, пошатываясь и сбиваясь въ разговорѣ, лицо его то заливалось краской, то блѣднѣло.

— Матренушка, я прилягу... Продрогъ въ тайгѣ, сва- лился безъ памяти, и не помню, когда Провъ уѣхалъ. Вско- чилъ отъ холода, заколѣлъ весь, смотрю: вѣшки на дорогѣ, и вѣточка привязана, вдоль пути смотреть. Сълъ, поѣхалъ, куда вѣточка указала... Да... Не можетъ... Прилягу на кро- вать... Мнѣ поспать бы...

— А ты иди въ амбаръ, я тебѣ двѣ шубы вытащу. А

то... — и она замялась... — Вишь одна я... Кабы Провъ былъ... У насъ живо разговоры поведутъ... Иди, батюшка.

И когда ложился Бородулинъ, и когда лежалъ подъ шубой, все спрашивалъ: нѣтъ-ли кого изъ Назимска здѣсь? Нѣту, а вотъ бродягъ поймали какихъ-то, кто ихъ знаетъ. Сонъ ей разсказалъ: «найдешь деньги, быть», а что «быть» неизвѣстно, — не указаніе-ли это на Анку отъ ангела-хранителя, спросить некого, вотъ развѣ священника? Хе, онъ и молебень не служилъ, Устинъ орудовалъ, а попъ съ дѣвками въ горѣлки на лугу игралъ, чуть съ парнями не подрался изъ-за Таньки, аржерею жаловаться надо, что-жъ это за пастырь. Тьфу!

— Ну, спи, Иванъ Степанычъ... Дакъ ничего дѣвка-то, говоришь, Анка-то? Экая жаба Овдоха-то... Какъ наврала, холера...

— Стерва твоя Овдоха-то и больше никакихъ. Паскуда.

Матрена захлопнула амбаръ, вошла въ избу, сѣла подъ окномъ и пригорюнилась. Хоть красно купецъ размусоливалъ, а сердце ноетъ да и на!

XV.

Съ того часу, какъ случился грѣхъ, Даша не рада жизни: точно кто приволокъ ее къ пропасти и толкаетъ, и нѣтъ силъ сопротивляться. Виномъ, что-ли, утолить боль?

Вечеромъ, на кривыхъ короткихъ ногахъ, вошелъ въ кухню полюбовникъ Феденька. Приказчикъ Илюха радъ — Бородулинъ долго въ Кедровкѣ прогуляется — слямзилъ три бутылки хозяйскаго коньяку, на всѣхъ хватить.

Вчетверомъ въ кухнѣ бражничать стали, но Федосья баба умная, вскорѣ ушла къ Аннѣ: хозяинъ велѣлъ глазъ держать.

Илюхѣ вино сразу же бросилось въ голову: онъ то хоталъ, то слюняво плакалъ, лѣзъ цѣловаться къ Феденькѣ и костилъ сплеча Бородулина, шоба, пристава, наконецъ, охмельвѣ окончательно, кубаремъ слетѣлъ подъ столъ.

Черномазый Феденька чавкаетъ желѣзными челюстями говядину, глаза кошачьи прищурилъ и косится сладострастно на розовыя Дашины губы.

Когда Илюха захрапѣлъ и забредилъ, Феденька поднялся, высунулъ свою стриженую скуластую голову въ со-

сѣдную половину, какъ воръ, пошарилъ тамъ глазами, прислушался и плотно затворилъ дверь.

— Ну? — подошелъ онъ къ Дашѣ. Голосъ ласковый, лицо ласковое, только недоброе въ глазахъ.

— Ну?

Даша вся сжалась, точно предъ ней разъяренный медвѣдь на дыбы поднялся.

— Ничего я не знаю... Головушка моя... — прошептали ея губы, и она не смѣла взглянуть на поселенца.

— Да не кобенься, Дашенька, — сверкнувъ на дверь бѣлками, прошипѣлъ онъ, словно къ сердцу змѣя прильнула: гадко такъ сдѣлалось и страшно.

— Ежели велишь, что жъ... куда дѣнешься... — тихо сказала Дарья и, какъ на горячіе уголья, выплеснула въ ротъ вино: что-то закрубилося внутри, Даша охнула и хотѣла встать.

— Куда? — И все такъ же давя Дашу взглядомъ каторжника, Феденька грузно придавилъ ея плечо рукой.

— Ну, ладно, — какъ во снѣ, сказала Даша, осторожно освобождаясь отъ его грязной, съ желтыми ногтями, руки. — Ну, положимъ, овдовѣть онъ, Бородулинъ-то... Ну, подкачусь къ нему, какъ ящерка... хозяйкой буду, женой.

— Дура, Дашенька, — буркнулъ поселенецъ и опасно заглянулъ подъ столъ на храпѣвшаго Илюху. — Хе, овдовѣть... жди... Вы съ купцомъ отравить ее должны, зобастую-то... только вдвоемъ съ Бородулинымъ... вдво-о-емъ, Дашенька. Поняла? Чтобъ удавкой его ущемить. Поняла? Тогда командуй, вей изъ него веревки.

Глаза его блеснули:

— А ежели... держись, Дашенька... Фиянтить будешь — выдамъ съ головой. Разлюбишь — убью!

Говорилъ онъ страшныя слова съ улыбкой, ласково, словно занятную рассказывалъ сказку.

У Дарьи шире ноздри раздуваются:

— А Анка?

— Анка полоумная, съ ней вѣнца не дадутъ, — шепчетъ Феденька.

— А солдатъ?

— Солдата къ черту. Я ихъ съ Бордулинымъ сразу... изъ-за куста, въ тайгѣ... — стальнымъ, вдругъ измѣнив-

шимся голосомъ сказалъ Феденька и впился взглядомъ въ испугавшіеся Дашины глаза. — На охоту уманю и кончу.

Даша, словно въ страшномъ снѣ, вскрикнула и, отшатнувшись отъ Феденьки, закрылась рукой.

— Ты что?

— Дьяволь ты... мучитель.

— Дашка!! — топнулъ Феденька.

Та вздрогнула, открыла лицо и долгимъ насмѣшливымъ взглядомъ посмотрѣла на Феденьку. Потомъ вдругъ, съ какой-то болью захохотала:

— Эхъ-ма! — оборвала она и потянулась къ вину. Зубы ея стучали о стаканъ, вино лилось по рукѣ, по голубой, съ красными пуговками, кофтѣ, и ужъ хныкать начала, вотъ-вотъ заплачетъ, а хохотъ все еще волной въ груди:

— А хочешь, Феденька?.. — погрозила она игриво пальцемъ, — хочешь, злодѣй, къ уряднику? а? — И, жарко задышавъ, опьянѣвшая Даша придвинулась грудью къ поселенцу.

Феденька улыбнулся и досталъ изъ-за голенища отточенный самодѣльный кинжалъ.

— Куда?! — сдвинувъ брови, желѣзной рукой рванулъ онъ Дашу.

Вся поблѣвъ, она скрестила на груди руки и сказала:

— Ты думаешь, боюсь тебя, Феденька? Боюсь, а? — она, гордо поднявъ голову, стояла, а поселенецъ чуть отклонился отъ нея, чтобъ ловчѣе было взмахнуть кинжаломъ. «А вѣдь убьетъ», мелькнуло въ головѣ у Даши. Но ненависть къ любовнику и хмельной угаръ прогнали страхъ.

Улыбающіеся глаза Феденьки налились кровью, онъ вдругъ скрипнулъ зубами и сталъ быстро крутить надъ своей головой кинжалъ. Даша ахнула, схватилась за столъ и сѣла. Поселенецъ крякнулъ и сильнымъ броскомъ пустилъ кинжалъ черезъ всю кухню въ дверь. Кинжалъ, цокнувъ, на вершокъ врѣзался въ дерево.

— Вотъ какъ я его... въ тайгѣ... — спокойнымъ голосомъ сказалъ поселенецъ и шагнулъ къ двери. — А по тебѣ изнываю... Жару въ тебѣ, чортъ, много, перцу... Шалишь, Дашенька, не вырвешься... — Онъ подсѣлъ къ ней и, какъ бы играя, трясъ ее за плечи. — А ежели тутъ у тебя много... — постучалъ онъ пальцемъ по ея высокому лбу, — бо-огато заживемъ...

— Погубитель ты... Ну, ужь бери, пользуйся.. — Она прижалась къ нему, и закрыла хмельные глаза. Феденька заготовалъ. Она вся дрожала; на бѣломъ лбу выступилъ потъ.

Заскрипѣли ворота, копыта застучали по настилу.

— Кого-то чортъ несетъ, — буркнулъ поселенецъ. — Пойдемъ на рѣчку.

На крыльцѣ послышались грузные шаги. Кто-то шарилъ скобку.

— Здорово-те живете, — густо сказалъ, входя, большой, чуть согнувшійся Провъ и сталъ креститься на передни уголь.

Анна распахнула дверь и, радостная, остановилась на порогѣ.

— Пришелъ?

— Здорово, Анна!

— Батюшка, батюшка! — кинулась къ нему на шею Анна. — Что, пришелъ Андрюша-то? А мамынька-то гдѣ?

Провъ взглянулъ на дочь и сразу все понялъ. Онъ боднулъ головой, въ глазахъ запрыгалъ огонекъ лампы, все кругомъ помутнѣло, и заколыхался полъ.

— Вотъ, поѣдемъ: матушка горькія по тебѣ проливаетъ.. Что-жъ ты, доченька... хвораетъ?

— Нѣтъ, хорошо. Слава Богу, хорошо... — А сама стиснула виски и зажмурилась, какъ отъ яркаго свѣта.

Провъ стоялъ, положивъ руки на плечи Анны, и ужь не могъ разглядѣть ея лица.

— Испить-ба... — Онъ мѣшкомъ опустился на лавку и жадно, не отрываясь, выпилъ ковшъ холодной воды.

Дарья и поселенецъ ушли. Феня увела Прова съ Анной на чистую половину, накормила ихъ, и всѣ стали укладываться спать.

Анна, засыпая, говорила, словно жалуясь:

— Тятенька,.. Ну, какъ же, тятенька?.. Плохо...

— Чего плохо-то?

— А по книжкѣ хорошо. Все хорошо будетъ...

— Ну, а какъ Иванъ-то Степанычъ, какъ онъ съ тобой въ обхожденіи-то?

— А не знаю, сбилась. Не понять.

— Ну, а сколько ты зажила-то? Расчетъ то покончилъ онъ съ тобой, али какъ? Послѣ?

—Тятенька, послѣ. Вотъ высплусь—завтра другая....

Тихо стало. Только изъ кухни долеталъ пьяный Илюхинъ храпъ.

Прову не спалось. Онъ поглядѣлъ на образъ. Огонекъ лампадки колыхался и озарялъ ликъ Христа. Провъ вздохнулъ. Его душа требовала молитвы. Нужно сейчасъ встать и все открыть Господу, совѣтъ благой принять, вымолить покой сердцу. Онъ поднялся, подошелъ къ образу и опустился на колѣни. Огонекъ поклонился ему и затрепыхалъ. Лицо Прова скривилось и сморщилось. И, когда онъ сдѣлалъ земной поклонъ, ужъ не могъ выдержать, всхлипывать сталъ и тихо, чтобъ не подслушали, по женски голосить.

— Рабу твою Анну... звозсйй... Боже нашъ.

И не знаетъ Провъ, какими словами можно разжалобить Бога, отъ этого еще больше ноетъ его душа, и печалится, и тоскуеть.

— Звозсйй... совсѣмъ... гля ради старости... гля утѣшенья....

Послѣ вторыхъ пѣтуховъ пожаловала Даша. Она легла рядомъ съ Фенюшкой и крѣпко ее обняла.

— Стерва ты, Дашка, — сказала Фенюшка, — попадетесь вы съ хахалемъ-то.

— Мо-лч-и, — тянула, засыпая, Даша, — фхать хочу... въ Кедровку. Какъ его, хозяина-то... одного... безъ до-смотру...

— Кати! Все одно шею-то свернешь. Таковская.

— Эхъ, Феня, Феня, — тяжело вздохнула Дарья. — Ничего ты не знаешь. Ничего ты, Феня, не понимаешь.

— Брось, брось ты его, мазурика, посельгу несчастную.

— Погоди, Феня... Скажу слово... Все тебѣ скажу...

— Сучка ты, я вижу.

— Ну, не обида ли?! — Даша, чтобъ не закричать на весь домъ, вцѣпилась зубами въ подушку и застонала.

XVI.

Солнце стояло высоко. Матрена пошла къ завознѣ — храпить купецъ. На рѣчку сбѣгала, не ѣдетъ-ли хозяинъ? Нѣтъ. Пошла вдоль улицы.

У сборни мужики сидятъ. Лица мятыя, глаза красные, заплавышіе. Обабокъ въ кумачной рубахѣ, въ новыхъ продегтяренныхъ чиркахъ, съ фонаремъ подѣ глазомъ, но при бляхѣ.

— Надо обыскать... — говорить онъ мужикамъ, поправляя начищенную кирпичемъ бляху.

— А по моему, выпустить да и все... Народъ, кажись, смиренный, — несмѣло говорить пьяница Яшка съ козлиной бородой.

— Сми-и-ренный!? — наскაკиваютъ на него. — А помнишь?! — И начинаютъ крикливо вспоминать, рассказывать, перебивая другъ друга, поступки бродягъ: мужика въ лѣсу убили, скирду хлѣба подпалили, надъ Романовой дочкой изгалялись трое, недѣлю держали въ тайгѣ, ополоумѣла.

У Яшки въ груди хрипять, онъ кашляетъ, словно собака костью подавилась — и, оперевъ руки въ колѣни отекавшихъ ногъ, жалѣеть:

— Мнѣ што-жь, мнѣ все равно... Хошь вѣкъ держи ихъ... Хошь на цѣпь посади, а только-что... Полегче надо-бы...

— Дыкъ опослѣ завтра выпустимъ... Може еще въ работники наймемъ!..

Мимо нихъ по улицѣ священникъ верхомъ на Федотовомъ конѣ ѣдетъ. За нимъ кривая Овдоха на своей кобыленкѣ тащится.

— Здорово, батя! Къ домамъ?.. — улыбаются съ завалянки мужики...

— Восвояси, отцы, восвояси,.. — хрипять батя, щура на нихъ узкіе свои глаза...

— А молебень-то?..

— Да чего, отцы... Простылъ въ рѣчкѣ... Еле живъ... Не знаю, какъ и доплетусь...

— Грива! — злорадно взвизгиваетъ бабьимъ голосомъ угреватый парень и, быстро присѣвъ, прячется за мужиковъ.

Батя, понукнувъ коня, надбавляетъ ходу. Угреватый парень на разные лады оглушительно высквистываетъ ему въ догонку.

— Вотъ это попъ,.. — хохочутъ мужики, — этотъ поповать могить подходяще-е-е... Ха!..

— Вразумлять ладно... Ха-ха... Не то, что нашъ Устияъ...

— Ку-у-ды-ы..

Подошла Матрена.

— Ну, какъ?! спрашиваютъ мужики, поздоровавшись. — Хозяинъ-то вернулся ли? Анка-то какова, краса-то наша?

— Да, вишь, нѣтъ еще Прова-то... Гость у меня, Бородулинъ.

— Бороду-у-линъ? Ребята, айда съ поздравкой! — радостно вскрикнулъ черный, въ плисовыхъ штанахъ, дядя, по прозвищу Цыганъ.

— Ну, дакъ чо, мо-о-жно, — откликнулись прочіе, а подыматься лѣнь, сидять.

— Куда... Онъ спить, разнемогся: лихоманка, чо-ли... — сказала Матрена и пошла.

— А-ахъ! — крикнулъ Цыганъ и, сооривъ плутоватую рожу, поскребъ подъ картузомъ високъ.

— Надо-бы выпить-то, — сказалъ онъ, сплевывая.

— Ну, дакъ что? И выпей.

— Вся. Всю, значить, кончалъ.

— Купи: у Федота, али у Мошны много.

— Ха-ха! — хохочетъ надъ собою черный, вывернувъ карманы плисовыхъ штановъ: — купи! купило-то притупило. Вишь?

И у всѣхъ такъ, годъ плохой былъ, денегъ нѣтъ, а выпить хочется.

Въ долгъ придется взять, безъ этого не обойтись: можно теленка заколотъ — да Федоту, свинью заколотъ — да Федоту, самоваръ стащить, машину швейную стащить — беретъ. Только баба ругаться станеть, пусть, бабу по уху, — дочка? Дочку за косу. Двухстволку можно въ закладъ пустить. А къ Бородулину съ поздравкой надо обязательно. Подастъ хоть по стакану.

Обабокъ вдругъ басомъ рявкаетъ: — Робяты!..

— Чтобъ-те розорвало! — вздрагиваютъ мечтающіе мужики, смѣшливо отодвигаясь отъ Обабка.

— А може, какъ ежели пошарить, да у нихъ окажется рублевъ пятокъ, а? Какъ вы понимаете?..

— А и вправду, — согласились мужики.

— Айда! — скомандовалъ Обабокъ, и всѣ, не торопясь, пошли къ чижовкѣ.

Каморщикъ Кешка замочкомъ щелкъ:

— Робята, вылазь, начальство требуетъ, десятскій съ соцкимъ.

— Въ чемъ дѣло? — октависто разсыпался Лѣхманъ и появился въ двери.

— А такъ что желаемъ обыскъ произвести, — подошелъ къ нему Обабокъ: — ривольвертовъ нѣтъ-ли, али-бы чего... и все такое...

— Я те произведу! — сказалъ грозно Лѣхманъ.

Мужики опѣшили.

А тотъ, высовываясь изъ двери и держась рукой за косякъ, говорилъ:

— Отпустите насъ въ тайгу. Мы шли стороной, васъ не трогали, никакого худа вамъ не сдѣлали. За что насъ взяли?

— А очень просто!.. — кричалъ, не зная, что сказать, Обабокъ.

Лѣхманъ вышелъ, огромный и сутулый, перекрестился на часовню и направился къ тайгѣ.

— Стой, куда! — вразъ вскричали мужики.

— За нуждой, — отвѣтилъ тотъ не оборачиваясь.

— Кешка, Сенька, бери топоръ, айда за нимъ! — командовалъ Обабокъ.

— У меня ножъ, что бритва, — набѣгу, — отвѣчаетъ Сенька Козырь, за нимъ Мишка съ коломъ, нагоняютъ дѣда.

Къ сборнѣ, какъ и вчера, опять народъ сталъ подходить.

Солнце къ полудню не подобралось еще, а нѣкоторые уже успѣли клюнуть, другіе хмѣльны вчерашнимъ. На душѣ тоскливо, нехватка въ праздникъ, надо драку всей деревней завести.

Больше всѣхъ хотѣлось этого Обабку: забурлило что-то въ душѣ, какъ въ боченкѣ брага, вотъ идетъ, идетъ — подступаетъ къ сердцу, нашептываетъ въ уши, мутитъ башку.

— Эй, вы, шпана! — рычитъ онъ, — выходи на обыскъ... Ты! козья смерть!

Антонъ знаетъ, что ему кричать, и ужасается: не было догадки перепрятать деньги.

— Ванюшка, голубчикъ,.. — шепчетъ посинѣвшими губами, — иди-ка ты передомъ-то.. Охъ, ты, Господи...

А Обабокъ ужъ въ чижовкѣ, за нимъ народъ, заслонили дверь, стало тамъ темно, внутрь вошли, чижовка большая.

— Робята, шаръ, — распоряжается Обабокъ.

Принялись обыскивать Свистопляса: шапку вывернули, штаны прощупали, изъ рваныхъ чирковъ всю солому вытрясли, выпалъ оттуда «клапъ виной», мѣшокъ перерыли, нашли рубль двадцать, отобрали.

Ванька ухмыляется, деньги спрятаны хорошо, самъ лѣшій не отыщетъ, и сыплеть мужикамъ прибасенки. Тѣ посмѣиваются, съ любопытствомъ наблюдая, какъ два парня и Обабокъ выбрасываютъ изъ его мѣшка всякую рвань.

— Эхъ ты, искало-мученикъ, — весело подмигнулъ онъ Обабку, — Что, все? Болѣ не нашли?

— Все! — бурчитъ Обабокъ и взмахиваетъ надъ Ванькой кулакомъ.

— Стой, чертило этакій! — увертывается Ванька — А это что? Все? — и въ рукѣ его блеснулъ полтинникъ.

— Видишь? Ну-ка, понюхай, чѣмъ пахнетъ? — вскочивъ на ноги, суетъ въ самый носъ попятившагося Обабка.

— Гляди, ребя: фють! — подбросилъ полтинникъ вверхъ, и тотъ безслѣдно исчезъ.

— Ха! — хакнула толпа.

— А теперича, смотри! — вскричалъ Ванька, незамѣтно покосившись на копошившагося въ темномъ углу Антона. — Разъ — первой, два — другой, а серебруха-то у рыжаго начальника подъ бородой! — онъ дернулъ за бороду Обабка и досталъ полтину.

Всѣ захохотали, а Обабокъ, широко осклабясь и почесывая за ухомъ, милостиво приказалъ:

— Ослобонить!..

— Вотъ спасибо, ваше благородіе, — хихикнулъ въ кулакъ обрадованный Ванька.

Обабокъ гордо оглядѣлъ подбитымъ глазомъ толпу и поправилъ на груди бляху: — Шаръ другого!

Стали обыскивать Тюлю.

Народъ стоялъ въ чижовкѣ очень довольный тѣмъ, что видитъ, ни у кого не было въ сердцѣ злобы, всѣ смотрѣли на Ванькинъ фокусъ съ любопытствомъ и чувствовали себя празднично, какъ у ярмарочнаго веселаго балагана. Задние, скаля зубы, напирали на переднихъ, а тѣ, пыхтя, кричали: «сдай назадъ, чего прешь!», и ретиво осаживали. Дѣвки и бабы, затесавшіяся въ середку, вызывающе повизгивали и ойкали.

Тимохъ звонарю больше всѣхъ фокусъ понравился.

Чтобъ покороче познакомиться съ Ванькой Свистоплясомъ, онъ сълъ возлѣ него на корточки, хлопнулъ дружески по плечу и, осклабясь, сказалъ:

— Дай-ка, паря, покурить.

— Курила-бы у тебя вошь въ головѣ! — шутливо отвѣтилъ Ванька, незамѣтно подталкивая къ Антону свой, уже подвергшійся обыску, мѣшокъ.

— Говорокъ, язви его! — смѣялись мужики.

— Говорокъ, — съѣлъ у твоей бабы творогъ!

— Ха-ха-ха!.. вотъ и возьми его за полтора съ полтиной...

Антонъ понялъ Ванькину подсобу: трясущимися руками всунулъ что-то въ мѣшокъ и, крадучись, толкнулъ его обратно.

— Ахъ, сво-о-о-лочъ! — вдругъ покрылъ всѣ голоса Обабокъ.

Толпа замолкла и посунулась въ тотъ уголъ.

— Это у тебя откуда лисица, а?

— Я самъ убилъ, вишь — ружье у меня, — робко отвѣтилъ, сидящій на полу, Тюля.

— Самъ?! И это самъ?! — Обабокъ выкинулъ новыя возжи и со всей силы двинулъ сапогомъ Тюлѣ въ бокъ.

Тюля взвылъ и, обомлѣвъ, поползъ къ стѣнѣ.

Толпа замерла. Похолодѣлъ Антонъ.

— Выть?! Ты еще выть, жаба?! — оралъ Обабокъ, подскакивая къ Тюлѣ.

— Ой, дяденька... Не бей!.. — въ ужасѣ закрылся тотъ рукой.

Обабокъ, прикрякнувъ, двинулъ Тюлю по темени кулакомъ.

— Негодяй!..—вдругъ вскочилъ въ своемъ углу Андрей и шагнулъ къ Обабку. — Какъ ты смѣешь, негодяй?! — Какъ ты смѣешь?! — онъ былъ страшенъ и дикимъ выраженіемъ лица, и вмигъ взвившимся рѣзкимъ голосомъ.

— А-а-а, — протянулъ подбоченившись и чуть попятившись Обабокъ. — Ишь ты! А ежели я тебѣ въ ухо порсну?!.. — пальцы правой его руки заиграли. — А ежели я тебя... — и онъ, стиснувъ зубы, сжалъ кулакъ.

— Ты кто? Ты десятскій?! — еще смѣлѣй наступая на Обабка, кричалъ Андрей. — Десятскій?!

— Пшелъ, погань!.. Не замай!!!

Ванька Свистоплясъ, врѣзавшись между ними, испуганно молилъ:

— Андрей... Андрей... Уймись, пожалуйста...—и, растопыривъ руки, легонько отодвигалъ политика къ стѣнѣ. Но тотъ, силясь отстранить Ваньку, грозилъ пальцемъ Обабку, выкрикивая задыхающимся голосомъ:

— Сейчасъ-же выпусти меня!..

Ванька, ловко давъ политику «подножку», посадилъ его на полъ: — Плюнь, не вяжись!..

Обабокъ кашлянулъ, поутюжилъ бороду и повернулся къ Андрею задомъ.

— Шаръ этого... Холеру-то... — кивнулъ онъ головой на притихшаго Антона.

Андрей-политикъ мѣшкомъ сидѣлъ на полу, растерянно хватался за голову, споря и ругаясь съ Ванькой.

— А я чо-то зна-а-ю... — протянула, склонивъ на бокъ голову, бѣлобрысенькая дѣвочка Акулька.

— Старикъ пришелъ, пустите старика, — слышалось съ улицы.

— А я чо-то зна-а-ю, дяденька Обабокъ, — опять пропищала Акулька, — онъ эвотъ куда схоронилъ... Вотъ подохнуть. Грамотку какую-то...

— Ково? — переспросилъ Обабокъ и вмѣстѣ съ Акулькой нагнулись къ мѣшку Ваньки Свистопляса.

Антонъ, привставъ на колѣни, открылъ ротъ и впился глазами въ руки Обабка, торопливо развязывавшія мѣшокъ.

— Вѣдь искалъ... брось!.. — несмѣло сказалъ Ванька.

— Удди! — гаркнулъ Обабокъ.

Въ чижовкѣ было жарко и душно, пахло потомъ, виннымъ перегаромъ, лукомъ и махоркой.

— А! — вотъ оно, что? Робята, деньги!.. — Обабокъ трясъ надъ толпой пачкой бумажекъ.

— Деньги!! Ура... Деньги!..

— А онъ твой?! — раздался съ улицы голосъ Лѣхмана— Пустика меня... Ну, сторонись, что-ли!.. —

Передніе сразу посунулись.

— Милый... — на колѣняхъ просилъ Обабка Антонъ... — Ради Христа...

— Разступись!! — гремѣлъ Лѣхманъ... — Это что, грабить?!..

— Ради Христа... Ради Господа...

Лѣхманъ схватилъ Обабка за горло и грохнулъ его на полъ. Всѣ растерялись. Задніе повыскакали на улицу. Ванька въ суматохѣ быстро вырвалъ деньги изъ рукъ Обабка, но Цыганъ ударилъ Ваньку по затылку, выхватилъ у него пачку и, поднявъ руку вверхъ, сильнымъ плечомъ проложилъ себѣ дорогу на улицу:

— Эво они!.. Вяжи, ребята, бузевъ... Выходи на улку... Эво они!..

Андрея-политика охватила дрожь.

Лѣхманъ, прислонившись спиной къ стѣнѣ, тяжело пыхтѣлъ. Въ его рукѣ сверкалъ клинокъ ножа.

— Изувѣчу! Убую!.. — хриплымъ, уставшимъ въ схваткѣ голосомъ рокоталъ онъ: — Мнѣ каторга не страшна... Только тронь хошь одного, всѣмъ вѣчную память загну!!

— Мы васъ, варнаковъ, нешто шевелили?! — кричалъ Обабокъ.—Ты мнѣ, старый чортъ, полбороды выдралъ!..

— Пользешь — башку оторву, да въ бѣльма брошу!

— Милые мои, — хныкалъ Антонъ, — я вамъ въ ножки поклонюсь.

— Отдай, чалдонъ, деньги! — сказалъ грозно Лѣхманъ. — Добромъ отдай...

— Обабокъ, выходи! — кричали съ улицы.

— Кешка, запирай! — скомандовалъ Обабокъ, и всѣ, пятясь къ двери и со страхомъ слѣдя за сверкающимъ ножомъ дѣда, высыпали на улицу.

— Еще мы тебя спросимъ, ворина, гдѣ деньги взять? — пригрозилъ, отдуваясь, Обабокъ...

— Всю жизнь, отцы, работалъ... Всю жизнь... Какъ передъ Истиннымъ...

— Работалъ?! Знаемъ мы эту работу-то.

— Господомъ прошу: отдай... Въ Россію, къ своимъ иду, помирать иду... Въ земельку свою лечь... — стоналъ Антонъ и, поднявшись съ полу, со скрещенными на груди руками, немѣло подходилъ къ стоявшему за порогомъ на улицѣ Обабку.

— Прощу... умоляю... — глаза Антона были полны слезъ, и тряслась хохолкомъ борода.

— Кешка, залаживай! —

Когда захлопнулась дверь, Антонъ сталъ, что есть силы, бить кулаками и колѣнками въ запертую дверь:

— Отдай!! Отдай!! — вопиль онъ изступленно. — Деньги отдай!.. Мои кровныя отдай!..

Но голоса, шума и пересмѣиваясь, удалялись.

— Такъ твою такъ!.. вотъ это — встрѣтили: — вздыхалъ Ванька, щупая затылокъ.

Лицо Антона вдругъ помертвѣло:

— Ребятюшки... Смерть... — Антонъ съ размаха сѣлъ, словно ему перешибли ноги, свѣсилъ на грудь голову и распластался на полу.

— Воды давай! Тащи къ окошку! — суетился Лѣрманъ.

Андрей-политикъ, оставивъ въ рѣшетчатое окно голову, пронзительно кричалъ:

— Эй, эй... Отопри!.. У насъ человѣкъ помираеть!.. Э-эй!

Но кругомъ было тихо. Лишь вдали наигрывала гармошка и выводили пѣсню два мужскихъ голоса: на лугу у рѣчки собиралась молодежь.

XVII.

Дѣдушка Устинъ, сгорбившись, пѣтухомъ наскокивалъ на мужиковъ, сидѣвшихъ на завалинкѣ:

— Ограбили и квиты?! Ахъ вы, непутевые.

— Иди-ка, дѣдка, иди! Вотъ тебѣ на церкву двѣ красныхъ... И проваливай!..—сказалъ Обабокъ. Онъ вытащилъ изъ кармана горсть денегъ и отсчиталъ трешками, выбирая самыя старенькія, двадцать одинъ рубль.

— А достальныя возворотите, прѣхъ... По правдѣ надо.

— Ну, ладно, возворотимъ... Проходи!

Устинъ строго посмотрѣлъ на мужиковъ и пошелъ къ часовнѣ, устало переставляя согнувшіяся въ колѣняхъ, одеревенѣвшія свои старыя ноги.

А мужики раздѣлили по пятеркѣ на домъ, остальные рѣшили въ пропой пустить: гуляй во всю, на недѣлю хватить!

Дѣвченокъ Акулька тѣмъ временемъ приближала къ избѣ старосты Прова и, запыхавшись, крикнула:

— Тетьнышка Матрена, а у бродягъ-то деньги...

— Вре... Много?

— У-у-у, папуша... Вотъ подохнуть... Мужики за виномъ побѣгли...

— Вре?..

— Вотъ подохнуть...

И припустилась рысью сказать мамкѣ, чтобъ пятерку у тятеньки отняла: пропеть.

Бородулинъ чайничаль у Матрены. Не дослушалъ Акулькину рѣчь, вскочилъ, табуретку опрокинулъ, сорвалъ съ гвоздя картузь, да на улицу:

— Это мои, обязательно мои...

А въ ушахъ его шумъ гулялъ, болѣзнь изъ головы выходила, и въ этомъ шумѣ ему грезилось: «деньги найдешь—быть...»

И, не спрашивая встрѣчныхъ, — сами ноги несли,—спѣшилъ къ той завѣтной, пьяной завалинѣ, гдѣ ходила уже чарка зелена-вина.

— Ребята, у меня деньги пропали!

Точно бичемъ хватилъ: чарка остановилась, Обабокъ сразу присѣлъ на луговину, всѣ затихли и, разинувъ рты, смотрѣли на Бородулина.

— Какія, Иванъ Степанычъ, деньги, когда?—притворчиво спросилъ Цыганъ.

Бородулинъ все подробно рассказалъ: какъ съ топоромъ бѣжалъ по улицѣ за жуликомъ, какъ въ волость ѣздилъ, и про видѣніе сонное въ тайгѣ: денегъ не жаль ему, лишь бы вора изобличить, только бы найти разгадку сну.

Мужики смотрятъ на него, дивятся: заикается Бородулинъ, руками машетъ, не въ себѣ.

— Вы у кого, ребята, деньги-то отобрали?

Молчать, чешутся, сознаваться не выгодно.

— У бузуевъ, у бродягъ,—наконецъ, отвѣтилъ за всю завалинку Цыганъ.

— Это мои... Обязательно мои... Три сотни. Пойдемъ-ка.

И опять:

— Кешка, отворяй!

— Робенки, выходи!

Лѣхманъ высунулъ изъ двери голову и кивнулъ своимъ:

— Кажется, старшина, товарищи, пришелъ. Ну-ка...

Одинъ за другимъ вышли четверо. Ограбленный Антонъ оправился и весь вдругъ наполнился надеждой: глаза сразу Бородулина разыскали, улыбнулись ему и запросили пощады и милости.

— Который?—всѣхъ четверыхъ взялъ взглядомъ Бородулинъ.

— Вотъ, — сказалъ Обабокъ, указавъ ногой на Антона.

Тотъ поклонился низко Бородулину и заговорилъ:

— Мои, господинъ старшина, у меня отобрали... кровныя мои.

— Не онъ, — перебилъ его Бородулинъ, — этого наздогналъ бы.

— Отпустите насъ, сдѣлайте милость, мы своей дорогой шли... — загудѣлъ и Лѣхманъ.

Андрей изъ чижовки вышелъ.

Что-то ударило купца по сердцу, кто-то въ уши крикнулъ: онъ!

— Это кто?!

Лѣхманъ, оглянувшись, куда показывалъ Бородулинъ, сказалъ:

— Это Андрей, политикъ тутъ одинъ, недавно въ тайгъ къ намъ присталъ.

Зашатался Бородулинъ, зашурился: такъ ярко вспыхнулъ въ глазахъ огонь, все сказавши, на мгновенье туманомъ все покрылось и вдругъ:

— Онъ!!!

— Бородулинъ, Иванъ Степанычъ! — радостный голосъ раздался, и Андрей шагнулъ къ Бородулину.

— Иванъ Степанычъ!

— Онъ! Ребята, бей!!!

Бородулинъ крикнулъ, привскочилъ: трахъ! мимо, увернулся: трахъ! — кто-то на рукѣ повисъ.

— Бей!.. — Кто это? Ножъ, ножъ, ножъ, лови, держи рѣжь!

А въ гору во весь духъ летитъ онъ, врагъ, онъ, окаянный, живой, оборотень, онъ!

— Держи-и-и-и!!

А сзади мужики съ кольями, съ ножами, съ кулаками:

— Держи! Держи!!..

Тропинка въ тайгу стегнула. Андрея не видать, прытко бѣжитъ, смерть по пятамъ несется:

— На пересѣкъ, на пересѣкъ ему!!..

— Держи-и-и-и!!..

Сучья трещать, гамъ, ругань: ломится тайгой деревня, осатаибли мужики. Бородулинъ впереди, легче пуху, себя не чувствуетъ:

— Обутки сбросилъ, стервецъ... За мной!!..

— Айда!..

— Жилетку сбросил!

Тропинка на луговой пригорокъ взметнулась, хорошо видать: нѣтъ врага, скрылся..

— Ребята! Сюда!.. Энь, шапка!..

И слышитъ притаившійся въ чащу Андрей, какъ тяжело пыхтя, бѣгутъ мимо него, незримаго, незримые люди: обманулъ ихъ, бросилъ шапку впередъ, по тропинкѣ, а самъ въ чащу, замеръ.

Кончилась лихая вереница, три мальченка въ хвостѣ бѣжали.

Андрей, пригибаясь къ землѣ, бросился наискосокъ къ рѣчкѣ и, еле переправившись вбродъ, палъ въ кусты, потерявъ сознание.

А у чижовки оставшіеся мужики вихремъ налетѣли на бродягъ:

— Бей! Прработай!! — сшибли ихъ съ ногъ, и началась расправа.

Все въ клубокъ смѣшалось. Ревомъ и стонами задрожалъ воздухъ: лаяли собаки, визжали и плакали женщины, надрывались, яро хрипя, хмѣльные мужики. Бродягъ били кулаками, били палками, топтали огромными подкованными сапожицами, гдѣ-то кирпичъ нашли, — били кирпичемъ.

Вдругъ:

— Стой! Что вы, окаянные!.. Стой!

Лысый, съ грознымъ огнемъ въ глазахъ, Устинъ сошелся возлѣ кучи извивавшихся тѣлъ и взмахивалъ руками:

— Стой! Остановись!..

Не сразу очнулись: руки ходу просятъ, осатанѣлые глаза кровью налились, на кулакахъ вбросили бродягъ въ чижовку, съ руганью захлопнули дверь и, надсадисто дыша, буйно повалили, въ тайгу, на подмогу погони за Андреемъ.

А старый Устинъ въ большущихъ своихъ сапогахъ, все такъ же подгибая ноги, торопливо вслѣдъ мужикамъ кинулся и, не переставая, звалъ:

— Воротись, лиходѣи!.. Прокляну!.. Стой!..

Въ свалкѣ Лѣхманъ кудряваго парня ножомъ пырнулъ. Парень лежалъ у чижовки внизъ лицомъ и стоналъ, а на него лили ключевую воду. Плакала надъ нимъ въ го-

лось мать, ахали и ругались оставшіеся возлѣ мужики, а пьяный отецъ, по прозвищу Крысань, лѣзъ драться къ ключарю Кешкѣ и дикимъ голосомъ ревѣлъ на всю деревню, взмахивая огромнымъ топоромъ:

— Отопри, тебѣ говорятъ!.. Всѣхъ одинъ кончу... Всѣхъ!!..

Былъ полдень.

XVIII.

Въ это время тайгой ѣхали трое: Анна, Провъ, Даша. Эта насильно увязалась, упросила Прова Михайлыча: праздникъ, погулять охота.

Отецъ съ дочерью впереди, Даша далеко отстала: конь уросить, а Даша отвыкла отъ сѣдла, боится.

У Прова душа играетъ, онъ глядитъ въ спину дочери, на статную, крѣпкую, съ обнаженными бѣлыми икрами фигуру, радуется: дочь говоритъ правильно, про все вывѣды знаетъ, все узнать хочетъ, болѣзни не видать.

Дарья, какъ вѣхала въ тайгу, вздохнула отрадно полной грудью

Она давно не бывала въ тайгѣ: забыла ея ласковый говоръ, смолистый запахъ ея. А когда-то, лѣтъ пять тому, въ дѣвичью чистую золотую пору... Эхъ, матушка-тайга!..

Чувствуетъ Даша: творится что-то въ душѣ, какія-то мысли, какія-то слова на языкѣ вертятся... сердцу тяжело.

Тихо ѣдетъ Даша, вся въ себя ушла, осматриваетъ пугливо свою солдаткину жизнь.

Какъ познакомилась съ купцомъ, да связалась съ Феденькой, жизнь пьяной сдѣлалась, соромной: то съ Бородулинымъ гуляетъ, то съ уголовнымъ, на-двое себя рубить. И пока пьяная, пока бушуетъ кровь, — все нипочемъ, а вотъ ляжетъ Дарья спать, — весело ляжетъ, весело уснетъ, — но сны видить страшные: по ночамъ стонетъ, кричить, сама себя пробуждаетъ. Перевернетъ мокрую отъ сонныхъ слезъ подушку, закинетъ руки за голову и задумается. Хочетъ мысль направить на новый путь, не можетъ, душа не принимаетъ, очернилась, другихъ думъ требуетъ: пьяныхъ и разгульныхъ, какъ ея, Дарья, гуляющая жизнь.

— «Эхъ, все равно», — махнетъ, бывало, рукой и дастъ дорогу пагубнымъ, своевольнымъ своимъ мыслямъ. А, до-

сыта надумавшись, вновь заснетъ веселымъ, улыбчивымъ сномъ. На утро, глядь: сердце тоской зашлось.

И вотъ ужъ Дарьѣ невтерпежъ: Феденька ножомъ грозитъ, передъ народомъ стыдно, на Божій свѣтъ глаза не подымаются, а впереди страхъ: придетъ домой мужъ-солдатъ, — расплата коротка.

Дарья ищетъ забвенія, до безчувствія пьетъ, часто посматриваетъ въ сѣновалѣ на перекладину, веревку въ мысляхъ примѣряетъ, но во-время рубить мысль, сама себѣ приказываетъ: Нѣтъ! И, прижавшись щекой къ стѣнѣ, — реветъ въ голосъ.

— Эй, Дарья! — крикнулъ Провъ.

Даша очнулась, оглядѣла тайгу и стегнула лошадь. Лицо ея разрумянилось, печальные глаза въ слезахъ.

— Богородица... Ангели... — шепчетъ Даша, прижимая ладонь къ груди.

— Не отставай! — вновь крикнулъ Провъ. Сливаясь своимъ сѣрымъ зипуномъ со стволами деревьевъ, онъ ѣхалъ впереди, за нимъ, въ бѣломъ — Анна. Даша взглянула ей въ спину и открывшимся сердцемъ вдругъ, неожиданно потянулась къ ней, какъ дымъ къ небу. Слово кровное, самое родное учуяла она въ Аннѣ.

— За что-жъ я ее? Ангели... — скорбно укорила себя Даша.

И стало ей жаль Анну, въ первый разъ пожалѣла, съ собой сравнила, вспомнила, какъ отравой собиралась опохмелить: — и еще жалче стало Анну, тихую и неповинную.

Вся въ порывѣ, — хлестнувъ лошадь, нагоняетъ Анну.

Хочетъ упасть предъ нею на колѣни, многое хочетъ ей сказать, но кто-то отстраняетъ ее отъ Анны.

— Анна!—позвала Даша.— Ан ушка... Дяденька Провъ!

Молчатъ, не откликаются. Тайга молчитъ. Жутко стало.

И мысли иныя поднялись: про Феденьку вспомнила, не хотѣла о немъ, нѣтъ, всталъ, душегубъ, голосъ воровской подалъ, не допустилъ къ Аннѣ. Ну, какъ тутъ? Уходи, уходи пожалуйста... Стинь!

— А правда-ли, дяденька?! — выкрикиваетъ Даша.

Провъ хмуро повернулъ лицо.

— Разжуй ты мнѣ... У тебя, видать, голова съ мозгамъ...

— Въ чемъ дѣло?

— Вотъ скажемъ овца... шелудивая, — начинается Даша

и полось ея дрожить, — а за овцой волкъ ходитъ, ласковый такой, ласковый: къ землѣ на лапки припадаетъ, хвостомъ крутитъ, а въ глазицахъ ярь. Бить не бьетъ и отпустить не отпускаетъ. Слопаетъ? А?

— Безпримѣнно... Натѣшится и... Энъ моего жеребушку.

— А ежели убѣжать? Зарѣжетъ?

— Ты это къ чему? — оглядѣль онъ съ ногъ до головы солдатку.

Даша смутилась и опустила голову.

Провъ остановилъ лошадь:

— Ну-ка, передохнемъ не то...

Стали чай варить. Анна живо насбирала сушняку, веселая ходитъ, свѣтлая, костерь разложила, на отца смотритъ ласково. А Даша пригорюнилась, губы кусаетъ, опять жизнь свою издадека осматриваетъ, отъ начала дней, какъ стала себя помнить.

Провъ за дочкой ухаживаетъ: то хлѣбъ ей пододвинетъ, то комаровъ черемуховымъ вѣвникомъ смахнетъ съ ея лица:

— Ты у меня разумница... Помощница моя, утѣха...

Обо всемъ его спрашиваетъ Анна: о матушкѣ, о дѣдушкѣ Устинѣ, о буренкѣ. Отецъ отвѣчаетъ, шутитъ съ ней, прибаутками говоритъ.

Анна улыбается, а отецъ пуще радъ. И вдругъ, неожиданно, кидается Анна отцу на шею:

— Охъ, родимый ты мой... Во всемъ тебѣ откроюсь... все скажу...Одного только мнѣ...

— Н-и-ичего, доченька, — утѣшаетъ Провъ и косится на ея животъ.

— Батю-юшка...

Только лишь на лошадей сѣли: попъ ѣдетъ по тропинкѣ, за нимъ, попыхивая трубкой, прудастая Овдоха.

— Здорово, Провъ Михалычъ...

— Ахъ! Батя... — крикнулъ Провъ, — а мы только что почайпили...

— Эка штука... Не зналъ... Мы тоже недалече вотъ съ кумой-то, съ Авдотьей Терентьевной, тово... Чайкомъ, значить, побаловались... Хе-хе.

Овдоха вспыхнула и, одернувъ красный сарафанъ, испуганно уставилась кривымъ глазомъ на попа.

— Ну, какъ тамъ у насъ, въ Кедровкѣ? Молебень-то служилъ?

— Слу-у-жилъ... — улыбнулся батя. Овдоха выхватила изо рта трубку, хихикнула въ горсть и, покрутивъ носомъ, насмѣшливо кашлянула.

— Ну, прощай, батя, — сказалъ Провъ, тронувъ коня и, обернувшись, крикнулъ: — А Бородулинъ у насъ?

— Не видалъ, — прокричалъ батя, — слушай-ка, дядя Провъ! А у тебя водченки нѣту?

Но Провъ уже скакалъ, нагоняя дочь и Дашу.

И вновь ѣдутъ трое таежной тропой, сумрачной и тихой.

Вечерѣло. Замыкалась тайга, заволакивалась со всѣхъ сторонъ зеленымъ колдовствомъ.

У Анны дрожить душа, отъ вѣтерка невѣрнаго колыхается, невидимое чувствуетъ, видимое обращаетъ въ сказку.

И ужъ замелькали межъ стволовъ лѣсовые шиликуны, тѣни кой-гдѣ ходили и прятались, огоньки вспыхивали и гасли, шорохъ плылъ, и посвистывалъ въ болотѣ лѣшій.

Провъ ничего не видитъ, ничего не слышитъ, шапку надвинулъ на брови, молчить.

Дарья вся въ себѣ: ставни наружу закрыты, псы сторожевые спущены. Нѣтъ Дарьи, солдатки оголтѣлой, веселой Даши, говорухи и пѣсенницы, здѣсь только голубиная женская душа.

Сумракъ наплываетъ, прохладный и сырой. Ночь близится.

— Ну, теперича, дѣвахи, недалече! — кричитъ Провъ и провѣряетъ взглядомъ знакомыя мѣста.

Собака Лыска ужъ не забѣгаетъ въ гости къ каждому кусту и пенъшкку, прямо бѣжитъ передъ лошадыю, языкъ на плечо — устала.

Что-то бѣлѣетъ впереди, разступилась тайга, тропинка на долину вышла: бѣлый туманъ по рѣчкѣ лѣниво стелется, въ деревнѣ огни.

Анна увидѣла родныя мѣста, — перекрестилась, глазъ оторвать не можетъ отъ мелькающихъ знакомыхъ огоньковъ:

— Матушка!.. — кричитъ она. — Эй, матушка! встрѣчай!!..

Къ броду спускаются, — нѣтъ матушки, въ деревню вѣхали, — нѣтъ матушки, и не видать на улицѣ народу.

Только въ томъ концѣ, гдѣ домъ Прова Михайлыча, — что-то не спокойно.

— Ой, худо у насъ! — не то подумалось Прову, не то Анна проговорила.

Упало у мужика сердце.

Подъѣзжаютъ. У открытыхъ воротъ толпа.

Увидали, гвалтъ подняли:

— Ну, съ гостьей тебя, Провъ Михальчъ... Да еще съ гостемъ... Иди-ка, братъ, въ избу, гляди!.. Отъ-то шту-у-ка!..

Забылъ себя Провъ, страхъ вломился въ душу, боится и во дворъ вступить...

Матрена вышла, подбѣжала къ Аннѣ, цѣлуетъ, плачетъ, и сквозь слезы и ласковыя слова кричитъ Прову:

— Бородулинъ-то... Охъ, свѣты мои...

Но ужъ Провъ въ избѣ, изба народомъ полна, душно, но тихо и торжественно.

На лавкѣ съ закрытыми глазами Бородулинъ.

И въ двадцатый разъ говоритъ Матрена:

— И какъ приближалъ это, онъ, батюшка, съ бою-то... глаза выкатились, трясется: — «Ой, что-то, говорить, Матренушка, духъ заняло»... Прислонился къ забору, да какъ рухнетъ!.. Только и жиль...

XIX.

У полумертвыхъ, изувѣченныхъ бродягъ, валявшихся на полу каморки, трещали въ ушахъ бубенцы и барабаны, предъ глазами кувыркались и мяукали какія-то черныя хари, все горѣло внутри и не хватало воздуха: словно ихъ закружили въ дикой пляскѣ черти и, не давъ отдышаться, бросили въ вонючій провалъ.

Антонъ, опираясь на колѣни и локти, припалъ къ грязному полу, словно воду изъ ручья собрался пить. Онъ тяжело охалъ и стоналъ.

Ванька Свистоплясъ, размазывая по скуластому лицу кровь, все норовилъ приставить и удержать оторванное свое, висящее «на липочкѣ» ухо. Онъ, весь съезжившись, сидѣлъ горшкомъ подъ единственнымъ оконцемъ и скоргоготалъ зубами, пытаясь облегчить боль.

Тюля лежалъ рядомъ съ Ванькой, закинувъ руки за голлову, и молча смотрѣлъ въ потолокъ подбитыми глазами.

Бродяги нутромъ чуютъ: — быть грозѣ, — дѣло

однимъ политикомъ не кончится, доидеть чередъ и до нихъ.

Надо бы бѣжать, но гдѣ схоронишься? Догонять, разорвать въ землю втопчуть, осиноый колъ вобьютъ. Куда бѣжать? Въ тайгу? Но у нихъ все отобрали, ружьишко и то отняли. Выскочить, да караульнаго зарѣзать? Краснаго пѣтуха пустить? Но крѣпокъ запоръ, а маленькое оконце желѣзной рѣшеткой оковано. Нѣтъ, не уйдешь: суставы повывернуты, ребра сломаны... Думай, не думай: крышка...

По своимъ угламъ товарищи забились, молчатъ.

Только Лѣхманъ, растянувшись на полу огромнымъ тѣломъ, тяжело сопить, хватаясь за отбитую кирпичемъ грудь, и злобно ругаетъ всѣхъ съ плеча: и Свистопляса, и широколицаго, съ затекшимъ глазомъ, Тюлю, и Антона. Тѣмъ и такъ тошно, душа изныла, а онъ безъ передыху поливаетъ и ихъ, и свою мать, что на свѣтъ породила: и тайгу, и жизнь проклятую, и смерть, что не идетъ за нимъ.

— Мы тутъ непричемъ, — стонетъ Тюля...

— Неприче-о-омъ?! — гремитъ Лѣхманъ и сердито плюетъ въ воздухъ.

Самъ знаетъ, что непричемъ: судьба сюда свильнула, подъ обухъ поставила, но развѣ судьбу проймешь, развѣ ей влѣпишь затрещину? А кулаки зудятъ... ухъ, зудятъ!

Лѣхманъ, хрипя и ругаясь, вскочилъ по молодому, лицо дикое, схватилъ за ножку желѣзную печь и, размахнувшись, грохнулъ ею въ стѣну.

— Товарищъ!.. Что ты? — взмолилъ Антонъ.

Лѣхманъ зубами скрипитъ.

— Замолчь, свято-о-оша!! — къ Антону медвѣдемъ бросился, сутулый, страшный, лохматый. Антонъ смиренно на полу лежитъ, большими глазами, жалѣючи, смотритъ на Лѣхмана.

Вразъ остановился Лѣхманъ, словно съ разбѣгу въ стѣну, голова его затряслась, заходила борода:

— Робя-а-тушки...

Онъ схватился за лысый черепъ, и отрывисто застоналъ, словно залаялъ, потомъ сразу присѣлъ и поползъ на четверенькахъ въ свой уголь, а борода по полу волочится, заплеваный полъ мететь, дрянная, сѣдая.

— Товарищи, милые... — глухо стонетъ Лѣхманъ и валится внизъ лицомъ.

Антонъ ужь возлѣ Лѣхмана, спину его сухую гладить:
— Ахъ, дѣдушка ты мой, родной ты мой...

Ванька съ Тюлей, стуча зубами, косятся то на Лѣхмана, то на дверь, за которой гудитъ народъ. И ужь не могутъ понять ни отдѣльныхъ рѣзкихъ выкриковъ, ни ругани, что влетаютъ съ улицы въ рѣшетчатое окно вмѣстѣ съ красной полосой солнечнаго заката.

— Тюля, — шепчетъ Ванька. — Чу... кричатъ...

А народъ пуце загудѣлъ и вдругъ осѣкъся: вразъ смолкли звуки, отхлынули прочь, тихо стало.

— Ково?! — гнусаво и удивленно кричить у двери на улицѣ каморщикъ. — Бородулинъ?! Вотъ это та-а-къ...

И слышно, какъ онъ выколачиваетъ о каблукъ свою трубку и самъ съ собой громко разсуждаетъ.

Солнце садится, послѣднимъ лучомъ съ бродягами прощаясь: ему всѣ равны, всѣ дѣти кровныя. Антону въ глаза ударило ласково, Антонъ щурится, въ окошко заглядываетъ, вздыхая, провожаетъ солнце: можетъ, завтра не увидитъ его.

Лѣхманъ уснулъ, стонетъ во снѣ и охаетъ.

— Антонъ, — говоритъ Ванька, — а ты хочешь ѣсть?

— Нѣтъ, милый... — до ѣды-ли тутъ... Вотъ испить-бы...

Тихо въ каталажкѣ, сумерки сгущаются. Гдѣ-то корова мычитъ, ребенокъ заплакалъ, собака тявкаетъ.

— Я бы попросилъ воды, да боюсь, — говоритъ, Ванька.

— Чего-жъ бояться-то?..

Ванька усиленно сопить и помолчавъ, отвѣчаетъ:

— А какъ убьютъ?..

Скоро въ каморкѣ совсѣмъ темно сдѣлалось и тихо. Уснули, что-ли, всѣ, или такъ примолкли.

Кто-то на конѣ ѣдетъ.

— Матушка, встрѣчай, — женскій доносится голосъ.

И опять все замерло. Лишь каморщикъ мурлычетъ пѣсно и кашляетъ, да бредитъ Лѣхманъ. Антонъ въ углу лежитъ свернувшись.

А у окна Ванька съ Тюлей. Шепчутся, то одинъ — то другой, громко скажутъ слова два и опять шепоткомъ.

— Антонъ, — тихо позвалъ Ванька.

Отвѣта нѣтъ.

— Дѣдушка!..

Молчить и Лѣхманъ.

— Спать, — сказалъ Тюля.

Ванька Свистоплясъ почесался во тѣмѣ, поворочался и дрожащимъ голосомъ тихо заговорилъ:

— Охъ, товарищъ... Не приведи Богъ, ежели мужики въ ярь войдутъ...

— Да-а-а — тянетъ Тюля.

— Аминь, тогда наше дѣло... Эна, какъ мы, рестораны, въ острогѣ четверыхъ надзирателей кончили, всей аравой-то... Вотъ такъ-же вечеромъ, темъ. Ужъ больно они мытарили насъ, прямо звѣрье... Ну, мы, значить, и сговорились... Пришли это они съ провѣркой, мы на нихъ... Тѣ, какъ зайцы, запищали... Знаешь, зайца, когда собака сбрѣтъ, онъ долженъ, какъ дите, заплакать... Въ ногахъ валяются, пощады молятъ... Куда тутъ... Трoихъ-то сразу кончили, головы о стѣну разбили. А четвертому, а четвертому-то, Тюля... Мы его... Мы ему...

Тюля долго сопѣлъ, потомъ раздраженно сказалъ, ткнувъ въ бокъ Ваньку:

— Не хнычь... Чо-ортъ... Слюнтя-а-ай...

Ванька оправился и приподнялся:

— Мы его, Тюля, свалили, да арканомъ ноги у ляпустей связали, а другой-то конецъ черезъ спину перекинули да за горло, да и начали въ дугу гнуть, пятки къ затылку подтягивать. Сначала дурью ревъѣлъ, какъ чушка подъ ножомъ, потомъ визжать сталъ. А мы, черти, ржемъ, любо... человекъ хрипять, а мы пуще налегаемъ, грудью-то на полъ его поставили, быдто колесо какое... Тотъ хрипѣлъ, хрипѣлъ—наовсе уснулъ. Ноги-то крѣпче оказались, а горло-то, Тюля, не вынесло, хрящъ лопнулъ... Какъ захрусти-и-тъ... Мы прочь... Ухъ, ты!..

— Ну-тя къ лѣшему, — сказалъ Тюля и сплюнулъ.

И долго лежать оба молча, хлопая во тѣмѣ глазами.

Робость овладѣла Ванькиной душой, внутри все горитъ и холодѣтъ. А думы на прожитую дорогу увлекаютъ Ваньку, по тайнымъ тропамъ тащатъ, на провалы, на звѣринья, черныя указываютъ дѣла. Онъ-ли это дѣлалъ?.. Да, онъ, молодой парень—Ванька Свистоплясъ:

— «Я человекъ темный, я непричемъ», — оправдывается въ мысляхъ Ванька. — «Я сирота... Мнѣ батька чугуннымъ пестикомъ башку пропибъ... Мой батька мамыньку зарѣзалъ, а самъ задавился»... Но совѣсть молчать не хо-

четь, глушить Ваньку его-же дѣлами, его-же мыслями; видитъ Ванька убитую, въ красномъ платьѣ, бабу, видитъ молодую, растерзанную дѣвушку и чувствуетъ: хрустятъ подъ арканомъ хрящи надзирательевой глотки.

«Я... Я... Мой грѣхъ»...

— Ты, чортова голова, о чемъ это думаешь? — строго спрашиваетъ Тюля, — опять?!

— Я ни о чемъ... Мнѣ бы вотъ... Этово... Какъ его... табачку...

Слышать оба: стоитъ кто-то у окна, дышетъ:

— Эй, есть кто живой?

Поднялся Ванька. Двѣ бутылки съ молокомъ просунулись сквозь рѣшетку, калачъ пшеничный, картошка, лукъ.

— Примите-ка, несчастненькіе... — сказала женщина и пошла прочь, заохавъ и запричитавъ.

А Ванька прильнулъ къ рѣшеткѣ и, придерживая оторванное ухо, ей въ догонку посылаетъ:

— Прости, насъ, баушка, грѣшныхъ... То-ли баушка, то-ли тетушка...

Жадно вдыхалъ Ванька ядерный воздухъ наплывающей ночи и ловилъ каждый звукъ, каждый шорохъ. Но было тихо вблизи, лишь гдѣ-то далеко мерещились еле внятные людскіе голоса.

Тюля чавкалъ хлѣбъ и запивалъ свѣжимъ молокомъ.

— Огонька бы, — сказалъ, опускаясь на полъ, Ванька.

— А у тебя сѣрянки есть? — вдругъ спросилъ все время молчаливый Антонъ, — у меня свѣчечка есть, огарочекъ... послѣдній...

Ванька обрадовался его тихому голосу.

Зажгли огарокъ и укрѣпили у стѣны, на воткнутой щепкѣ.

Заколыхался тусклый огонекъ, задрожала тьма.

— Вотъ такъ и жисть наша... вродѣ какъ огарокъ, — раздумчиво сказалъ Ванька, — догоритъ и аминь тому...

— Ну, ты! поф-ф-халь... — огрызнулся Тюля.

Ванька, весь всключенный и измазанный кровью, сидѣлъ, обхвативъ колѣни, на полу противъ Антона, и смотрѣлъ на него тусклымъ, не мигающимъ взглядомъ.

— Шелъ бы въ уголокъ: ты страшный, — сказалъ ему Антонъ, — а я помолюсь, у меня духъ чего-то запираетъ, истоптали меня всего...

Ванька отползъ послушно въ уголь и оттуда сказалъ:
— Вотъ ты бы поучилъ меня, какъ молиться-то... Надо-
бы... А то я все матеркомъ, да матеркомъ...

Антонъ вынулъ изъ мѣшка завернутый въ тряпку мѣд-
ный образокъ и поставилъ возлѣ себя на полъ.

Вдругъ Лѣхманъ такъ пронзительно и тонко взвизгнулъ
во снѣ, что всѣхъ перепугалъ, всѣ вразъ крикнули:

— Дѣдка, дѣдка!?

Тотъ, быстро приподнялся, потеръ глаза, поводитъ
хмурыми бровями и изумленно оглядѣлся кругомъ.

— Ты чего это?

— Такъ... Ничего... — октависто сказалъ и легъ.

— Помоги... Настави... Укрѣпи, — громко и вырази-
тельно шепчетъ Антонъ и, распластавшись на полу у иконы,
лежитъ, трясясь всѣмъ тѣломъ.

Огонекъ колышется, играетъ. Антонъ за всѣхъ молится.
На душѣ у бродягъ потеплѣло.

XX.

Вся деревня обрадовалась Аннѣ.

Только и слышалось:

— Аннушка... Краля наша... Умница...

И мужики, и бабы, и старые старики, и ребята. Про мо-
лодежь и говорить нечего.

Варька черноглазая первая прибѣжала. Танька пришла.
Сенька Козырь съ Мишкой Ухорѣзомъ пришли, Тереха
гармонистъ пришелъ.

Варька Анну къ себѣ ночевать увела: здѣсь страшно.

Молодежь всей гурьбой провожала Анну. Лишь вышли
на улицу, Тереха по всѣмъ переборамъ саданулъ, дѣвки
подхватили проголосную, заунывную:

«Ужъ и гдѣ ты, воронъ, побывалъ,
Гдѣ, черной, сполетывалъ»...

Анну подъ руки вели подружки. Варька за талию обняла
ласково. Всѣ веселы хорошимъ весельемъ, тихимъ.

Сумрачно было. Звѣзды мерцали съ сѣраго неба. Лица
Анны не видать. Анна въ бѣломъ. Анна низко наклонила
голову, и какъ-то незамѣтно, сами собой, покатались изъ
глазъ ея слезы. А сердце такой свѣтлой радостью вдругъ пе-

реполнилось, что Анна не выдержала, къ подругамъ на шею бросилась, парней обнимать начала:

— Дѣвушки... Молодчики...

Парни смутились, встревожились, самыя ласковыя слова въ отвѣтъ подбирали и пофыркивали носами.

И ни одинъ изъ нихъ, и никто въ деревнѣ, даже взглядомъ не оскорбили приближающагося Аннинаго материнства.

— Мы за тебя, Аннушка, горой!.. Только бровью поведи...

Дальше пошли. Черный жучекъ Тереха не сразу въ гармонь ударилъ: руки тряслись отъ волненія, сердце шумно билось: эхъ, зачѣмъ онъ такимъ сморчкомъ, замухрыгой уродился!

До Варькиной избы Анну довели, а сами на горку повалили разводить ночные плясы.

Поздній вечеръ. Сторожъ съ колотушкою нач. дозоръ.

У Прова полна изба народу, мужиковъ меньше стало, все бабы, старухи, ребятенки. Бородулинъ на лавкѣ лежитъ, Провъ «шевелить» его не велѣлъ, завтра съ понатыми нодымутъ, въ Назимово потащатъ, на родную землю. Бородулинъ весь бѣлыми холстами да темнымъ рядомъ прикрытъ: старухи натащили, за упокой души жертва:

— Прими... — шептали сокрушенно и искренно и клали земной поклонъ.

Лучина въ свѣтцѣ теплилась, пламя дрожало, и дрожали по бѣлымъ, известкой мазанымъ, стѣнамъ большія тѣни.

Какъ пчелы, жужжали женщины, про покойника вспоминая: вотъ какой здоровый, а Богъ прибралъ, жить-бы, да жить, всего вволю, — богачество, почетливость, — а вотъ поди-жъ ты, смерть-то не спрашиваетъ...

— Раздайсь, дай пройти! — сказалъ, протискиваясь съ книгой въ рукѣ, Устинъ, усердный Господу.

Всѣ зашевелились, плуце завздыхали и нетерпѣливо закашляли: Устинъ очень хорошо читаетъ по покойникамъ, ужъ таково-ли заунывно, таково-ли жалостиво.

— Салты-ы-рь, — дѣловито протянулъ мальченка Митька, указывая кулачкомъ на книгу.

Дѣдушка Устинъ, — лицо тревожное, — поклонился въ ноги покойнику, народу поклонился, поставилъ на столъ опрокинутую кадущку, на кадущку псалтирь положилъ, носъ очками осѣдлалъ, откашлялся и, часто закрестившись, началъ. Онъ ни аза въ глаза не зналъ, въ книгу глядѣль зря, но это ему очень льстило: пусть будетъ онъ, во всей деревнѣ онъ, единый, грамотный, и хоть частенько подумывалъ Устинъ о своей гордынѣ, но искушеніе всегда брало верхъ. Вотъ и теперь: зорко смотритъ въ книгу, тягучимъ голосомъ читаетъ, — гдѣ запнется, пониже къ книгѣ склонить голову, — свѣчкой тычетъ: двѣ свѣчи горятъ, одна на кадущкѣ, другая у Устина въ лѣвой рукѣ.

Старухи крестятся, охаютъ и вздыхаютъ.

Съ улицы къ открытому окну сторожъ прилипъ, снялъ шапку. Постоялъ, постоялъ, прочь пошелъ, и вдругъ ударилъ въ колотушку такъ громко, что задремавшій было Митька вздрогнулъ.

— Салтырь, — опять сказалъ Митька и сѣлъ на полъ.

А Устинъ, какъ шмель, бубнить безъ передыху разное:

— Утулима Богомать... Святы отцы Абросимы, Сорокъ мучельниковъ... Помилуй насъ... — потомъ передернетъ плечами, стряхивая дрему, и умильно возгласитъ:

— Со святыми успокой, Господи, новопредставленнаго раба Ивана... Жиль еси, жилъ, въ землю отыдеси... Утулима Божжа Мать...

Разбредаются бабы помаленьку. Митьку домой повели. У него одна штанина засучена, другая по полу волочится, Митька третъ кулачкомъ сонные глаза и, семеня ногами, бормочетъ:

— А онъ будетъ кадить?.. Устинъ-то?..

Свѣчки таютъ, роняя восковыя слезы.

Устинъ утомился: лысая голова, какъ росой, кроется потомъ, голосъ просить отдыха, гнется чрезмѣрно спина. Часъ поздній.

Даша неожиданной смертью Бородулина была потрясена. Что-то закачалось въ душѣ ея, охнуло и порвалось.

Она, пріѣхавъ, лишь скользомъ взглянула на покойника, потомъ забилась къ печкѣ за занавѣску и, вся дрожа, приникла къ Матренѣ.

Та принялась про все выпытывать, вывѣдывать. Обняли другъ дружку, зашептались.

Старушенки поближе къ занавѣскѣ незамѣтно подвигаться стали, насторожили жадно слухъ, опасно поглядывая на покойника.

Дарья все пересказала Матренѣ: и про Андрея-политика, и про Бородулина, и про Анкино горе: «дѣвка брюхатая, дѣвка не въ себѣ». И на жизнь свою жаловалась, и на мужа-солдата: съ какой-то «фрей» въ городѣ снюхался, ее, Дарью, на грѣхъ толкнулъ...

— Нѣтъ болѣзни, печаль, воздуханя — тянетъ дѣдушка Устинь.

Дарья встала.

— Прощай-ко-ся, тетьнька... — надвинула на глаза черную шаль и по стѣнкѣ вышла на улицу.

Она пришла въ незапертую Варькину избу. Анна спитъ крѣпкимъ сномъ, Варька на гулянкѣ, отецъ ея гдѣ-то съ утра куралеситъ, пьяная мать подъ столомъ храпитъ.

Испила Дарья воды, взглянула въ зеркало, изумилась: чужое лицо на нее смотритъ, блѣдное, глаза чужіе, унылые. И не хочется Дарьѣ вѣрить, что это она въ зеркалѣ, она Даша ягода, Даша — солдатка разудалая, говорунья и пѣсенница.

Садится Дарья у стола, подпираетъ рукой голову.

Тихо въ избѣ. Лампа чуть свѣтитъ, выгораетъ.

Дарья вся во власти думъ, собой распорядиться не можетъ: надо спать идти, — къ мѣсту приросла.

И вьются мысли возлѣ Бородулина, не мертвеца, надъ которымъ гудитъ Устинь, а возлѣ живого, сильнаго, бородатаго. И ужъ отъ живого Бородулина, отъ поселенца-вора Феденьки направляются мысли къ мертвецу, ея вихлястой дорогой идутъ, крученой и невѣрной. И зачѣмъ сюда клонять мысли? Бородулинъ живъ... Кто сказалъ, что померъ? Живъ! Когда придетъ въ себя, Дарья во всемъ ему покается: и какъ Анну хотѣла извести, и какъ съ Феденькой деньги воровала. Она проклянетъ ворищу Феденьку, въ городъ уѣдетъ, служить будетъ у барыни, мужа разыщетъ — приметъ, священнику хорошему на духу откроется, къ главному архерею говѣтъ пойдетъ. Живъ Бородулинъ, живъ.

Вспыхнула вдругъ Даша, взвилась: кто-то по щекѣ хватилъ. Метнула взглядомъ: никто не прикасался. Это она сама

себя опросила: «Неужто умерь?» — вся кровь въ виски ударила. Даша похолодѣла.

«Къ добру, али къ худу?» — опять тайно спросила себя и почувствовала, какъ черное беретъ въ ней верхъ.

Но, чтобъ не видѣть, не слышать, прихлопнуть черное, Даша, вся дрожа, шепчетъ: «Умерь... Пошто-жъ ты умерь-то, Иванъ Степанычъ?». И стало ей жаль Бородулина. По настоящему жаль, до нестерпимой боли. «Иванъ Степанычъ, Иванъ Степанычъ»... — стонетъ она. Но черное выше подымается, не даетъ покоя, душитъ Дарью.

Это Феденькинъ охальный взоръ буравить сердце, это Феденька, подбоченившись лихо, стоитъ и хохочетъ, это онъ, чужой, пришелецъ, оголѣлый, сатана! Его рожа въ окно смотреть, онъ деньги купеческія укралъ, онъ подучилъ Дашу, не словами подучилъ, глазами воровскими приказалъ. И ужъ шипитъ подлець: «Ты убійца, ты!»... «Ррешь», — хочеть крикнуть Дарья, но не можетъ: цѣлая ватага стоитъ передъ ней оборванцевъ, бродягъ, бузубъ, незнаемыхъ: стоятъ не твердо, топчутся, безликіе, безголовые, сѣрые, и въ голосъ орутъ: «ты убійца, ты... И Бородулина убила, и насъ убьешь... Тварь, подлая»... Крѣпко зажмурилась Дарья, — но и такъ темно, лампа догорѣла, — крѣпко виски ладонями стиснула, встала, топнула: «прочь!» и сама себѣ сдѣлала приговоръ: «да, я убійца... я, подлая... я, тварь».

И какъ призналась себѣ, утвердила въ сердцѣ признаніе, — точно нагишемъ передъ народомъ встала: «потаскуха... тварь»... Охъ, если бъ ножъ! Лезвиемъ его нанесла бы Дарья радость сердцу.

Мечется Дарья, ломая въ потемкахъ руки; «Матушка... заступница»... и слышитъ: «Кайся, полегчаетъ». Тутъ запрыгаль вдругъ ея подбородокъ, зашептали сами собой уста обрадованныя рѣчи. И ужъ некогда ей одуматься, некогда умомъ прикинуть, ноги несутъ Дарью къ той избѣ, гдѣ еще свѣтитъ огонекъ, гдѣ страшнымъ сномъ спитъ Бородулинъ. Тамъ Даша скажетъ міру, тамъ покается, прощенье вымолитъ у живыхъ и мертваго, съ незнаемыхъ бродягъ, бузубъ лихой навѣтъ сниметъ, себя на растерзаніе отдастъ, не себя, а тѣло свое, не тѣло, а грѣхъ свой: пусть плюютъ, пусть топчутъ, пусть!!

Бѣжитъ, не чуя ногъ: радостный вѣтеръ ее подгоняетъ, росистыя ночныя травы ковромъ легли... хорошо; свободно.

Тюрьма.. Нѣтъ, мѣръ все простить, все покроетъ... А вору Феденькѣ, мучителю ея — крестъ... А Дарьинымъ дѣламъ, что черезъ Феденьку объявились, и всей ея паскудной жизни — крестъ!.. Да, хорошо, хорошо... Вотъ и избушка, да избушка. Благослови, Христось...

XXI.

Постояла Даша у двери, крѣпко схватившись за скобку, минуточку подумала: такъ-ли, нужно-ли? Но ужъ отвѣта не было.

Она быстро шагнула въ избу: два огонька дрожатъ, двѣ свѣчки восковыя, Устинъ скрипитъ, на лавкѣ три старухи головами встряхиваютъ, борются съ дремой.

Не подымая глазъ, подошла Даша къ мертвому и опустилась на колѣни:

— Прости меня, Иванъ Степанычъ, грѣшную... Это я все, я...

Устинъ читать остановился, на Дашу смстрить. Старухи проснулись, рты разинули.

Встала Даша съ полу, — ноги, не свои, — дрожатъ, все тѣло дрожить. Чтобъ взять надъ собою верхъ, быстро повернулась:

— Вотъ что, дѣдушка Устинъ, да баушки... да мѣръ хрещенный...

Въ это время злые шаги застучали по крыльцу: рванувъ дверь, грозно вошелъ въ избу Провъ.

— Лѣшье! — зарычалъ онъ... — Вотъ лѣшье-то, вотъ, окаянные-то... Матренъ!..

Всѣ насторожились.

— Это что-жъ такое, Матренъ... — тяжело дыша говоритъ Провъ Михайлычъ проснувшейся женѣ, — вѣдь всѣхъ нашихъ коровъ, варнаки, зарѣзали...

— Какъ? Кто?! — всплеснула руками Матрена.

— Вотъ, Устинъ, будь свидѣтель... трехъ коровъ моихъ, послѣднихъ, кончили, бѣлыхъ... у Федота двухъ телковъ зарѣзали...

Матрена, повалившись на лавку, завыла въ голосъ, старухи, ударяя себя по бедрамъ, стали ахать и причитать.

Устинь со свѣчкой въ рукѣ стоялъ сгорбившись и не зналъ, что дѣлать.

— Это все бродяжня, бузуи — висѣльники!.. — гремѣлъ Провъ, — ну, погоди!!

— Да, можетъ, не бузуи... — несмѣло сказалъ Устинь.

— Не ббузуи?! Въ жизнь у насъ этого не было, чтобы.. А?.. Охъ, ты бабушки... Послѣднихъ...

Провъ суетливо схватилъ фонарь и быстро вышелъ на улицу. Оставшуюся Матрену утѣшаютъ, каждый свое толкуетъ, и всѣ на одномъ сходятся: бродяги, больше некому.

— Нѣтъ, стой... Ты погоди молотъ, — цыкаетъ на нихъ Устинь. — Сороки...

А Даша стоитъ, какъ стояла, словно въ полъ вросла. Лицо красными пятнами пошло, раздуваются ноздри, все тѣло огнемъ палить. Иной стала Даша, прежней, назимовской.

— Вотъ, что я хотѣла... Померъ-ли Иванъ-то Степанычъ? Можетъ, такъ зашелся... — какъ кипяткомъ окатила она Устина и, упруго вздрагивая ядренымъ тѣломъ, будто издѣваясь надъ ветхими старушенками, проворно вышла. Устинь, разинувъ ротъ, проводилъ ее до двери взглядомъ:

— Сатано... сгинь, лукавая сатано... Тьфу!

Сѣрая ночь была. Звѣзда покатилась по небу, вспыхнула и осіяла сумракъ. Идетъ улицей солдатка — мыслей нѣтъ, и ужъ не вѣтеръ радостный подгоняетъ ее, а черти хвостами подстегиваютъ, не росистая трава стелется у ногъ, а самъ дѣдъ лѣсовой разметалъ по дорогѣ свою зеленую бороду и, надрываясь, шипитъ: «Дура... эхъ, ты дура»!..

Вразъ все запѣло внутри и захохотало, все приникло, все покорилося въ Дарѣ, груды золота разсыпались и зазвенѣли, а невѣрное сердце требуетъ: «Бери!.. все твое»...

Крикъ стоитъ въ Федотовомъ дворѣ. Тесовыя ворота настезь. Федотъ пуще всѣхъ горланить:

— Эй, Провъ Михалычъ!! Провъ! Куда онъ къ лѣшему ушелъ?!

— Чичасъ придетъ...

— Ну, такъ вотъ, молодцы... такъ тому и быть... И чтобы ни гу-гу, а то всѣмъ — край!..

— Это какъ есть... Чтобы съ согласья... Какъ мѣръ...

— Но, айда по домамъ!..

— Айда, айда!..

— Погоди: айда... Дай — Провъ придетъ.

Сторожъ съ колотушкою прошагалъ. Пѣтухи перекликаются. На горѣ три костра горятъ тремя звѣздами. На горѣ пѣсни звенятъ, гармошка голосить, визгъ, крики, хохоть — сѣкутъ ночной свѣжій воздухъ.

Тереха «барыню» на гармошкѣ жарить, парни подхватываютъ:

Барынька, не сердись,
Туды, сюды повернись...

И опять крикъ, и опять хохоть, и дѣвичьи смѣющіеся свирѣльные голоса.

Два человѣка къ чижевкѣ подошли, уперлись лбомъ въ верзилу Кешку-караульщика, шепчутся. Кешка руками размахиваетъ, что-то говорить, спорить, плюетъ сердито. Пошептались, ушли.

— Ну, и дьяволы!.. — крикнулъ Кешка, поправилъ кушакъ, потоптался на мѣстѣ, еще разъ крикнулъ и постучалъ кулакомъ въ дверь чижевки:

— Эй, робяты!..

Еще звѣзда сорвалась, слезинка небесная. Журчала безсонная рѣчка. Изъ-за тайги желтымъ шаромъ вздымался мѣсяць. А парни на горѣ катали трепака, били въ ладоши и звонко голосили:

Дулась, дулась-улыбнулась...
Дулась, дулась-первернулась...

— Эй, робяты... упреждаю... Слышите?..

Прислушался, склонивъ ухо къ щели... Отвѣта не было. Огромный, похожій на медвѣдя, Кешка, кашляя и сопя, обошелъ чижевку и, поровнявшись съ окошкомъ, еще разъ громко крикнулъ:

— Эй, робяты!

Зашевелились тамъ, заговорили.

Кешка забралъ въ грудь побольше воздуха и просто сказалъ:

— Приготовьсь, робятушки... Завтра вамъ... тово... ут-речкомъ....

(Окончаніе слѣдуетъ).

Вяч. Шишковъ.

ФАБРИЧНАЯ.

I.

Хозяинъ пропустилъ квартиранта впередъ и съ сомнѣ-
ниемъ на лицѣ обвелъ рукой комнату.

— Не знаю, останетесь-ли довольны? Жилецъ у насъ
здѣсь простой, свой же братъ-рабочій. Пожалуй, что не-
удобно вамъ будетъ...

Будущаго квартиранта хозяинъ, видимо, интересовалъ
больше, чѣмъ обстановка. Онъ быстро и внимательно скольз-
нулъ глазами по его красному, обожженному лицу, по су-
тулой, тяжеловѣсной фигурѣ, по большимъ, съ вѣвшейся
копотью и синими жилами, рукамъ. Поправилъ пенсне, при-
гладилъ волосы, короткой, но пышной волной лежавшіе на
затылкѣ, и успокоительно сказалъ:

— Это ничего не значить! Лишь-бы тихо было...

— Объ этомъ не беспокойтесь. Я да дочь — вотъ и вся
семья. Если что понадобится, попросите дочь.

Постоялъ, потоптался: видимо не зная, что еще го-
ворить.

— Я вамъ больше не нуженъ? Такъ до свиданья.

Квартирантъ протянулъ руку, тогда хозяинъ подаль
свою.

— Очень приятно познакомиться съ образованнымъ че-
ловѣкомъ.

Ушелъ, тяжело переставляя ноги, медленнымъ и раз-
мѣреннымъ шагомъ. Квартирантъ потянулъ носомъ:

«Что это онъ за запахъ послѣ себя оставилъ?»

Потомъ посмотрѣлъ на свою будущую обстановку.

— Столъ надо подвинуть ближе къ окну. Такъ. А пи-
сать на немъ можно?

Придвинулъ стулъ, взялъ перо, сѣлъ.

Ничего — писать можно. Пощупалъ тюфякъ — изъ дре-
весныхъ стружекъ, твердый.

И это ничего — привыкнетъ. Кровать точно изъ боль-

ницы взята — неуклюжая желѣзная и даже не покрашена. Это — совсѣмъ пустяки. Платье на стѣнѣ будетъ висѣть — зонь и гвозди торчатъ готовые. Корзинку — подъ кровать.

Потомъ Вязовъ достала двѣ большихъ репродукции съ картинъ и пришилилъ ихъ кнопками къ стѣнѣ. Пустая комната сразу ожила, словно это были не картины, а живыя, хоть и застывшія въ своемъ красивомъ молчаніи, существа.

Умывальника нѣтъ, подъ крапомъ въ кухнѣ умываться надо будетъ. Еще и лучше. Нужно видѣть эту жизнь вплотную, со всѣми мелочами. Да здѣсь ихъ, кажется, и не скрываютъ особенно. Прямо почти съ природы и пиши. Люди живутъ гораздо откровеннѣй, чѣмъ тамъ, гдѣ самъ юнъ прожилъ всю жизнь до сихъ поръ. Вотъ за окномъ сохнетъ выстиранное бѣлье. Прихваченные къ веревкѣ деревянными шпильками, висѣли, широко растопыривъ штанины и внизъ мотней, нѣсколько паръ кальсонъ изъ полосатаго ситца съ разноцвѣтными заплатами по самой серединѣ. Заплата были и рубашки, растопырившія рукава. За бѣльемъ рассыпались во всѣ стороны желѣзныя ржавыя, красныя — побурѣвшія и зеленыя — посѣрѣвшія, крыши, надъ которыми то тамъ, то здѣсь подымались высокія, до половины закоптѣвшія фабричныя трубы. Дымъ, то черный, какъ уголь, то желтый, то красный, пронизанный свѣтомъ, висѣлъ тяжелыми облаками, будто раздумывая, вверхъ ли ему поднятись, или лечь на ржавыя крыши...

Съ невидимой улицы доносились звонки трамвая, грохотъ тяжелыхъ телѣгъ, лязгъ желѣза. По временамъ быстрое и тяжелое уханье наполняло воздухъ, покрывало всѣ звуки, или изъ какой нибудь трубы сразу, одинъ за другимъ, вырывались нѣсколько клубовъ чернаго дыма, сотрясали висящее надъ трубой облако, сливались съ нимъ; облако нехотя подымалось вверхъ, какъ огромный спрутъ растягивало по небу свои безконечныя щупальцы, и проглатывало солнце, омрачая крыши и грязныя стѣны домовъ, а окна блестѣли тускло, — какъ глаза слѣпого... Во дворѣ раздались крикливые женскіе голоса; ударяясь о высокія каменныя стѣны, они переливались звонкой и широкой волной, каждое слово, со всѣми его оттѣнками, проникало въ ухо.

Вязовъ нагнулся надъ подоконникомъ. Ссорились двѣ женщины, очевидно, изъ-за того, что одна облила помоями ребенка. Наступая другъ на дружку, обѣ размахивали ру-

ками, а изъ широко открытыхъ ртовъ лились, перегоняя одно другое, ругательства. Здѣсь было все позорное, чѣмъ можетъ одинъ человѣкъ назвать другого, упоминались вещи, о которыхъ тамъ, въ обществѣ Вязова, нельзя было бы и заикнуться. Ему стало даже немного жутко, но по профессиональной привычкѣ на все смотрѣть и ко всему прислушиваться, онъ не отходилъ отъ окна. Когда ссора кончилась, онъ опять поднялъ глаза на облѣзлыя крыши, на заплатанное бѣлье, на грязныя стѣны, на густыя и мрачныя облака дыма и самъ себя спросилъ:

— «Неужели здѣсь все такъ прязно и... грустно?»

Вѣжливенько постучали въ дверь.

— Пожалуйста! Войдите!

Вошла дочь хозяина. Остановилась у самой двери.

— Если хотите чаю, то позвольте чайникъ, — заварю.

Шагнула на встрѣчу, чайникъ взяла не сразу, чтобы нечаянно не коснуться пальцевъ квартиранта, опустила глаза, повернулась и вышла, не прибавивъ ни звука. Вязовъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ: — «Это — не прязно и... очень мило».

Пришла она назадъ тотчасъ-же, но квартирантъ на этотъ разъ ей на встрѣчу не пошелъ: пусть подойдетъ къ столу, хочется на нее посмотреть. Да, она очень мила, въ особенности послѣ того, что онъ видѣлъ и слышалъ въ окнѣ. Стройная, гибкая, плечи покатыя, скромная грудь подъ бѣлой кисейной кофточкой, крутой затылокъ съ узломъ золотистыхъ волосъ; умѣренныя, чуть колыхающіяся при ходьбѣ, бедра. Лица разглядѣть не успѣлъ: она держалась къ нему въ полуоборотъ, словно нарочно скрывая лицо. Поставивъ чайникъ на столъ, она по прежнему молча повернулась и вышла.

— «Вотъ какая строгая» — подумалъ Вязовъ — «монастырю и то бы подстать».

Но у самой двери она вдругъ повернула голову, столкнулась съ нимъ взглядомъ: улыбка сверкнула въ глазахъ, мелькнула по губамъ дѣвушки; оглядѣла его съ ногъ до головы очень внимательно и спокойно.

— Если еще захотите, постучите въ стѣнку: я услышу.

— Благодарю. А если что-нибудь другое понадобится, тоже вамъ постучать?

Онъ спросилъ только для того, чтобъ разглядѣть ея лицо.

— А больше ничего квартиранту и не полагается.

— Вотъ вы какая сердитая...

— Съ мужчинами надо поостроже.

Поправила прическу, еще разъ посмотрѣла въ глаза и вышла.

Передъ сномъ постучала еще разъ. Вошла, теперь глядя свободно въ глаза.

— Я утромъ рано на работу ухожу. Вамъ кипятокъ на керосинкѣ стоять будетъ. Только осторожно, руки не пачкайте.

— Нѣтъ, ничего.

— А то вѣдь мужчины въ хозяйствѣ ничего не понимаютъ. Покойной ночи.

Вязовъ, чтобъ ближе познакомиться, протянулъ руку.

— А на что вамъ рука?

— Для знакомства.

— У меня руки шершавыя, отъ работы.

Но сейчасъ же подала, крѣпко пожала, скромно опустила глаза и сдѣлала квартиранту выговоръ:

— Зачѣмъ крѣпко жмете? Вы...

— Что?

— Ничего. До свиданія.

II.

Весь слѣдующій день Вязовъ пробродилъ по улицамъ. Пришелъ домой поздно вечеромъ — въ комнатѣ новость: на скиѣ кисейная занавѣска. Улыбнулся. Постучалъ въ стѣнку, попросилъ чаю. Вниманія къ нему — больше вчерашняго.

— Можетъ, вамъ что нужно купить?

— Нѣтъ, благодарю. Купилъ по дорогѣ. А за это спасибо!

Онъ указалъ пальцемъ на окно, на занавѣску.

— Не стоитъ благодарности съ такой малости. А то у насъ здѣсь вонъ какая красота: всегда драные подштанники висятъ. Вы что усмѣхаетесь? Что такое выражение? Могу и по интеллигентному — кальсоны.

— Это — ничего... все равно!

— Сегодня ничего, завтра ничего, а послѣзавтра много...

— Какъ?

— Такъ. Вамъ нашъ разговоръ неинтересный.

— Почему неинтересный?

— Вы ученые.

— Это пустяки. Какъ вы сказали? Повторите!

— Проѣхали съ орѣхами.

— Да вы присядьте, пожалуйста! Чего же вы стоите?

— Мерси. А вы не удивляйтесь, что сразу сѣла: я простой человекъ. Церемоній не понимаю.

— И хорошо. Вотъ мы съ вами дружить и будемъ.

— Съ мужчинами дружить невозможно.

— Со мной можно.

— Поглядимъ, такъ увидимъ. А не увидимъ, такъ узнаемъ. А не узнаемъ, мамашу спросимъ.

Стала оглядывать комнату. Вязовъ не зналъ, о чемъ говорить.

— Позвольте узнать, какъ васъ звать?

— Для кого Машенька, а для васъ Марья Тимофѣевна.

Вотъ теперь съ занавѣской-то гораздо приличнѣй. А что это за картинка?

— Леда и лебедь.

— Что же это, она съ нимъ цѣлуется?

— Да, цѣлуется.

— Зачѣмъ же она съ нимъ цѣлуется?

— Такъ...

Квартирантъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— А эта картина вамъ нравится?

— Ничего себѣ.

— Видите: скалы, навалены камни, а здѣсь, сбоку подходить...

Она не дала кончить: вдругъ закатилась смѣхомъ.

— Чего вы?

— А чего она съ лебедемъ-то цѣлуется?..

И опять засмѣялась.

Вязовъ сталъ втупикъ: разговоръ въ такомъ духѣ поддерживать не хотѣлось, а какъ вывернуться, — не зналъ. Дѣвушка смѣялась хорошо: поднявъ голову, залиvisto и звонко, отъ души. Вязовъ слышалъ такой смѣхъ только у дѣтей. Ему стало весело, забывъ о неудобной темѣ разговора, онъ тоже началъ смѣяться, глядя на дѣвушку.

А она взглянетъ на картинку и опять залъется.

— Да чего вы?

— Ничего... ха-ха-ха....

— Такъ чего же вы смѣетесь?

— Ей мужчины, вѣрно, надоѣли... ха-ха-ха...

Смѣхъ сразу сблизилъ, стало совсѣмъ легко.

— Вотъ вы какая... Вѣрно, здѣсь, въ столицѣ и родились.

— Мы — столучныя, — она поправила свою прическу, — пьемъ чай въ накладку да съ баранками, съ сахарными.

Вязову захотѣлось болтать глупости, и онъ въ тонъ ей спросилъ:

— Да что вы? Неужели всѣ?

— А есть которые дураки сиволапые: съ блюдечка въ прикуску дуютъ... Такихъ цѣлый магазинъ: Скопской да Витебскій — самый народъ Питерскій.

— Можетъ, Псковской?

— По образованному псковской, а по нашему — моченый. Вамъ весело?

— Очень!

— А я думала, что съ образованнымъ-то и говорить какъ, — не знаю!

Вязовъ снова разсмѣялся, а она лукаво спрашиваетъ:

— Хотите, еще расскажу секретъ на весь свѣтъ?

— Хочу!

— Барышни у насъ есть интересныя.

— Какія?

— А вотъ какія: поцѣлуй Никиту, послѣ Никиты — Якова, послѣ Якова — всякаго.

— Неужели всѣ такія скромныя?

— Есть и поскромнѣй: кокетки отъ старыхъ штановъ.

— Какъ это?

— А такъ это: чего унывать, когда нечего одѣвать! Знай — наряжайся. Юбка въ грошъ, а форсу на цѣлковый.

— Ну, а еще какія есть?

— Вотъ, какъ вамъ интересно!.. А потомъ уйду, смѣяться будете надо мной, что глупости болтаю.

— Нѣтъ, не буду! Пожалуйста, скажите!

— А еще есть и такія: ко всякой бочкѣ гвоздь!

— А такихъ много?

— Съ васъ хватить — цѣлое корыто! А вамъ больше требуется?

— Нѣтъ, мнѣ ни одной не нужно.

— Вы — благородныя.

— А вы — интересная.

— Это ничего, что интересная; а вамъ цѣловать не позволю: уйду —возьму!

— Да я и не думалъ.

— А хотъ и думали, такъ не поможетъ.

Помолчали. Разговоръ истощился, но Вязову не хотѣлось ее отпускать; передъ нимъ сидѣло нѣчто такое, съ чѣмъ никогда до сихъ поръ не приходилось сталкиваться.

— Не хотите ли, я вамъ чтонибудь прочитаю?

— Я книжки читать люблю.

Хотѣлъ онъ взять чтонибудь попроще, но подъ рукою оказался только его любимый поэтъ — модернистъ. Она кашлянула, подтянулась, стала внимательной и посмотрѣла на книгу, какъ смотреть послѣ третьяго звонка на театральнѣй занавѣсь человѣкъ, съ удовольствіемъ, но рѣдко бывающій въ театрѣ. Онъ прочиталъ страницу, перевернулъ ее и почти забылъ о своей собесѣдницѣ: этотъ авторъ всегда его сильно увлекалъ. Прочиталъ больше, чѣмъ былъ намѣренъ, и посмотрѣлъ на нее, — какое впечатлѣніе? Она сидѣла смирно, и благородно. Онъ подождалъ нѣсколько секундъ, но она молчала.

— Ну, какъ? Нравится вамъ?

Она посмотрѣла на него съ явнымъ удовольствіемъ въ лицѣ.

— Вы очень интересный, когда читаете! Гораздо интереснѣй, чѣмъ такъ...

Его сразу разобралъ смѣхъ, а она разсердилась.

— Ага... вотъ, надъ душой заставской и разсмѣялись! Лучше я пойду...

Это была шутка, но сквозь нее явно слышалась обида.

— Не буду. А какъ вамъ стихотвореніе нравится?

— Будто кружево красивое, а сама будто...

— Будто — что?

— Летаешь будто.

Это было такъ удачно, что Вязовъ не сумѣлъ скрыть своего удивленія.

Она это тотчасъ подмѣтила.

— А вы думали: какъ необразованныя, такъ ничего и не понимаемъ?

Вязовъ захотѣлъ оправдаться, но въ передней раздался звонокъ.

Она встала.

- Папа съ работы пришелъ. Надо ужинать собрать.
— Приходите еще когда, почитаемъ.
— Если будете за дуру меня принимать, то не приду.
— Боже меня сохрани!
Передъ сномъ опять заглянула въ комнату.
— Давайте деньги, за булкой сбѣгаю, а то утромъ безъ хлеба будете.
— Ничего, я самъ!
Она посмотрѣла на него съ веселой лаской.
— Вотъ вы какой вѣжливый. Никогда у насъ такихъ жильцовъ не было! Спокойной вамъ ночи.
По пріятельски пожала руку.
— А за стихи спасибо, большое удовольствіе я получила!
— Очень радъ, очень радъ!
— Говорила вамъ, руку такъ жать нечего, все равно не повѣрю...
— Не буду! Покойной ночи!
— Взаимно...

III.

Чтеніе повторилось на слѣдующій же вечеръ, послѣ чая Марья Тимофѣевна убрала посуду, подошла къ дверямъ и сказала, остановясь:

— Весь день за работой хотѣлось вспомнить, какъ стихи кончаются, да вотъ не могу...

Вязовъ напомнилъ, она повторила за нимъ и задумчиво прибавила:

- Будто хорошая музыка играетъ!
— Да вы, Марья Тимофѣевна, можете, еще хотите?
— Марья Тимофѣевна... Какая персона важная!
— Ну, еще и лучше: буду васъ Машей звать!
— А понятно, что Маша... Я сейчасъ приду.

Какъ и вчера, усѣлась она солидно, слушала внимательно. Вязовъ читалъ очень охотно, выразительно, и, когда кончилъ, сразу поднялъ на нее глаза. Кончики ушей и щекъ у нея порозовѣли, поблескивали изъ-подъ полупущенныхъ вѣкъ глаза. Вязовъ удивился, что лицо это, съ налетомъ грубоватой развязности, стало такимъ, осмысленнымъ, почти интеллигентнымъ.

— Понравилось?

Въ голосѣ Вязова неожиданно для него прозвучала ласка, отразившаяся, видно, и въ глазахъ его. Она отозвалась такимъ же ласковымъ взглядомъ, вздохнувъ легко и коротко, словно глотая струю свѣжаго воздуха.

— Вотъ какіе стихи бываютъ... Мы въ школѣ тоже стихи учили... только не такіе... Все сурьезные...

— А эти — не серьезные?

— Какъ будто ты ребеночекъ, а мать тебя въ люлькѣ качаетъ.

— Вы, Маша, прелестъ, — вотъ что я вамъ скажу.

Она покраснѣла, разсмѣялась, отвернула лицо.

— Ну, мигъ пора... Рано вставать надо.

Передъ сномъ опять постучала.

— Пожалуйста, Маша!

— Нѣтъ, вы сюда подойдите.

Не показываясь, полуоткрыла дверь и просунула большой букетъ сирени въ банкѣ съ водой:

— Это вамъ за чтеніе!

— Да вы зайдите!

— Спокойной ночи!

Ушла.

IV.

Двое сутокъ не являлся Вязовъ домой. Бродилъ по трактирамъ, по чайнымъ, заводилъ разговоры съ рабочими, ночевалъ на рѣкѣ, на какой-то баржѣ съ грузомъ кирпича. Пришелъ усталый и довольный, растянулся на кровати, положилъ подъ голову руки и закрылъ глаза, чтобы лучше вспомнить видѣнное и слышанное. Все было ново, интересно, проплывало мимо глазъ одно за другимъ въ выпуклыхъ и яркихъ образахъ. Новыя лица, новыя слова, новая жизнь.... Теперь хорошо отдохнуть. Освѣженная послѣ сна голова разберется въ этомъ богатствѣ, отдохнувшая душа проникнетъ въ смыслъ всего этого и на бумагѣ выльются живые образы, связанные одной мыслью, и явится стройное произведение, горящее жизнью. Тихонько стала заливать мозгъ легкая, сладкая волна звуковъ и образовъ. Но кажется, такихъ звуковъ онъ здѣсь какъ будто и не слышалъ. Былъ свистъ и ревъ гудковъ, кричали громкіе голоса, охрипшіе отъ заводской копоты и пыли; было громыханіе телѣгъ, звонкіе удары металла по металлу за высокими кирпичными стѣнами. А те-

перь вотъ-что-то нѣжное и тихое. Это поютъ пѣсни. О веснѣ, объ одиночествѣ, о грустной въ одиночествѣ смерти. Тамъ, гдѣ жилъ раньше, часто поются такія пѣсни, но поются какъ-то иначе. Поютъ за перегородкой. Кто же это поетъ? Молодая хозяйка? Нѣтъ, у нея голосъ грубоватый, а этотъ нѣжный, чистый и наивный. Вотъ пѣніе перебилъ мужской голосъ, глухой и сиповатый:

— Маша, куда ты сапожныя щетки подѣвала?

— Въ кухнѣ, на полкѣ.

Да, это она, хозяйка. Но откуда у нея такой голосъ? Онъ вспомнилъ ея смѣхъ и глаза, когда спрашивала про Леду. Это было до того удивительно, что сонливость прошла. Сѣлъ на кровати и сталъ прислушиваться. Точно другой человекъ, право. Пѣсенка наивная, слова — для души, только пробуждаются начинающей, и голосъ дѣвушки простой, нѣжный и трогательный въ своей простотѣ. Не фабричная барышня, а пастушка, вздыхающая о возлюбленномъ. Сквозь деревянную перегородку ясно слышенъ каждый звукъ, каждый незначительный переливъ въ голосѣ.

Только кончила, въ стѣнку постучала.

— Если помѣшала, извините.

— Нѣтъ, ничего, что вы... пожалуйста..

— Небось, не понравилось?..

— Очень понравилось!

— Мерси за комплиментъ. А чаю хотите?

— Нѣтъ, спасибо, спать сейчасъ буду ложиться.

— И читать, значить, сегодня не будемъ?

— Сегодня усталъ.

— Устали? Ну, завтра. Завтра суббота, могу побольше посидѣть.

— Очень пріятно. Покойной ночи!

— Пріятнаго вамъ мечтанія.

Вязовъ улыбнулся и ничего не отвѣтилъ.

V.

На слѣдующій день, вечеромъ, Маша подала чай съ лицомъ дѣловымъ, равнодушнымъ и очень принаряженная. Кофточка батистовая съ вырѣзомъ, на груди роза, на круглой бѣлой шеѣ — медальонъ. Вязовъ сейчасъ же замѣтилъ, что и брови наведены, а щеки и губы накрашены, но искусно, чуть-чуть.

- Здравствуйте!
- Здравствуйте, Маша!
- Въ лавку зачѣмъ сходить надо?
- Нѣтъ, спасибо.
- Надо бы у васъ полъ помыть?
- Что же, вы сами мыть будете?
- Мы — необразованные, сами помоемъ.

Насчетъ чтенія молчить. Вязовъ скользнулъ по ея лицу глазами: кокетство, или обида за вчерашнїи отказъ?

- Вы уходите собираетесь? Одѣты.
- Она покраснѣла, разсердилась и отвернулась.
- Ничего я не одѣта. Обыкновенно.

Сильно обидѣлась, видно. Вязовъ молча ругнулъ себя за нетактичность, захотѣлось загладить вину.

- А что вы будете дѣлать дома? Работа есть?
- Нѣтъ работы. Если вамъ скучно, можно почитать.
- Почитать, такъ почитать.
- Какъ желаете, мнѣ все равно, сейчасъ дѣлать нечего.

Чтение на этотъ разъ не давалось. То и дѣло останавливались на его лицѣ ея глаза, сама она сидѣла безпокойно — то откидывалась на спинку стула, то ставила на столъ локоть. Это мѣшало настроенію, и Вязовъ, перевернувъ вторую страницу, положилъ на столъ книжку. У нея лицо сразу сдѣлалось прежнее—равнодушное, а глаза стали косить то на дверь, то на окно. Ему начинала надоѣдать эта игра. Онъ скучно на нее посмотрѣлъ и скучно сказалъ:

- Вы сегодня сердитая.
- А идетъ ко мнѣ кофточка?
- Ничего... идетъ.
- Мерси за комплиментъ. Только надо отодвинуться отъ васъ подальше, а то еще цѣловаться начнете.

Онъ прижалъ руку къ груди.

- Ей-Богу, не начну!
- И не прошу. У васъ интереснѣй дамы есть — образованныя.

Ему становилось и смѣшно, и немножко досадно: очень ужъ наивно все это у нея!

- Бываютъ и образованныя неинтересныя.
- А вотъ меня, небось, не поцѣлуете.
- Развѣ сейчасъ и цѣлуютъ, когда дама интересная?
- А зачѣмъ же меня сюда звали?

— Такъ... посидѣть съ вами... почитать...

— И больше ничего?

— Ну, и посмотрѣть на васъ.

— Такъ вы, значитъ, глазами сыты бываете?

Онъ, много видѣвшій, умѣвши съ каждымъ человѣкомъ брать нужный тонъ, смутился отъ неожиданности. А когда она на него взглянула, стало и совсѣмъ неловко. На миломъ ея лицѣ, глаза смотрѣли откровенно, почти нагло: ясно говорятъ, что ничѣмъ, — что бы ни сказалъ и чего бы ни захотѣлъ — удивить не можетъ. Оглядѣвъ его съ ногъ до головы, она добавила:

— Вы, можетъ, только въ монахи годитесь?

И вдругъ разсмѣялась звонко, раскатисто, и чисто, по дѣтски. Вязовъ ждалъ, что она сейчасъ и въ ладоши отъ восторга захлопаетъ. А черезъ минуту — опять равнодушное лицо и прежніе глаза.

— Что-жъ, вы безъ меня стиховъ не понимаете, что со мной читаете?

Вязову снова стало досадно: она, кажется, издѣвается надъ нимъ? Голосъ у него, помимо воли, зазвучалъ сердито.

— Да говорятъ же вамъ, странная вы дѣвушка: просто посидѣть съ вами, доставить вамъ удовольствіе.

— А себѣ никакого?

Въ ея глазахъ явно свѣтилось удивленіе. А ему этотъ разговоръ сталъ надоѣдать, и, во избѣжаніе повтореній въ будущемъ, онъ рѣшилъ разъ навсегда съ этимъ покончить: нагнулся къ ней ближе, чтобъ вышло внушительнѣй.

— Поймите, милая барышня, что я — не такое ужъ животное! Вы вотъ мило пѣли, доставили мнѣ удовольствіе, а я хочу заплатить вамъ чтеніемъ.

— А что я — красивая, это — правда? Небось, неправда. Подкатиться хотѣли... Знаемъ мы вашего брата!

— Вотъ чудачка... Да правда же... И не думалъ подкатываться!

— Честное слово?

— Честное слово.

Она сразу стала внимательная и простая.

— А ну, скажите, чѣмъ я красивая?

— А вы опять скажете — подкатываюсь!

— Ей-Богу, не буду!

— Ну, тогда скажу: волосы у васъ, какъ пушистый

шелкъ, лобъ бѣлый и умненькій, глаза прямые и пріятные, щеки — нѣжныя, шея — тоже...

— Ну, ну...

— И вся вы нѣжная и пріятная... когда не кокетничаете!

— Ужъ и кокетничать нельзя!

— Лучше безъ этого.

— Ну, съ вами не буду!

— Умница.

Она сдѣлалась вся розовой и приспустила вѣки.

— Вы всегда такъ ухаживаете за женщинами?

Голосъ у нея сталъ, какъ вчера, за пѣніемъ: тихій и чистый.

Онъ совершенно невольно отвѣтилъ ей, какъ ребенку, съ улыбкой старшаго человѣка:

— Почти.

— А что ваши кавалеры еще дѣлаютъ? Интеллигентные?

— Что еще дѣлаютъ?

— Ножки цѣлуютъ, правда?

— Бываетъ, бываетъ...

Глаза ея продолжали быть мечтательными, лицо все больше розовѣло.

— Сначала, стало быть, въ театръ поѣдутъ и тамъ все другъ къ дружкѣ прижимаются. Онъ ей все цвѣты преподносить, а не конфекты тамъ паршивыя. Потомъ ѣдутъ на автомобилѣ домой, и онъ все называетъ ее безцѣнной. Тамъ онъ стоитъ передъ ней на колѣняхъ и гладитъ ей голову. Только нѣжно, чтобъ не испортить модную прическу... И ничего себѣ не позволяетъ, пока сама не захочетъ... Совсѣмъ ничего... ни вотъ на столечки... А вы можете меня погладить по волосамъ?

— Отчего-же... могу.

Вышло нѣчто, для Вязова совершенно неожиданное: не успѣлъ онъ отнять отъ головы руку, она сразу встала со стула и сразу измѣнилось лицо: стало почти сердитымъ.

— Ну, я пойду...

И ушла холодно, точно и дружбы никакой не было. Дошла она, однако, только до двери; не то загнулась о порогъ, не то вдругъ обезсилѣла, медленно подняла руку, приставила къ притолокѣ локоть, облокотила о руку голову и застыла на мѣстѣ. Вязовъ подумалъ, не головокружение-ли? Подошелъ—

тихо плачетъ. Взялъ ее за руку — руку отнимаетъ, голову отворачиваетъ.

— Можеть, обидѣлъ чѣмъ? Такъ извините.

— Ничего вы меня не обидѣли.

— Ну, такъ перестаньте... Да чего вы?

— Ничего... такъ...

— Ну, все таки.

Слезы такъ и полились.

— Отъ васъ уйдешь, какъ въ помойной ямѣ потомъ...

— Куда это?

— На фабрику.

— Скверно очень?

— Мастера покою не даютъ, рабочіе тоже. За груди хватаютъ... Какъ въ темномъ углу попадешься, къ стѣнкѣ прижмутъ... Какъ собаки всѣ...

Вязовъ молчалъ — сказать нечего было.

— Я къ вамъ больше ходить не буду, а то утромъ на работу совсѣмъ не могу.

— Пойдемъ, Маша, сядьте! Потолкуемъ объ этомъ...

— Нѣтъ, я ужъ пойду. Чего толковать-то... нечего...

VI.

Чай, однако, квартиранту надо было дать. По обыкновенію постучала, но когда онъ открылъ дверь, протянула ему поднось.

— Пожалуйста, возьмите!

Сказала коротко и съ явнымъ желаніемъ не начинать никакихъ разговоровъ. Была она сегодня обыкновенная, будничная. Прическа — наскоро, кофточка — ситцевая, темная, лицо-утомленное и очень равнодушное. И всѣмъ этимъ она сразу Вязову понравилась, гораздо больше, чѣмъ до сихъ поръ. Ясно было, что трудно ей и стало ему ее жалко даже больше, чѣмъ вчера плачущую.

— Вы, Маша, зашли бы на минутку. Посовѣтуемся, какъ быть? Можеть, вдвоемъ чтонибудь и придумаемъ...

— Да ужъ думала я, передумала...

Но все таки зашла, сѣла. И какъ только сѣла, ему сразу показалось, что выходъ есть и очень легкій.

— Отчего вы, Маша, замужъ не пойдете, а? Васъ любить вѣдь будутъ. Съ вами вотъ даже и посидѣть приятно. Вы вѣдь милая. Вотъ фабрику — и по боку, милая барышня!

Лицо ея сразу изъ усталого сдѣлалось вызывающимъ.

— А вы почему знаете, кто я такая: можетъ, и не барышня, а вся дама?

Закинула ногу на ногу, со злымъ смѣшкомъ посмотрѣла Вязову въ лицо и забарабанила пальцами по столу.

— Ну, развѣ ужъ такая бѣда это? Живуть и такъ...

— А, конечно, вамъ не бѣда. Бить то меня будутъ, а не васъ!

— Ну, авось и не будутъ, если полюбятъ.

— Ничего вы не понимаете... А еще — интеллигентный.

— Неужели совсѣмъ-таки ничего?

— У насъ вотъ какъ любятъ: сразу на кровать тащатъ!

А какъ свое получилъ, такъ и хорошия слова долой. И не смотритъ почти что. Только, чтобъ драные подштанники стирала, да обѣдъ готовила. Вотъ тебѣ и вся честь. Съ честными, и то этакъ-то... А ежели нечестная, то лучше и совсѣмъ молчи. Чуть что, — «а, такъ ты еще разсуждать, шкура разнесчастная», да по мордѣ — хрясь.

— Не прощаютъ, значить, увлеченій?

— Ув-ле-ченіе... У насъ это не увлечение называется.

— А какъ?

— Образовали на сѣновалѣ. Меня вонъ въ 6 лѣтъ образовали.

Вязовъ молчалъ, но въ его глазахъ она увидѣла вопросъ.

— Братокъ старшій. Теперь женатый, близко отсюда и живетъ. «Давай, говоритъ — фокусъ тебѣ покажу». Я послѣ этого образованія два дня лежала. Если бы не мама, отецъ убилъ бы его.

Утѣшать Вязову было стыдно. Только спросилъ.

— Какъ же вы теперь?

— Такъ и будетъ... Старичекъ одинъ у меня въ городѣ есть. Пойду. Все равно пропадать, а онъ хоть хорошую жизнь предлагаетъ.

— Пожалуй, противно будетъ?

— Все равно, противно. Маленькой была — мальчишки приставали, а теперь — всякій да каждый, — облапать меня поскорѣй надо. За старикомъ, по крайности, бить не будутъ. Про любовь вонъ все пишутъ разную. А какая такая любовь на свѣтѣ бываетъ, — не знаю, съ чѣмъ ее и ѣдятъ. А что противно, это ничего. Мы ко всему привыкли. Противно бу-

деть — молодымъ закусить можно. А за то мнѣ на всѣхъ наплевать, если я самостоятельная. Подступись-ка тогда хоть самъ старшій мастеръ, такъ я его по физиономіи да съ лѣстницы внизъ.

Она показала, какъ сбрасываютъ ногой съ лѣстницы. Потомъ вдругъ повернулась прямо къ Вязову и съ удивленіемъ спросила:

— Отчего это я вамъ все рассказываю, а?

Вязовъ поднялся, ласково обнялъ ее за шею и поцѣловалъ въ щеку, она отодвинулась, внимательно на него поглядѣла.

— Вы, какъ женщина. Я опять приду вамъ рассказывать.

— И почитать?

— Спасибо.

Дружески пожала руку на прощаніе. Открыла дверь, но на порогѣ остановилась, на минутку задумалась.

— Хотите, я къ вамъ когда ночевать приду?

И прикрыла дверь, не дождавшись отвѣта. Успѣла только увидѣть Вязовъ, что она сразу и густо покраснѣла.

VII.

Дѣло осложнилось. Вязовъ твердо рѣшилъ сейчасъ же принять мѣры, даже перемѣнить квартиру, если бы не оказался другого выхода. Но всякія мѣры оказались излишними. Молодая хозяйка стала вести себя, точно никакихъ разговоровъ у нихъ никогда не было. Была вѣжлива, весело перекинется парюю словъ, подавая чай и только. Первые дни квартирантъ поглядывалъ на нее подозрительно, а потомъ привыкъ и объяснилъ себѣ это тѣмъ, что вотъ прорвалась на минутку молодая душа да, какъ молодая, скоро и успокоилась. Вѣрно, по вечерамъ одѣваетъ свою кофточку съ вырѣзомъ да медальономъ, ухаживаютъ за ней кавалеры, ходитъ она съ ними въ кинематографы, угощается пирожными. Ну, и хорошо. А черезъ нѣсколько дней и совсѣмъ думать о ней пересталъ. Это было тѣмъ легче, что пропадалъ онъ изъ дому съ утра до вечера, часто не приходилъ и ночевать. Новыя знакомства создавались очень быстро, новыя впечатлѣнія съ каждымъ днемъ все больше заливали душу. Матеріалу за короткое время набралось столько, что уже потянуло къ столу, къ бумагѣ.

Однажды пришелъ домой спозаранку, чтобы хоро-

шенько выспаться и на утро со свѣжей головой сѣсть за работу. Только проснулся и сѣлъ на кровать, глаза его устремились на столъ; потомъ, наскоро одѣваясь, все поглядывалъ на него же. Тянуло поскорѣй положить бумагу, поскорѣй увидѣть на ея бѣлизнѣ первую черную строку. Наскоро проглотилъ чай, поскорѣй вынесъ въ кухню посуду, подошель и выдвинулъ изъ стола ящикъ.

Вдругъ постучали въ дверь. Когда стукъ повторился, Вязовъ наконецъ сообразилъ, что къ нему хотятъ войти. Вздохнулъ, медленно положилъ перо.

— Пожалуйста!

Вошелъ хозяинъ.

— Видно, я помѣшалъ? Прошу прощенія.

Вязовъ, наконецъ, сообразилъ, что къ нему хотятъ войти. стислся тяжело и медленно, уперся руками въ колѣни и по-смотрѣлъ въ полъ.

— Дѣло у меня къ вамъ, а какъ начать, не знаю. Конечно, здѣсь никто не виноватъ... а для меня выходитъ неприятность.

Глазъ онъ все не подымалъ, на лобъ набѣжали и застыли толстыми красными складками морщины.

— Дѣло оно, если такъ посмотрѣть, пустяковое... да... Но если сдѣлать углубление факта, то оказывается не такъ.

Замолчалъ, а глаза все въ полъ смотреть.

Вязовъ видѣлъ, что необходимо дать толчекъ, помочь этому человѣку, а то онъ просидитъ здѣсь, Богъ знаетъ, сколько.

— Пожалуйста, скажите, какъ вамъ удобнѣе!

Тотъ, наконецъ, поднялъ глаза, сѣлъ ровнѣй.

— Я вотъ захочу сказать такъ, а слова могутъ выйти другія. Такъ вы ужъ извините.

— Ничего.

— Я, изволите ли видѣть, послѣднія 8 лѣтъ у парового молота стою да прежде того 22 года машины надъ головой гудѣли. Такъ вотъ теперь какое обстоятельство получается: какъ съ человѣкомъ порядочнымъ поговорить, такъ нѣту ни мыслей въ головѣ, ни словъ во рту.

— Да вы... пожалуйста...

— Такъ ужъ я — какъ умѣю!

Онъ посмотрѣлъ квартиранту въ лицо просто, открыто и немножко печально, какъ старый волъ, всю жизнь ходившій въ ярмѣ. Вязовъ поспѣшилъ сказать:

— Да, да... пожалуйста!

— Покорнѣйше прошу васъ поискать для себя дружную комнату, а причина этому обстоятельству — моя дочь!

— Дочь?

Больше ничего квартирантъ отъ неожиданности сказать не могъ.

— Я говорю съ образованнымъ человѣкомъ — да... Затѣмъ, спрашивается, ребенку моему безъ всякой пользы душевное состояние переносить?

— Да въ чемъ дѣло? Вы, пожалуйста, поподробнѣй.

— Подробнѣе, она—такая: дочь моя, значить, на вашъ счетъ въ мечтаніяхъ, а между прочимъ, толку изъ этого никакого для нея. Потому что вы съ ней — какъ сказать — не только бракомъ сочтаться, а и просто знакомство это для васъ не подходящее.

— Ну, вотъ что: если хотите, я, конечно, сегодня же поищу комнату, а завтра и перебраться могу. Только мнѣ кажется, что вы ошибаетесь. Она со мной почти и не разговариваетъ.

— Вотъ это самое и есть, что не разговариваетъ она съ вами. Она у меня съ мужчинами вонъ какая храбрая, а отъ васъ все скрывается. Я это все понимаю... да... А ко мнѣ вотъ все пристаешь: надо поденщицу позвать, жильцу потолок побѣлить, надо самоваръ поставить, а то изъ чайника не вкусно, какъ бы жилецъ не обидѣлся. Повертится, да опять на счетъ жильца, васъ, то есть.

Онъ добродушно улыбнулся.

— А то на дняхъ захожу къ ней въ спальню, а она что-то подъ подушку сунула. А я возьми да посмотри — бѣлье вижу мужское и иголка съ ниткой въ немъ торчить. По-краснѣла она да разсердилась: «Что это, говорить, за мода у тебя подъ чужія подушки лазить? Захочу, такъ все бѣлье ему перечиню! А ты мнѣ не указъ! Ему вонъ прачка все от-жевелью перепортила!» А моего вонъ бѣлья ни за что не починить, прачкѣ отдѣльно плачу. А то еще утромъ всѣ булочки обѣгаетъ, чтобъ хлѣбъ вамъ выпеченный былъ. Онъ — говорить — человѣкъ воспитанный, у него желудокъ отъ нашего хлѣба испортиться можетъ.

Вязовъ опустил глаза, всталъ, прошелся къ двери и назадъ, а старикъ увѣренно добавилъ:

— Я все вижу — отецъ я. А главное дѣло — кавалеровъ

своих бросила. Каждый вечеръ, бывало, гулять уходитъ, а теперъ дома все сидитъ.

Вязовъ подошелъ къ нему совсѣмъ близко.

— Такъ, Тимофей Трифоновичъ: что-жъ, выбираться, такъ выбираться... А дочка у васъ хорошая, вотъ что я вамъ скажу!

Старикъ положилъ свою большую, сѣрую руку на руку жильца.

— Это вы — вѣрно! — Жалко вотъ только, что на фабрику ей работать приходится.

Старикъ, прежде чѣмъ отнять руку, крѣпко пожалъ жильцу пальцы.

— Объ этомъ много говорить не будемъ. Богъ ее умомъ не обидѣлъ, вѣрно сама добудетъ свое счастье.

— Добудетъ.

— А я ей не помѣха. Былъ бы у меня капиталъ, замужъ за самостоятельнаго человѣка отдалъ бы... за коммерсанта тамъ... да... Нынче такъ... гражданскимъ бракомъ.... Деньги есть, такъ всякій уважаетъ... Была-бъ счастлива. А мнѣ больше ничего и не нужно. Я ужъ какъ нибудь дотяну, все равно... А она молодая... Ей все нужно... да....

— Я вотъ хотѣлъ ей посовѣтовать что-нибудь. Ничего не выходитъ.

— Чувствую къ вамъ за это большую благодарность. Я вотъ отецъ, и то не могу. Совѣсти не хватаетъ. Пятьдесятъ семь лѣтъ прожилъ, а самъ себѣ ничего хорошаго не посовѣтовалъ; такъ, спрашивается, какое такое право я имѣю ей совѣтовать? У насъ дѣвицамъ трудно. Которыя изъ деревни пріѣзжаютъ или такъ попроще—ничего. Ко всему привыкли. Замужъ выйдетъ за рабочаго и живетъ. А которыя по-нѣжнѣй да чуть фантазія тамъ въ головѣ, такимъ трудно... Не уживаются... да... Мы вонъ съ покойницей лучше другихъ жили, а что вышло: въ 35 лѣтъ старухой стала, работы да заботы, да обстоятельства тамъ семейныя... разныя... да. Маша не маленькая, все видитъ, все понимаетъ, я ее прилуждать не могу. А на счетъ денегъ вы не безпокойтесь; что не дожили до мѣсяца, я верну. Отдамъ до копѣйки.

Поднялся, опустилъ глаза, крѣпко сжалъ на прощаніе Вязову руку.

VIII.

Вечеромъ, только сталъ квартирантъ чемоданъ завязывать, она вошла, на этотъ разъ не постучавъ. Онъ оставилъ веревку, повернулся къ ней. О чемъ говорить, не зналъ.

— Присядьте, Маша, посидите.

— Завязываете?

— Завязываю.

— Завязывайте, завязывайте... съѣзжаете, значить?

— Съѣзжаю.

— Съѣзжайте, съѣзжайте...

Помолчала. Садиться не хотѣла. Такъ у двери и стояла.

— Я тоже скоро на новую квартиру.

— На новую квартиру?

— Барыней заживу, на всемъ на готовомъ. Гуляй — не хочу.

— Вы, значить, окончательно рѣшили?

— Вы — окончательно, и я — окончательно. Можетъ, нальемъ чайку вмѣстѣ на прощаніе?

— Съ удовольствіемъ, Маша!

— Мерси. Я пойду приготовлю.

Готовила она чай на этотъ разъ дольше обыкновеннаго: рѣшила, видно, хорошо угостить квартиранта. Поднось принесла большой, пирожныя на немъ были, конфекты, а по срединѣ бутылка вина. Пить ему съ ней не хотѣлось, но не хотѣлось и отказываться.

— Вы что же, Маша, напоить меня хотите?

— За мою новую жизнь надо выпить.

— За что-нибудь другое — съ удовольствіемъ-бы!

— А мы выпьемъ, чтобъ хорошо вышло. По началу конца знать нельзя. Сегодня вы у меня въ гостяхъ, значить. Я угощать буду, а вы слушаться должны. Все равно, — въ послѣдніи разъ.

— Буду слушаться.

— Вотъ, значить, выпейте за красоту мою.

Налила стаканы. Вино оказалось ароматнымъ и крѣпкимъ.

— Развѣ такъ пьютъ? Я барышня и то — вотъ какъ!

— Пьяны будете, Маша!

— Ничего! Я, пьяная, не кусаюсь. Ну, а теперь за молодость мою. Чтобы до старости молодой быть.

Вязовъ сразу пить не сталъ. Вино было крѣпкое. А у хозяйки глаза стали круглые, смотреть просительно, ласково и весело.

— Ну, что-жь вы? Брезговаете, можетъ, съ простой дѣвкой по второму выпить? Вамъ не прилично... фабричная...

— Не говорите глупостей, Маша!

Послѣ второго стакана въ головѣ у него хоть и залегла небольшая тяжесть, но сознание оставалось яснымъ и за свои поступки онъ былъ спокоенъ, тѣмъ болѣе, что и бутылка была ужъ пустой. Захотѣлось быть любезнымъ и онъ взялся за чайникъ. Но она остановила его руку

— Вы подождите. Кутить — такъ кутить. У меня еще бутылочка припасена!

Пошла, принесла другую. Вязовъ зналъ, что послѣ третьяго стакана онъ будетъ собой владѣть такъ же, какъ и теперь; станетъ только добрѣй и немножко смѣшонъ. Но вѣдь смѣяться здѣсь надъ нимъ никто не будетъ, а доброта... чуточка доброты, хоть бы и пьяной, не мѣшаетъ.

Въ концѣ концовъ, дѣвушка и въ самомъ дѣлѣ немножко влюблена... а ему это нисколько не повредитъ. Выпилося хорошо, согласно, дружно. Чокнулись, сразу поднесли къ рту, сразу опорожнили стаканы. Хозяйка стала розовой, заблестѣли и совсѣмъ ласковыми сдѣлались глаза. Онъ за весь вечеръ въ первый разъ посмотрѣлъ на нее прямо и открыто. Она дружески положила свою руку на его.

— Вотъ, за это спасибо.

— И вамъ спасибо, Маша! Вы — славная.

— Да ну?

— Ей-Богу. Миѣ васъ жалко

— Что къ старичку пойду?

— Противно вѣдь, вотъ что...

— Противно. Теперь и еще противнѣй...

— Теперь?

— Вѣжливый вы очень. Отъ нашихъ бы кавалеровъ и къ старому хрѣну не бѣда. Ваша, значить, и вина.

Вязовъ наклонился къ Машѣ, прижавъ руки къ своей груди.

— Вотъ, Маша, и самъ не радъ... честное слово!

— А, конечно, не рады, голубчикъ вы мой! А только

должны вину свою вы загладить. Поухаживать за мной на прощанье должны!

— Съ удовольствіемъ!

— Ну, начинайте!

Она откинулась на спинку стула, приняла солидную позу, изъ подъ полуопущенныхъ вѣкъ блестяи глаза.

— Только, чтобъ по интеллигентному, будто-бы я ваша дама!

Онъ добродушно улыбнулся, посмотрѣлъ ей въ лицо, подумалъ, съ чего начать и взялъ ея руки.

— У васъ прелестныя руки! Хоть и шершавыя, но пальцы бѣлые, длинные и гибкіе.

— Ну, ну...

— И красивыя онъ у васъ до самыхъ локтей.

Она освободила одну руку, подсунула рукавъ.

— А дальше...

И вдругъ вспомнила:

— Вы про ножки забыли!

Положила одну ногу на другую и высунула изъ подъ юбки ступню.

— И ножки у васъ маленькія...

— А глаза?

— И глаза красивые: хорошіе, открытые и умные!

— А вы поцѣлуйте!

— А вы не волнуйтесь, тогда и поцѣлую. А то не стану.

— Не буду, не буду... Я смирно сижу, вы только поцѣлуйте, одинъ разъ...

Она, и въ самомъ дѣлѣ, застыла. Онъ очень мягко взялъ ее за голову, поцѣловалъ одинъ глазъ, другой. Она посидѣла молча одну секунду, потомъ вдругъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ сѣсть, вскочила, обхватила его шею руками, потянула за собой его и стала, не разбирая, быстро и захлебываясь словами, цѣловать ему лицо.

— Голубчикъ ты мой, миленькій ты мой, хорошенькій ты мой... сладкій ты мой...

Это было такъ и неожиданно, и бурно, что онъ сразу потерялся. Чувствовалъ, что его окутываетъ, проникаетъ внутрь ея искренность и огонь, и сами собой сомкнулись за ея спиной его руки. Она сейчасъ же прижалась къ нему всѣмъ тѣломъ, нагнула къ себѣ его голову и стала цѣловать лобъ и глаза.

БѢГСТВО ВО ЕГИПЕТЪ.

По лѣсамъ бѣжала Божья Мать,
Куньей шубкой запахнувъ Младенца.
Стлалось въ небѣ Божье Полотенце,
Чтобы Ей не сбиться, не плутать.

Холодна, морозна ночь была,
Дива дивы въ эту ночь творились:
Волчьи очи зеленю дымились,
По кустамъ сверкали безъ числа.

Два съдыхъ медведицы въ лугу
На дыбахъ боролись въ ярой злобѣ,
Грызлись, бились и мотались обѣ,
Тяжело топтались на снѣгу.

А въ дремучихъ заросляхъ, впотѣмахъ,
Жались, табунились и дрожали,
Бѣлымъ паромъ изъ вѣтвей дышали.
Звѣри съ бородами и въ рогахъ.

И огнемъ вставалъ за лѣсомъ мечъ
Ангела, летѣвшаго къ Стону,
Изъ золотому Иродову трону,
Чтобъ главу на Иродѣ отсѣчь.

Ив. Бунинъ.

Разказы Леона Фрапье.

I.

Гордячка.

Новогодній праздникъ, десять часовъ утра. Мостовая сѣра, небо сѣро, пятиградусный морозъ.

На вокзалѣ Сень-Лазарь толпа празднично наряженныхъ, закутанныхъ людей мелькаетъ калейдоскопомъ розовыхъ носовъ, мѣховъ, букетовъ, мѣшочковъ съ конфетами.

Въ этой толпѣ четыре существа съ блѣдными лицами, безъ шляпъ, въ черныхъ выцвѣтшихъ одеждахъ: Луи — шести лѣтъ, Жакъ — девяти, Марія — одиннадцати и мать тридцати пяти. Они остановились, считаютъ деньги и образуютъ такую дисгармонію съ окружающей толпой, что проходящія мимо, въ сопровожденіи англичанки, дѣти въ перчаткахъ останавливаются и разсматриваютъ ихъ съ упорнымъ любопытствомъ.

Пройдя вокзальные залы, наша семья входитъ въ купе третьяго класса. Мать и Марія садятся у открытаго окна другъ противъ друга; справа отъ нихъ — съ одной стороны — Луи, съ другой — Жанъ.

Входятъ другіе пассажиры: торговецъ скотомъ съ палкой, обтянутой кожей, садится возлѣ Жана, молодая женщина, судя по шляпкѣ и жакеткѣ кухарка, толкаетъ локтемъ Луи; господинъ съ мальчикомъ, очевидно, купецъ съ сыномъ, занимаютъ мѣста у слѣдующаго окна.

Поѣздъ трогается.

— Табакъ у тебя, Жанъ? А фуфайки ты не забылъ, Луи? — спрашиваетъ мать.

— Апельсины у меня, — говоритъ Марія съ важнымъ видомъ.

И быстрый взглядъ, брошенный ею на скамьи, показываетъ, что эта маленькая особа очень озабочена тѣмъ, что окружающіе подумаютъ о ней и ея родныхъ.

Темнорусые волосы ея зачесаны за лобъ, косичка сзади повязана голубой ленточкой. Лицо у нея изможденное, худое и чрезвычайно серьезное. Худенькія ея плечи и грудь об-

тянуты туго платыищемъ. Дѣвочка часто кашляетъ, тщетно дѣлая усиліе сдержаться.

Мальчики, подѣ густыми шевелюрами, болѣе беззаботны, не такъ блѣдны, одѣты въ передники, какіе носятъ школьники.

Поѣздъ мчится и впитываетъ въ себя мрачную атмосферу предмѣстья.

Луи. — Какъ онъ будетъ курить табакъ?

Жанъ. — Въ трубкѣ.

Марія (обмѣниваясь взглядомъ съ матерью). — Нѣтъ, въ папиросахъ, это лучше.

Жанъ. — Фуфайку онъ одѣнетъ внизъ, или сверху?

Мать. — Фуфайку всегда одѣваютъ внизъ.

Марія морщитъ брови: эти мальчишки ужасны, и чего они только все болтаютъ: могутъ еще проговориться при стороннихъ о вещахъ, которыя тѣхъ вовсе не касаются.

Луи. — Я ему скажу басню наизусть.

Марія (раздраженно). — Нѣтъ!

Мать. — Еще посмотримъ...

Луи. — Всѣ ученики ее говорятъ наизусть, и я тоже хочу.

Марія. — Ты ее скажешь дома.

Луи. — Когда же папа вернется домой?

Марія. — Послѣ... когда семейныя дѣла будутъ устроены. Но замолчи, пожалуйста! Только тебя и слышно.

Мать нервно сморкается, затѣмъ вытираетъ себѣ глаза.

Марія (громко, нарочно отчетливо выговаривая слова, чтобы окружающіе не подумали чего-либо лишняго). — У тебя, мама, все еще болятъ глаза, они опять слезятся!

Мать (поддерживая эту хитрость). — Это вѣрно стѣ вѣтра, очень ужъ здѣсь продуваетъ. Угомонись же ты, наконецъ, Луи. Извиняюсь за него, сударыня.

Луи (пассажиркѣ). — А! У васъ также табакъ! Вы, значитъ, тоже ѣдете повидать вашего папу?

Мать и Марія (вмѣстѣ). — Ну, что-ты, что-ты, Луи!

Дама слабо улыбается, легкая краска появляется и исчезаетъ быстро у нея на лицѣ; глаза ея бросаютъ взглядъ куда-то вдаль и тотчасъ же опускаются.

Марія совсѣмъ обезпокоена и недовольна своими братьями; особенно ее стѣсняетъ часто поворачивающіися къ нимъ господинъ въ пальто и круглой шляпѣ и мальчикъ приблизительно ея возраста, тоже внимательно наблюдающій ихъ всѣхъ.

Жанъ (высовываясь изъ окна). — Коза! (задумчиво): я очень люблю ѣздить въ поѣздѣ, только потомъ всю недѣлю надо ѣсть одинъ только хлѣбъ...

Марія (торопливо, блѣднѣя). — Конечно, дѣти, которые шалятъ... ихъ сажаютъ на сухой хлѣбъ.

Жанъ. — Неправда, это не потому... Это потому, что больше нѣтъ ниче...

Марія (заглушая его). — Послушай-ка, какъ желѣзный мостъ грохочетъ, какъ громъ... мы проѣзжаемъ Сену.

Луи. — Сена; столица—Парижъ...

Марія напрасно старается заглушить припадокъ сухого, мучительнаго кашля.

— Ты кашляешь, Марія, — говоритъ безпокойно мать.

Марія (возмущенно, съ блестящими глазами). — Да нѣтъ же, нѣтъ, мама! (Она призываетъ взглядомъ всѣхъ въ свидѣтели, что она не кашляетъ). У меня просто что-то застряло въ горлѣ...

Жанъ. — Гляди-ка, тамъ, за вокзаломъ, мальчикъ сидитъ на спинѣ у отца и что-то кричитъ, и машетъ платкомъ. Что онъ такое кричитъ? А, слышу: «Да здравствуетъ Франція и свобода!»

Марія (съ вымученнымъ смѣхомъ). — Онъ просто играетъ, какъ и ты иногда... играешь...

Луи. — Чего онъ ждетъ тамъ, этотъ жандармъ?

Жанъ. — Мама, вѣдь жандармы не унесутъ насъ въ мѣшкѣ?!

Марія (пожимаетъ плечами). — Охъ, эти малыши!

Луи (вполголоса матери). — Посмотри на эту даму съ щиплятами: какія у нея красивыя щеки, она не такая блѣлая, какъ ты. Мама, послушай, отчего это у тебя такія ямы въ щекахъ?

Марія (щиплетъ его и тихо ворчитъ). — У крестьянъ всегда красныя щеки, и это совсѣмъ не красиво. Люди, одѣтые, какъ въ Парижѣ, всегда худые...

Луи (реветъ, взбѣшенный щипками сестры). — Вотъ еще! У всѣхъ, всѣхъ красивыя щеки, только у насъ... только у насъ...

Жанъ (принимая сторону брата, громко хлюпаетъ носомъ, на зло сестрѣ).

— Вычисти же себѣ носъ, Жанъ!

— Не хочу!

Марии очень хотѣлось бы задать этимъ мальчишкамъ по заслугамъ, но сейчасъ, когда кругомъ столько народу, удобнѣе мирный исходъ. Она старается отыскать въ унылыхъ, мелькающихъ мимо вагона картинахъ что-нибудь интересное.

— Смотри, какой хорошенькій домикъ, можно было бы

подумать, что въ 'немъ живеть королева фей, знаете, что изображена въ вашемъ альбомѣ съ картинками...

Луи (мстительно). — Грязная, порванная тетрадка, а не альбомъ...

Жанъ. — Здѣсь совсѣмъ не тепло.

Марія. — Знаете вѣдь, что намъ надо будетъ много идти пѣшкомъ и вамъ легче будетъ бѣжать. Только поэтому...

Это «только поэтому» произносится тономъ, означающимъ: иначе мы взяли бы наши пальто, наши шубы. У насъ нѣтъ, чортъ возьми, ни въ чемъ недостатка!..

Свистокъ, поѣздъ замедляетъ ходъ. Мать и Марія готовятся къ выходу. Дама тоже беретъ свою корзинку.

Лица принимаютъ сосредоточенное выраженіе. Дыханіе матери, Марии и дамы переходитъ въ глубокій, скрытый вздохъ.

Упадаетъ снѣгъ.

Маленькая Марія поднимается; ея отчаянныя усилія сдержать кашель тщетны, и онъ вырывается у нея съ такой силой и звучитъ такимъ рыданіемъ, что всѣ на нее смотрятъ.

Но, опершись худенькой спиной на дверь, она вдругъ сурово взглядываетъ всѣмъ этимъ людямъ въ лицо, съ такимъ видомъ, точно она всѣхъ ихъ изобличаетъ во лжи. Глаза ея, полные безумнаго упорства, говорятъ, что все, что эти люди думаютъ, все, о чемъ они догадываются, — неправда, неправда! Она задыхается, но всѣмъ своимъ возбужденнымъ личикомъ запрещаетъ имъ догадываться о чемъ бы то ни было.

И никакія угрозы не помогли бы тутъ: ничего этого нѣтъ — ни блѣдныхъ щекъ, ни холода въ сухомятку, ни табака, ни фуфайки, ни ея собственнаго мучительнаго кашля!..

Она скрываетъ, подавляетъ сверхъестественнымъ усилениемъ свое волненіе, и когда она, наконецъ, можетъ говорить, — она произноситъ съ насильственной улыбкой, самой печальной изъ улыбокъ, какія когда-либо появлялись на лицѣ ребенка:

— Надѣюсь, что мы хорошо погуляемъ...

А на перронѣ раздается полный безжалостной ироніи выкрикъ — названіе тюремной станціи:

— Пуасси! Пуасси!

II.

Гнѣздо.

Мадемуазель Жаннѣ Бизъ двадцать лѣтъ. Какъ только она получитъ дипломъ учительницы, родители отдадутъ ее замужъ за избранника ея сердца. И ей нуженъ еще только

благоприятный отзывъ инспекціи, отъ котораго зависитъ все ея счастье.

Въ одинъ прекрасный день, когда она замѣщала учительницу въ дѣтской школѣ въ кварталѣ Платриеръ, ей доложили вдругъ о визитѣ господина инспектора начальныхъ училищъ. Вотъ случай, чтобы получить желанный отзывъ.

Жанна давно уже предвидѣла этотъ случай, она заранѣе заготовила тему для урока, а именно рассказъ, который долженъ былъ, безъ сомнѣнія, вызвать у дѣтей интересъ и, посредствомъ умѣло и естественно задаваемыхъ вопросовъ, самъ собой наводитъ ихъ на интересные отвѣты.

Она выбрала прекрасную тему: «Гнѣздо». Развѣ это не самый подходящий рассказъ для дѣтской школы? Есть развѣ тема, которая ближе бы касалась маленькихъ, только распускающихся къ жизни дѣтей? И не имѣетъ ли гнѣздо, символъ сладкихъ надеждъ, нѣжно взлелѣянныхъ плановъ о жизни чего-то общаго съ начинающей учительницей, преисполненной мечтаній о жизни?

* * *

Господинъ инспекторъ садится на стулъ возлѣ кафедры преподавательницы. Она можетъ начать и вести урокъ, какъ будто бы его и не было.

Слава Богу, этой улыбающейся рассказчицѣ со свѣтлыми волосами и мягкимъ, тонкимъ лицомъ нечего бояться своей аудиторіи: никогда она не видѣла такихъ блѣдныхъ, жалкихъ дѣтей. И эти блѣдныя, малокровныя личики выражаютъ такое довѣрчивое любопытство, лукавыя глазенки такъ блестятъ и ждуть. Видно, что дѣти готовятся всѣмъ своимъ существомъ слушать мадемуазель.

Урокъ начинается.

— Вы знаете птичекъ. Какихъ птицъ вы видѣли?

Большіе ребята отвѣчаютъ хоромъ:

— Воробьевъ, зябликовъ, чижиговъ...

Жанна дополняетъ этотъ скромный перечень, называетъ всевозможныхъ птицъ, и одно уже это богатство свѣдѣній хорошо рекомендуетъ ее предъ господиномъ инспекторомъ.

— Птицы, какъ и люди: есть среди нихъ молодые, это— дѣти, и болѣе пожилые — родители, словомъ, маленькія птички имѣютъ папу и маму, какъ и вы.

Но тутъ неожиданная реплика. Одна дѣвочка добродушно смѣется: ее забавляетъ, что удалось поймать учительницу на такой грубой ошибкѣ.

— У насъ нѣтъ папы.

И въ разныхъ мѣстахъ класса мальчики и дѣвочки прыскаютъ: ну, и невѣжественна же мадемуазель!

— Нѣтъ, никакого папы у насъ нѣтъ!

Жанна продолжаетъ говорить слегка смущеннымъ голосомъ.

— Птицы должны, какъ вы знаете, спать гдѣ-нибудь, — какъ ваши мамы спятъ ночью въ комнатѣ.

Новый протестъ. Одинъ мальчикъ пожимаетъ плечами:

— А мама-то ночью не спитъ, она вѣдь въ типографіи работаетъ!

И другой:

— И наша нѣтъ; она не приходитъ на ночь домой.

Право, Жанна начинаетъ терять свою увѣренность. Она колеблется и начинаетъ немного путаться въ такъ хорошо приготовленномъ рассказѣ:

— Но у каждого изъ васъ, есть вѣдь квартира и вы спите въ кроватяхъ...

— Нѣтъ, у меня нѣтъ кровати, — заявляетъ строгая брюнетка, которая, какъ это ей ни неприятно, не можетъ пропустить подобной неточности.

Тогда Жанна окончательно теряется и рѣшаетъ вовсе пропустить рядъ вопросовъ и перейти непосредственно къ главной части.

— Я хочу рассказать вамъ о гнѣздѣ, которое служить домомъ для птичекъ; въ гнѣздѣ тепло, хорошо; въ гнѣздѣ птичка находитъ все, что ей нужно. И вы, дѣтки, также живете въ своихъ гнѣздахъ.

Въ отвѣтъ цѣлый градъ возраженій.

— У насъ-то холодно...

— А меня сѣкутъ...

* * *

Жанна окончательно обезкуражена, урокъ ея не клеится, впечатлѣніе произвела она, конечно, дурное. Гнѣзда со всѣми его радостями для большинства маленькихъ бѣдняковъ этой школы не существуетъ.

И она торопится подойти къ концу.

— Есть дурные люди, которые портятъ гнѣзда, утаскиваютъ маленькихъ, беззащитныхъ птичекъ, которыя, хотя немножко и летаютъ, но не такъ хорошо, чтобы спастись; бѣдныя малютки, имъ трудно улетѣть. Напримѣръ, если-бы вы побѣжали, то я бы васъ скоренько поймала....

На этотъ разъ согласіе.

— А, — женщина полицейскій, женщина — дворникъ?..

Это ужасный ударъ для Жанны: она не можетъ даже заставить ихъ понять себя! А господинъ инспекторъ смот-

рить безстрастно, и сохраняет ледяное молчаніе; слышна только его нога, которой онъ постукиваетъ о полъ, быстро, безъ остановки. Все потеряно!.. Совсѣмъ ужъ ясно видитъ Жанна, какъ ея назначеніе отсрочено на неопредѣленное время, замужество разстроилось, мечты разбиты...

И голосъ ея становится опять проникновеннымъ, лицо принимаетъ какое-то особенное выраженіе.

— Надо обязательно уважать и защищать гнѣзда; уничтожить гнѣздо, это значитъ уничтожить надежду, будущее. жизнь. Когда нѣтъ гнѣзда, то ничего больше нѣтъ...

Она высказываетъ какъ бы свое собственное горе, какъ бы говорить о крушеніи собственныхъ надеждъ.

Это ея несчастье такъ реально, что отзывается въ дѣтскихъ душахъ. Ребята смотрятъ на учительницу съ жалостью и, какой-то бессознательной печалью.

Одна дѣвочка на первой скамейкѣ какъ бы осѣняется даромъ ясновидѣнія: она смотритъ на Жанну, свѣсивъ голову, и въ одномъ словѣ выражаетъ свое состраданіе:

— Бѣдная, маленькая курочка...

* * *

И сразу совершается чудо. Подобно растерявшейся ученицѣ, которой подсказали подходящее слово, юная учительница сразу оправляется: теперь она уже знаетъ, что ей дѣлать, — она спасена.

— Но, дѣти мои, у васъ есть еще одно гнѣздо, въ которомъ вы можете укрыться передъ всякой опасностью: это ваша школа. Вы всѣ наши птички...

Радостныя восклицанія:

— А вы бѣлая, хорошенькая курочка!

— Бѣлая и черная...

— Съ розовымъ клювикомъ...

Полное одобреніе, всѣ лица счастливы; на этотъ разъ ей удалось: рассказъ хорошо воспринимается, сравненіе вполне подходитъ къ нимъ, они, дѣйствительно, видятъ все такъ, какъ имъ рассказываетъ учительница.

— Здѣсь вы, какъ маленькія птички въ гнѣздѣ: всѣ равны, всѣ братья и сестры, васъ собрали сюда, чтобы вы любили другъ друга и росли вмѣстѣ.

И дѣти чувствуютъ себя впрямь маленькими птичками: они прижимаются другъ къ другу, пищатъ «кюи-кюи», прикладываются «клювомъ къ клюву», чтобы щебетать другъ съ другомъ, чтобы ласкаться, какъ птички.

— Когда вамъ холодно, это какъ бы отъ того, что у васъ

недостаточно перьевъ, но вы придете въ школу — и вамъ тепло....

Дѣти изображаютъ птенчиковъ, которые сворачиваются въ шарикъ, прося, чтобы ихъ согрѣли, пріютили.

— Есть много, очень много вещей, которыхъ вы не можете сдѣлать, ибо ваши крылышки еще недостаточно выросли. И когда учительницы рассказываютъ вамъ урокъ, то это то же самое, какъ когда мама птичекъ вкладываетъ имъ пищу въ клювикъ...

Классъ совсѣмъ превращается въ гнѣздо: всѣ дѣти удлиняютъ шеи, протягиваютъ клювы, чирикаютъ, взмахиваютъ крыльями.

Учительница продолжаетъ свой рассказъ легко и краснорѣчиво. Она обводитъ взглядомъ всѣхъ дѣтей по очереди, и у нея въ самомъ дѣлѣ такой видъ, точно она собирается кормить ихъ, какъ птичекъ.

А господинъ инспекторъ улыбается, растроганно наблюдая это гнѣздо бѣдныхъ, жадныхъ воробьевъ.

III.

Мама меня поцѣловала!

Полить Марго, самый хилый и ободранный изъ всѣхъ мальчишекъ квартала Платриеръ, обладалъ, пожалуй, самой сильной волей къ жизни. Правда, этотъ шестилѣтній мальчуганъ напоминалъ своимъ изможденнымъ лицомъ съ впавшими щеками восьмидесятилѣтняго старика, но глаза его сверкали, густые темнорусые волосы стояли торчкомъ, и вся его фигура была полна какой-то свирѣпой энергии. Весь — кожа да кости, постоянно голодный, не знающій заботливости и ласки, онъ существовалъ лишь благодаря своему непреодолимому желанію жить. Мать не слишкомъ его била, а просто оставляла на произволъ судьбы. Это была чувствительная женщина, всѣ любовныя связи которой кончались печально, и вся ея жизнь уходила на постоянныя семейныя драмы. Несмотря на безконечную смѣну своихъ семейныхъ связей, она сохраняла для удобства одно и то же безсмѣнное имя: мать Марго. Можно-ли, въ самомъ дѣлѣ, знать заранее, сколько разъ придется мѣнять избранниковъ сердца? Пришлось бы только тѣмъ и заниматься, что мѣнять свою фамилію.

* * *

Въ этотъ четвергъ утромъ случилось нѣчто изумительное. Полить собирался какъ разъ уйти изъ дому, чтобы ис-

чезнуть на весь день, какъ вдругъ мать посмотрѣла на него и даже—заговорила съ нимъ!

— Смотри, не пачкайся сегодня и не растягивай дыръ на жилеткѣ, надо, чтобы вечеромъ у тебя былъ хороши видъ.

Дѣло заключалось вотъ въ чемъ. Послѣ своего послѣдняго разрыва, происшедшаго около двухъ недѣль тому назадъ, мать Марго вступила въ романтическіе переговоры съ грузчикомъ Котоннэ, и въ этотъ вечеръ должно было произойти обрученіе. Но, благодаря сознательной забывчивости невѣсты, женихъ предполагалъ, что избранница его сердца—безъ ребенка. Лишь сегодня она рѣшилась вывести на сцену Полита и предложить его въ приданое, какъ пріятную премию, способную лишь еще болѣе украсить счастливую идиллю.

Это былъ какъ разъ періодъ вражескихъ столкновений между школьниками квартала Платриеръ и квартала Пануйо. Въ этотъ день происходило генеральное сраженіе, въ которомъ обѣ стороны обмѣнялись изряднымъ количествомъ тумачковъ. Платриерцы, вынужденные спастись бѣгствомъ, оставили гражданамъ квартала Пануйо безцѣнные трофеи, среди которыхъ виднѣлось множество отрывковъ отъ подола рубашъ. А вечеромъ, когда, собравшись, стали подводить итоги подвигамъ и понесеннымъ потерямъ, всѣ должны были признать, что Политъ отличился наибольшимъ мужествомъ и что на его долю выпало и наибольшее число испытаній. Мало того, что его почернѣвшее отъ уличной копоти лицо было испещрено громаднѣйшими царапинами, его жилетка свѣшивалась кусками, и что самое важное — тутъ предводители и солдаты склонили головы передъ героемъ — онъ потерялъ одну штанину. Онъ былъ покрытъ славой, но задняя часть его тѣла поблескивала сквозь остатки одежды.

Вдругъ его подбитые глаза сузились: онъ вспомнилъ серьезный разговоръ съ матерью и ея приказаніе. И, оставивъ своихъ товарищей по оружію, онъ направился въ угрюмомъ раздумьѣ домой, придерживая осторожно пальцами развѣвующіеся остатки своего туалета.

* * *

Тѣмъ временемъ мать Марго праздновала торжественную церемонію помолвки, на которой, кромѣ грузчика Котоннэ, присутствовали двѣ надлежаще вымуштрованные сосѣдки.

Послѣ маринованной селедки, когда соблазнительный запахъ заячьяго жаркого создалъ особенно благоприятный

моментъ, хозяйка вспомнила совершенно забытый раньше, во время любовныхъ объясненій, радостный фактъ:

— Другъ мой, — обратилась она съ улыбкой къ грузчику, — а я вѣдь забыла вамъ сказать: у меня то сыночекъ есть, шесть лѣтъ ему.

— Вотъ какъ! Каковъ же онъ собой, вашъ мальчикъ? — спросилъ очень осторожно грузчикъ.

Тотчасъ же и мать и сосѣдки стала наперебой расхваливать Полита: ужъ такой-то онъ замѣчательный, такой хорошей мальчишка, на него прямо любо посмотрѣть.

Трудно представить себѣ, какъ весь кварталъ ей завидуетъ, что у нея такой сынъ.

Онъ развели столько лиризма, что хватили черезъ край. Грузчикъ испугался. «Вотъ, — подумалъ онъ, — деликатный и избалованный ребенокъ, одно содержание его будетъ для меня большой обузой; затѣмъ и нравственная отвѣтственность слишкомъ велика; я, право, не обладаю достаточнымъ образованиемъ, чтобы воспитывать, какъ этого требуетъ отцовская обязанность, этого молодого человѣка».

И онъ заявилъ, что ему надо еще подумать, прежде, чѣмъ дать официально согласіе: мальчикъ-то ужъ очень его беспокоитъ.

Мать Марго пришла въ отчаяніе. Ей приходилось отказываться отъ сладкаго союза—или отъ ребенка. Какая тяжелая борьба между требованіемъ сердца и велѣніемъ материнскаго чувства! И какъ избавишься отъ Полита? Мальчишка-то, вѣдь настойчивъ...

Нѣкоторое время обѣдъ продолжался въ мрачномъ молчаніи; заячье жаркое ѣли такъ небрежно, что оставались нетронутыми цѣлые хрящики, которые вполнѣ можно было бы еще разъ подать къ столу... Но вдругъ легкій шумъ заставилъ головы повернуться къ двери.

* * *

Политъ просидѣлъ довольно долго на краю тротуара, покружилъ нѣкоторое время въ нерѣшительномъ раздумьи около дома. Но тротуаръ былъ холоденъ, голодъ давалъ себя сильно чувствовать, и онъ рѣшился подняться по лѣстницѣ въ квартиру.

И вотъ онъ появился, этотъ безстрашный герой, напоминая своимъ растерзаннымъ видомъ не то избитую собаку, не то вымазаннаго въ илѣ утопленника; волосы его взъерошены, лицо искалѣчено, сквозь лохмотья одежды виднѣется костлявое, грязное тѣло...

— Какъ? Это и есть Политъ?—спросилъ живо грузчикъ.

— Значитъ, вы мнѣ нарочно такъ расписывали его, чтобы меня испугать?

— Конечно, я только пошутила!

— Онъ всегда такой же, это правда?

— Всегда, я вамъ ручаюсь!

— Если такъ, то мы женимся, мадамъ Марго.

Всеобщая радость, объятія, поздравленія. Какая счастливая случайность: будь цѣла вторая штанина — и не бывать бы счастью!

Посыпались веселые шуточки, откупорились бутылки, зазвенѣли стаканы. Полить былъ также приглашенъ принять участие въ пиршествѣ.

* * *

Слишкомъ большіе сюрпризы сдавливаютъ желудокъ. Полить, ожидавшій головной и жестокой порки, совершенно подавленъ неожиданно радостнымъ и доброжелательнымъ приѣмомъ. Только что адски голодный, онъ теперь съ трудомъ глотаетъ хлѣбъ и маринованную селедку. Розги не помѣшали бы ему пообѣдать, но это общее дружелюбіе сжимаетъ ему сердце.

Къ счастью, у него не спрашиваютъ о причинахъ его воздержности. Всѣ взрослые идутъ прогуляться и оставляютъ его за столомъ. Увы! Одиночество не помогаетъ ему. Онъ боленъ и — ничего не подѣлать — не можетъ ѣсть!

Крайне важныя дѣла задерживаютъ, видно, мать: она такъ долго не возвращается... Полить ложится и дрожитъ отъ озноба.

На слѣдующее утро зашла случайно одна изъ вчерашнихъ участницъ пира и позвала врача изъ благотворительнаго общества, который какъ разъ былъ въ этомъ домѣ. Старый врачъ обезпокоенъ видомъ Полита, ибо онъ хорошо знаетъ темпераментъ мальчика. Видно Полить совсѣмъ обезсиленъ: куда дѣвалась его обычная неизсякаемая энергія и жизнерадостность? Случилось, очевидно, что-то особенное. Его лицо обычно такое упрямое, стало какъ бы кроткимъ, мягкимъ. Откуда эта тоска во взорѣ?

— Что съ тобой, Полить, тебя кто-нибудь обидѣлъ? Случилось съ тобой что-нибудь? — спрашиваетъ врачъ.

Онъ видитъ, что ребенокъ сломленъ, что пламя его жизни колеблется, дрожитъ, можетъ потухнуть. Онъ наклоняется надъ мальчикомъ, который съ блуждающими глазами шепчетъ ему въ отвѣтъ...

— Мама меня поцѣловала...

Пер. съ франц. Н. Шеръ.

МИСТЕРЪ БРИТЛИНГЪ ПЬЕТЪ ЧАШУ ДО ДНА.

Романъ Г. Дж. Уэллса.

(Продолженіе)*.

КНИГА ПЕРВАЯ.

**ВЪ МАТЧИНГСЪ-ИЗИ ЖИЗНЬ ТЕЧЕТЪ СВОИМЪ
ЧЕРЕДОМЪ.**

Глава V.

Наступленіе «дня».

VII.

Послѣ отъѣзда м-ра Дирека международныя событія начали развиваться съ чрезвычайной быстротой. Какъ будто его американская разсудительность до сихъ поръ задерживала ходъ ихъ. Прежде чѣмъ его открытка изъ Роттердама успѣла получиться въ Дауеръ-Хаузѣ, Австрія уже предъявила ультиматумъ Сербіи; а Сисели еще не получила письма, которое онъ написалъ ей изъ Кельна, письма, написаннаго тѣмъ единообразнымъ почеркомъ, который стенографія и пишущая машина дѣлають столь характернымъ для Америки, — когда Россія уже начала мобилизоваться, и, какъ будто поднятімъ занавѣса, — на которомъ всѣ событія предыдущей недѣли были лишь легкомысленнымъ узоромъ, — раскрылась потрясающая возможность все-европейской войны. Такъ настойчива была эта вскрывшаяся реальность, что даже разстрѣлъ мирныхъ гражданъ въ Дублинѣ, послѣ инцидента съ выгрузкой оружія въ Хаутѣ, съежился до событія третьестепенной важности. Мысли м-ра Бритлинга вернулись отъ своихъ безпокойныхъ скитаній и застыли на созерцаніи мчавшихся откуда-то изъ пустоты грозныхъ тучъ, постепенно заволакивавшихъ небо. Онъ смотрѣлъ на это небо, наблюдалъ его, удивленный и невѣрящій собственнымъ глазамъ, наблюдалъ, какъ рушится и опровергается его столько разъ высказанная вѣра въ здра-

* См. „Лѣтопись“ № 8, за 1916 г.

вый смыслъ и миролюбивыя стремленія Германіи; наблюдалъ всей безличной стороною своего существа, въ то время, какъ личная жизнь его стала течь по колеѣ, которая все болѣе и болѣе углублялась и суживалась по мѣрѣ того, какъ сознание м-ра Бритлинга отъ нея отвлекалось.

Никогда еще столь ясно не опредѣлялось раздвоение его мысли. Съ одной стороны, Бритлингъ отвлеченнаго сознанія видѣлъ, какъ, подобно дневному свѣту, тающему, когда окно закрывается ставней, — исчезалъ и таялъ миръ человѣчества; съ другой стороны, м-ръ Бритлингъ личныхъ переживаній убѣждался, какъ всѣ пріятныя уютности его взаимоотношеній съ миссисъ Харродинъ исчезали въ тинѣ все осложнявшейся иррациональной ссоры. Ему не хотѣлось терять миссисъ Харродинъ; наоборотъ, онъ съ чрезвычайно глубокой и глубоко-эгоистичной досадою относился къ ихъ охлажденію. Это, казалось, было безмысленнымъ окончаніемъ отношеній, крайнюю и незамѣнимую пріятность которыхъ онъ только началъ сознавать.

Дѣло не въ томъ, что онъ въ нее влюбленъ. Онъ зналъ такъ же ясно, какъ если бъ себѣ самому сказалъ это: — онъ не былъ влюбленъ. Но съ другой стороны, было такъ же ясно, хотя не такъ подчеркнуто, что, собственно, и она тоже не была въ него влюблена. Въ томъ то и заключалась удовлетворяющая пріятность этихъ отношеній, что въ сущности въ нихъ не было любви, отсутствовала чувственность. Это давало ихъ мыслямъ возможность играть, всѣми терминами и пріемами любви, безъ сопровождающихъ обычно такіа отношенія горестей и разочарованій. Женщина могла вызывать слезы и улыбки, какъ вызываютъ по звонку прислугу; а мужчина игралъ свою роль любовника, не сознавая, что теряетъ власть надъ собой. Оба они удовлетворяли бы другъ въ другѣ давно испытываемую каждымъ потребность въ дружбѣ съ человѣкомъ иного пола, если бъ она могла сдержать свою странную склонность къ ревности и чисто женское стремленіе дразнить. Вотъ этимъ-то она и нарушала условность ихъ отношеній, внося въ нихъ серьезныя реальности, и эта маленькая трещина расширилась теперь до значительнаго разрыва. Онъ зналъ, что въ минуты, когда она была въ состояніи здраво рассуждать, она такъ же, какъ и онъ, боялась этой трещины и хотѣла уничтожить ее. Но глубокая примитивность инстинктовъ, черезъ которые они молчаливо согласились перебросить мостъ, размыла и угнала своей волной сваи ихъ примиренія.

Если они не смогутъ прочно установить этотъ мостъ, то

все должно будет кончиться, а м-ръ Бритлингъ чувствовалъ, что конецъ ихъ отношеній вызоветъ у него состояние крайняго раздраженія. Она пойдетъ къ Оливеру; она выйдетъ замужъ за него, — м-ръ Бритлингъ зналъ ее достаточно хорошо, и былъ увѣренъ, что она постарается безжалостно бросить въ лицо ему свое счастье съ Оливеромъ. А онъ, не имѣя про запасъ никакой соотвѣтствующей Оливетты, останется своего рода эмоциональнымъ холостякомъ, со свободными часами и вечерами, съ неудовлетворенной потребностью въ лести женщины. Его будетъ мучить ревность, и тутъ онъ приходилъ къ выводу — отъ этого пострадаетъ его работа. Работа не сумѣетъ его захватить, пока всѣ эти случайныя потребности, которыя она утоляла, будутъ бродить въ немъ неудовлетворенными.

По обычаю нашего, все еще слишкомъ юнаго, міра, м-ръ Бритлингъ и миссисъ Харродинъ начали обсуждать эти, крайне неромантическія обстоятельства, въ выраженіяхъ той простой, честной юношеской страстности, которая и по сей день остается единственнымъ языкомъ, доступнымъ для такой темы. Временами м-ръ Бритлингъ доходилъ почти до того, что начиналъ себя убѣждать, будто онъ испытываетъ къ ней нѣчто подобное той страстной любви, которую онъ когда-то испытывалъ къ своей Мэри, и что возможная потеря Харродинъ не имѣла никакого отношенія къ удобствамъ Пайкрафтса. Въ сущности, единственное обстоятельство во всей этой сложности эмоцій, которое все еще сохраняло въ его мысляхъ часть своей юношеской свѣжести—было очень сильное нежеланіе уступить ее кому бы то ни было. Въ довершеніе, онъ питалъ къ ней слабый намекъ чисто отеческаго чувства, которое не сталъ бы питать человѣкъ моложе его по лѣтамъ, и это чувство заставляло его сильно беспокоиться, какъ бы она не погубила свою жизнь бракомъ съ человѣкомъ, за котораго она вышла просто изъ желанія кому-то насолить. Но это кажущееся великодушіе было свѣтлой стороною чувства ревности, сводившагося преимущественно лишь къ жаднѣ обладанія.

Первый возобновилъ переписку м-ръ Бритлингъ, написавъ ей коротенькое письмецо съ извиненіями за помятую автомобилемъ цвѣточную клумбу, и это вызвало замѣчательно трогательный отвѣтъ. Онъ въ свою очередь совершенно естественно отвѣтилъ, приводя свои увѣренія и декларации. Но прежде, чѣмъ получить его второе письмо, настроеніе ея рѣзко измѣнилось. Она рѣшила, что если онъ,

дѣйствительно, жалѣть о случившемся и любить ее, то вмѣсто того, чтобы писать ей письма, онъ прибѣжалъ бы къ ней обезумѣвшій, въ драматическомъ состояннн, и на колѣняхъ умолялъ бы простить его. Въ такомъ духѣ она и написала второе письмо, которое въ дорогѣ встрѣтилось съ его вторымъ. Ея литературное дарованіе, взявъ надъ ней верхъ, развило этотъ тезисъ въ болѣе общую критику его обычнаго невнимательнаго отношенія къ ней, и заставило ее заявить, что она потеряла всякую надежду на счастье съ нимъ, что она рѣшила покончить все разъ навсегда и, послѣ приличнаго интервала, вызвать Оливера и наградить его за его терпѣливость и доброту.

А тутъ положеніе вещей въ Европѣ совсѣмъ взвинтило нервы м-ра Бритлинга, и онъ отвѣтилъ письмомъ, которому предназначалось быть примирительнымъ, но которое выродилось въ упреки за ея «неразсудительность». Въ это время она получила его второе нѣжно-краснорѣчивое письмо; оно глубоко ее тронуло, и, облегчивъ въ предыдущемъ своемъ посланнн душу отъ многого, что неприятно ее мучило, она отвѣтила новымъ посланнмъ, на этотъ разъ тоже нѣжно любящимъ. Съ этого момента ихъ переписка приняла характеръ двойственный, стали чередоваться письма озлобленныя и нѣжныя. Третье ея письмо было нѣжнымъ, и онъ въ своемъ четвертомъ такъ же нѣжно ей отвѣтилъ. Но въ промежуткѣ она получила его третье и отвѣтила на него со значительной ѣдкостью, на которое его пятое было соотвѣтствующимъ откликомъ, отправленнымъ за нѣсколько часовъ до полученія ея великодушнаго и заключительнаго пятаго. На пятое его письмо она отвѣтила телеграммой въ субботу вечеромъ — въ субботу 1-го августа новаго стиля 1914 г. Оливеръ въ это время находился въ Голландіи, куда отправился за крайне заслуженнымъ отдыхомъ отъ своихъ эмоціональныхъ переживаній, и она телеграфировала м-ру Бритлину: «Телеграфировала Оливеру онъ пріѣдетъ на мой зовъ не трудитесь отвѣчать мою телеграмму».

Она была крайне удивлена, не получивъ въ теченіе цѣлыхъ двухъ дней никакого отвѣта. Не получила же она никакого отвѣта по той причинѣ, что съ телеграфными проводами Англнн какъ разъ въ это время приключались странныя явленія, и ея телеграмма была доставлена м-ру Бритлину только въ понедѣльникъ утромъ. Онъ же въ это время находился въ Клаверингсѣ, обсуждая вторженіе нѣмцевъ въ Бельгію, дѣлавшее неизбѣжнымъ участіе Англнн въ войнѣ, и поэтому до половины шестого вечера не

вскрылъ красно-коричневаго конверта телеграммы. Онъ не обратилъ вниманія на день и часъ отправки телеграммы, но сейчасъ-же сообразилъ, что это въ сущности — вызовъ. Онъ понялъ, что отъ него ждутъ, чтобы онъ тотчасъ-же сѣлъ въ «Глэдисъ» — теперь совершенно поправившуюся съ помощью опытнаго механика — поѣхалъ въ Пайкрафтсъ и навсегда кончилъ эту злосчастную ссору страстной и драматической сценой. Но мысли его были такъ поглощены войной, что это все ему показалось безцвѣтнѣйшей и непривлекательнѣйшей изъ обязанностей. Съ другой стороны, онъ чувствовалъ, что какой-то таинственный кодексъ чести негласнаго любовнаго похождения обязываетъ его сыграть роль до конца. Онъ отложилъ свой отъѣздъ до послѣ ужина — не было причинъ опасаться ѣхать на автомобилѣ ночью, при свѣтѣ луны, если онъ будетъ остороженъ. — Но тутъ пришли Гью и Сисси и потребовали партію въ хоккей. Хоккей замѣчательно успокаивалъ нервы, давалъ такую возможность забыть на время ужасающую катастрофу, приносимую этой войной, которую онъ всегда считалъ невозможной, что, признаться, онъ страшно обрадовался ихъ инициативѣ...

VIII.

Въ четвергъ, 23-го іюля новаго стilia, австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ предъявилъ сербскому правительству свой невозможный ультиматумъ и потребовалъ отвѣта въ теченіе сорока восьми часовъ. Теперь, оглядываясь назадъ, мы знаемъ, что это означало. Рѣшено было снова выкопать изъ могилы сараевское дѣло и использовать его, какъ поводъ для войны. Но тогда девятьсотъ девяносто девять европейцевъ изъ тысячи все еще не подозревали, что происходитъ. Ультиматумъ игралъ видную роль въ заголовкахъ утреннихъ лондонскихъ газетъ, которыя получились въ Матчингсъ-Изи въ пятницу, но самъ ультиматумъ далеко не поглощалъ собой всѣ другія сенсации. Первое мѣсто было отведено отказу сэра Эдуарда Карсона отъ уступокъ, предложенныхъ Ульстеру правительствомъ; почти такое же вниманіе, какъ извѣстіямъ изъ Сербіи, было удѣлено процессу Кайо и столкновеніямъ рабочихъ съ казаками въ Петербургѣ. На вопросъ Н.гг Heiprich'a за завтракомъ послѣдовали успокоительные отвѣты.

Въ субботу центральное мѣсто все еще занималъ сэръ Эдуардъ Карсонъ; Россія вмѣшалась и потребовала отсрочки для отвѣта Сербіи, и «Daily Chronicle» объявилъ этотъ день критическимъ для Европы. Къ понедѣльнику Дублинъ съ

его штыковыми атаками и стрѣльбой совѣмъ было заставилъ забыть о Сербіи. Еще ни одного выстрѣла не раздавалось на востокѣ, а каша въ Ирландіи, на которую такъ рассчитывала Германія, сильно развивалась. Говорили, что сэръ Эдуардъ Грей изо всѣхъ силъ старается сохранить миръ въ Европѣ.

— Это, знаете, напоминаетъ тотъ рассказъ про мальчика, который пугалъ пастуховъ, крича: «Волкъ! Волкъ!» — сказала м-ръ Бритлингъ Herr Heinrich'у.

— Да, но въ концѣ концовъ волкъ все же появился, — отвѣтилъ Herr Heinrich.— Ахъ, какъ я жалѣю, что не послалъ вступительный взносъ на этотъ конгрессъ эсперантистовъ. Я увѣренъ, что онъ не состоится.

— Смотрите, — сказала Тедди успокоительно Herr Heinrich'у во вторникъ, показывая ему газету, въ которой «Кровавые событія въ Дублинѣ» загнали въ нижній уголъ листа «Грозовая туча войны разсѣивается».

— Что мы вамъ говорили? — сказала миссисъ Бритлингъ. — Никому не хочется всеевропейской войны.

Но въ среду газеты какъ бы начали оправдывать опасенія Herr Heinrich': Германія потребовала отъ Россіи пріостановки мобилизаци.

— Но Россія, конечно, будетъ мобилизоваться, — сказала Herr Heinrich'.

— Или же навсегда ей придется затихнуть, — сказалъ Тедди.

— И тогда начнетъ мобилизоваться Германія, — продолжалъ Herr Heinrich,— и конецъ моему отпуску и моимъ каникуламъ. Мнѣ тоже придется ѣхать и мобилизоваться. Мнѣ тоже придется воевать. У меня наверху лежатъ мобилизационныя бумаги.

— Я никогда до сихъ поръ не представлялъ васъ солдатомъ, — сказалъ Тедди.

— Видите ли, я получилъ отсрочку до сдачи кандидатскаго экзамена, — пояснилъ Herr Heinrich.— А теперь все это — пуфъ! И мое кандидатское сочиненіе почти на три четверти готово!

— Да, это дѣло серьезное — замѣтилъ Тедди.

— Verd mmit Dummheit—сказалъ Herr Heinrich.— Зачѣмъ они такія вещи устраиваютъ!?

Въ четвергъ, 30-го іюля, Кайо, Карсонъ, забастовки и всѣ тому подобныя обычныя сенсаціи жизни, были совершенно сметены съ первыхъ страницъ газетъ.

Биржа находилась въ состояніи паники, а цѣны на сѣбственные продукты начали подниматься быстрыми скачками.

Австрія, вопреки принятымъ до сего обычаямъ войны, уже бомбардировала Бѣлградъ. Россія лихорадочно мобилизовалась. М-ръ Асквитъ же, по собственнымъ его увѣреніямъ, не оставлялъ упорныхъ попытокъ «сдѣлать все возможное, чтобы ограничить сферу дѣйствія возможнаго конфликта». Вѣнская конференція «общества мира» была отложена.

— Я не вижу, почему конфликтъ между Россіей и Австріей неминуемо долженъ захватить и всю западную Европу — говорилъ м-ръ Бритлингъ. — Вѣдь мы непосредственно заинтересованы только въ судьбахъ Франціи и Бельгіи.

Но Негг Нейнгіш смотрѣлъ на дѣло иначе.

— Нѣтъ, — говорилъ онъ. — Это — война, та самая война! Наконецъ она пришла! Я часто въ Германіи слышалъ, какъ о ней говорили. Но я никогда не вѣрилъ, что она все-таки будетъ. Ахъ, она ни съ кѣмъ не считается! Пока не будетъ повсемѣстно введено эсперанто, такія вещи неминуемы.

Пятница принесла снимки, изображающіе мобилизацію въ Вѣнѣ, и извѣстіе, что Бѣлградъ горитъ. Юноши въ соломенныхъ шляпахъ, очень похожіе на бельгійскихъ или французскихъ, или англійскихъ юношей, были изображены шествующими по улицамъ Вѣны; они торжественно несли флаги или знамена, трубили въ трубы, размахивали шляпами и что-то кричали. Къ субботѣ уже вся Европа начала мобилизоваться, и Негг Нейнгіш поѣхалъ на велосипедѣ Тедди на станцію, чтобы раздобыть вечернихъ газетъ.

Мобилизація и переживания Негг Нейнгіш'а теперь стали центральными интересами жизни въ Дауеръ-Хаузѣ. Два младшихъ Бритлинга весьма энергично мобилизовались на полу въ дѣтской. У старшаго было сто девяносто оловянныхъ солдатиковъ, со значительнымъ обозомъ и довольно многочисленной артиллеріей; у младшаго же армія состояла изъ ста двадцати трехъ единицъ, не считая трехъ желѣзнодорожныхъ носильщиковъ съ телѣжками, полисмена, пяти лицъ гражданскаго званія и двухъ дамъ. Кромѣ того они надѣлали себѣ изъ бумаги множество англійскихъ и германскихъ флаговъ. Но, такъ какъ ни одинъ, ни другой, не желалъ позволить своимъ войскамъ быть какой-нибудь иностранной арміей, то они, наконецъ, рѣшили быть «красными» и «синими», соответственно преобладающей окраскѣ мундировъ въ ихъ арміяхъ. Одновременно съ этимъ Негг Нейнгіш, сильно запинаясь, сознался, что его горе усложняется никому до сихъ поръ неизвѣстнымъ и неожиданнымъ про-

явленіемъ эмоциональнаго интереса къ дочери сельскаго трактирщика. Это была кроткая, воспримчивая молодая дѣвица, по имени Модъ Хиксонъ, которую юноша, какъ оказалось, перекрестилъ болѣе поэтическимъ именемъ Маргариты.

— Мы часто бесѣдовали, о, да, очень часто, — увѣрялъ онъ миссисъ Бритлингъ. — А теперь все это должно кончиться! Она любить цвѣты, любить птицъ. Она такъ мила и такъ невинна. Я научилъ ее многимъ нѣмецкимъ словамъ и даже нѣсколько разъ пробовалъ ее зарисовать карандашомъ. А теперь я долженъ уѣхать и больше никогда не увижу ея.

Его дальнѣйшее и весьма туманное обращеніе ко всей литературѣ тевтонскаго романтизма, какъ-то обезоружило миссисъ Бритлингъ и удержало ее отъ выраженія протеста противъ его знакомства съ упомянутой дѣвицей.

— Кромѣ того, — воскликнулъ Herr Heinrich, уже переходя на другое, волнуящее его, горе, — какъ я уложу свои вещи? Съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхалъ сюда къ вамъ въ Англию, я купилъ себѣ много вещей, много книгъ, пары бѣлыхъ фланелевыхъ брюкъ, нѣсколько сорочекъ и инструментъ для проявленія пленокъ кодака. Все это должно влѣзть въ мой маленькій чемоданъ. И не влѣзаетъ въ него, — никакъ!

— И еще есть Билли! Кто теперь будетъ продолжать образованіе Билли?

Но персты судьбы не обращали вниманія на горести и затрудненія Herr Heinrich'a. Онъ въ волненіи бѣгалъ изъ своей комнаты внизъ, потомъ снова вбѣгалъ къ себѣ наверхъ, уходилъ по какимъ-то таинственнымъ и пустяковымъ дѣламъ по направленію къ сельскому трактиру, бродилъ безцѣльно по саду. Голова и лицо его становились все розовѣе и розовѣе; глаза его набухали, и въ нихъ отпечатлѣлось отчаяніе. Всѣ старались сказать ему что-нибудь ласковое, мягкое, оказать ему какую-нибудь услугу, маленькую любезность.

— Ахъ, — сказалъ онъ Тедди, — вы — штатскій! Вы живете въ свободной странѣ. Это не ваша война. Васъ она можетъ занимать, забавлять...

Но вѣдь Тедди все занимало, все забавляло.

Что-то, о чемъ весьма смутно догадывались и сознавали въ Матчингсъ-Изи, что-то методичное и всеобязывающее, что-то, находящееся гдѣ-то въ Лондонѣ, какъ будто начинало нащупывать и разыскивать Herr Heinrich'a, и Herr Hein-

rich какъ будто это сознавалъ и къ этому готовился. Воскресная почта принесла рѣшеніе.

— Мнѣ надо ѣхать, — сказалъ онъ. — Я долженъ сегодня же ѣхать въ Лондонъ. Нужно явиться по указанному адресу въ Блумсбери, а тамъ мнѣ скажутъ, какъ мнѣ добраться до Германии. Я долженъ немедленно уложить всѣ вещи, и ѣхать. Ахъ, зачѣмъ по воскресеньямъ не ходятъ поѣзда по нашей вѣткѣ!

За завтракомъ онъ говорилъ о политикѣ.

— Я противъ этой войны, — говорилъ онъ. — Я, вообще, принципиально противъ всякой войны.

— Тогда зачѣмъ же вы ѣдете? — спросилъ м-ръ Бритлингъ. — Оставайтесь здѣсь съ нами. Мы всѣ васъ любимъ. Оставайтесь здѣсь и не ѣздите на мобилизацію.

— Но тогда я лишусь своей родины! Я потеряю свои бумаги и права. Я буду отщепенцемъ. Нѣтъ, я долженъ ѣхать!

— Да, пожалуй, человѣкъ долженъ всегда идти на зовъ своей страны и быть со своей родиной, — рѣшилъ послѣ нѣкотораго размышленія м-ръ Бритлингъ.

— Если бы только весь міръ говорилъ на одномъ языкѣ, ничего подобнаго никогда не случилось бы, — заявилъ Herr Heinrich. — Не было бы тогда ни англичанъ, ни нѣмцевъ, ни русскихъ.

— Были бы одни только эсперантисты, — вставилъ Тедди.

— Или идоисты, — сказалъ Herr Heinrich. — Я еще не убѣжденъ, которые изъ двухъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ идо гораздо практичнѣе и цѣлесообразнѣе эсперанто.

— А тогда, можетъ быть, чтобы рѣшить вопросъ, что лучше, вспыхнула бы война между идо и эсперанто, — пошутилъ Тедди.

— Съ кѣмъ же мы будемъ играть въ дурачки, когда вы ѣдете? — спросила миссисъ Бритлингъ.

— Цѣлое утро сегодня, — сказалъ Herr Heinrich. тая въ теплѣ проявлявшагося со всѣхъ сторонъ къ нему сочувствія, — я старался уложиться и не могъ. Мои мысли слишкомъ заняты и взволнованы. Мнѣ пишутъ, что я долженъ брать съ собой какъ можно меньше вещей. И вотъ, миссисъ Бритлингъ, если можно, пожалуйста...

Миссисъ Бритлингъ приняла внимательно-выжидательное положеніе.

— Если бы я могъ оставить у васъ часть своихъ вещей, часть платья, бѣлья, а главное, скрипку, я былъ бы чрезвычайно обязанъ вамъ. Это очень меня облегчило бы. Я не хочу

мобилизоваться вмѣстѣ съ моей скрипкой. Будетъ, по всей вѣроятности, давка и толкотня, и ее могли бы сломать. Я бы просто взялъ свой Rucksack.

— Если вы уложите и соберете куда-нибудь свои вещи, конечно...

— А потомъ ихъ можно будетъ прислать.

Но онъ все-таки ничего не уложилъ. Вскорѣ за нимъ приѣхалъ таксомоторъ, и вся семья, вмѣстѣ съ первымъ прибывшимъ контингентомъ игроковъ въ хоккей, собралась вокругъ автомобиля проводить его. Старший изъ двухъ мальчиковъ принесъ и положилъ на скамейку биткомъ набитый, набухшій Rucksack. Herr Heinrich торжественно пожалъ каждому руку.

— Пишите и сообщайте намъ, какъ и гдѣ вы устроились, — сказала миссисъ Бритлингъ.

— Ну, а если Англія бы объявила войну?

— Тогда напишите Рейнольдсу... подождите, я напишу вамъ его адресъ, это мой нью-іоркскій агентъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ и записалъ нѣсколько словъ на бумажкѣ.

— Мы съ вами поѣдемъ до деревни, Herr Heinrich — сказали мальчики.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Herr Heinrich — садясь въ автомобиль. — Я хочу сразу со всѣми здѣсь проститься. Мнѣ такъ будетъ легче...

— Auf Wiedersehen! — воскликнулъ м-ръ Бритлингъ. — И помните, что бы ни случилось, но, въ концѣ концовъ, снова наступитъ миръ.

— Такъ почему же не миръ съ самага начала? — спросилъ Herr Heinrich со справедливой раздражительностью въ голосъ и затѣмъ повторилъ высказанную трижды оцѣнку всего европейскаго положенія — Verdammte Dummheit.

— Трогайтесь! — сказалъ м-ръ Бритлингъ шофферу.

— Auf Wiedersehen, Herr Heinrich!

— Auf Wiedersehen!

— Прощайте, Herr Heinrich!

— Счастливаго пути, Herr Heinrich!

Таксомоторъ зажужжалъ и тронулся, и Herr Heinrich выѣхалъ въ тѣ же самыя ворота и по той же алчной, пыльной дорогѣ, которая недавно поглотила м-ра Дирека.

— Давайте, проводимъ его, какъ слѣдуетъ, — крикнулъ Тедди. — Ну, разъ, два, три! Auf Wiedersehen!

Голоса, рѣзкіе и грубые, тоненькіе и низкіе, нестройно прозвучали среди лѣтняго зноя. Изгородь изъ шиповника скрываетъ маленькое личико нѣмца. Но вотъ снова показа-

лась его розовая голова. Онъ стоялъ въ автомобилѣ и махалъ своей панамой. На этотъ разъ забылъ свой страхъ передъ солнечнымъ ударомъ...

Еще минута, и Негг Нейгисъ скрылся совсѣмъ...

— Ну, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, поворачиваясь къ дому.

— Неужели его убьютъ или ранятъ, — сказалъ кто-то изъ посѣтителей.

— О, нѣтъ, такого мальчишку никогда въ окопы не пошлютъ, — успокоилъ его м-ръ Бритлингъ. — Онъ, вѣдь, совершенно еще не обученный. Кромѣ того, онъ носить очки. Какъ же онъ будетъ стрѣлять? Нѣтъ, изъ него сдѣлаютъ писаря или что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Онъ совсѣмъ ничего не укладывалъ, — сказала миссисъ Бритлингъ, — поднимись навѣрхъ на минуточку и взгляни въ его комнату! Это прямо трогательно.

И, дѣйствительно, это было трогательно.

Это было болѣе, чѣмъ трогательно. Въ своемъ родѣ, миниатюрномъ и нелѣпомъ, это было даже символично и пророчески: это была миниатюрная картина одной вырванной съ корнями, разрушенной жизни.

Дверь въ комнату Негг Нейгиса была широко раскрыта. Даже окна и тѣ были раскрыты, словно ему не хватало воздуха. Ему, этому молодому нѣмцу, который всегда, съ перваго дня своего приѣзда въ Англию, такъ упорно и старательно закрывалъ окна. Поперекъ камина лежала большая дубовая вѣтка, которую онъ когда-то принесъ для Билли, но теперь листья и вѣточки давно засохли и многие изъ нихъ оторвались и валялись на полу. На маленькомъ столикѣ углу комнаты стояла пустая клѣтка Билли. Вмѣсто того, чтобы укладываться, очевидно, молодой человекъ шагаль долго взадъ и впередъ по комнатѣ, въ состояніи взволнованнаго размышления. Постель была помята, какъ-будто онъ нѣсколько разъ бросался на нее, потомъ снова вскакивалъ. Книги же были разбросаны въ хаосѣ по всей комнатѣ. Онъ, очевидно, дѣлалъ какія-то небольшія, несмѣлыя попытки уложить кое-что въ большую картонную коробку, позаимствованную у кого-то изъ прислуги. Скрипка торжественно лежала на комодѣ, ящики котораго были всѣ наполовину раскрыты, а по срединѣ комнаты, на полу, жалкимъ напоминаніемъ лежала помятая голубая сорочка, — молчаливый символъ тихаго отчаянія. Въ каминѣ виднѣлся разорванный на-двое листъ бумаги съ неудавшимся рисункомъ, изображающимъ лицо молодой дѣвушки.

Мужъ и жена нѣкоторое время, молча, разсматривали покинутую, опустѣвшую комнату.

— Я не вижу Билли, — сказалъ, наконецъ, м-ръ Бритлингъ, понизивъ голосъ до шопота.

— Можетъ быть, онъ выскочилъ въ окно, — сказала миссисъ Бритлингъ, тоже шопотомъ.

— Ну, что же, — сказалъ вдругъ неожиданно и громко м-ръ Бритлингъ, отворачиваясь отъ этого перваго предвѣстника грядущихъ печалей и неприятностей, — пойдемъ внизъ играть въ хоккей. Ему надо было ѣхать, и ничего другого нельзя было сдѣлать! Ну, а Билли, навѣрное, вернется, какъ только проголодается...

IX.

Понедѣльникъ былъ праздникомъ и днемъ, посвященнымъ, по давно установившемуся обычаю, выставкѣ цвѣтоводства въ Клаверингс-Паркѣ.

Дню этому суждено было долго жить въ памяти м-ра Бритлинга, съ той рѣзкой ясностью, съ какой иногда запынается солнце на краешкѣ грозовой тучи. На газонахъ парка раскинута были палатки съ экспонатами, дальше была еще огромная палатка съ надписью «Дешевый буфетъ»; была сверкающая великолѣпнѣе желто-золотистая паровая карусель съ «автомобилями» и «лошадками», другая такая же, но зелено-серебристая, съ «страусами» и «львами», и при каждой была шарманка, приводимая въ движеніе паромъ; былъ цѣлый рядъ балагановъ, палатокъ, тировъ и прочихъ заманчивыхъ предприятий. А черезъ специально устроенную калитку можно было за шесть пенсовъ войти въ садъ при самомъ замкѣ Клаверингс, причемъ каждые шесть пенсовъ должны быть удвоены лэди Хомартинъ и употреблены ею на снабженіе углемъ бѣднѣйшихъ жителей Матчингс-Изи. М-ръ Бритлингъ, обойдя вмѣстѣ со своими сыновьями всѣ балаганы и всѣ «атракціоны», далъ каждому по шиллингу, оставилъ ихъ развлекаться дальше самостоятельно, уплатилъ шесть пенсовъ, вошелъ въ садъ и направился дальше, пить чай у лэди Хомартинъ.

Утреннія газеты пришли очень поздно, онъ читалъ, перечитывалъ и обсуждалъ ихъ безъ конца, пока семья его не настояла на томъ, чтобы онъ одѣлся и отправился съ ними на празднество. А газеты были интересныя, особенно заголовки, сообщавшіе:

«Великія державы воюютъ!» «Германцы вторглись во Францію!» «Русскіе вторглись въ Германію!» «100.000 германцевъ вступили въ Люксембургъ!» «Можетъ ли Англія

оставаться безучастной?» «Предстоящи выпускъ 50-миллионнаго займа». Германия не только нарушила лондонскій трактатъ, но она даже захватила въ Кильскомъ каналѣ какой-то английскій пароходъ... Карусели дѣлали блестящія дѣла, шарманщики, не переставая, ревѣли, а изъ разныхъ тировъ неся безпрестанно трескъ выстрѣловъ, разбиваемыхъ бутылокъ и глиняныхъ шариковъ. Тедди, и Летти, и Сисси, и Гью такъ наловчились въ метаніи стрѣлъ въ одномъ изъ балагановъ, что рѣшили изъ своихъ выигрышей собрать полный чайный приборъ для коттеджа Тедди. У входа въ огороженную для праздника часть парка стоялъ цѣлый ассортиментъ автомобилей и экипажей, маленькіе Бритлинги встрѣтили какихъ-то пріятелей изъ гостившихъ въ замкѣ дѣтей и цѣликомъ были поглощены демонстраціей своей ловкости и умѣнія ѣздить на деревянныхъ страусахъ.

А не дальше, чѣмъ въ 400 миль отъ Клаверингса, на фронтѣ, тянувшемся отъ Нанси до Льежа, около милліона съ четвертью людей, одѣтыхъ во все сѣрое, величайшая и наилучше снаряженная армія, которую когда-либо видалъ міръ, устремлялась на западъ, дабы захватить Парижъ, придавить и парализовать Францію, завладѣть портами Ламанша, вторгнуться въ Англию и сдѣлать Германскую имперію госпожей міра. Ихъ вооруженіе и снаряженіе было чудомъ предусмотрительности и научной организациі, начиная съ моторныхъ кухонь до телескопическихъ прицѣловъ, какими были снабжены ружья ихъ стрѣлковъ, до безчисленныхъ пулеметовъ пѣхоты, массы приспособленій для рытья и возведенія окоповъ.

X.

Обширный садъ при замкѣ Клаверингсъ, и особенно та часть его, которая изобилвала каменными гротами, прудами и густыми изгородями, былъ необычайно переполненъ незнакомыми посѣтителями и застѣнчивыми молодыми парочками. М-ръ Бритлингъ прошелъ прямо въ домъ, откуда одинъ изъ лакеевъ повелъ его въ небольшой голландскій садикъ за молочной фермой, куда спряталась лэди Хомартинъ. Она только что окончила раздавать призы на цвѣточной выставкѣ и теперь отдыхала, вытянувшись на *chaise longue*. въ то время, какъ ея дальняя родственница, старая дѣва, хозяйничала за чайнымъ столомъ. Рядомъ съ ней сидѣла миссисъ Бритлингъ, еще раньше сбѣжавшая съ праздника. Изъ Харлейтри пріѣхала лэди Мидъ и еще нѣсколько человекъ, и забѣжалъ Маннингъ, подтвердившій справедливость всего того, что предсказывали утреннія газеты.

— Ну, что, имѣете какія-нибудь извѣстія? — спросилъ м-ръ Бритлингъ.

— Война! — отвѣтила за него миссисъ Бритлингъ.

— Они уже въ Люксембургѣ, — сказалъ Маннингъ, — И это, означаетъ, что они, дѣйствительно, намѣрены пройти черезъ Бельгію.

— Тогда, значитъ, я ошибся. — сказалъ м-ръ Бритлингъ, — и весь міръ совсѣмъ сошелъ съ ума! Теперь намъ ничего не остается, какъ твердо рѣшиться, во что бы то ни стало, побѣдить... Ахъ, зачѣмъ они не оставили Бельгію въ покоѣ!

— Да, вѣдь, это входило во всѣ ихъ планы вотъ ужъ двадцать лѣтъ! — сказалъ Маннингъ.

— Но это значитъ, что и мы будемъ воевать!

— Я думаю, они на это вполне рассчитывали!

— Ну, дѣла! — сказалъ м-ръ Бритлингъ, взявъ протянутую чашку чаю, сѣлъ и нѣкоторое время ничего не говорилъ.

— Значитъ, трое противъ троихъ, — сказалъ кто-то изъ гостей, подсчитывая соотношенія державъ, которыя должны были принимать участіе въ войнѣ.

— Италия, по-моему, — сказалъ Маннингъ, — почти, навѣрное, откажется. Въ сущности, симпатіи Итали на нашей сторонѣ. Да это и естественно. Вѣдь начать съ того, что эта война, главнымъ образомъ, направлена противъ Австріи. И Японія тоже, навѣрное, будетъ съ нами.

— Мнѣ кажется, — сказала старая лэди Мидъ, — Германия идетъ сейчасъ на самоубійство. Не можетъ же она выдержать борьбу съ Россіей, Франціей и съ нами! Зачѣмъ они только затѣяли эту войну?

— Смотрите, эта война можетъ оказаться куда длительнѣе и труднѣе, чѣмъ всѣ предполагаютъ! — сказалъ Маннингъ. — Нѣмцы рассчитываютъ, что они побѣдятъ.

— Противъ всѣхъ насъ?

— Противъ всѣхъ насъ! Они очень хорошо подготовлены и очень сильны.

— Я не вѣрю, чтобы Германия могла побѣдить, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, прерывая свое молчаніе. — Германия имѣетъ противъ себя нѣчто большее, чѣмъ арміи: весь разумъ, весь инстинктъ трехъ величайшихъ народовъ міра.

— Которые въ настоящую минуту очень плохо снабжены всякими военными припасами...

— Ну, это только, можетъ быть, затянеть событія на нѣкоторое время; затруднить немного нашу задачу. Но

конца это не измѣнить. Разумѣется, побѣдимъ мы! Иначе и предполагать нельзя. Я никогда не вѣрилъ, что они серьезно думаютъ о войнѣ. Но теперь я вижу, что ошибся. Всѣ эти наглыя вооруженія, парады, маневры; эти сорокъ лѣтъ упорно раздуваемого джингоизма. Да, раньше или позже, но это все должно было воплотиться въ дѣйствіе...

— Вы думаете, м-ръ Бритлингъ, эта война будетъ очень продолжительна? — спросила лэди Мидъ.

— Продолжительная или нѣтъ, но она кончится несомнѣннымъ паденіемъ Германіи. Я лично не вѣрю, чтобы она могла быть очень продолжительной. Я не согласенъ съ Маннингомъ. Даже теперь я никакъ не могу заставить себя вѣрить, чтобы цѣлый, великій народъ былъ охваченъ повальнымъ военнымъ безуміемъ. Мнѣ кажется, что эта война дѣло рукъ только германской военно-промышленной партіи и дворцовой камарилы. Это они навязали эту войну Германіи. Ну, вотъ... Пока они побѣждаютъ, Германія будетъ единой... пока ихъ арміи не будутъ опредѣленно разбиты, или ихъ флотъ не будетъ уничтоженъ. Но стоитъ лишь разъ остановить ихъ, осадить и поколотить, и тогда, по моему, духъ Германіи мгновенно измѣнится, какъ измѣнился онъ послѣ Иены.

— Уилли Никсонъ, который вчера только вернулся изъ Гамбурга, — сказалъ одинъ изъ гостей, — говорить, будто они убѣждены, что возьмутъ Парижъ и Петербургъ, еще одинъ-два крупныхъ центра и вообще прикончатъ съ нами еще до Рождества.

— А что насчетъ Лондона?

— Я забылъ, упомянулъ онъ о Лондонѣ или нѣтъ. Но, думается, однимъ Лондономъ больше или меньше, врядъ ли это имѣетъ особое значеніе. Они не вѣрятъ, что мы осмѣлимся выступить, а если осмѣлимся, то они съ помощью цепелиновъ уничтожатъ нашъ флотъ, и сметутъ съ лица земли нашу армію... если ее вообще можно назвать арміей...

Маннингъ кивками головы какъ бы подтверждалъ эти слова.

XI.

М-ръ Бритлингъ немного самъ удивился произнесенной имъ рѣчи. Онъ всегда и всѣхъ увѣрялъ, что нѣмцы не станутъ воевать... А, однако, вотъ они воюютъ. Онъ былъ вѣкъ себя отъ негодованія, чувствовалъ себя какъ бы пророкомъ, ошибшимся въ своихъ предреканіяхъ. И онъ только тогда ясно созналъ силу и страстность своихъ собственныхъ воинственныхъ взглядовъ, когда онъ услышалъ ихъ изъ собственныхъ устъ. Возвращаясь домой съ женой пѣшкомъ черезъ село, онъ все находился подъ ошеломляющимъ впечат-

тлѣніемъ этого открытія. Онъ угрюмо молчалъ, придумывалъ различныя рѣзкія обличительныя выраженія противъ Круппа и кайзера.

— «Круппъ и кайзеръ», — повторялъ онъ эту бросающуюся въ глаза, напрашивающуюся на языкъ, аллитерацію. — Все, что есть худшаго въ средневѣковѣ, соединенное со всѣмъ, что есть худшаго въ современности, — говорилъ онъ себѣ.

— На землѣ, — сказалъ онъ громко, напугавъ миссисъ Бритлингъ своимъ неожиданнымъ возгласомъ, — нельзя будетъ жить, она будетъ невыносима для приличнаго человѣческаго существа, если мы не выиграемъ этой войны. Мы или сами должны разбить, или же быть разбитыми...

Его голова была такъ занята этими мыслями, что онъ некоторое время въ недоумѣніи таращилъ глаза и старался проникнуть въ смыслъ запоздалой телеграммы миссисъ Харродинъ, и долго ничего не понималъ. Потомъ медленно, постепенно, онъ началъ соображать, что ему необходимо отправиться къ ней, но тутъ же онъ очень охотно отложилъ свой стѣздъ до той поры, когда кончится игра въ хоккей. Кромѣ того, вечеромъ будетъ луна, и онъ чувствовалъ, что лѣтній лунный свѣтъ будетъ больше заката и обѣденнаго времени пригоденъ для тѣхъ объясненій и признаній, которыхъ отъ него ожидали. И онъ продолжалъ въ головѣ сочинять различныя колкія фразы про кайзера и Круппа, пока его, наконецъ, не потащили играть въ хоккей.

И вдругъ, посреди игры, его внезапно осянула удивительная мысль. Она явилась, точно неожиданная судорога.

— Тедди, какого чорта мы тутъ играемъ въ хоккей, — сказалъ онъ вдругъ, — когда мы всѣ должны упражняться въ стрѣльбѣ и учиться военнымъ приемамъ, чтобы быть въ состояніи воевать съ этими проклятыми нѣмцами!

Тедди посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Ну, начнемъ новую, — сказалъ м-ръ Бритлингъ нетерпѣливо, и они начали другую партію.

XII.

М-ръ Бритлингъ пустился въ свое ночное путешествіе около половины десятаго. Онъ заявилъ, что ни работать, ни отдыхать не можетъ; что война его взволновала и разстроила, и единственное, что можетъ развлечь его—это автомобиль; и, можетъ быть, прибавилъ онъ мимоходомъ, онъ не вернется раньше, чѣмъ черезъ день-другой. Онъ вернется тогда, когда почувствуетъ, что снова въ состояніи будетъ работать. Онъ наполнилъ бакъ бензиномъ при свѣтѣ элек-

трическаго карманнаго фонаря, усѣлся въ автомобиль въ гаражѣ и занялся изученіемъ карты окрестностей. Его мысли какъ-то сами собой перенеслись съ дороги въ Пайкрафтсъ къ близлежащему побережью и къ возможному пути, на случай десанта. А что, если врагъ, дѣйствительно, предвидѣлъ, что Англія объявитъ войну. Вотъ тутъ они могли бы высадиться, и вотъ тутъ...

Но, наконецъ, онъ отогналъ эти мысли и занялся приготовленіями къ отѣзду.

Ночь выдалась ясная, свѣтлая, какъ день; земля, казалась, была вся насыщена холоднымъ луннымъ свѣтомъ. Дорога, словно серебряная лента, постепенно розовѣла при приближеніи фонарей м-ра Бритлингъ; темный дернъ у краевъ дороги и кусты и изгороди по бокамъ дѣлались на мгновеніе рѣзко зелеными, когда они выходили изъ лучей фонаря. Полная луна, тихо карабкалась на небо и была такъ ярка, что почти не видно было звѣздъ на сине-сѣромъ небѣ. Гдѣ-то вдали, бѣлыми пятнами сверкали дома, временами появлялся, висѣлъ въ лучахъ фонаря мотылекъ и снова исчезалъ во тьмѣ ночи.

«Глѣдись» была въ прекрасномъ состояннн и какъ нельзя лучше настроена для хорошаго пробѣга; въ такомъ же состояннн и настроеннн былъ м-ръ Бритлингъ. Онъ ѣхалъ не скоро и не медленно, съ какой-то прямо незнакомой ему еще увѣренностью. Жизнь, казавшаяся ему цѣлый день, какимъ-то безнадежнымъ хаосомъ, омраченнымъ угрозами, теперь сразу стала холодной, таинственной, далекой, отдавая его самоувѣреннымъ спокойствіемъ.

Онъ проѣхалъ осторожно по узкой дорогѣ, вдоль черной изгороди шиповника и дальше на большую дорогу, по направленію къ селу. Во многихъ домахъ еще свѣтились огни, но село было почти пусто. Гдѣ-то далеко, горѣли гроздья огней, словно куча топазовъ и рубиновъ, вкрапленныхъ въ серебряный щитъ ночи. Празднества цвѣточной ярмарки все еще тянулись, и пониженіе входной платы послѣ семи вечера собрало еще большія толпы. Визжали и стонали карусели, трещали и хлопали тиры. Униженные сѣдоками страусы и автомобили мелькали въ ритмичной послѣдовательности, свершая свои безконечные круги: черное, черное, черное на фонѣ пылающихъ керосиновыхъ факеловъ.

М-ръ Бритлингъ остановилъ машину у края дороги и нѣкоторое время сидѣлъ и наблюдалъ силуэты, порхающіе туда и суда, отъ тѣни къ тѣни, — на фонѣ свѣтлыхъ пятенъ.

— И это наканунѣ войны... наканунѣ величайшей ката-

строфы, какую знало человечество, — шепнулъ онъ, наконецъ. — Понимають ли они? Понимаетъ ли вообще, кто-нибудь изъ насъ?

Онъ снова пустилъ моторъ, и черезъ нѣсколько минутъ катился почти безшумно по прямой, ровной дорогѣ въ Хартльтри. Звуки за его спиной становились все глуше и глуше, скоро совсѣмъ растаяли, осталась лишь одна огромная, ничѣмъ не нарушаемая тишина подъ луной. Казалось, нигдѣ не было никакого движенія, кромѣ движенія его мотора, никакихъ звуковъ, кромѣ аккуратнаго, приглушеннаго, механическаго ритма подъ его ногами. Вскорѣ онъ выѣхалъ на большое шоссе, и, словно, не замѣтивъ проселка, сворачивающаго въ Пайкрафтсъ, проѣхалъ спокойно впередъ, на востокъ, — къ морю. Впервые случалось ему самому править автомобилемъ ночью. Почему то онъ ждалъ, что это ночное путешествіе будетъ утомительнымъ, съ безчисленными остановками и приключеніями; а тутъ оно превратилось къ какую-то неожиданную серебристую сказку движенія, — казалось, что автомобиль несся по луннымъ лучамъ...

Пайкрафтсъ можетъ подождать. Да, собственно, чѣмъ позднѣе онъ пріѣдетъ въ Пайкрафтсъ, тѣмъ трогательнѣе и романтичнѣе будетъ маленькая комедійка ихъ примиренія. А онъ вовсе не спѣшилъ на эту комедию. Онъ чувствовалъ, что ему хочется понять, впитать въ себя этотъ огромный лѣтній покой, который одинъ изъ всего пережитаго за день можетъ до нѣкоторой степени дать хотя бы какое-нибудь впечатлѣніе о величественной трагедіи, которая надвигалась на человечество. И только среди этой тихой, молчаливо-бдительной ночи, можно было впервые представить себѣ тѣ миллионы, гдѣ-то тамъ, размѣреннымъ шагомъ куда-то идущіе, и широкія рѣчныя долины, и села, и города, горы, гавани и неслышно копошащіяся моря.

«Даже сейчасъ, въ эту самую минуту, — подумалъ онъ, — гдѣ-то, быть можетъ, уже идетъ морской бой».

Онъ сталъ прислушиваться, но никакихъ звуковъ нельзя было различить, кромѣ тихаго, размѣреннаго стука цилиндровъ его мотора. Онъ почувствовалъ, что непременно долженъ видѣть море. Онъ поѣдетъ по дорогѣ мимо Родвелльскихъ поселковъ и затѣмъ свернетъ и поднимется на вершину Истонберскаго холма. Онъ такъ и сдѣлалъ и оттуда увидалъ, въ ущельѣ между низкими холмами, гдѣ-то вдали, треугольникъ освѣщенной луной воды, сверкающей и гладкой, какъ зеркало. Онъ опять остановилъ автомобиль у края дороги, и сидѣлъ, долго глядя на море и о чемъ-то размышляя. И вдругъ ему на мгновеніе показалось, что онъ видѣлъ три

тѣни, напоминающія короткія черныя иглы, которыя гуськомъ пронесли по расплавленному серебру моря.

Но это могло быть просто воображеніемъ, игрой слишкомъ напряженныхъ глазъ.

Всякаго рода разговоры о морскихъ силахъ Англии, Франціи и Германіи приходилось въ разное время слушать м-ру Бритлингу; тутъ были и публичныя диспуты экспертовъ, и много слуховъ и обсужденій въ частныхъ кругахъ. У англичанъ были наиболѣе крупныя по тоннажу суда, наибольшія пушки, но неизвѣстно, было ли у нихъ преобладаніе въ вопросахъ изобрѣтательности и науки. Строили ли германцы свою силу на древоутахъ, какъ англичане, или у нихъ гдѣ-то были приготовлены свои тайны и сюрпризы? И вотъ, сегодня ночью, быть можетъ, съ разныхъ сторонъ, на всѣхъ парахъ, сходятся эти огромные корабли, на состязаніе силъ...

Сегодня ночью по всему міру будутъ мчаться пароходы и военные корабли, одни убѣгая, другіе въ погонѣ. Десятки тысячъ городовъ сейчасъ, въ эту самую минуту, копошатся и жужжатъ, охваченные волненіемъ войны.

Меньше года тому назадъ м-ръ Бритлингъ какъ-то завтракалъ на одномъ броненосцѣ и осматривалъ его сложный механизмъ. Ему казалось, что нельзя найти лучшихъ людей въ мірѣ, чѣмъ тихіе, спокойные, загорѣлые, дисциплинированные офицеры и матросы, съ которыми онъ тогда познакомился. И крошечная англійская армія, тоже, навѣрное, сегодня собирается и готовится; эта крошечная армія, которая въ свое время была разбита и затѣмъ снова возродилась въ южной Африкѣ и которая, по его убѣжденію, была интеллигентнѣе, храбрѣе и способнѣе, чѣмъ любая другая армія въ мірѣ. Онъ бы запротестовалъ и зафыркалъ, если бы ему пришлось слышать это мнѣніе, высказанное другимъ англичаниномъ, но въ глубинѣ сердца онъ этому вѣрилъ...

А какіе другіе летчики въ мірѣ умѣли такъ летать, какъ тѣ французы и англичане, съ которыми ему пришлось познакомиться на аэродромахъ въ Истчерчъ и Сольсбери! Это, вѣдь, качества, зависящія отъ расы и національныхъ особенностей. Пусть нѣмецъ держится своихъ колбасъ и сигаръ, наполненныхъ газомъ.

— Въ воздухѣ мы побѣдимъ, — шепталъ онъ. — И на морѣ тоже. На морѣ-то ужъ навѣрняка. А если у насъ будетъ достаточно людей и пушекъ, мы ихъ побѣдимъ и на сушѣ... А все же... сколько лѣтъ они готовились!..

Мало мѣста было въ эту ночь въ сердцѣ м-ра Бритлинга для иной любви, кромѣ любви къ Англии. И теперь

онъ любилъ Англию, какъ націю мужчинъ. Легкой побѣды быть не можетъ! И хорошо для англичанъ, съ ихъ слишкомъ увѣренными, легкомысленными натурами, что побѣда не будетъ легкой! Но побѣды Англія должна добиться... или погибнуть!

Онъ вздохнулъ, пустилъ снова въ ходъ моторъ и поѣхалъ дальше по дорогѣ, подыскивая болѣе или менѣе удобное мѣсто, чтобы повернуть. Онъ все еще смутно сознавалъ, что конечной цѣлью его путешествія является Пайкрафтсъ.

«Мы должны сдѣлать все, что можемъ», — подумалъ онъ, и нѣкоторое время, пока онъ спускался съ крутой горы, все его внимание и всѣ его мысли были цѣликомъ поглощены машиной. Онъ повернулъ, снова поднялся на гору, и затѣмъ длинными уклонами направился вглубь страны, несясь тихо и мягко, съ фонарями, всасывающими въ себя дорогу впереди, и мчащимися по бокамъ изгородями и канавами; когда же онъ спустился съ небольшой горки черезъ какое-то село, онъ вдругъ услышалъ впереди какой-то смутный гулъ и дребезжащій шумъ, и передъ нимъ выросъ треугольникъ, предупреждающій автомобилистовъ объ опасности. Онъ замедлилъ ходъ и вдругъ круто остановился.

Передъ нимъ въ узкомъ пространствѣ между коттеджами показался рядъ людей верхомъ, затѣмъ сѣрая повозка, и затѣмъ шестерка лошадей, везущихъ какой-то тяжелый предметъ... пушка, и снова верховые, и снова пушка. Длинная процессія смутно вырисовывалась коричневымъ пятномъ въ лунномъ свѣтѣ. Къ м-ру Бритлингу подѣхалъ офицеръ верхомъ на лошади, посмотрѣлъ на него испытующимъ взоромъ, затѣмъ снова вернулся къ перекрестку; Англія тогда еще не безпокоилась о шпионахъ. Проѣхало еще четыре орудія, затѣмъ рядъ повозокъ и еще отрядъ солдатъ верхомъ, никто не пѣлъ и не кричалъ; почти ни слова не слышно было, и вообще отъ всего отряда отдавало какой-то спокойной, дѣловитой поспѣшностью. И такъ они проѣхали, громяхая, и скоро скрылись въ черной дали ночи, оставивъ м-ра Бритлинга одного со своимъ автомобилемъ среди спящаго села. Онъ пустилъ въ ходъ моторъ и, сосредоточенно о чемъ-то задумываясь, поѣхалъ дальше.

Онъ такъ задумался, что прозѣвалъ даже дорогу въ Пайкрафтсъ. Онъ очутился на какой-то большой дорогѣ, пересѣкавшей плоскую равнину, и вскорѣ, по Большой Медвѣдицѣ, слабо виднѣвшейся на синевѣ надъ головой, убѣдился, что онъ мчится куда-то на сѣверъ. Ну, что-жь, онъ

сейчасъ повернетъ на югъ и на западъ... черезъ нѣкоторое время... а теперь ему хочется чувствовать... хочется подумать... какъ ему лучше помочь Англи въ этой огромной борьбѣ, которой какъ-будто дожидаются и это пустое молчаніе и эта красота ночи. Но, собственно, онъ вовсе не думалъ, а чувствовалъ, испытывалъ какое-то удивленіе, какое-то чудо, что-то, чего никогда еще онъ не чувствовалъ, съ тѣхъ поръ, какъ ушла отъ него молодость. Эта война можетъ прикончить все въ мірѣ, въ томъ мірѣ, какимъ онъ его зналъ. Вотъ какая мысль медленно, сквозь лунный свѣтъ стала пробивать себѣ дорогу въ его сознание, и завладѣла всѣмъ его существомъ.

Вскорѣ характеръ дороги измѣнился; исчезли изгороди, сосновыя рощи смѣнились черными пухлыми пятнышками боярышника, дубовъ и яблонь. Дома встрѣчались все рже и рже, міръ становился все пустыньѣй, и вскорѣ м-ру Бритлингу начало мерещиться, что онъ единственный бодрствующій, находящійся внѣ дома человѣкъ на всей спящей землѣ...

Фразы и слова, которыя онъ произносилъ днемъ въ Клаверингсѣ, снова вспомнились ему. Онъ былъ увѣренъ, что это какъ разъ тѣ фразы и слова, которыя теперь необходимо произносить.

— Нѣкоторыя вещи нужно высказать совершенно ясно, — шепталъ онъ, — нѣкоторыя вещи... Значеніе Англии... Глубокое и долго невысказанное стремленіе къ добротѣ и честности... Теперь настала минута высказаться... И Англія теперь должна высказаться такъ же открыто и прямо, какъ открыто и прямо она будетъ стрѣлять изъ своихъ пушекъ, какъ честно она будетъ держать курсъ своихъ кораблей...

И пока онъ такъ сидѣлъ, неподвижно, опершись рукой о колесо руля, въ мысляхъ его начали складываться періоды и параграфы.

Потомъ онъ вдругъ встряхнулъ себя, развернулъ передъ собою карту и занялся опредѣленіемъ того, гдѣ онъ находится.

Поскольку онъ могъ судить, онъ проѣхалъ прямо въ Суффолькское графство.

Около часа ночи онъ очутился въ Ньюмаркетѣ. Ньюмаркетъ тоже былъ пустыней, озаренной луной, но когда онъ остановился въ нерѣшительности у перекрестка, онъ вдругъ замѣтилъ полисмена, стоящаго неподвижно и прямо, какъ статуя, на углу у церкви...

— Какая дорога въ Матчингсъ-Изи? — крикнулъ онъ.

— Вотъ по этой, сэръ, пока не доѣдете до Маркетъ-Сафрона, а тамъ свернете налѣво.

Теперь мысли м-ра Бритлинга были заняты опредѣленной цѣлью, и онъ поѣхалъ быстрымъ ходомъ, но все же осторожно и увѣренно. Онъ былъ всего въ милю-другой отъ Маркетъ-Сафрона, когда онъ вспомнилъ, что, собственно, выѣхалъ онъ изъ дому, чтобы поѣхать въ Пайкрафтсъ. Передъ нимъ встала дилемма, и онъ сталъ взвѣшивать мысленно разныя возможности.

На перекресткѣ у Маркетъ-Сафрона онъ замедлилъ ходъ и съ минуту колебался въ нерѣшительности.

— Оливеръ... — началъ онъ, и повернулъ Глэдисъ на дорогу, ведущую домой...

Онъ кончилъ фразу лишь тогда, когда благополучно сдѣлалъ поворотъ. — Оливеръ долженъ получить ее...

Потомъ, проѣхавъ еще шаговъ пятьдесятъ, и на этотъ разъ почти гнѣвно, продолжалъ:

— Она должна была давно выйти за него замужь...

Онъ поставилъ машину въ гаражъ, затѣмъ подъ черной тѣнью кедровъ прошелъ къ парадному крыльцу. Онъ забылъ ключъ, и поэтому долго старался разбудить жену, бросая ей въ окно камушками и гравіемъ. Но, наконецъ, онъ услышалъ, что она встаетъ, и крикнулъ ей.

Онъ объяснилъ, что вернулся, т. к. ему захотѣлось писать. Ему захотѣлось писать немедленно, сейчасъ. Онъ прошелъ прямо въ свой рабочий кабинетъ, зажегъ лампу, заварилъ себѣ чай и переодѣлся въ ночной костюмъ. Первые лучи разсвѣта застали его еще сидящимъ за столомъ, серьезно поглощеннымъ сочиненіемъ новаго памфлета. Заглавіе, которое онъ избралъ для него, гласило:

«Теперь пришелъ конецъ войнѣ».

XIII.

Вотъ какимъ образомъ началась война въ Европѣ, и вотъ какой она показалась, и вотъ какъ была она воспринята однимъ человѣкомъ въ Матчингсъ-Изи. Такъ она была воспринята и безчисленными другими умными людьми въ безчисленныхъ уютныхъ домахъ, которые почти не замѣчали ея приближенія, несмотря на всѣ годы неустанныхъ къ ней приготовленій.

Словно въ сторону былъ отодвинутъ занавѣсъ со знакомой декорации ежедневной жизни, и раскрылась взорамъ міра Война.

— «Азъ есмь фактъ, — говорила Война, — и я встаю поперекъ дороги жизни. Я та угроза исчезновеніемъ и

смертью, которая всегда съ самаго начала жизни шагала рядомъ съ ней. Не можетъ быть ничего иного и ничего лучшаго въ человѣческой жизни, пока вы не покончите со мною».

КНИГА ВТОРАЯ.

МАТЧИНГСЪ-ИЗИ ПЕРЕЖИВАЕТЪ ВОЙНУ.

Глава I.

Зрители.

I.

М-ръ Бритлингъ долго сидѣлъ надъ своей брошюрой, которая должна была оповѣстить о послѣднемъ взрывѣ и концѣ войны. Первые часа два онъ писалъ съ большой энергiей, но потомъ она стала быстро изсякать. Были длинныя промежутки, когда онъ сидѣлъ молча, безъ движенiя и ни строки не записывалъ. Онъ зѣвалъ и снова зѣвалъ и теръ глаза. Наступилъ день, и зачирикали за окномъ птицы, и тогда онъ медленно раздѣлся, расшвырялъ въ безпорядкѣ по полу платье и легъ въ постель...

Когда онъ проснулся, рядомъ съ постелью на столикѣ стоялъ утреннiй чай, и горничная старалась безшумно выйти изъ комнаты. Онъ сознавалъ, что нѣчто ужасное, колоссальное приключилось съ человечествомъ, но что именно — нѣсколько секундъ онъ никакъ не могъ вспомнить. А затѣмъ вспомнилъ, что Германия вторглась во Францію, Россiя въ Германию, и что Англія, почти навѣрное, тоже будетъ воевать. При яркомъ свѣтѣ утра это казалось жестокимъ и ужаснымъ фактомъ, чѣмъ-то требующимъ огромнаго напряженiя и влекущимъ за собой безконечныя разрушенiя. Теперь оно было лишено темной и величественной ночной красоты. Онъ испытывалъ то же чувство неприятнаго, тревожнаго ожиданiя, какое онъ переживалъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, передъ объявленiемъ войны бурамъ. Первымъ извѣстiемъ о началѣ военныхъ дѣйствiй въ Южной Африкѣ было сообщенiе о крушенiи англійскаго блиндированнаго поѣзда около Кимберлея. Почему знать, а вдругъ газеты, когда онъ придутъ, принесутъ тоже какое-нибудь извѣстiе въ этомъ родѣ.

А что, напримеръ, если нѣмцы захватили врасплохъ ка-

кой-нибудь весьма важный отрядъ англійскаго флота и взяли надъ нимъ верхъ?..

А что, если нѣмцы вдругъ уже мнутъ и разбиваютъ французскія арми между Верденомъ и Бельфоромъ?

А что, если, несмотря на все, англійскій кабинетъ все еще находится въ нерѣшительности, и Англія не объявитъ войны еще нѣсколько недѣль, ограничиваясь лишь споромъ о бельгійскомъ нейтралитетѣ?

Или если, съ другой стороны, англичане вдругъ уже одержали какую-нибудь поразительную, неожиданную и молниеносную побѣду? Англійскіе морскіе и военные круги, правда, всегда отличались своей узостью, но даже и въ ихъ узости, они, по своему, иногда могли быть очень способными и дѣтельными.

А что же будутъ дѣлать ирландцы?

Мысли его были въ сущности чѣмъ-то вродѣ колючаго джунгля вопросовъ, на которые не было отвѣта и вокругъ которыхъ онъ постоянно вертѣлся, не будучи въ состояніи вырваться изъ ихъ путъ.

Онъ всталъ и медленно, разсѣянно сталъ одѣваться. Когда онъ дошелъ до подтяжекъ, онъ на нѣкоторое время приостановилъ свой дальнѣйшій туалетъ, досталъ атласъ, раскрылъ его на картѣ сѣверной Франціи и задумался надъ бельгійской границей. Потомъ онъ досталъ альманахъ-справочникъ Уиттекера и сталъ прочитывать статистическія данныя о вооруженныхъ силахъ различныхъ державъ. На этомъ занятіи его прервалъ гонгъ, звавшій къ утреннему кофе.

За кофе ни о чемъ другомъ, какъ о войнѣ, конечно, не говорили. Гю былъ возбужденъ, какъ кошка передъ грозой, а мальчики требовали разъясненій относительно флаговъ различныхъ народовъ. Зашелъ споръ о русскомъ и сербскомъ флагѣ, и пришлось прибѣгнуть къ авторитету раскрашенной таблицы съ флагами въ словарѣ Уэбстера. Газетъ и писемъ не было. Никогда еще они такъ не запаздывали, и м-ръ Бритлингъ, которому надоѣло отвѣчать на безчисленные разспросы дѣтей, вышелъ въ садъ курить. Ему почему-то захотѣлось пойти навстрѣчу почталіону, но вмѣсто этого глаза и уши оповѣстили его о приближеніи автомобиля миссисъ Фаберъ. Это была старая, рѣшительнаго вида машина, выкрашенная въ красный цвѣтъ и управляемая солиднымъ, вѣрнымъ садовникомъ. Ошибиться тутъ нельзя было.

Въ автомобилѣ сидѣла миссисъ Фаберъ, она остановилась у воротъ и начала дѣлать какіе-то сигналы рожкомъ.

Миссисъ Бритлингъ, привлеченная тревожными гудками, тоже вышла изъ дому и вмѣстѣ съ мужемъ направилась къ посѣтительницѣ.

II.

— Я заходить не буду, — крикнула Фаберъ, — но рѣшила остановиться и сказать вамъ. Я сейчасъ закупала провизию.

— Провизию?

— Да, провизию! Говорятъ, всѣ будутъ запасаться провизией, и скоро ничего нельзя будетъ достать. Смотрите, я купила цѣлый окорокъ.

— Но?..

— Мужъ говоритъ, что мы должны запастись всѣмъ, чѣмъ можно. Эта война... она все остановитъ... нельзя предсказать, что можетъ случиться. Мнѣ надо подумать о дѣтяхъ, вотъ я и запасуюсь. Я была у Хиксона въ лавкѣ въ девятомъ часу...

Видъ у маленькой женщины былъ необычайный. Она вся раскраснѣлась, глаза лихорадочно блестѣли, волосы были растрепаны, шляпа немного на бокъ. У нея былъ такой видъ, какъ будто она наслаждалась всѣми этими неожиданными волненіями.

— И всѣ прячуть у себя золото, — добавила она, съ отѣнкомъ злорадства въ голосѣ. — Мужъ говоритъ, что, быть можетъ, дня черезъ два-три наши чеки и гроша ломаного не будутъ стоить. Онъ помчался въ Лондонъ запасить золотомъ, пока не поздно. Мнѣ съ трудомъ удалось уговорить Хиксона взять чекъ. «Если вы не возьмете чекъ, — сказала я ему, — то я никогда больше не буду покупать у васъ ничего...» И то онъ взглянулъ на меня такъ, что я ужъ подумала, что онъ все же откажется.

— Голодъ надвигается, да голодъ, — продолжала она, обращаясь къ м-ру Бритлиngu. — Я захватила все, что могла. Надо же мнѣ подумать о дѣтяхъ.

— Но почему вы думаете, что надвигается голодъ? — спросилъ м-ръ Бритлингъ.

— О, конечно, это такъ, — отвѣтила она.

— Но почему?

— Мужъ сказалъ, онъ все знаетъ, — отвѣтила она убѣжденно. — Конечно, надвигается голодъ.

— И повѣрите-ли, — обращаясь снова къ миссисъ Бритлингъ, продолжала она, — этотъ самый Хиксонъ стоялъ за прилавкомъ — въ его же лавкѣ, въ которой я покупала столько лѣтъ — и наотрѣвъ отказался продать мнѣ больше

чьмъ дюжину коробокъ сардинокъ... Отказался! Наотрѣзъ! Я была тамъ въ началѣ девятаго, и даже въ такую рань лавка была переполнена... набита биткомъ, милая.

— А что вы накупили? — спросилъ м-ръ Бритлингъ, подходя къ автомобилю.

Чего только у нея не было! Окорокъ, два огромныхъ куска свиной грудинки, ящикъ сахару, кули съ рисомъ, яйцами, большой мѣшокъ муки.

— А что во всѣхъ этихъ маленькихъ пакетикахъ, — спросилъ м-ръ Бритлингъ.

Миссисъ Фаберъ какъ-будто немного смутилась.

— Соль-церебось, — отвѣтила она. — Знаете, невольно увлекаешься немного, когда теряешь голову. Не знаю почему, но я захватила всю эту соль и снесла ее въ автомобиль. Я подумала, можетъ быть, придется заготовлять много всякаго соленья.

— А въ этихъ банкахъ, навѣрное, пикули? — настаивалъ м-ръ Бритлингъ.

— Да. Но посмотрите, сколько у меня муки. Это самое важное.

Маленькая дама была немного смущена слишкомъ подробнымъ изслѣдованіемъ, произведеннымъ м-ромъ Бритлингомъ.

— А зачѣмъ вамъ столько ваксы? — спросилъ онъ.

Но она какъ-будто не слыхала его вопроса. Она чувствовала, что онъ хочетъ испортить ей всю радость утра. И она заявила, что должна спѣшить домой.

— Не говорите потомъ, что я васъ не предупредила, — сказала она. — У меня дома масса дѣла. Во-первыхъ, горошекъ. Хочу показать кухаркѣ, какъ дѣлать консервы изъ горошка. Въ этомъ году — прямо счастье — у насъ уродилось необычайно много горошка. Я поѣхала мимо васъ только для того, чтобы и васъ предупредить. Прощайте.

И она уѣхала... пожалуй, чуть-чуть задѣтая равнодушіемъ миссисъ Бритлингъ и скептическимъ отношеніемъ м-ра Бритлинга.

М-ръ Бритлингъ смотрѣлъ вслѣдъ ея уносящемуся автомобилю, и въ немъ начало вскипать негодованіе.

— И вотъ какъ. — сказалъ онъ, — Англия начинаетъ войну! Паникой и гонкой за провизіей... Съ самаго начала!

— Она, очевидно, очень беспокоится за дѣтей, — попробовала возразить миссисъ Бритлингъ.

— И потому запасается ваксой?

— Ну, что жъ, въ концѣ концовъ, — сказала миссисъ Бритлингъ, — если другіе это дѣлаютъ, то почему же не...

— Вотъ такъ и начинается всякая паника. Именно этого намъ не надо дѣлать... Англія вѣдь еще не объявила даже войны. А вотъ и почта, наконецъ. Ну, что жъ, лучше поздно, чѣмъ никогда.

На дорогѣ надъ изгородью показалась голова почта-люна, ѣхавшаго на велосипедѣ, по дорогѣ къ Дауеръ-Хаузу и везущаго имъ письма и газеты.

III.

Англія еще не объявила войны, но все указывало на то, что это неизбежно. Какъ-будто событіе такого колоссальнаго значенія требовало времени для воплощенія. И у м-ра Бритлинга не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что Англія объявитъ войну, несмотря на то, что цѣлая первая страница «Daily News» была занята огромнымъ объявленіемъ, умоляющимъ Англію не играть на руку Россіи, грозной Россіи, этого жупела сентиментальныхъ радикаловъ. Извѣстія были довольно противорѣчивы, весьма сенсационны и едва ли вѣрны. Газеты кричали, что германцы уже въ Бельгіи и Голландіи, и что ими захваченъ рядъ англійскихъ пароходовъ въ Кильскомъ каналѣ. Былъ объявленъ мораторій и сообщенія о паникѣ въ связи съ всеобщимъ стремленіемъ накопить у себя провизію, доказывали, что миссисъ Фаберъ лишь единичный примѣръ весьма многочисленной группы легко возбудимыхъ людей.

На м-ра Бритлинга эта продовольственная паника подѣйствовала удручающе. Это совершенно не гармонировало съ его лейтмотивомъ: свободные народы міра встаютъ противъ невыносимаго бремени милитаризма. Это какъ-то портило общую картину...

Миссисъ Бритлингъ читала газету вмѣстѣ съ мужемъ. Они стояли у клумбы бегоній подъ кедромъ, а воздухъ былъ наполненъ жизнерадостными звуками машинки для стрижки газона, которую таскала взадъ и впередъ по полянѣ для хоккея лошадь въ специальныхъ «галошахъ».

Вскорѣ прибѣжалъ изъ дома Гью узнать, что случилось.

— Какъ-то совсѣмъ не работается, когда кругомъ совершаются всѣ эти великія событія, — извинился онъ.

Онъ взялъ себѣ «Daily News», пока отецъ и мать читали «Times». Въ тѣни деревьевъ раздались голоса мальчиковъ. Они перенесли всѣхъ своихъ игрушечныхъ солдатъ въ садъ и уже строили укрѣпленія, рыли окопы.

— Финансовое положеніе получается прямо невѣроят-

ное, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, сосредоточивая вниманіе. — Могутъ случиться всякаго рода неожиданности въ социальной и экономической системѣ, сложившейся кое-какъ... Нигдѣ ничего не предусмотрено... Въ мірѣ, наполненномъ такими типами, какъ миссисъ Фаберъ...

— Мораторій, — громко прочиталъ Гью въ «Daily News». По отношенію къ векселямъ и долгамъ. Ничего не понимаю въ этихъ новѣйшихъ выраженіяхъ... Отъ «mors» и «crematorium», что ли? Это значить, что мы будемъ сжигать векселя, вмѣсто того, чтобы платить по нимъ, да?

— Мораторій? — задумался м-ръ Бритлингъ. — Мораторій! Что за глупости ты болтаешь! Это значить откладывать что-то, конечно! Никакого отношенія не имѣетъ къ смерти. Да! это временное прекращеніе производства платежей по векселямъ и долговымъ обязательствамъ... Разумѣется, произойдетъ огромная переоцѣнка цѣнностей.

IV.

«Неизбѣжно произойдетъ огромная переоцѣнка цѣнностей...»

Мысль м-ра Бритлинга стала быстро развивать эту тему, не успѣвъ онъ дойти еще до своего кабинета, какъ у него въ головѣ зародился подъ влияніемъ этой угрозы поразительный рядъ возможностей. Онъ сѣлъ за письменный столъ, но не могъ сразу приняться за работу. Онъ открылъ нѣчто столь революціонное въ своихъ личныхъ дѣлахъ, что даже на время могъ забыть о войнѣ и возможныхъ ея послѣдствіяхъ.

Гдѣ-то на самомъ днѣ сознанія м-ра Бритлинга сейчасъ припряталось нѣчто, чего раньше не было, нѣчто тепленькое и утѣшительное, что дѣлало жизнь и всѣ мысли о жизни вообще гораздо болѣе пріятными и легкими, чѣмъ они были бы при другихъ условіяхъ. Это нѣчто было сознаніемъ имѣющагося у него аккуратно распределеннаго списка его капиталовъ, вложенныхъ въ различныя процентныя бумаги; осторожно и умѣло, чисто географически распределенная система принадлежащихъ ему акцій и облигацій государственныхъ займовъ разныхъ странъ, городскихъ займовъ, желѣзнодорожныхъ акцій и т. д., возвышающихся до общей суммы въ 25 слишкомъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ; капиталы, накопленные имъ, вмѣстѣ съ миссисъ Бритлингъ. Это была такъ сказать его экономическая *vis-à-vis*. На это онъ жилъ, и жилъ комфортабельно, не зная заботъ, не безпокоясь о завтрашнемъ днѣ. Когда все шло хорошо, онъ какъ-будто не ощущалъ существованія этого капитала, а

просто испытывалъ чувство приятной беззаботности и независимости. Когда же та или другая бумага начинала колебаться, онъ испытывалъ только смутное безпокойство. Но теперь онъ ясно ощущалъ возможность серьезныхъ неожиданностей.

И, въ общемъ, когда м-ръ Бритлингъ добрался до своего письменнаго стола, онъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы продолжать: «Теперь пришелъ конецъ войнѣ».

«Несомнѣнно, произойдутъ большія переоцѣнки цѣнностей».

Вообще говоря, онъ никогда не былъ такъ увѣренъ, какъ увѣрено большинство людей, въ устойчивости современной финансовой системы. И, кромѣ того, онъ чувствовалъ, что не совсѣмъ понимаетъ, какъ будетъ осуществленъ этотъ самый мораторій и какія преимущества принесетъ временное закрытіе всѣхъ банковъ. По всей вѣроятности, это означаетъ всеобщее прекращеніе, на время, платежей и сокращеніе наличныхъ средствъ у каждаго. И, если судить по словамъ миссисъ Фаберъ, лавочникъ Хиксонъ начинаетъ уже коситься на чеки.

Если банки и откроются, то опять м-ру Бритлингу отъ этого не будетъ легче, т. к. на текущемъ счету у него сейчасъ лежало очень мало — всего какихъ-нибудь двадцать-тридцать фунтовъ. Онъ какъ разъ на-дняхъ долженъ былъ получить очередные чеки отъ англійскихъ и американскихъ издателей его произведеній, и обычный чекъ «Таймса». А что если и эти платежи тоже будутъ приостановлены?

Насколько онъ могъ понять, всѣ эти господа тоже могли приостановить платежи, ссылаясь на мораторій. Это ему раньше не приходило въ голову. Да, по всей вѣроятности, они, дѣйствительно откажутся платить.

А что, если редакция «Таймса» вдругъ возьметъ и рѣшитъ, что его писанія не подходящи сейчасъ,—излишни въ эти дни всеобщаго возбужденія?

А что, если банкъ, дѣйствительно, запретъ у себя его вкладъ, и онъ не будетъ въ состояннн реализовать свои бумаги?

И м-ръ Бритлингъ почувствовалъ себя вродѣ устрицы, которой предложили покинуть свою раковину...

Онъ откинулся на спинку кресла и сталъ обсуждать всѣ эти страшныя возможности. Его воображеніе слѣлало слабую попытку представить весь міръ, изъ котораго исчезъ кредитъ, а деньги вдругъ стали сомнительной цѣнностью. По всей вѣроятности, очень большое число людей будутъ

по старой привычкѣ продолжать покупать и продавать по старымъ или приблизительно такимъ же цѣнамъ.

Мысли и совѣсть его сдѣлали доблестную попытку снова взяться за «Теперь пришелъ конецъ Войнѣ», и докончить ее, но не прошло и пяти минутъ, какъ онъ опять вернулся къ размышлениямъ о продовольственной паникѣ и банкротствѣ.

V.

Конфликтъ личныхъ и общественныхъ интересовъ, разгорѣвшійся за письменнымъ столомъ м-ра Бритлинга, сталъ, наконецъ, невыносимымъ. Онъ чувствовалъ, что сначала надо покончить съ личнымъ вопросомъ. Онъ опять вышелъ въ садъ и сталъ курить одну за другой безчисленныя папиросы.

Его первоначальная концепція огромнаго объединеннаго движенія всѣхъ народовъ, стремящихся добиться мира всего міра и поставить конецъ милитаризму Германіи, по-немногу затмевалась другой картиной, совершенно несомѣстимой съ первой, и изображающей какой-то другой, окончательно дезорганизованный, хаотическій міръ. Огромныя толпы разныхъ миссисъ Фаберъ, накаплиющія и прячущія у себя въ кладовыхъ запасы провизіи, другія толпы, грабящія и разносящія магазины, мораторій, закрытые банки и длинные хвосты ожидающихъ. Неужели вся система могла рухнуть лишь вслѣдствіе того, что ея довѣрію нанесенъ неожиданный ударъ. И какъ-то незамѣтно, даже безъ отбѣнка нелѣпости, его величественная картина умиротворенія земли уступила мѣсто въ мысляхъ его этимъ, болѣе интимнымъ возможностямъ.

Что-то зашелестѣло за его спиной; обернувшись, онъ увидалъ жену.

— Какъ ты думаешь, — сказала она, — возможно ли, дѣйствительно, что вдругъ провизіи не будетъ?

— Если всѣ миссисъ Фаберъ въ мірѣ будутъ охвачены паникой и начнутъ все хватать...

— Тогда, значить, каждый долженъ хватать... У меня въ домѣ не очень много всего припасено...

— Хм, — сказалъ м-ръ Бритлингъ и задумался. — Мнѣ кажется, что сейчасъ не слѣдуетъ запасаться, это будетъ нехорошо...

— Ну, а если мы останемся безъ всего?

— Что жъ дѣлать, на то и война, — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

И опять задумался.

— Тѣ, которые присоединяются къ паникѣ, сами ее создают. Вѣдь, въ концѣ концовъ, согласись, въ мѣръ сейчасъ ровно такой же запасъ продовольствія, какой былъ и въ прошломъ мѣсяцѣ. И, если его не сжигать, то единственный способъ уничтоженія его — съѣсть его. И урожай въ этомъ году тоже хорошъ. Такъ чего же всѣмъ набрасываться на столъ и такъ изобилующій яствами?

— Но люди же бросаются? Будетъ очень скверно, — помни, что у насъ имѣются дѣти, прислуга — если вдругъ останемся безъ всего.

— Да нѣтъ, это глупости! И какъ бы то ни было, даже если и отъ этого будутъ какія-нибудь неудобства, то ты не должна начинать копить и прятать провизію.

— Хорошо. Но ты же первый будешь недоволенъ, когда тебѣ вдругъ подадутъ чай безъ сахара.

М-ръ Бритлингъ не обратилъ вниманія на этотъ личный примѣръ.

— Куда серьезнѣе продовольственной паники, это — денежная паника.

И онъ началъ гулять съ женой взадъ и впередъ по газону и говорить. Онъ сталъ объяснять, что даже въ настоящую минуту очень немногіе люди сознаютъ неустойчивость той кредитной системы, на которой базируется современный мѣръ. Это было просто огромнымъ нарастаніемъ довѣрія, явившагося, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ малолюбознательной халатности... всѣхъ! Эта система была прочна до тѣхъ поръ, пока человѣчество въ цѣломъ ей вѣрило. Но при малѣйшемъ колебаніи этого довѣрія, при малѣйшей утратѣ вѣры въ нее, она готова рухнуть. Никто не знаетъ слабости или силы кредита. Никто не знаетъ, не разрушить ли окончательно и навсегда систему кредита. переживаемый сегодня ударъ... И тогда та маленькая, мелочная жизнь, которой мы жили до сихъ поръ, унесется куда-то далеко, далеко...

Онъ замѣтилъ, что миссисъ Бритлингъ отъ времени до времени поглядывала на освѣщенный солнечными лучами домъ — на окнахъ были новыя маркизы, она любовалась удачно выбраннымъ ею рисункомъ ихъ и со скептическимъ выраженіемъ лица слушала его долгую диссертацію.

— Нѣсколько дней тому назадъ, — продолжалъ м-ръ Бритлингъ, стараясь пояснить ей свою мысль конкретнымъ примѣромъ, — у насъ съ тобой имѣлся капиталъ въ 25.000

фунтовъ, а теперь мы не знаемъ, сколько у насъ осталось; потеряли ли мы тысячу или десять тысячъ фунтовъ.

Онъ досталъ кошелекъ и заявилъ, что у него имѣется шесть фунтовъ.

— А у тебя сколько?

У нея въ домѣ было около восемнадцати.

— Можетъ быть, придется очень долго просуществовать на эти деньги.

— Но вѣдь банки скоро опять откроются, — сказала она. — И люди здѣсь кругомъ насъ знаютъ и довѣряютъ намъ.

— А если перестанутъ вѣрить?

Она не обратила вниманія на эту гипотезу.

— Ну, а если наши бумаги упадутъ, онѣ потомъ опять поднимутся! Онѣ всегда потомъ поднимаются.

— Все можетъ снова подняться, — согласился онъ. — Но одинаково возможно, что и ничего не поднимется. И вся эта наша жизнь, которая казалась такой устроенной, налаженной и прочной — вовсе не прочна. Я раньше чувствовалъ, что мы тутъ приросли и вкоренились на всю жизнь, ну, а что если вдругъ создающіяся обстоятельства возьмутъ да и сметутъ насъ вонъ отсюда? Это — возможность, съ которой приходится очень и очень считаться. У меня сегодня утромъ такое впечатлѣніе, какъ будто въ нашей жизни раскрылись огромныя ворота, открывающіяся на какую-то арену, ворота, открывающіяся въ какую-то тьму... И черезъ которыя, все, что угодно, войти можетъ. Даже смерть. Представь себѣ, что вдругъ мы увидали бы надъ собой на небѣ одинъ изъ этихъ огромныхъ цеппелиновъ или услышали громъ орудій въ той сторонѣ около морского берега! Или вдругъ явился бы сейчасъ мальчикъ на велосипедѣ и привезъ бы намъ распоряженіе немедленно бросить все и отправиться вглубь страны.

— Я не вижу никакой причины, чтобы такъ забѣгать впередъ событіямъ.

— Но, согласишься, нѣтъ и причины, почему бы не дѣлать предположеній, не пытаться предвосхитить ихъ...

— И самое странное, — продолжалъ м-ръ Бринтлингъ, развивая свою мысль, — если вникнуть въ эти вещи, какъ я дѣлаю сейчасъ, и разсматривать ихъ, какъ явленія, вполне возможные, — они вовсе не кажутся такими ужасными и все опустошающими, какъ скажемъ, они казались бы... на прошлой недѣлѣ. Право, у меня сейчасъ такое чувство, что я бы всѣхъ посадилъ въ «Глэдисъ» и съ легкимъ сердцемъ уѣхалъ бы съ вами куда-нибудь на западъ.

Она взглянула на него, точно хотѣла что-то сказать, и ничего не сказала. Ей показалось, что, въ сущности, онъ ненавидитъ свой домъ и только изъ вѣжливости къ ней дѣлаетъ видъ, что онъ ему близокъ.

— Можетъ быть, вся бѣда въ томъ, что человѣчество слишкомъ старается поуютнѣе «устроиться». Можетъ быть, эти встряски и должны происходить, чтобы спасти насъ отъ нашей склонности къ душному мѣщанскому комфорту. Раздается волшебный призывъ невѣдомыхъ переживаній, опасностей и испытаній. И хочется идти на этотъ зовъ. Но если не бываетъ вдругъ толчка, никто не идетъ. Насъ опутали какія-то чары, приковывающія къ домашнему очагу и старымъ привычкамъ. И вотъ теперь я боюсь... и въ то же время я чувствую... что эти чары сняты. Волшебная тюрьма стала сразу какой-то сплошной дверью. Можно назвать это гибелью, банкротствомъ, вторженіемъ, бѣгствомъ; все это — двери, ведущія вонъ изъ привычки и рутины... Вотъ и я сколько времени ничего не дѣлалъ, занимался лишь праздными вопросами и пустой болтовней...

— Но мнѣ казалось, что ты былъ доволенъ и счастливъ здѣсь. Ты много работалъ...

— Да, но описание, это — не есть жизнь, это просто какая-то хроника событій. А теперь я вдругъ почувствовалъ, что мы начинаемъ интенсивно жить. Какъ будто бы мѣняется весь духъ жизни. Бываютъ такіе периоды въ жизни человѣчества когда совсѣмъ, кореннымъ образомъ, мѣняется духъ жизни. Древній міръ это зналъ лучше, чѣмъ мы. Онъ дѣлалъ различіе между буднями и днемъ субботнимъ, между праздниками и постами и днями, посвященными молитвѣ. И какъ разъ нѣчто такое случилось и теперь. Будничныя правила и будничныя привычки должны быть отставлены въ сторону. Недавно... всего три дня тому назадъ... конкуренція была явленіемъ терпимымъ и въ порядкѣ вещей; терпимо и въ порядкѣ вещей было стараться достать себѣ какъ можно лучшую пищу и отстаивать свои интересы. Но сегодня это уже не годится... Война превращаетъ будни въ субботній день, и поэтому мы закрываемъ лавки. Банки закрыты, и міру все кажется еще, что продолжается воскресенье.

Ему теперь все становилось яснымъ.

— Измѣнился масштабъ. Сейчасъ вовсе не важно, раззоримся ли мы или нѣтъ. Совсѣмъ не важно, придется ли намъ питаться одной картошкой, придется ли задолжить арендную плату землевладѣльцу. Все это лишь вещи второстепенныя, случайныя. А недѣля тому назадъ онъ были бы

вещами первостепенной важности. Сейчас мы встали лицомъ къ лицу передъ величайшей катастрофой и величайшей раскрывшейся возможностью въ исторіи человѣчества. И намъ нужно окунуться въ катастрофу, чтобы добраться до этой возможности. И ничего не останется теперь во всемъ мірѣ дѣлать, кромѣ какъ стараться использовать наилучшимъ образомъ это расплавление всего «устроеннаго» въ жизни...

Онъ, наконецъ, попалъ на тотъ строй мыслей, который онъ искалъ. Бросивъ жену стоящей на газонѣ, онъ поспѣшилъ назадъ къ себѣ въ кабинетъ и сѣлъ писать.

VI.

Когда м-ръ Бритлингъ, послѣ успѣшно проведеннаго утра среди высокихъ идеаловъ, спустился внизъ къ завтраку, онъ увидалъ въ холлѣ м-ра Лоренса Кармина, стояшаго съ широко разставленными ногами, и въ четвертый разъ перечитывающаго «Таймсъ».

— Не могу работать, — сказалъ онъ, оборачиваясь, — никакъ не могу сосредоточиться. Очевидно, воевать мы будемъ, теперь ужъ нѣтъ сомнѣній. Знаете, я такъ привыкъ къ мысли о войнѣ съ Германіей, что никогда въ голову не приходило, что она дѣйствительно можетъ случиться. Господи, какъ это будетъ скучно и неудобно... И Максъ¹, и всѣ эти алармисты, которые будутъ теперь ходить, задравши носы вверхъ и крича: «А что? Мы вамъ говорили?»... Чортъ бы побралъ этихъ нѣмцевъ!

У него былъ разстроенный и подавленный видъ. Онъ поспѣдовалъ за м-ромъ Бритлингомъ въ столовую, засунувъ руки глубоко въ карманы.

— Да, будетъ нѣчто ужасное, невообразимое, огромное, — сказалъ онъ, сперва поздоровавшись съ миссисъ Бритлингъ и Гью, тетей Уильширъ и Тедди и усѣвшись за гостеприимной трапезой м-ра Бритлинга. — Это все перевернетъ вверхъ дномъ. Мы и вообразить себѣ не можемъ, сколько бѣды надѣлаетъ намъ эта война.

М-ръ Бритлингъ былъ весь подъ вліяніемъ того потока либеральнаго оптимизма, который онъ развивалъ у себя въ кабинетѣ наверху.

— Я не жалѣю, что дожилъ до того, чтобы увидеть эту войну, — сказалъ онъ, — можетъ быть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это и будетъ колоссальной катастрофой, но съ другой стороны — это огромный шагъ впередъ въ жизни че-

¹ Максъ—редакторъ англійскаго ежемѣсячника «National Review».
Прим. перев.

ловѣчества. Это — конецъ сорока годамъ тревожныхъ ожиданій и зловѣщей напряженности. Это одновременно и кризисъ и разрѣшеніе его.

— Мнѣ очень хотѣлось бы смотрѣть на вещи такъ, какъ смотрите вы, — сказалъ м-ръ Карминъ.

— Это похоже на оттепель... Начиная съ берлинскаго трактата и 1871 г., все находилось въ какомъ-то заледенѣвшемъ хаосѣ.

— А почему не съ Шлезвигъ-Гольштинскаго соглашения? — спросилъ м-ръ Карминъ.

— Если хотите. Или со времени вѣнскаго трактата!

— Или... Ну, такъ можно идти назадъ, и дойти...

— До римской имперіи, — замѣтилъ Гью.

— Вообще до первыхъ войнъ и первыхъ завоеваній, — сказала Тедди.

— Я сегодня цѣлое утро не могъ заставить себя работать, — сказалъ Гью. — Сидѣлъ и читалъ въ энциклопедіи все, что тамъ написано о расахъ и религіяхъ на Балканахъ... Тамъ страшно все запутано!

— До сихъ поръ намъ приходилось считаться съ этимъ и разрѣшать все, какъ бы... въ розницу, — сказала м-ръ Бритлингъ. — И вотъ тутъ и открывается та величайшая возможность, которую сулитъ намъ эта война. Теперь все становится послѣдовательнымъ и связнымъ. Мы можемъ заново перечертить карту міра. Еще недѣлю тому назадъ мы ожесточенно спорили и ссорились изъ-за вещей, которыя были слишкомъ мелкими для человѣческаго терпѣнія. А сегодня мы очутились лицомъ къ лицу съ цѣлой эпохой. Міръ, въ сущности, сталъ мягкимъ кускомъ глины, изъ которой человѣкъ можетъ вылѣпить все, что ему хочется. Сегодня мы переживаемъ конецъ и начало вѣка. Это нѣчто куда болѣе огромное и величественное, чѣмъ французская революція или эпоха реформации... И намъ дано жить и пережить такое время...

Онъ эффектно умолкъ.

— Любопытно, что же будетъ съ Албаніей? — сказала Гью, но никто не обратилъ никакого вниманія на его замѣчаніе.

— Война дѣлаетъ людей озлобленными и узкими, — сказалъ м-ръ Карминъ.

— Узко понимаемая и узко задуманная война, — отвѣтилъ м-ръ Бритлингъ. — Но это будетъ войной благородной, полной негодованія и великодушія.

И они стали обсуждать и гадать относительно возможности вмѣшательства Америки. М-ръ Бритлингъ держался

взгляда, что насиліе надъ Бельгіей требовало вмѣшательства всякой цивилизованной державы, и что всѣ наилучшія чувства и инстинкты Америки будутъ стоять за вмѣшательство.

— И чѣмъ больше будетъ участвовать народовъ,—сказалъ онъ, — тѣмъ скорѣе все кончится.

— Было бы страннымъ совпаденіемъ, если бы послѣдней державой, до послѣдней минуты не рѣшавшейся выступить, оказался бы Китай, — сказалъ м-ръ Карминъ. — Китайцы единственный народъ въ мірѣ, дѣйствительно, вѣрующій въ миръ... Ахъ, если бы у меня была ваша увѣренность, Бритлингъ...

И нѣкоторое время они стали строить разные фантастическіе планы о чемъ то вродѣ Великаго Слѣдствія надъ Германіей и милитаризмомъ, причемъ предсѣдательствовала бы надъ всей этой слѣдственной комиссіей Мудрость Востока. И, по ихъ мнѣнію, милитаризмъ будетъ приговоренъ къ тому, чтобы быть похороненнымъ, какъ самоубійца, на перекресткѣ у дороги и съ пробитымъ сквозь его трупъ коломъ, чтобы онъ никогда больше не могъ встать.

VI.

М-ръ Бритлингъ былъ какъ разъ склоненъ пофантазировать,—такого рода настроеніе было однимъ изъ первыхъ эффектовъ, которые возымѣла война для многихъ образованныхъ умовъ. Многое, что казалось солиднымъ и крѣпкимъ на вѣчныя времена, теперь явно какъ бы расплавлялось. То, что казалось каменнымъ, вдругъ оживилось. Каждая граница, каждое правительство сразу какъ-то выявляло свой дѣйствительно временный характеръ.

М-ръ Бритлингъ долго говорилъ о «Мировомъ конгрессѣ», который долженъ ежегодно собираться, пока не перестанетъ быть учрежденіемъ слѣдственнымъ, а превратится просто въ коллегію, призванную съ помощью лучшихъ интеллектовъ міра предвидѣть и предотвратить всякія будущія недоразумѣнія и неприятности. Онъ говорилъ о «всѣмъ очевидной потребности» въ создани Верховнаго Судища для міра. Наболѣе подходящимъ мѣстомъ для этого верховнаго суда казалась Гаага, но м-ръ Карминъ отдавалъ предпочтеніе Дельи или Самарканду, или Александрии, или Нанкину.

— Надо во что бы то ни стало уйти и отомкнуться отъ соблазновъ Европы, — сказалъ м-ръ Карминъ.

Пока м-ръ Бритлингъ сидѣлъ утромъ за своимъ столомъ и перебиралъ огромныя, раскрывающіяся міру этой войной перспективы и возможности, катастрофа, постигшая

человѣчество, начала въ его представленіи принимать какъ бы все болѣе и болѣе благодѣтельный характеръ.

— Очевидно, только путемъ такихъ кризисовъ миръ и можетъ перестроить себя, — сказалъ онъ.

Да и вообще онъ теперь былъ склоненъ надѣяться, что великая военная машина еще не такъ легко сломается.

— Нужно, чтобы народы чувствовали и ощущали потребность другъ въ другѣ, — сказалъ онъ. — Слишкомъ краткая кампанія могла бы привести къ ссорѣ изъ-за добычи. Англичанинъ долженъ открыть, что онъ зависитъ отъ ирландца. Русскому надо понять цѣнность образования и значеніе дружбы поляка... Европѣ придется теперь взглянуть въ сторону Азии и признать «бѣлыми» индусовъ и китайцевъ. Но для всего этого, если вообще все познать, какъ слѣдуетъ, понадобится время и напряженіе...

И они стали обсуждать возможную продолжительность войны.

М-ръ Карминъ былъ убѣжденъ, что борьба протянется очень долго. М-ръ Бритлингъ думалъ, что русскіе будутъ въ Берлинѣ къ маю будущаго года. Онъ боялся, какъ бы они не добрались до Берлина еще до конца этого года. Онъ думалъ, что нѣмцы растратятъ всѣ свои силы, стараясь разгромить французовъ и англичанъ.

— А въ это время русскіе, — сказалъ онъ, — будутъ наступать медленно, упорно, неизбежно!

VIII.

Такъ тянулся этотъ день великихъ ожиданій и началъ медленно склоняться къ вечеру. Это былъ день, словно чѣмъ-то одержимый, предтеча безжалостнаго ряда проклятыхъ дней. Ясно какъ-то ощущалось, что гдѣ-то, за маской мирной невозмутимости Эссекса, за предѣлами слуха и зрѣнія происходили огромныя событія. И отъ этого ощущенія никакъ нельзя было избавиться. Оно поглощало, душило всѣ другіе интересы. Начатыя было партіи въ теннисъ были прерваны прибытіемъ вечернихъ газетъ; разговоры, начатыя на какую угодно тему, неизбежно сводились послѣ третьей или четвертой реплики къ войнѣ.

Послѣ завтрака м-ръ Бритлингъ и м-ръ Карминъ продолжали бесѣду, — иначе быть не могло. Они повторяли мысли и соображенія уже высказанныя, они стали болѣе подробно и детально обсуждать и взвѣшивать явленія.

Они привыкли играть въ «дурачки» съ Herr Heingisch'омъ, который имъ страшно точно и подробно объяснялъ правила этой игры. Но теперь уже не было Herr Heingisch'a, да и имъ было не до картъ. Оба философа сознались другъ

другу, что собственно «дурачки» — игра крайне примитивная, лишенная всякой тонкости, и что главное удовольствие, которое они черпали въ игрѣ, была та серьезность, съ которой относился къ дѣлу Herr Heinrich, и его неспособность сообразить, что они вполнѣ уясняютъ себѣ всю невинную стратегію игры и неизмѣнную безуспѣшность его попытокъ поразить ихъ какими-нибудь неожиданными, гениально-задуманными ходами.

Онъ всегда съ плохо скрываемымъ удивленіемъ таращилъ глаза, когда всѣ его расчеты обычно разбивались соответствующимъ ходомъ его партнеровъ, и онъ всегда провѣрялъ свое первое впечатлѣніе, нагибаясь черезъ весь столъ и поправляя очки на носу. Дѣлалъ онъ это характернымъ и однообразнымъ жестомъ: — касаясь носа двумя вытянутыми пальцами.

— Вы очень удачно сыграли именно эту карту, — говорилъ онъ, дѣлаясь все розовѣе и розовѣе отъ волненія. — Иначе... да...—взглядъ на собственные карты,—иначе вамъ было бы очень плохо... Я очень малымъ рисковалъ... Ну, а теперь я долженъ... — И онъ снова смотрѣлъ на свои карты.

— Зо, — говорилъ онъ и съ трескомъ клалъ карту на столъ.

Ну, вотъ теперь уже не было ни Herr Heinrich'a, ни дурачковъ. И безчисленное количество такихъ маленькихъ звеньевъ разрывалось въ этотъ день между множествомъ англійскихъ и германскихъ семей.

IX.

Неизбѣжность и близость войны привела въ особую экзальтацию тетю Уильширъ. И она развила вполнѣ индивидуальную точку зрѣнія на совершающіяся событія.

У м-ра Бритлинга завелась привычка, — завелъ онъ ее послѣ долгаго раздражительнаго опыта, — совершенно не обращать вниманія на тетю Уильширъ. Строго говоря, она вовсе не приходилась ему тетей; она была одной изъ тѣхъ дальнихъ кузинъ, которыхъ мы всегда находимъ такъ или иначе вплетенными въ наши жизни, когда достигаемъ зрѣлости. Она постоянно бывала въ домъ его отца, когда м-ръ Бритлингъ былъ еще маленькимъ. Тогда ее всѣ звали «Джэнъ» или «Кузина Джэнъ» или «наша кузина Уильширъ». И произведена была она въ тети лишь благодаря шуточному калризу м-ра Бритлинга.

Она кое-какъ влачила существованіе съ помощью небольшого наслѣдства и частыхъ наѣздовъ въ гости къ родственникамъ. Наиболѣе раннія воспоминанія м-ра Бритлинга рисовали ее въ видѣ стройной барышни тридцати лѣтъ, съ

носомъ, по поводу котораго маленькимъ мальчикамъ было запрещено дѣлать замѣчанія. Но она сама любила комментировать этотъ носъ и обращать внимание на то, что ея носъ страшно напоминаетъ носъ герцога Веллингтона.

— Какъ мнѣ говорили, — рассказывала кузина Уильширъ внимательно слушавшему ее мальчику, — онъ былъ большимъ другомъ твоей прабабушки. По крайней мѣрѣ, они были современниками. И съ тѣхъ поръ этотъ носъ держится въ нашемъ роду...

У нея было какое-то особенное свойство раздражать отца м-ра Бритлинга, и это свойство, хотя въ значительной меньшей степени, осталось и для сына. Но м-ръ Бритлингъ-старшій никогда не постигъ искусства не обращать на нее вниманія, дѣлать видъ, какъ будто она вовсе не существуетъ. Примѣняемый ею методъ — если вообще можно назвать методомъ естественное выявленіе какой-нибудь индивидуальности, — сводился къ убѣжденію въ своемъ несоизмѣримо непогрѣшимомъ знаніи, къ твердой и плохо скрываемой увѣренности въ томъ, что все, что бы ни говорили другіе въ ея присутствіи, всегда ошибочно, большей частью просто—нелѣпость. И все это дѣлалось спокойно, увѣренно и сдержанно. Должно быть, родилась она съ этимъ свойствомъ, т. к. въ семьѣ Бритлинговъ хранилось преданіе, что «тетю Уильширъ» еще въ возрастѣ десяти лѣтъ опредѣлили «чрезвычайно несносной дѣвочкой». Она, должно быть, родилась съ убѣжденіемъ, что акушеръ, принимавшій ее — ни чорту не годится, и что она сама знаетъ лучше это дѣло. М-ръ Бритлингъ ее узналъ только въ ея зрѣлости. Мальчикомъ онъ удостоивался чести выслушивать ея таинственныя изливанія — относительно другихъ людей и того, что никто не желаетъ слушать ея совѣтовъ. Онъ выросъ, чувствуя къ ней нѣкоторую симпатію — большинство людей чувствовало къ ней симпатію — и какъ то привыкъ придавать нѣкоторое значеніе ея трудно достигаемому одобренію. Иногда она бывала очень доброй, часто — просто нелѣпой.

Съ очень маленькими дѣтьми она прекрасно умѣла обращаться, и они тоже любили ее.

И такимъ образомъ ѣздила изъ одного дома въ другой и всюду встрѣчала, по крайней мѣрѣ, привѣтливое отношеніе. Въ первые дни каждаго визита она всегда бывала прямо чудомъ такта и тщательно слѣдила за своимъ языкомъ. Но затѣмъ вскорѣ бѣсы противорѣчія и самолюбія начинали брать верхъ надъ ней. Она тогда начинала спокойно, но твердо вносить поправки въ разговоры и вы-

ражать неудовольствие по поводу того, какъ къ ней относятся, какъ съ ней обращаются, какъ съ ней говорятъ. И было обычнымъ явленіемъ, что ея визитъ вдругъ внезапно обрывался безмолвнымъ негодованіемъ, какъ со стороны хозяйки или хозяина, такъ и со стороны гостящей у нихъ родственницы. Но самое примѣчательное то, что безмолвное негодование никогда долго не длилось. Хотя она могла выводить людей изъ терпѣнія, но никогда никого не обижала и не оскорбляла. Всегда послѣ нѣкотораго промежутка времени, въ которомъ имя ея даже не упоминалось, кто-нибудь начиналъ вдругъ дѣлать догадки или спрашивать, какъ поживаетъ кузина Джэнъ... И начиналась осторожная переписка, всегда вскорѣ кончавшаяся новымъ приглашеніемъ.

Она обычно проводила больше времени въ домѣ м-ра Бритлинга, чѣмъ въ другихъ. Существовала легенда, что она «открыла» умъ м-ра Бритлинга и всегда заступалась за него передъ его отцомъ. Одно было безспорно, — что она всегда горячо опровергала и старалась разбить всѣ тѣ не очень лестныя замѣчанія, которыя обычно отцы позволяютъ себѣ дѣлать по отношенію къ своимъ сыновьямъ. Хотя, впрочемъ, она всегда прекословила и все оспаривала. И вотъ теперь м-ру Бритлингу было крайне неприятно думать, что она проводитъ жизнь одиноко, гдѣ-то по пансіонамъ и санаторіямъ, не имѣя даже возможности кому-то прекословить и съ кѣмъ-то спорить.

Кромѣ того ему нравилось смотрѣть, какъ она окидывала быстрымъ взглядомъ утреннюю газету. Дѣлала она это съ такимъ видомъ, какъ будто считала земной шаръ какимъ-то огромнымъ дуракомъ, которому даже и совѣта дать нельзя. И какъ будто она понимала и ее забавляло то, какъ газетчики стараются скрыть отъ нея истинное положеніе вещей.

И вотъ теперь ее тоже забавляло и отчасти возмущало то, какъ всѣ относятся къ наступающему кризису, и какъ они себя ведутъ.

Она довѣрила нѣсколько государственныхъ тайнъ старшему изъ маленькихъ Бритлинговъ, стараясь это дѣлать тогда, когда его отца не было поблизости.

— Все то, что они тутъ говорятъ о войнѣ, — сказала, она, — въ сущности, никакого отношенія къ ней не имѣетъ. Все дѣло тутъ въ попорченномъ коврѣ и больше ничего.... тутъ дѣло въ сумасшедшемъ человѣкѣ и попорченномъ коврѣ! Если бы люди обращали хоть немного вниманія на здравый смыслъ, вся эта война и не случилась бы... Это

было давно всѣмъ извѣстно... Онъ былъ слабенькимъ, изнѣженнымъ ребенкомъ, который съ трудомъ поддавался выращиванію и былъ подверженъ припадкамъ безудержнаго плача и крика. И поэтому его старались не раздражать, позволяли ему дѣлать все, что угодно. И никто, кромѣ его бабушки, не имѣлъ на него никакого вліянія, ничего не могъ съ нимъ подѣлать. И вотъ, она-то и помѣшала ему разъ испортить одинъ коверъ... какъ онъ хотѣлъ. Эта исторія всѣмъ давно и хорошо извѣстна. Это случилось въ Виндзорѣ — когда ему было восемь лѣтъ. Вотъ съ тѣхъ поръ онъ живетъ мыслью: воевать съ Англійей.

— Всѣ какъ будто удивлены, — заявила она неожиданно за чаемъ м-ру Кармину, — а я ни капельки! Я только удивляюсь, что это не случилось раньше. Если бы кто-нибудь спросилъ меня, я могла бы имъ это сказать три, пять лѣтъ тому назадъ.

Былъ день всякихъ слуховъ — то увѣряли, что Германія объявила войну Италіи, то, что она вторглась не только въ Бельгію, но и въ Голландію.

— Они скоро объявятъ войну лунѣ, — сказала тетя Уильширъ.

— Пошлетъ массу цеппелиновъ, — замѣтилъ младшій изъ мальчиковъ. — Н гг Heingich говорилъ, что цеппелины могутъ летѣть на тысячи миль.

— Онъ будетъ объявлять до тѣхъ поръ, пока не останется кому или чему объявлять. Онъ всегда такъ дѣлалъ. Разъ онъ начинаетъ что-нибудь, онъ не можетъ остановиться никакъ. Его часто приходится уводить изъ-за стола изъ опасенія, какъ бы онъ всю посуду не перебилъ. Теперь, значитъ, онъ помѣшался на ультиматумахъ.

Ей страшно понравился огромный заголовокъ въ Daily Express, тянувшійся черезъ всю страницу: «Бѣшеная Собака Европы».

Никакое другое опредѣленіе такъ близко не выражало того, что она думала объ этой войнѣ, увѣряла она.

— Запомните мои слова! — сказала тетя Уильширъ, придавая голосу какъ можно болѣе внушительное выраженіе. — Онъ — сумасшедшій. Это скоро будетъ доказано. Онъ кончитъ дни свои въ сумасшедшемъ домѣ. Я это давно предчувствовала и говорила объ этомъ частнымъ образомъ своимъ знакомымъ... Зная то, что я знаю... Говорила такимъ знакомымъ, которые, я была увѣрена, понимали меня... А теперь, наконецъ, я могу громко говорить объ этомъ...

— Съ этими его торчащими вверхъ усами... — продолжала тетя Уильширъ послѣ минутнаго раздумья. — Гово-

рять, что онъ совсѣмъ не можетъ сгибать локтя лѣвой руки, и носить ее, будто, какъ палку... И онъ хочетъ побѣдить Европу!.. Пока была жива его бабушка, было кому смотрѣть за нимъ и держать его въ границахъ приличія. Ея онъ очень боялся. Онъ ненавидѣлъ ее, но никогда не смѣлъ ослушаться ея. Даже дядя его, и тотъ имѣлъ на него нѣкоторое вліяніе. Ну, а теперь, — некому и нечему сдерживать его.

— Двуглавая бѣшеная собака, — продолжала тетя Уильширъ. — Чтобы было пусто ему и его орламъ... Такому человѣку никогда и не должны были позволить объявлять войну... Даже самую маленькую войну... Если бъ его засадили въ сумасшедшій домъ, когда я объ этомъ говорила, то ничего подобнаго не случилось бы... Но, конечно, я — ничтожество... Со мной никогда не считаются... Считаютъ ниже достоинства обращать вниманіе на мои слова...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Авт. пер. М. Ликиардопуло.

СЕГОДНЯ.

I.

Н. И. Л.

Обиженный фонарь плакалъ,
Стекалъ скупеньки свѣтъ...
На улицѣ пристала собака,
Увязалась за мной вслѣдъ...

Какъ страшно при гаснущемъ свѣтѣ
Дорогіе слѣды искать!..
Дрожали въ глазахъ ея дѣти,
Потерявши въ суматохѣ мать...

Было очень холодно. Пламя
Дергалось въ бѣльмѣ стекла...
И твердыми отъ вѣтра губами
Я свистнулъ ей. Подошла.

И теплой затеплилось вѣрой
Все лучшее собачье въ ней...
Даже отъ инея сѣрая
Шерсть на ея спинѣ...

...Я предалъ ее у парадной,
Уходя за вспыхнувшій свѣтъ...
Какъ протяжно, какъ странно, какъ жадно
Посмотрѣла она мнѣ вслѣдъ!..

Съ этой ночи, за дверью облаянной
Безпокойную тоску тая —
Какъ собака, своего хозяина
Ищетъ душа моя...

II.

У тебя дрожало тѣло
Нехорошей мелкой дрожью,
И отъ страсти безобразной
Поблѣднѣлъ твой дѣтскій ротъ...

Я смотрѣлъ въ тебя и думалъ,
Что когда-то слишкомъ больно
Кто-то женщину обидѣлъ
Въ ясной дѣвочкѣ — въ тебѣ...

И еще я видѣлъ — душу,
Исковерканную болью —
Озвѣрѣвшаго уродца
Съ отвратительнымъ горбомъ...

И еще я понялъ — много
Горькой муки въ этомъ сердцѣ,
И отъ этого—такая
Ты со всѣми. И со мной.

III.

Послѣдние дни холодно и нестерпимо
Жутко дѣлается мнѣ отъ испуга...
Дома стонуть. Яественно.

«Это—вьюга!»

Говорю я себѣ. И прохожу мимо.

Вчера на мостовой до-крови, неумолимо,
Били лошадь, запряженную въ сани...
И лошадь плакала.

«Что? Состраданье?!»

Говорю я себѣ. И прохожу мимо.

IV.

Это очень страшно — надъ трупомъ одѣтымъ,
Вышвырнутого съ шестого этажа,
Чтобъ дрожало все въ тебѣ, визжа
Предъ яснымъ и точнымъ отвѣтомъ;

Чтобъ кругомъ любопытствующіе отъ страха
Общипывали десятками глазъ
Мостовую, сдѣлавшуюся плахой
Не въ первый и не въ послѣдній разъ;

И чтобъ было, какъ прежде, тихо и голо—
Часики. И обручальное кольцо.
И чтобъ никто не плюнулъ обезумѣвшимъ «сволочь»
Разжирѣвшей жизни въ лицо...

Спи, спи, преданный! И не надо
Волноваться по всяческимъ пустякамъ.
Экая важность, что жизнь, какъ по гаду,
Прошла по черепу и по рукамъ!..

И не надо окнамъ испуганно коситься
Такого же, еще одного, сторожа...
Ну, не тѣломъ, такъ душой бросятся—
Все равно бросятся съ шестого этажа...

V.

...Вѣдь нужно подойти, нужно,
По-человѣчески, по-хорошему
Ко всему, жизнью застуженному,
Сумасшедшими днями обросшему...

Чтобъ сердце могло наполниться
Чѣмъ-то радостнымъ и очень важнымъ...
Развѣ дѣти, травы, солнце
Не въ каждомъ?—Неправда! Въ каждомъ.

Натанъ Венгровъ.

СОЦИАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИМПЕРИАЛИЗМА И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ.

Man schreie nicht zu zehr über den Zynismus—
Der Zynismus liegt in der Sache, nicht in den
Worten, welche die Sache bezeichnen. 3

Для тѣхъ круговъ русскаго общества, которые привыкли руководствоваться при изученіи общественныхъ явленій историко-экономическимъ методомъ, понятіе империализма можно считать установленнымъ. Историческое объясненіе возникновенія этой неизбежной фазы капитализма и раскрытіе ея *экономическаго* содержанія, данное лѣтъ 10 тому назадъ Р. Гильфердингомъ и затѣмъ широко популяризированное не только въ отдѣльныхъ книгахъ и статьяхъ, но и въ резолюціяхъ всякаго рода общественныхъ собраній (Хемницъ, Базель)—не вызвали какихъ-либо обоснованныхъ сомнѣній и могутъ считаться господствующими. Нельзя-же, дѣйствительно, считать хоть въ какой-либо мѣрѣ серьезными совершенно поверхностныя соображенія Петра Маслова о незначительной роли и падающемъ значеніи колоній для современныхъ промышленныхъ государствъ. Согласно же вышеуказанному воззрѣнію, империализмъ есть проявленіе во внѣ, во внѣшней политикѣ присущихъ финансовому капиталу тенденцій къ монополюной эксплоатации возможно болѣе широкаго, по возможности всего міроваго рынка¹.

Если этотъ пунктъ можно считать общепринятой исходной точкой зрѣнія при описаніи современныхъ событій² и если онъ поэтому уже не нуждается нынѣ въ специальныхъ истолкованіяхъ то совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ анализомъ *соціального* содержанія империализма, т. е. съ оцѣнкой данной экономической системы и ея тенденцій съ общей точки зрѣнія развитія исторіи.

¹ Описаніе „Экономической системы империализма“ дано нами въ другомъ мѣстѣ.

² Весьма показательно, что ее восприняли и участники сборника „Вопросы Міровой Войны“, причемъ не только г. Мукосевъ, нѣкогда прошедши марксистскую школу, но и г. Гриммъ; вполне естественно, что „своение“ сотрудниками изданій русскаго министерства финансовъ и либеральными академикомъ этой точки зрѣнія вызвало протестъ со стороны представителя нашего традиціоннаго либерализма, г. Слонимскаго. См. его статью въ декабрьской кн. „Вѣстника Европы“ за 1915 г.

Здѣсь господствуетъ (и не можетъ не господствовать) полный хаосъ взглядовъ. Въ тѣхъ кругахъ, о которыхъ мы говорили выше, можно считать установленнымъ взглядъ, видящій въ современныхъ событіяхъ проявленіе и результатъ империализма, какъ *экономической* системы ¹, но тѣмъ самымъ столкновение мнѣній лишь переносится въ новую плоскость, въ плоскость оцѣнки социального содержания всего процесса. Единодушная характеристика событій, какъ событій, порожденныхъ империализмомъ, отнюдь вѣдь не исключаетъ еще диаметрально-противоположныхъ подходовъ къ установленію своего (или группового) отношенія къ этимъ событіямъ.

Событія носятъ империалистическій характеръ, утверждаетъ германскій патріотъ д-ръ Леншъ, и, опираясь на это, проповѣдуетъ разгромъ Англии. Событія созданы империализмомъ—это не тайна и для А. Потресова, и это отнюдь не мѣшаетъ ему выкинуть знамя, отъ котораго лѣтъ 70 тому назадъ уже отказались его бывшіе учителя. Событія созданы империализмомъ, единогласно утверждаютъ циммервальдцы, но въ то время какъ большинство ихъ вполне логично дѣлаетъ изъ этого выводъ о созрѣваніи объективныхъ условий для новыхъ общественныхъ отношеній, большинство уклоняется отъ соответствующаго вывода и этимъ очищаетъ мѣсто для двусмысленныхъ формулировокъ, дающихъ возможность истолковать ихъ надежды въ смыслѣ пассивнаго и противорѣчиваго идеала «*status quo ante bellum*».

Ясно, что критика этихъ противорѣчій требуетъ спора въ *новой* плоскости. Установленіе экономического содержания империализма и, слѣдовательно, современныхъ событій—прежней ступень. Надо идти дальше, подняться на новую ступень.

На этой новой ступени мы будемъ имѣть дѣло уже не съ цифрами ввоза и вывоза, экспорта капиталовъ и суммами иностранныхъ цѣнныхъ бумагъ на европейскіхъ биржахъ, а съ объективными задачами, стоящими передъ нашей эпохой, и во всѣхъ указанныхъ цифрахъ и достаточно примелькавшихся таблицахъ нашихъ лишь свое частичное выраженіе. Для нашего дальнѣйшаго анализа этихъ объективныхъ задачъ эпохи намъ будетъ достаточно пары итоговыхъ цифръ, опирающихся на весь предварительный анализъ «финансоваго капитала», какъ цѣлостной экономической системы, т. сразу бросающихъ яркимъ свѣтъ на историческій смыслъ переживаемой эпохи. Поскольку насъ интересуетъ, такимъ образомъ, не національныя различія экономическихъ системъ, а какъ разъ обратное, именно *общій* духъ эпохи, постольку въ нашихъ цифрахъ должны быть *погашены*

¹ И здѣсь и въ дальнѣйшемъ мы оставляемъ, конечно, въ сторонѣ—немалочисленныхъ правда—публицистовъ, удовлетворяющихся и до сихъ поръ идеологіей первыхъ недѣль войны, вродѣ г.г. Н. Юрданскаго, Л. Дейча и др.

национальные признаки и взято то, что характеризует общія тенденции капиталистическаго хозяйства.

* * *

Если представить себѣ, что доменные печи всего міра работают безъ перерыва 365 дней въ году и по 24 часа въ сутки, то окажется, что мировое производство выбрасываетъ *ежечасно* на рынокъ болѣе 500.000 пуд. чугуна, а каменноугольныя шахты однихъ только Англии, Бельгии, Франціи и Германіи въ *той же часъ*—по 4 милліона пудовъ угля. *Ежечасное* производство $\frac{1}{2}$ милліона пуд. чугуна и 4 милліоновъ пуд. угля, продолжающееся непрерывно 24 часа въ сутки и 365 дней въ году,—таково свидѣтельство о грандіозности находящихся въ распоряженіи человѣчества производительныхъ силъ. Каждое десятилѣтіе указанное количество увеличивается въ $1\frac{1}{2}$ раза. Если мы—въ пылу новыхъ лозунговъ—не забыли еще, что въ капиталистическомъ обществѣ именно въ ростѣ производства средствъ производства, въ этомъ «производствѣ ради производства» и находятъ себѣ выраженіе его тенденція къ «абсолютному развитію производительныхъ силъ», то приведенныя выше цифры не потребуютъ специальныхъ комментариевъ въ качествѣ показателей достигнутой ступени обобществленія трудового процесса (и—соответственно—степени обостренія противорѣчія между развитіемъ производительныхъ силъ и общественными отношеніями производства).

Таково первое свидѣтельство цифръ. Грандіозное количество производимыхъ товаровъ, на которое онѣ указываютъ, должно быть распределено. Въ этомъ распределеніи социально-экономическія силы не считаются съ національно-государственными территориями: къ 1915 г. общій оборотъ внѣшней торговли главнѣйшихъ государствъ достигъ 65 милліардовъ руб. Это значитъ, что *ежедневно* пересѣкаютъ государственныя границы товары на 180.000.000 р.

На современной стадіи капиталистическаго хозяйства *товарообмѣнъ*, однако, далеко не исчерпываетъ хозяйственной (слѣд., и политической) связанности разгороженныхъ другъ отъ друга территорій. Эта связанность находитъ себѣ все болѣе и болѣе широкое выраженіе въ движеніи финансоваго, денежнаго капитала: въ мировыхъ эмиссіяхъ цѣнныхъ бумагъ (акцій промышленныхъ предпріятій и облигацій государственныхъ и др. займовъ). Статистика мировыхъ эмиссій и дастъ намъ еще одну, очень важную и характерную цифру. Она указываетъ, что все большая часть влагаемыхъ въ цѣнныя бумаги капиталовъ идетъ на обслуживаніе капиталистически-отсталыхъ, внѣевропейскихъ странъ. Такъ, напр., въ 1910 г. изъ общей суммы мировой эмиссии въ 26.5 милліардовъ франковъ 52,35% ушло на цѣнныя

бумаги въ европейскихъ странахъ. Иначе говоря, для капиталистическаго оборудованія неевропейскихъ странъ за одинъ лишь годъ затрачено 14 миллиардовъ фр. въ бумагахъ. Для того, чтобы показать, съ какой интенсивностью идетъ это приложение европейскихъ капиталовъ въ отсталыхъ, аграрныхъ странахъ, укажемъ еще, что одна Англия къ концу 1915 г. исчисляла капиталъ, вложенный ею *за границей*, почти въ 4 миллиарда ф. ст. и что около $\frac{5}{6}$ этой суммы цѣликомъ поглощены Азіей, Южной Америкой, Африкой и лишь остатокъ ($\frac{1}{6}$) нашелъ помѣщеніе въ С. Штатахъ, Франціи, Германіи и Италіи. Толчокъ, даваемый развитію производительныхъ силъ оплодотворяемыхъ европейскимъ капиталомъ странъ, колоссаленъ.

Приведенныя нами три группы цифръ—роста производительныхъ силъ, роста внешней торговли и капиталистическаго оборудованія отсталыхъ странъ всего міра—только символы объективныхъ задачъ, стоящихъ передъ нашей эпохой и ею разрѣшаемыхъ. *Какъ*—объ этомъ мы поговоримъ ниже.

Колоссальный ростъ человѣческаго богатства, разрушеніе социальнo-экономическимъ оборотомъ національно-государственныхъ границъ, вовлеченіе всего міра, въ томъ числѣ отсталыхъ заморскихъ и незаморскихъ, колониальныхъ областей, въ общую хозяйственную жизнь—таковы объективныя данныя о характерѣ нашей эпохи. Человѣчество не можетъ отказаться ни отъ одного изъ элементовъ этого процесса; каждый изъ нихъ въ отдѣльности и все они вмѣстѣ представляютъ несомнѣнныя завоеванія, неизбѣжныя ступени въ поступательномъ ходѣ исторіи, необходимыя предпосылки новыхъ методовъ организаци человѣческаго труда. Всякая критика нашей эпохи, не принимающая во вниманіе прогрессивнаго значенія этихъ задачъ, не отирающаяся въ своихъ построеніяхъ отъ признанія объективной цѣнности этого процесса,—неизбѣжно вырождается въ романтику, въ романтику *реакціонную*.

Но—не забудемъ—«производство стали—это только предлогъ для производства прибыли. У доменныхъ печей, прокатныхъ мастерскихъ и т. п., у строеній, машинъ, желѣза, угля и т. д. есть дѣло поважнѣе, чѣмъ превращаться въ сталь. Они существуютъ для того, чтобы впитывать прибавочный трудъ... они утрачиваютъ свой характеръ капитала и потому представляютъ чистый убытокъ для Сандерсовъ, если только ихъ функція впитыванія труда прекращается». (К. I, 226.).

Съ этой основной чертой современнаго хозяйственнаго строя связано то, что все указанныя прогрессивныя процессы протекаютъ подъ руководствомъ, контролемъ и эксплуатируются въ частныхъ интересахъ концентрированнаго и централизованнаго капитала. Достигнутую уже ступень этой централизаці,—чтобы не плодить цифръ и такъ какъ и здѣсь насъ интересуетъ не про-

цессъ самъ по себѣ, а лишь его итоговья данныя—можно охарактеризовать заявленіемъ электрическаго короля Германіи, Ратгенау, о томъ, что «300 человѣкъ управляютъ всей промышленной жизнью Германіи», и указаніемъ Гильфердинга, что господство надъ хозяйственной жизнью той же Германіи принадлежитъ тому, кто господствуетъ надъ 6 крупнѣйшими берлинскими банками. Это сосредоточеніе руководства хозяйственной жизнью, а, слѣд., и прибылей отъ всего народнаго труда въ рукахъ немногочисленной верхушки магнатовъ финансоваго капитала, единогласно засвидѣтельствованное относительно Германіи съ двухъ противоположныхъ сторонъ, и составляетъ ту послѣднюю черту, которая намъ необходима для установленія общаго смысла переживаемаго народно-хозяйственнаго процесса.

Сочетая во-едино,—ибо онѣ неразрывны и въ жизни—четыре вышеуказанныя тенденціи современнаго хозяйственнаго развитія, мы получили бы слѣдующую формулу империализма, какъ историческаго момента въ соціальной жизни человѣчества. Колоссальный ростъ производительныхъ силъ, колоссальный ростъ ихъ концентраціи и планоустроеннаго регулированія, преодоленіе ими территоріальной ограниченности данныхъ народныхъ хозяйствъ, вовлеченіе въ общую жизнь и пробужденіе къ ней отсталыхъ (колоніальныхъ) областей—подъ руководствомъ и ради увеличенія прибылей капиталистическихъ объединеній.

Формула эта антагонистична,—ибо таковой и должна быть всякая формула, пытающаяся охватить кипающую антагонизмами современную жизнь. И читатель, давшій себѣ трудъ вдуматься въ нее, легко замѣтитъ, что одинъ членъ этой формулы вступаетъ въ неизбѣжный (и все болѣе обостряющійся) конфликтъ со всѣми другими.

Ростъ производительныхъ силъ, отданныхъ въ распоряженіе капиталистическихъ монополистовъ, выражается въ колоссальномъ возрастаніи того «производства ради производства», которое своей обратной стороною имѣетъ паденіе доли труда въ національномъ доходѣ, т. е. ухудшеніе положенія массъ.

Ростъ планоустроеннаго регулированія хозяйства на основѣ его коллективно-капиталистической организаціи обозначаетъ рядомъ съ повышенной производительностью и утилизацію всѣхъ выгодъ послѣдней на одномъ полюсѣ, ростъ хозяйственнаго и политическаго могущества финансовай олигархіи.

Преодоленіе мировымъ движеніемъ территоріальной ограниченности—подъ руководствомъ національныхъ трестовъ—находитъ свое выраженіе лишь въ борьбѣ національно-организованныхъ трестовъ за захватъ мирового рынка, за свою гегемонію на немъ, т. е. проявляется лишь въ ожесточенной конкуренціи національныхъ, опирающихся на всю государственную мощь капиталовъ за власть надъ фактически создающимся мировымъ

рынкомъ. Поскольку процессъ обобществленія производства и регулирования мірового рынка протекаетъ въ рамкахъ капиталистическаго общества, онъ, натываясь на старинные межевые знаки, можетъ сокрушить послѣдніе лишь методами, сопряженными съ грандіозной растратой человѣческихъ жизней, силъ и накопленнаго труда, и сокрушаетъ ихъ къ непосредственной выгодѣ лишь отдѣльныхъ группъ олигарховъ-монополистовъ капитала.

И, наконецъ, вовлеченіе отсталыхъ странъ въ міровую культуру, поскольку оно производится методами и во имя интересовъ частныхъ монопольныхъ группъ, обозначаетъ безпримѣрно-жестокую и разрушительную эксплуатацію этихъ областей.

Весь этотъ антагонистическій процессъ имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ, своей отправной точкой то основное противорѣчіе, которое указано въ вышеприведенныхъ словахъ о желѣзѣ, имѣющемъ своей цѣлью впитываніе прибавочнаго труда, а никакъ не удовлетвореніе потребностей человѣческаго общества самого по себѣ,—и только съ разрѣшеніемъ этого основного противорѣчія можетъ быть найденъ исходъ для всего антагонистическаго процесса.

Въ эпоху господства финансоваго капитала и имперіализма эти противорѣчія принимаютъ, такъ сказать, монументальную форму и концентрируются въ двухъ пунктахъ: утилизаціи всего въ грандіозныхъ размѣрахъ обобщественнаго производства монополистскими союзами капитала и стремленіи національныхъ капиталовъ къ эксплуатаціи созданнаго мірового рынка. Имперіализмъ и есть одинъ изъ методовъ рѣшенія этихъ противорѣчій, методъ, порожденный групповыми интересами буржуазіи, интересами монополизаторовъ средствъ производства и мірового рынка.—методъ буржуазіи. Это—методъ жестокій. Но—совершенно неизбѣжный, опирающійся на колоссальныя силы соответствующихъ группъ. Онъ не можетъ быть просто «отвергнутъ». Онъ долженъ быть побѣжденъ другимъ методомъ рѣшенія *тѣхъ же* вопросовъ. Если у другихъ группъ, антагонистическихъ буржуазной монополи, нѣтъ силъ противопоставить этому методу другихъ, *своихъ* методовъ, если онѣ не могутъ, не умѣютъ взять въ свои руки задачи обобществленія производства, регулирования мірового рынка и перераспредѣленія производительныхъ силъ вовлеченіемъ въ общій оборотъ культуры отсталыхъ странъ, — то этотъ методъ будетъ торжествовать.

Поставленные задачи не могутъ остаться нерѣшенными. Попытки смягчить жестокость даннаго метода рѣшенія историческихъ задачъ путемъ проповѣди «разоруженія», «арбитража» и др. и пр. такъ же призрачны, обречены на такую же безславную

судьбу, какъ и законодательныя попытки бороться съ процессомъ трестированія и картелированія промышленности.

У насъ считаютъ патентомъ на «прогрессивность» ламентации противъ имперіализма. Но быть «противъ имперіализма» отнюдь еще не обозначаетъ—занимать правильную позицію. Сущность позиціи создается не тѣмъ, стоитъ ли данная группа *за* или *противъ* имперіализма, а тѣмъ—понимается ли при этомъ *поступательное*, прогрессивное содержаніе тѣхъ хозяйственныхъ процессовъ, которыя находятъ свое безчеловѣчно-жестокое выраженіе въ имперіализмѣ. Фактически, на дѣлѣ именно то или другое пониманіе имперіализма лежитъ въ основѣ всякихъ практическихъ рѣшеній,—даже у тѣхъ, кто не даетъ себѣ труда проанализировать свое отношеніе къ событіямъ съ этой точки зрѣнія и ограничивается внѣшними и поверхностными критеріями.

Если снять всѣ случайныя, преходящія, ad hoc созданныя мотивы практической позиціи Шейдемана, Вандервельде, Самба, Плеханова, Кольба, Потресова (ибо это, конечно, одна группа въ идейномъ смыслѣ) и у ихъ противниковъ, то въ основѣ ихъ воззрѣній должна будетъ оказаться именно общая оцѣнка не національныхъ особенностей той или другой страны въ тотъ или другой моментъ, а общихъ тенденцій имперіалистической эпохи и *характера выдвинутыхъ ею задачъ*.

И намъ кажется, что уже пришла пора обратиться именно къ этому общему отвѣту, ибо только тогда можно будетъ уяснить себѣ, въ чемъ коренная причина того, что такъ много испытанныхъ, казалось бы, репутацийъ пошло на то, чтобы въ столь короткій срокъ пустить въ обращеніе такую массу фальшивѣйшихъ лозунговъ. Миръ разводить въ недоумѣніи руками (и потираетъ ихъ нерѣдко отъ удовольствія) при зрѣлищѣ того, какъ вчерашніе классовики проповѣдуютъ *Burgfrieden*, вчерашніе интернаціоналисты съ жаромъ неопитовъ смакуютъ неожиданно-открывшаяся пмъ красоты строфъ «Клеветникамъ Рос-сии», вчерашніе сторонники свободной торговли кладутъ лучшую энергію своего пера въ защиту охранительныхъ пошлинъ и т. д. и т. п. Искать причинъ этихъ трансформацийъ въ логическихъ способностяхъ тѣхъ или другихъ дѣятелей—безплодно. Логическій разборъ ихъ позицій, сопоставленіе послѣднихъ съ ихъ старыми словами—ноучительны, но все таки не даютъ объясненія неожиданныхъ и головокружителейныхъ сальто-мортале. Ибо подобный анализъ способенъ только констатировать полную сумятицу мыслей, торжество логически-нестерпимой путаницы: при подобномъ изученіи ихъ взглядовъ послѣдніе представляются просто какимъ-то логическимъ соромъ, какими-то обрывками мыслей, идейнымъ хламомъ, вдругъ выкинутымъ на поверхность порывомъ неожиданныхъ чувствъ. А между тѣмъ, въ этомъ «без-

уміи» есть система. И, чтобы побѣдить это безуміе, надо понять систему въ ея внутренней логической связанности.

Если брать тѣ идейныя теченія, которыя числятъ себя въ рядахъ принципиальныхъ противниковъ современнаго сверхъ-капитализма, то по практическому отношенію къ империализму ихъ слѣдуетъ раздѣлить на двѣ обширныя группы, обѣ равно чужды правильной точкѣ зрѣнія и потому враждебныя интересамъ тѣхъ, отъ имени которыхъ эти группы выступаютъ.

Коренная теоретическая ошибка первой заключается въ непониманіи поступательнаго значенія того хозяйственнаго процесса, который, порождая империализмъ, самъ же выковываетъ и единственно возможные методы его окончательнаго преодолѣнія. Коренная ошибка второй—въ смѣшеніи интересовъ империалистическихъ группъ населенія съ интересами всего мирового развитія. Поскольку слова о «вѣчномъ мирѣ», «всеобщемъ разоруженіи» и о «мирѣ безъ аннексій и контрибуцій» опираются на непониманіе или «непріятіе» самой сущности современнаго хозяйственнаго процесса, постольку вырывается почва изъ-подъ ногъ группы, провозглашающей эти почтенные лозунги; и ея критика империализма превращается въ голосъ и безсильное морализированіе противъ исторіи. Получаются лишь пустыя воздыханія и ламентации о томъ, что миръ лучше драки. Густой пеленой отъ глазъ заинтересованныхъ закутываются и истинныя причины «драки» и ея неизбѣжность (и неизбѣжность ея повторенія при данныхъ условіяхъ), и дѣйствительные методы обезопасенія человѣчества отъ этихъ повтореній. Мало того. Въ своей морализирующей критикѣ того процесса, который привелъ къ «дракѣ», эти проповѣдники неизбѣжно должны опираться именно на тѣ «цѣнности», которыя этотъ процессъ уничтожаетъ и уничтоженіе которыхъ лежитъ по пути человѣческаго прогресса, идущаго къ солидаризации и уничтоженію всяческой обособленности. Это та же точка зрѣнія, которая заставляла романтиковъ мелкой буржуазіи ополчаться противъ крупной промышленности, партикуляристовъ и націоналистовъ (мы говоримъ, конечно, о демократическомъ націонализмѣ), ополчаться противъ поглощенія ихъ приходовъ болѣе крупными хозяйственными объединениями.

Въ результатѣ получается то, что подобные критики *искренно* цѣбляются за то именно, что своекорыстно *эксплуатируютъ* въ своихъ интересахъ руководяція империалистскія группы. Этотъ процессъ всего удобнѣе иллюстрировать на примѣрѣ хотя бы Германіи.

Ея руководящіе империалистскіе круги великолѣпно знаютъ, что въ этой войнѣ рѣчь идетъ не о «защитѣ» Германіи, не объ охранѣ ея исторически-данныхъ государственныхъ границъ, а какъ разъ объ обратномъ: о преодолѣніи данныхъ границъ въ

интересахъ капитала, не о «защитѣ отечества», а о гегемоніи даннаго отечества.

Однако, въ своей практической работѣ эти же самые круги должны неизбежно эксплуатировать созданное всей предшествующей исторіей патриотическое чувство германскаго народа, его шѣтеть передъ идеей германскаго отечества, этотъ кристалль его исторіи вчерашняго дня. Иронія исторіи хочеть, чтобы продуктъ вчерашняго историческаго дня, продуктъ отходящей исторической эпохи былъ употребленъ для достиженія діаметрально-противоположныхъ цѣлей. Опираясь на силу идеи отечества въ массахъ, империализмъ сметаеть границы между отдѣльными отечествами, опираясь на преклоненіе массы передъ идеей самоопредѣленія національностей, мобилизуетъ ее для фактическаго преодоленія этой идеи, для созданія единой хозяйственной территоріи, погашающей въ себѣ національно-государственныя различія.

Нетрудно видѣть. — беря все ту же Германію, — что та либеральная, гуманитарная «соціаль-демократическая» пропаганда, которая усиленно и искренно разрабатываетъ нынѣ идею германскаго отечества, охраны его границъ и т. д., просто разрабатываетъ ту самую руду, изъ которой Баллины, Рорбахи, Чемберлены и Гельферпхи выковываютъ свои империалистическіе мечи.

Въ Германіи этого рода идеологія до самаго послѣдняго времени не имѣла своего законченнаго выраженія. Она могла найти себѣ опору скорѣе всего въ кругахъ социалдемократической партіи. Но извѣстно, что съ самаго начала войны она — въ своемъ патриотическомъ усердіи — зашла гораздо дальше чисто-оборонческой позиціи. Только теперь, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ выдѣлившаяся группа Гаазе-Каутскаго пытается стать на пацифистско-національную точку зрѣнія въ ея чистомъ видѣ. Опредѣляя свою позицію, она въ качествѣ мотива своего перваго практическаго шага, — голосованія противъ кредитовъ 21 декабря 1915 г. — привела то соображеніе, что границы Германіи, по ея мнѣнію, нынѣ уже обезпечены отъ внѣшней угрозы. Такимъ образомъ, отмежевавшись отъ чисто-империалистскихъ мотивовъ Шейдемана, Давида, Легина и пр., эта новая группа осталась цѣликомъ на почвѣ національной идеи, которая всѣмъ ходомъ событий и въ каждый данный моментъ *противопоставляется* идеѣ интернаціонализма, а никакъ не служитъ опорной точкой послѣдней. Въ то же время эта группа Гаазе-Каутскаго является въ Германіи единственной представительницей чистаго, искренняго — и тѣмъ болѣе немощнаго — пацифизма, — ибо ни позиція праваго большинства германской с.-д-тии, ни позиція группы Либкнехтъ-Люксембургъ никакъ пацифистскими названы быть не могутъ. Первая разсматриваетъ вопросы мира съ точки зрѣнія обезпеченія германскихъ національных интересовъ на мировомъ

рынкѣ, вторая ставитъ вопросъ о мирѣ лишь въ перспективѣ общихъ задачъ труда въ империалистическую эпоху, рассматриваетъ миръ лишь какъ одинъ изъ результатовъ и одинъ изъ этаповъ рѣшительной борьбы германскаго пролетаріата противъ господства его классовыхъ противниковъ.

Занявъ, такимъ образомъ, позицію національно-пацифистскую, позицію «самозащиты», группа Гаазе-Каутскаго остается внѣ круга тѣхъ идей, которыя способны были бы указать дѣйствительный путь преодоленія империализма. Ибо противопоставлять империализму идею національно-разграниченныхъ хозяйственныхъ территорій,—это значитъ дѣлать реакціонную работу. Это значитъ противопоставлять тресту апологию индивидуальнаго предпринимательства. Это значитъ лѣчить болѣзни сегодняшняго дня исторіи мечтами о восстановленіи ея вчерашняго дня. Но исторія не возвращается назадъ.

Соціалъ-империалистъ Шейдеманъ былъ совершенно правъ, когда заявилъ, что «только младенецъ политическій можетъ думать, что послѣ того, какъ миръ былъ объятъ пожаромъ и миллионы людей погибли,—ни одинъ пограничный камень не перемѣнитъ мѣста, когда, наконецъ, придетъ миръ». Не больше политическаго смысла обнаруживаютъ и тѣ группы, которыя хотѣли бы подчинить всю свою дѣятельность руководящей идеѣ о неподвижности, сакраментальности этихъ нѣкогда установленныхъ камней.

Прежде всего простая справка могла бы показать имъ относительно всѣхъ государствъ, втянутыхъ въ войну—и въ первую голову относительно болѣе мелкихъ изъ нихъ,—что даже при условіи полного восстановленія ихъ старыхъ границъ соціально-политическое содержаніе ихъ «независимости», ихъ суверенности, ихъ хозяйственнаго самоопредѣленія будетъ совершенно другимъ: нѣсколько новыхъ десятковъ миллиардовъ долгу—и созданная на этой почвѣ зависимость и связанность съ кредиторомъ ничѣмъ принципиально не отличаются отъ аннексій или контрибуцій. Уже до войны свобода въ выборѣ своихъ путей международныхъ отношеній для всего рода мелкихъ государствъ была сильно стѣснена ихъ финансовой зависимостью отъ того или другого національнаго банкаго консорціума и—въ связи съ этимъ—связанностью матеріальнаго оборудованія ихъ военныхъ силъ съ тѣмъ или другимъ изъ мировыхъ поставщиковъ орудій войны (Круппъ, Крезе, Вилкерсъ и т. д.). Война, которая неизбежно истощитъ ресурсы отдѣльныхъ государствъ и окончательно разоритъ болѣе слабыя изъ нихъ, поставивъ, такимъ образомъ, хозяйство этихъ послѣднихъ передъ въ сотни разъ обострившейся потребностью въ капиталахъ на другой день послѣ войны, которая, съ другой стороны, сдѣлала всякое военное предпріятіе страшно дорогой финансово-экономической

операцией, чрезвычайно усилить эту связанность мелких (а также крупных, но хозяйственно-отсталых) «суверенных» государств съ политикой ихъ кредиторовъ. При этихъ условіяхъ содержаніе всей внутренней и внѣшней политики отдѣльныхъ государствъ будетъ опредѣляться на другой день послѣ войны не фактомъ возстановленія формальной суверенности данной государственной организаціи и не начертаніемъ границъ, а тѣми финансово-экономическими зависимостями, которыя развиваются въ самой войнѣ и которыя укрѣпляются еще болѣе, когда станетъ вопросъ о возстановленіи экономической жизни захваченныхъ разрушительнымъ процессомъ областей, о возрожденіи городовъ, промышленности, желѣзныхъ дорогъ и т. д. Уже республики Центральной Америки дали намъ примѣръ призрачной «независимости», обусловленной полной экономической зависимостью отъ капиталовъ сосѣдней могущественной державы. При такихъ обстоятельствахъ неприкосновенность пограничныхъ камней отступаетъ далеко на задній планъ передъ другими факторами имѣющаго создаться порядка, и попытка сдѣлать эту «неприкосновенность» руководящимъ мотивомъ дѣйствій, опредѣляющей идеей момента, не можетъ не быть одѣнена весьма и весьма низко съ теоретической точки зрѣнія.

Для всего же мірового хозяйства *status quo ante* представляется полной нелѣпицей. Его воплощеніе обозначало бы только одно: пониженіе уровня производительныхъ силъ до нормы середины XIX ст., сведеніе мірового рынка къ минимальнымъ размѣрамъ, отказъ отъ вовлеченія цѣлыхъ странъ въ общую жизнь человѣчества, съ одной стороны, и крушеніе идеаловъ и надеждъ тѣхъ слоевъ общества, которые ищутъ выхода не въ прошломъ, а въ преодолѣніи экономическихъ противорѣчій настоящаго, съ другой стороны. И если бы истощеніе воюющей Европы дѣйствительно низвело производительныя силы человѣчества до такого уровня и привело къ крушенію всякихъ попытокъ указанныхъ слоевъ превратить данную обстановку въ преддверіе новыхъ общественныхъ отношеній, тогда и только тогда могъ бы получить осуществленіе *status quo ante*. Въ качествѣ лозунга это—только идеологическое предвосхищеніе подобнаго исхода событій и фактическій отказъ отъ развитія тѣхъ силъ, которыя подобный исходъ могли бы предотвратить. Мало того. Такъ какъ, вернувшись лѣтъ на 70 назадъ, Европа не обрѣла бы, однако, въ этомъ попятномъ шествіи никакого новаго принципа своего хозяйственнаго строительства,—наоборотъ, это возвращеніе вспять знаменовало бы лишь пораженіе попытокъ воплощенія этого новаго принципа,—то черезъ 50 лѣтъ мы имѣли бы повтореніе сегодняшнихъ событій.

Между тѣмъ, вопросы, поставленные эпохой имперіализма, не могутъ остаться не рѣшенными. Проповѣдники и защитники

status quo ante проповѣдуютъ застои, отодвиганіе рѣшенія задачи, ибо «предложенное» империалистами рѣшеніе очень жестоко. Это такъ. Оно, дѣйствительно, жестоко. Но противопоставить этому жестокому отвѣту империалистовъ можно не обывательскую формулу: — «кончайте возможно скорѣе и возможно безобиднѣе!»—а лишь другой методъ рѣшенія *тѣхъ же* вопросовъ, *свое* рѣшеніе тѣхъ же противорѣчій. Его у защитниковъ status quo ante нѣтъ. У нихъ есть, вмѣсто отвѣта, доброе сердце. Но это—доброта, которая, по пословицѣ, хуже «воровства», хуже жестокости: жестокость какъ никакъ ведетъ впередъ, доброта же хочетъ приковать къ мѣсту, закрѣпить данное, искать спасенія не въ своей активности, а въ активности чужихъ ей силъ, за которыми она фактически и слѣдуетъ, которая она, какъ это мы и видимъ нынѣ на рядѣ примѣровъ, фактически и обслуживаетъ.

Но дѣйствительнаго рѣшенія поставленныхъ эпохой вопросовъ не видятъ и люди, стоящіе на принципиально другой, по отношенію къ империализму, позиціи: тѣ, кто находятъ для рабочаго класса активную роль въ империалистической войнѣ, кто, какъ Леншъ или Гайдманъ, говорятъ объ его активныхъ задачахъ вродѣ сокрушенія остатковъ феодализма или духа трѣдъ-юніонизма въ зарубежныхъ странахъ.

И эту позицію въ наиболѣе чистомъ видѣ удобнѣе по условіямъ мѣста и времени наблюдать среди нѣмецкихъ социалистовъ. Ея выразителями служатъ тамъ такіе рѣзкіе защитники ортодоксии въ прошломъ, какъ Леншъ, затѣмъ (поскольку можно судить по отголоскамъ русской прессы) Куновъ. Ея логическимъ завершеніемъ является та практическая политика, которую заранѣе готовятъ и для мирнаго періода на страницахъ «Socialistische Monatshefte» и которая сводится къ полному отказу отрицательнаго отношенія къ военнымъ бюджетамъ, къ колониальной политикѣ и къ протекціонизму, даже протекціонизму аграрному.

Въ концѣ концовъ, логика этой позиціи способна своей простотой оглушить всякаго.

Империализмъ, разсуждаютъ эти социаль-шовинисты, есть неизбежная стадія въ переходѣ отъ капитализма къ новому строю общественныхъ отношеній. «Капитализмъ, — пишетъ Леншъ, — хочетъ онъ того или не хочетъ, въ послѣднемъ счетѣ вынужденъ работать для насъ... даже во всемирной войнѣ». Мало того. Леншъ идетъ дальше. Онъ пишетъ: «Эта война должна дѣйствовать, какъ «локомотивъ исторіи», и провести болѣе быстрымъ темпомъ къ концу то, что начало медленно подготавливается мирной эволюціей».

Выводъ? — Выводъ тотъ, что германскіе социаль-демократы должны содѣйствовать имперскому германскому правительству

въ его империалистическихъ задачахъ, ибо «хочетъ оно того или не хочетъ» оно, видите-ли, объективно ведетъ дѣло къ осуществленію старыхъ идеаловъ Ленша!

Нетрудно видѣть, что читателю преподносится здѣсь съ серьезнымъ видомъ та самая карриатура на логику марксизма, которая нѣкогда заставляла нѣкоторыхъ наивныхъ людей предполагать, что, ища опоры для будущаго въ развитіи производительныхъ силъ, «ученики Маркса» тѣмъ самымъ обязуются строить кабаки, содѣйствовать развитію крупной промышленности за счетъ мелкихъ промысловъ, содѣйствовать разоренію и «расточенію» послѣднихъ и т. д. и т. п. Это именно та логика, которую пытался навязать марксизму Бернштейнъ и рѣшительное отверженіе которой подлиннымъ Марксомъ заставило Бернштейна, а за нимъ и всѣхъ оппортунистовъ, усмотрѣть въ Марксѣ—бланкиста. Ибо, въ концѣ концовъ, бланкизмомъ въ марксизмѣ оппортунизмъ почитаетъ именно его нежеланіе подмѣнить точку зрѣнія между-классовыхъ антагонизмовъ, какъ движущей силы развитія, «объективной» точкой зрѣнія развитія производительныхъ силъ. Это, наконецъ, та логика, которая заставила нѣкогда Струве,—послѣ того, какъ установленъ былъ фактъ неизбѣжности капиталистическаго развитія Россіи,—подмѣнить вытекающій изъ этого факта классовый марксистскій лозунгъ—«объективнымъ» лозунгомъ: «пойдемъ на выучку къ капитализму». Искаженіе марксизма, совершенное тогда г-номъ Струве, и искаженіе его у Ленша—однородно: они въ равной мѣрѣ превращаютъ «марксизмъ» изъ идеологической оболочки движенія даннаго класса капиталистическаго общества въ идеологию всего «объективнаго» процесса капиталистическаго развитія, т. е. тѣхъ группъ, которымъ въ этомъ процессѣ достается господствующая роль.

Что касается сейчасъ демонстрированнаго на примѣрѣ германскаго социаль-империалиста Ленша хода мысли, то нужно тутъ же признать, что Леншъ совершенно правъ въ своихъ исходныхъ положеніяхъ. Онъ правъ, когда говоритъ о томъ противорѣчивомъ пути, которымъ въ рамкахъ капиталистическаго общества осуществляется всякій шагъ впередъ. Онъ правъ, указывая, что даже во всемирной войнѣ капитализмъ вынужденъ работать для принципиально-враждебныхъ ему цѣлей. Онъ особенно правъ, когда видитъ въ соотвѣтствующихъ столкновеніяхъ «локомотивъ исторіи», т. е. сильнѣйшее ускореніе темпа общественнаго развитія въ опредѣленную сторону. И тутъ рѣшительно неправъ романтикъ Черновъ, возмущающійся и иронизирующій по поводу этого «возведенія въ рангъ локомотива исторіи»¹. Какъ и полагается романтику, Черновъ, не замѣчая

¹ См. его статью въ № 1 «Сѣв. Записокъ» за 1916 г.

слабыхъ мѣсть социаль-империалистической логики, ополчается какъ разъ на ея «сильныя» стороны, на тѣ именно пункты, гдѣ Леншъ лишь *повторяетъ* безспорныя, давно уже доказанныя исторіей положенія своего бывшаго учителя. Сопоставленіе въ этой плоскости романтика Чернова съ социаль-империалистомъ Леншемъ можетъ дать только одинъ выводъ: Черновъ много «человѣколюбивѣе» Ленша, но Леншъ, къ сожалѣнію, много лучше Чернова понимаетъ условія развитія современнаго общества. На дѣлѣ Леншъ попадаетъ въ трясины империализма не тогда, когда онъ констатируетъ противорѣчія капиталистическаго, а, слѣд., и империалистическаго развитія и усматриваетъ въ этихъ противорѣчіяхъ стимуль будущаго, а тогда, когда, переходя къ выводамъ, онъ *забываетъ* объ этихъ противорѣчіяхъ, когда пзъ факта неизбѣжности империалистической стадии онъ дѣлаетъ выводъ: надо, слѣд., поддерживать империалистическую политику, надо содѣйствовать германскому империализму, надо, однимъ словомъ, «идя на выучку» къ империализму, «строить кабаки»!

Систематичность этой ошибки въ кругахъ, именующихъ себя марксистскими, не позволяетъ предполагать въ ней простой аберраціи историческаго зрѣнія. Нѣтъ. Эта логика—лишь отраженіе фаталистическихъ элементовъ, внесенныхъ въ доктрину десятилѣтіемъ «мирнаго» развитія Западной Европы и широко эксплуатировавшихся оппортунизмомъ. Это не ошибка логики, а подмѣнъ точки зрѣнія одного класса точкой зрѣнія солидарности классовъ.

Въ извѣстныя историческія эпохи подобный подмѣнъ эпидемически охватываетъ извѣстные круги демократіи. Это—тѣ эпохи, когда разрѣшеніе объективныхъ задачъ момента по тѣмъ или другимъ причинамъ выпадаетъ изъ рукъ демократіи и попадаетъ въ руки ея антиподовъ.

Такъ, объективную задачу среднихъ десятилѣтій XIX в. въ Германіи—созданіе единой хозяйственной территоріи—поставила на очередь и пыталась рѣшить специфическими методами нѣмецкая либеральная буржуазія и радикальная демократія въ 1848 г. Крушеніе ихъ усилій и соответствующихъ методовъ въ 1849 г. не обозначало, однако, что и сама задача снята съ порядка дня; это обозначало только, что ея воплощеніе перешло въ другія руки. И дѣйствительно: задача была рѣшена Бисмаркомъ методомъ «крови и желѣза». Это именно и дало возможность Энгельсу сказать свою, поразительную на первый взглядъ, фразу о томъ, что «Бисмаркъ дѣлаетъ наше дѣло».

Точно такъ же въ Италіи, вопросъ о созданіи единой капиталистической государственности на территоріи Аппенинскаго полуострова, поставленный длиннымъ рядомъ возстаній противъ австрійскаго владычества и его ставленниковъ, обостренный—

затѣмъ дѣятельностью Гарибальди и Мадзини,—былъ рѣшенъ подъ эгидой Кавура и пьемонтскихъ королей.

Въ обоихъ случаяхъ рѣшеніе объективной задачи первымъ методомъ (методами редакціи «Новой Рейнской Газеты», баденско-пфальцскихъ дѣятелей, Мадзини и Гарибальди) обозначало бы рѣшительную очистку почвы отъ всякихъ феодальныхъ остатковъ, созданіе максимально-выгодныхъ условій для капиталистическаго развитія освобожденныхъ и объединенныхъ національно-государственныхъ территорій. Рѣшеніе по второму методу (методу Бисмарка и Кавура, методу, получившему въ наукѣ специальное обозначеніе «революціи сверху») обозначало консервированіе феодальныхъ элементовъ внутри новаго капиталистическаго общества, сохраненіе многочисленныхъ старыхъ и созданіе новыхъ препоны дальнѣйшему развитію.

Такъ, въ Германіи объединеніе, выполненное сверху, Бисмаркомъ, при помощи ряда войнъ и въ борьбѣ съ демократіей обозначало—рядомъ съ созданіемъ гораздо болѣе широкихъ условій капиталистическаго развитія—и ограниченіе свободы этого развитія установленіемъ гегемоніи Пруссіи, сохраненіемъ десятка мѣстныхъ троновъ, династии Гогенцоллерновъ, упроченіемъ милитаризма, десятилѣтнемъ исключительнаго закона и т. д. И несмотря на это, аналогичныя эпохи,—когда сверху такъ или иначе осуществлялись объективныя задачи, выдвинутыя снизу и лежація—въ общемъ—на пути историческаго развитія,—всегда бывали эпохами усиленнаго идейнаго разброда демократіи, ибо для части ея онѣ всегда создавали соблазнъ кооперации съ верхами, всегда наталкивали на *подмѣну* специфическихъ классовыхъ задачъ демократіи общими «объективными» задачами, которыми, конечно, лишь маскировались классовые интересы господствующихъ или шедшихъ къ господству круговъ.

Когда пьемонтскіе господствующіе круги подъ руководствомъ Кавура вынуждены были, наконецъ, приступить къ такимъ шагамъ, объективная логика которыхъ могла быть истолкована, какъ путь къ объединенію Италіи,—это вызвало немедленно расколъ между Гарибальди, охотно и наивно пошедшимъ на союзъ съ новой силой, и Мадзини, упорно отрицавшимъ, чтобы данная сила дѣйствительно могла и хотѣла воплотить въ жизнь то единство и ту свободу Италіи, о которыхъ онъ мечталъ и добиться которыхъ онъ полагалъ возможнымъ не въ союзѣ, а, наоборотъ, только въ борьбѣ съ Пьемонтомъ.

Столкновеніе Мадзини и Гарибальди было столкновеніемъ въ средѣ мелко-буржуазной демократіи. Въ средѣ рабочей демократіи однородное столкновеніе нашло себѣ выраженіе въ рѣшительной и длительной борьбѣ между Швейцеромъ и Либкнехтомъ въ концѣ 60-хъ годовъ, въ эпоху объединенія Германіи.

Поскольку рѣчь шла объ основной задачѣ эпохи—созданіи новой, объединенной, капиталистической Германіи—тактика Швейцера была тактикой поддержки Бисмарка; тактика Либкнехта, дѣйствовавшего на этотъ разъ въ полной солидарности съ Марксомъ и Энгельсомъ, была тактикой рѣшительнаго отрицанія бисмарковскаго пути объединенія Германіи и противопоставленія этому пути другого метода, метода объединенія снизу. Совершенно естественнымъ и логичнымъ завершеніемъ глубокой пропасти между отношеніемъ Швейцера и отношеніемъ Либкнехта къ бисмарковской «революціи сверху» было ихъ диаметрально-противоположное поведение въ франко-прусскую войну 70-71 г.г. Швейцеръ и его группа голосовали *за* военные кредиты Бисмарку, Либкнехтъ и Бебель голосовать кредиты отказались¹.

Политика Швейцера была политикой передовѣрія задачъ 48 г. въ руки бисмарковской «революціи сверху». И это именно великолѣпно понималъ Марксъ, ополчавшійся не противъ той или другой частной ошибки Швейцера, а именно противъ этой основной линіи его политики, когда въ своей «критикѣ готской программы» клеймилъ ее, какъ пособницу «феодалной реакціи» и сообщницу «прусской государственности».

Къ какому чудовищному выводу можно придти при помощи этой замѣны точки зрѣнія социальныхъ антагонизмовъ точкой зрѣнія «объективно неизбѣжнаго» процесса хорошо иллюстрировалъ авторъ брошюры «Sozialistische Auslandspolitik», Гергардъ Гильдебрандъ; изъ неизбѣжности колониальной политики для современныхъ капиталистическихъ государствъ онъ сдѣлалъ тотъ выводъ, что германскій пролетаріатъ долженъ отказаться отъ «голаго протеста противъ воинствующаго шовинизма» и замѣнить этотъ «голый протестъ» активной колониальной политикой подъ знаменемъ «равноправія колониальныхъ притязаній всѣхъ странъ» и «обеспеченія колоніями обдѣленныхъ народно-хозяйственныхъ организмовъ». *Неизбѣжность* стадии колониальной политики для современнаго хозяйства и здѣсь служить «достаточнымъ основаніемъ» для того, чтобы пролетаріатъ сдѣлалъ колониальную, захватную политику направляю-

¹ При самомъ же голосованіи Бебель и Либкнехтъ въ специальной деклараціи указали, что они не голосуютъ противъ, а воздерживаются *только потому*, что голосованіе противъ «могло бы быть истолковано» какъ сочувствіе бонапартизму. Достойно вниманія, что Бебель и Либкнехтъ въ данномъ случаѣ заняли одну и ту же практическую позицію *несмотря* на то, что они придерживались диаметрально противоположныхъ взглядовъ о томъ, кого слѣдуетъ считать инициаторомъ войны, Бисмарка или Бонапарта, и кого обороняющей и нападающей стороной: Германію или Францію. Видимо, этотъ вопросъ въ опредѣленіи ихъ политики игралъ совершенно второстепенную роль...

щимъ мотивомъ своей собственной дѣятельности, своимъ собственнымъ лозунгомъ.

Но ту же схему разсужденія, ту же каррикатуру на логику «учителей» найдемъ мы и у А. Потресова, ибо вѣдь для обоснованія своего новѣйшаго лозунга онъ не привелъ ничего, кромѣ того соображенія, что «россійской обывательской массѣ... еще надо поступить въ приготовительный классъ» общественнаго развитія, что ей еще надо пройти «черезъ школу гражданственности въ національно-государственныхъ рамкахъ». И здѣсь неизбежность данной исторической стадіи служить достаточнымъ основаніемъ для замѣны классового, специфическаго лозунга—лозунгомъ, воплощающимъ яко бы объективную сущность даннаго историческаго этапа, а на самомъ дѣлѣ воплощающимъ лишь классовые интересы *одной* (господствующей) изъ тѣхъ антагонистическихъ силъ, борьбой которыхъ творится—и въ то же время, отрицается—данный этапъ. Мы лишены возможности подробнѣе разсмотрѣть здѣсь схему Потресова, взятую нами сейчасъ лишь въ качествѣ одной изъ яркихъ иллюстрацій разсматриваемаго тезиса о широкомъ подмѣнѣ марксизма «объективизмомъ», практикуемомъ въ настоящее время. Но мы не можемъ не отмѣтить здѣсь же двухъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, Потресовъ даже не поставилъ вопроса о тѣхъ отношеніяхъ, которыя должны создаться въ странѣ, обреченной проходить «приготовительный классъ» въ такой моментъ, когда ея сосѣди проходятъ послѣдній классъ, и о той роли, которую долженъ *при такихъ условіяхъ* играть ея передовой классъ. Между тѣмъ, введеніе этого необходимаго элемента способно сильно поколебать его теорію «историческихъ стадій» и соответствующихъ лозунговъ даже съ его же собственной точки зрѣнія. Во-вторыхъ, Потресову слѣдовало бы посчитаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что неизбежность «національно-государственныхъ рамокъ» гражданственности была ясна и Марксу, что, однако, сначала не помѣшало ему выставить его лозунгъ 48 г., а, затѣмъ, ни разу не побудило его пересмотрѣть этотъ лозунгъ или, тѣмъ паче, отказаться отъ него. Видимо, соотношеніе между «неизбѣжностью» той или другой фазы общественности и ролью рабочаго класса въ ея историческомъ переживаніи представлялось Марксу нѣсколько иначе, чѣмъ Потресову, Гильдебранду или Леншу...

Подмѣнивъ эту точку зрѣнія точкой зрѣнія «объективизма», политики типа Леншъ-Гильдебрандъ-Потресовъ должны были придти и пришли къ практикѣ, рѣшительно противорѣчащей всѣмъ «завѣтамъ».

* * *

Въ самомъ дѣлѣ, что означало бы передвиженіе на точку зрѣнія Ленша широкихъ круговъ германскаго или какого

либо другого пролетариата? Оно означало бы закрѣпленіе, оправданіе и возведеніе въ принципъ той картины, которая уже осуществлена въ данный моментъ. А основныя черты этой картины заключаются въ томъ, что позиція официальнаго большинства германской партіи 1) обостряетъ и затягиваетъ международный конфликтъ, 2) что она превращаетъ пролетариатъ въ орудіе империалистскихъ замысловъ,—въ томъ, въ концѣ концовъ, что 3) эта позиція затрудняетъ и задерживаетъ реализацию мировой задачи труда. Это и есть дѣйствительная характеристика роли большинства руководителей пролетариата въ нынѣшней войнѣ. Что субъективно Шейдеманы, Лениши et tutti quanti ставятъ рабочему классу въ этотъ моментъ другія задачи, что, по ихъ мнѣнію, поддержка империализма въ данный моментъ приведетъ, въ концѣ концовъ, къ осуществленію ихъ старыхъ идеаловъ,—что, по схемѣ Потресова, изъ поддержки имъ лозунга «приготовительнаго класса» вытечетъ нѣкогда международность,—это обстоятельство ни капли не измѣняетъ объективнаго значенія роли, разыгрываемой *сейчасъ* всѣми упомянутыми дѣятелями.

«Поскольку—писалъ Гильдебрандъ въ цитированной выше брошюрѣ—въ настоящее время наше существованіе покоится на частно-хозяйственномъ приобрѣтеніи и использованіи средствъ производства и производительныхъ силъ, *интересы рабочихъ требуютъ расширенія области приложенія капитала*». (Курсивъ нашъ. Дѣло идетъ здѣсь о капиталѣ въ его національной формѣ). Надо признать, что изо всего того, что было наговорено въ защиту позиціи официальнаго партійнаго большинства,—это самое серьезное, самое дѣловое и наименѣе пустозвонное заявленіе. Оно объясняетъ—если не все,—то очень многое въ *фактической* позиціи большинства. Но нельзя забывать, что подобное пониманіе интересовъ демократіи неразрывно связано въ данную историческую эпоху съ очень важными практическими выводами.

Вѣдь «расширеніе области приложенія капитала» протекаетъ въ нашу эпоху въ совершенно опредѣленныхъ, обусловленныхъ всѣмъ ея социальнымъ-политическимъ содержаніемъ формахъ. Оно опирается на концентрацію средствъ производства въ рукахъ трестовъ и финансовой олигархіи, и оно осуществляется путемъ ожесточенной борьбы этихъ національныхъ трестовъ между собой. Нельзя «прятать» «расширеніе областей приложенія капитала», какъ свою задачу, не «привыши» тѣмъ самымъ и данныхъ условий реализаціи этой задачи. Логика обязываетъ. А это обозначаетъ, что логика позиціи тѣхъ группъ производителей, которыя взяли бы на себя заботу объ «области приложенія капитала», неизбѣжно привела бы къ упроченію положенія господствующихъ круговъ въ качествѣ руководителей

концентрированными средствами производства и, одновременно, къ страшнѣйшему обостренію борьбы между національными трестами, не сдерживаемыми уже въ своей погонѣ за «областями приложенія капитала» никакою внѣшней силой.

Превращеніе рабочаго класса изъ самостоятельной силы въ простое орудіе національной гегемоніи того или иного треста— превращеніе, которое мы можемъ сейчасъ изучать на примѣрѣ хотя бы Германіи—было бы завершеніемъ политики, пропо- вѣдуемой Леншемъ-Гильдебрандомъ-Потресовымъ.

Ставши орудіемъ охраненія или расширенія (смотря по тому, какой «классъ» ученія проходитъ данное нац. хозяйство!) «областей приложенія капитала» наемный трудъ и внутри даннаго хозяйства неизбѣжно сталъ бы простымъ матеріаломъ для постройки зданія завршепнаго господства коллективно-капиталистическаго хозяйствованія. А поскольку и само развитіе производительныхъ силъ общества есть результатъ обостренной социальной борьбы внутри его, постольку реализація политики социаль-имперіализма обозначала бы приостановку, а затѣмъ и деградированіе производительныхъ силъ. Осуществленіе въ широкомъ, т.-е. мировомъ масштабѣ, и на продолжительный періодъ этой политики обозначало бы, такимъ образомъ, не приближеніе ея идеаловъ (это, вѣдь, не имперіализмъ, а социаль-имперіализмъ!), а, наоборотъ, только то, что ея старыя идеалы осуществлялись бы вопреки и въ борьбѣ съ тѣми группами, которыя ее бы усвоили.

Отъ безотрадной картины, свидѣтелемъ которой было бы челоѳчество, если бы, дѣйствительно, схема Ленша была реализована въ практической политикѣ большинства демократіи, спасаетъ только одно обстоятельство,—что для осуществленія подобной политики въ широкомъ масштабѣ и на болѣе или менѣе продолжительный періодъ нѣтъ никакихъ объективныхъ условій, что общественное развитіе, создающее мировой рынокъ, будетъ неизбѣжно побѣждать тенденціи замкнутой національной политики. Ленши и Потресовы—выразители не общаго направленія пути «четвертаго сословія», а лишь недостатковъ его развитія, отсталости отношеній вчерашняго историческаго дня; они—представители *послѣдней иллюзіи* пролетаріата, за которую, конечно, придется заплатить очень дорого, много дороже, чѣмъ было заплачено въ 48 г. за иллюзіи Луи Блана. Борьба съ этой послѣдней иллюзіей является неизбѣжнымъ этапомъ въ созданіи новой тактики, а ея идеологическая разработка—у Ленша, у Потресова и т. д.—пойдетъ, видимо, на построеніе мимолетныхъ партій «національнаго труда», на освященіе отстающихъ формъ движенія, подобно тому, какъ эту же роль въ серединѣ XIX в. выполняли прудонизмъ и трѣдъ-юніонизмъ.

Такимъ образомъ, путь Ленша-Потресова еще менѣе ведетъ

къ преодолѣнію имперіализма, чѣмъ разсмотрѣнный выше путь Гаазе-Каутскаго. Оба эти пути одинаково заводятъ въ тупикъ, одинъ — пройдя предварительно по всѣмъ дорогамъ, протоптаннымъ господствующей политикой, освятивъ ту практику, которой отъ «четвертаго сословія» требуютъ Рорбахи и имъ подобные; другой — безрезультатно пытаюсь обогнуть «историческія неизбѣжности», обойти сторонкой кровавые рубежи исторіи.

Но, въ такомъ случаѣ, есть ли вообще путь преодолѣнія имперіализма?

Онъ есть, и его можно легко нащупать, если только принять во вниманіе, что имперіализмъ есть реакція извѣстныхъ хозяйственныхъ группъ на созрѣваніе общественныхъ условій обобществленія и что *этой* реакціи можетъ быть противопоставленъ другой *хозяйственный планъ*, другой отвѣтъ, отвѣтъ другихъ хозяйственныхъ группъ на тотъ же вопросъ объ устройствѣ мірового хозяйства.

Ибо имперіализмъ только *необходимое слѣдствіе* господствующаго способа производства, но совсѣмъ *не разрѣшеніе* созданныхъ имъ противорѣчій. Именно потому, что имперіализмъ ставитъ рѣшеніе всѣхъ насущныхъ вопросовъ социальной жизни подъ контроль вопроса о трестовой прибыли, онъ не способенъ ихъ рѣшить. По самому существу своему имперіализмъ можетъ лишь обострить, по отнюдь не можетъ рѣшить ни вопроса объ урегулированіи мірового рынка, ни вопроса о дѣйствительномъ преодолѣніи національно-хозяйственной обособленности, ни вопроса о перераспределеніи производительныхъ силъ путемъ культивированія новыхъ странъ, ни, наконецъ, вопроса объ уничтоженіи социальной розни, сколько бы ни пытался онъ ослабить послѣднюю путемъ экономическаго подкупа производителей за счетъ эксплуатаціи чужихъ націй. Поэтому-то осуществленіе съ чьей бы то ни было стороны мечты о міровой гегемоніи было бы въ то же время ея социальными крахомъ изнутри.

Но неизбѣжный крахъ этой имперіалистической утопіи не мѣшаетъ тому, что финансовый капиталъ именно на этомъ пути ищетъ разрѣшенія, — разрѣшенія въ свою пользу, — противорѣчій современной хозяйственной жизни.

Подобно тому, какъ политика Бисмарка была попыткой использовать въ интересахъ буржуазныхъ, аграрныхъ и династическихъ элементовъ процессъ созрѣванія Германіи къ объединенію, подобно этому политика Рорбаховъ, Баллиныхъ, Чембэрленовъ есть попытка использовать въ своихъ интересахъ созрѣваніе общественныхъ условій обобществленія. И такъ же, какъ у Бисмарка былъ свой совершенно реальный планъ объединенія Германіи (въ этотъ планъ входили: войны съ Даніей, Австріей, Франціей, германскій таможенный союзъ, всщебоѣ

избирательное право, рядъ уставовъ гражданской жизни... и борьба съ социаль-демократіей), такъ же есть свой *хозяйственный планъ* у Рорбаховъ и его разноплеменныхъ духовныхъ братьевъ. Въ него входятъ: система таможенныхъ объединеній (и, въ качествѣ неизбежнаго дополненія, рядъ таможенныхъ войнъ), присоединеніе или фактическое хозяйственное подчиненіе опредѣленныхъ территорій, синдикатская организація промышленности съ государственно-капиталистическими монополями и... прирученіе рабочаго класса на почвѣ усвоенія имъ Леншъ-Гильдебрандовской политики.

Этому хозяйственному плану противопоставляется не отстаиваніе на почвѣ его осуществленія интересовъ тѣхъ или другихъ группъ, а лишь принципиально---другой планъ мирового хозяйства. Чтобы дѣйствительно преодолѣть планы империалистовъ, надо имѣть свою собственную систему регулированія мирового хозяйства и отстаивать ее, какъ *конкретную* мѣру, отвѣчающую на конкретные вопросы реальной хозяйственной жизни.

Имѣется ли такая система? Если ея нѣтъ, или если эта система есть только «конечная цѣль», только заготовленная впрокъ «музыка будущаго», реализовать которую никто не собирается, — тогда тѣмъ самымъ очищается мѣсто Рорбахамъ, которые имѣютъ что предъявить, которые заявляютъ: «если никто, кромѣ насъ, не знаетъ, какъ и куда дѣвать 500.000 п. чугуна въ часъ, какъ ихъ распредѣлить, чтобы заводы не стали, если никто, кромѣ насъ, не умѣетъ рѣшить задачи о снабженіи нашей страны пищевыми продуктами, которыхъ она не производитъ, тогда мы беремся это устроить. Это будетъ жестковато: ибо мы не можемъ это устроить, не побивши чужими руками нашихъ конкурентовъ. Но это выходъ: А у васъ его нѣтъ». Если, при этомъ, Рорбахи реализуютъ прибыли чуть ли не въ томъ размѣрѣ, который они сами себѣ назначать, и продолжаютъ держать опекаемое ими населеніе на границѣ голодной смерти, то это вполнѣ естественно вытекаетъ изъ сущности вещей.

Съ подобными методами хозяйствованія можно бороться, лишь предъявивъ и пытаясь реализовать свои собственные методы. И не даромъ соотечественникъ и антиподъ Рорбаха, Гильфердингъ, еще за 10 лѣтъ до современныхъ событий писалъ о новомъ хозяйственномъ планѣ, что въ условіяхъ империалистической эпохи онъ «перестаетъ быть отдаленнымъ идеаломъ, — перестаетъ быть даже той «конечной цѣлью», которая просто указываетъ общее направленіе «текущихъ требованій»: онъ становится существеннымъ элементомъ въ непосредственной практической политикѣ»...¹.

¹ Р. Гильфердингъ. Финансовый капиталъ. Рус. пер., стр. 567.

Это отнюдь не значить, конечно, что новый хозяйственный планъ долженъ быть реализованъ немедленно, но это значить, что вся практика должна быть направлена на созданіе—въ борьбѣ съ Горбахами, въ постоянномъ противопоставленіи своихъ методовъ ихъ методамъ—той силы, которая завтра эту задачу будетъ призвана рѣшить.

Ю. Каменевъ.

ПАМЯТИ ИЛЬИ ИЛЬИЧА МЕЧНИКОВА.

Въ настоящее время, когда мы всё притерпѣлись къ слову
«смерть»

. въ могилу
сошелъ величайшій умъ, ученіе и философія котораго проник-
нуты идеей борьбы за жизнь человѣка и смерть котораго не-
вольно приковываетъ къ себѣ наше вниманіе

.
Всѣмъ извѣстно, что послѣ того, какъ Пастеръ впервые
установилъ роль микроскопическихъ организмовъ въ разру-
шеніи органическихъ веществъ, Илья Ильичъ Мечниковъ пер-
вый вступилъ на путь изученія борьбы съ невидимыми врагами,
вызывающими заразныя заболѣванія, и проникъ въ тайны клѣ-
точной борьбы съ этимъ бичемъ животнаго міра, показавъ,
что защитниками нашего организма отъ микробовъ являются
бѣлыя кровяныя тѣльца, которыя пожираютъ ихъ и тѣмъ са-
мымъ приводятъ къ успѣшному исходу заболѣванія. Даль-
нѣйшими работами И. И. Мечникова и его школы было устано-
влено, что бѣлыя кровяныя тѣльца являются клѣтками-произ-
водительницами и носительницами тѣхъ различныхъ противо-
тѣль, посредствомъ которыхъ животный организмъ избавляется
отъ микробовъ и ихъ ядовъ.

Эти научныя открытія ставятъ имя И. И. Мечникова, какъ
основателя ученія о невосприимчивости въ заразныхъ болѣз-
няхъ, на ряду съ именемъ великаго Пастера, положившаго
начало микробиологіи. Такой авторитетъ, какъ Ру, тоже свя-
залъ имена этихъ двухъ гениальныхъ людей, поставивъ въ день
юбилейнаго празднованія Пастеровскаго Института въ 1913
году работы И. И. Мечникова вслѣдъ за работами Пастера.

Отъ изученія самозащитной борьбы организма противъ
микробовъ И. И. Мечниковъ перешелъ къ рѣшенію проблемы
борьбы со старостью и неестественно ранней смертью совре-
меннаго человѣка. Къ ней, несомнѣнно, въ ближайшемъ буду-
щемъ будутъ устремлены всё наиболѣе пытливые умы среди
біологовъ и клиницистовъ.

Убѣдившись путемъ ряда наблюденій, что продукты гніенія

бѣлковъ въ кишечномъ каналѣ (феноль, индоль и др.) способствуютъ, при всасываніи ихъ, развитію склерозовъ тканей, органовъ и артерій, приводящихъ организмъ къ преждевременной старости, И. И. Мечниковъ предложилъ понижать процессы гніенія въ кишечникѣ посредствомъ бациллъ молочно-кислаго броженія, создающихъ въ немъ такія физико-химическія условия, которыя угнетаютъ жизнеспособность вредной кишечной флоры.

Итакъ, направленіе главныхъ работъ И. И. Мечникова сводится къ охранѣ человѣческаго организма, какъ высшей формы физическаго бытія, къ продленію его существованія до предѣловъ естественной старости и смерти, словомъ, къ стремленію достигъ полнаго, нормальнаго, безболѣзненнаго цикла жизни человѣка.

Эта же идея борьбы за человѣческую жизнь, всестороннее изученіе ея проявленій въ формахъ нашей духовной и общественной жизни, нашла свое отраженіе въ его философскихъ трудахъ и наполняла всю его личность крѣпкой любовью ко всему міру природы.

Любовь къ жизни проявлялась во всемъ существѣ этого замѣчательнаго человѣка. Достаточно привести одинъ эпизодъ, который, по желанію И. И. Мечникова, я обѣщаль предать гласности послѣ его смерти, чтобы понять, насколько ему тяжело было смириться съ приближеніемъ послѣдней.

Однажды, когда по случаю воскреснаго дня лабораторіи въ отдѣленіи И. И. Мечникова пустовали, въ комнату, гдѣ я работалъ, вошелъ И. И. и обратился съ просьбой изслѣдовать его сердце. Подобная просьба удивила меня, потому что И. И. не чувствовалъ себя больнымъ и съ этимъ еще никогда ко мнѣ не обращался. Это было 19 мая 1913 года. И. И. спокойно и внимательно слѣдилъ за опредѣленіемъ границъ своего сердца и вмѣстѣ со мною отмѣтилъ его расширеніе: верхняя граница сердца начиналась между 2 и 3 ребрами, лѣвая заходила на 1 ½ пальца за сосковую линію, а правая—на ½ пальца за правый край грудины.¹ «Это для меня не ново», замѣтилъ И. И. Тогда я перешелъ къ выслушиванію сердца, а И. И. строгимъ,

¹ Нормальныя границы сердца: верхняя—4 ребро, лѣвая—нѣсколько впереди отъ соска и правая—лѣвый край грудины.

испытующимъ взглядомъ слѣдилъ за выраженіемъ моего лица и по окончаніи изслѣдованія спросилъ:

— «Не правда-ли, у меня выслушиваются систолическіе шумы на аортѣ и у верхушки сердца? ¹ Ихъ у меня всегда находили».

Послѣ утвердительнаго отвѣта онъ спросилъ меня, не слышалъ-ли я также диастолическихъ шумовъ?

— «Нѣтъ, я ихъ не слышалъ».

— «Спасибо вамъ! Я нарочно обманывалъ васъ, пока вы не сказали мнѣ правды, такъ какъ хотѣлъ, наконецъ, узнать ее. Мнѣ мои друзья говорили, что у меня очень хорошее сердце. Даже настолько хорошее, что шутя называли его «дѣтскимъ сердцемъ». «Дѣтское сердце» въ мой-то годы?! А я, старын дуракъ, вѣрилъ!.. Представьте себѣ, вѣрилъ!.. и думалъ, что предохраняю себя отъ склероза, благодаря своему режиму... Какъ же они не понимаютъ, въ какое глупое положеніе поставятъ меня, когда на вскрытіи найдутъ такой сильный артеріосклерозъ? Обидно, не повѣрите, ужасно обидно, что я уже старикомъ сталъ примѣнять тотъ режимъ, который продлилъ бы мою жизнь, если бы я началъ примѣнять его до развитія склероза!..» И. И. былъ очень взволнованъ... «Объщайте мнѣ,—продолжалъ онъ,—что послѣ моей смерти вы опубликуете все, что нашли сегодня у меня».

Я далъ обѣщаніе... Однако, на слѣдующій день мнѣ пришлось раскаться въ происшедшемъ наканунѣ: И. И. пришелъ въ Институтъ позднѣе обыкновеннаго, мрачный и подавленный, говорилъ о своей близкой смерти и выглядѣлъ больнымъ. Онъ слѣдилъ за своимъ пульсомъ, прислушивался къ дѣятельности своего сердца, и ему стало казаться, что оно уже отказывается работать. Черезъ нѣсколько дней произошелъ даже такой случай, что И. И., перейдя въ расположенное напротивъ зданіе Химическаго Отдѣленія Пастеровскаго Ин-

¹ Систолай обозначаютъ сокращеніе сердца, а диастолой расслабленіе его. Въ тѣхъ случаяхъ, когда стѣнки аорты при артеріосклеротическихъ измѣненіяхъ въ ней неспособны придти въ правильныя колебанія во время прохожденія черезъ нее крови въ періодъ сокращенія сердца, въ аортѣ выслушивается шумъ, который, совпадая по времени съ систолой сердца, называется систолическимъ. Если же артеріосклерозъ не ограничивается аортой, а переходитъ также и на внутреннюю оболочку сердца, вызываетъ въ ней утолщенія и приводитъ къ разстройству дѣятельности тѣхъ лоскутныхъ клапановъ, которые отдѣляютъ въ каждой половинѣ сердца двѣ сообщающіяся между собою полости—верхнюю предсердіе отъ нижней желудочка, въ этомъ случаѣ при систолѣ сердца кровь устремляется, какъ въ аорту, такъ и обратно черезъ незамыкающіеся клапаны въ предсердіе. Переходъ ея черезъ узкое отверстіе не вполне замкнутыхъ клапановъ въ относительно широкое предсердіе, съ образованіемъ въ послѣднемъ круговоротовъ, сопровождается шумомъ, который выслушивается во время систолы сердца у его верхушки.

стигута, въ которомъ помѣщаются обезьяны, неожиданно для сопровождавшаго его служителя, сѣлъ на лѣстницѣ и заявилъ, что ему плохо, что онъ умираетъ, и необходимо ему скорѣе впрыснуть камфору... Какъ я узналъ, истинное состояніе здоровья всегда скрывалось отъ И. И. его друзьями, чтобы не волновать его мыслью о смерти. Пришлось исправить свою ошибку, постараться увѣрить его, что мною были получены не точные результаты изслѣдованія, благодаря случайно оказавшемуся засоренію трубки, которой я выслушивалъ сердце, и прибѣгнуть къ повторнымъ изслѣдованіямъ послѣдняго его друзьями, чтобы уладить печальный инцидентъ. И. И., казалось, далъ себя убѣдить, что дѣйствительно произошло недоразумѣніе. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя я, даже какъ-то случайно въ разговорѣ, снова услышалъ отъ него знакомыя слова о «дѣтскомъ сердцѣ». Когда же черезъ полъ-года, покидая Пастеровскій Институтъ, я пришелъ проститься съ И. И. и уже выходилъ изъ его комнаты, онъ вдругъ остановилъ меня и неожиданно сказалъ:

— «А вы помните, что обѣщали мнѣ весной? Такъ не забудьте же...»

Это были послѣднія слова, которыя я отъ него слышалъ и которыя побудили меня писать эти строки.

Сообщенія объ его смерти даютъ указанія, что И. И., не сомнѣваясь въ правотѣ своего ученія о борьбѣ со старостью, путемъ выработаннаго имъ пищевого режима, жалѣлъ только, что слишкомъ поздно сталъ его примѣнять; тѣ же сообщенія говорятъ, что онъ умеръ съ полнымъ самообладаніемъ, свойственнымъ человѣку великаго и сильнаго духа.

Жизнь была для И. И. Мечникова не только большимъ даромъ природы, которую онъ любилъ и оберегалъ въ себѣ самомъ, но онъ считалъ эту любовь къ физическому существу человѣка основой міросозерцанія всякаго врача.

Я помню, профессоръ V. пригласилъ И. И. Мечникова для демонстраціи новыхъ изслѣдованій, произведенныхъ въ его клиникѣ. Какъ оказалось, онъ демонстрировалъ способъ, дающій возможность опредѣлить приблизительную продолжительность жизни больныхъ нефритомъ. И. И. вернулся изъ клиники крайне раздраженнымъ.

— «Я всю жизнь ищу, какъ оттянуть смерть человѣка, а они вычисляютъ, какъ скоро она наступитъ... Развѣ это задача медика!»—взволнованно говорилъ онъ.

И. И. Мечниковъ не только любилъ жизнь, какъ биологъ. Созерцаніе начинающагося процесса жизни доставляло ему огромное эстетическое наслажденіе. Я помню, какъ, окончивъ необычно рано свою работу, онъ сказалъ:

— «Сегодня усиленно поработалъ и за это заслужилъ удо-

вольствіе. Пойду посижу у колыбели новорожденного ребенка... Люблю я глядѣть на зарождающуюся жизнь!»

Поэтому онъ очень любилъ дѣтей и всегда любовался ими. Трогательна, напримѣръ, была привязанность этого большого ученаго къ маленькой дѣвочкѣ, своей крестницѣ, у которой онъ бывалъ ежедневно. Въ послѣдніе годы его лабораторія была даже соединена телефономъ съ ея квартирой. Болѣзнь, или просто недомоганіе этого ребенка, повергало его въ большое волненіе: онъ не могъ работать, справлялся неоднократно въ теченіе дня по телефону о состояніи ея здоровья, ходилъ ее навѣщать и подолгу сидѣлъ около нея. Изрѣдка, въ праздники онъ приглашалъ эту дѣвочку съ ея маленькимъ братомъ въ Институтъ, устраивалъ ей угощеніе и въ коридорѣ, среди пустынныхъ лабораторій, раздавались дѣтскіе голоса и топаніе дѣтскихъ ногъ.

Молодость, здоровье и простая возможность пережить тѣ впечатлѣнія, которыя отъ него скроетъ смерть, иногда навели И. И. на печальныя мысли. Когда въ лабораторіи поднимались бесѣды о перспективахъ, намѣчающихся въ медицинѣ, о предстоящихъ открытіяхъ, онъ говорилъ со вздохомъ сожалѣнія:

— «Вы это увидите, а я уже не увижу...»

Было бы ошибкой, говоря о любви И. И. къ процессу жизни, не упомянуть объ его отношеніи къ наукѣ. Мнѣ никогда не приходилось встрѣчать за границей, а тѣмъ менѣе въ Россіи, такого бережнаго, честнаго и возвышеннаго отношенія къ наукѣ, которое я встрѣтилъ у И. И. Полупросвѣщеніе тѣхъ молодыхъ русскихъ врачей, которые пріѣзжали въ его лабораторію для спѣшнаго написанія работъ на первую попавшуюся тему, путающихъ теоріи тѣхъ европейскихъ профессоровъ, которыхъ они успѣли облетѣть, небрежность и равнодушіе ихъ къ работѣ, а подчасъ очевидная неубѣдительность результатовъ, приводили И. И. въ ярость. Науку онъ понималъ, какъ служеніе, добровольно принятое и съ радостью выполняемое.

Въ работѣ своей онъ былъ неутомимъ, для него не существовало ни праздниковъ, ни лѣтнихъ каникулъ, ни самаго понятія отдыха. Мнѣ рассказывали, какъ поражали И. И. заявленія врачей о поѣздкѣ на лѣтніе каникулы, которыхъ онъ удивленно при этомъ спрашивалъ:

— «Вы хотите отдыхать? А я думалъ, что для васъ отдыхъ не тамъ, а здѣсь. Не ожидалъ, что для васъ ваша работа трудъ, а не удовольствіе».

Когда же врачи въ самые послѣдніе годы жизни И. И. стали настаивать на томъ, чтобы онъ на нѣсколько недѣль лѣтомъ бросилъ всѣ занятія, И. И. не хотѣлъ объ этомъ слышать, а, подчинившись ихъ увѣщаніямъ, съ трудомъ дождался конца

назначеннаго ему срока и уже съ утра слѣдующаго дня сидѣлъ въ своей лабораторіи.

Наука была для него способомъ теоретически обосновать свою стихійную любовь къ процессу жизни. Въ ней онъ искалъ указаній, какъ сдѣлать физическую жизнь человѣка гармоничной, здоровой и долготѣней.

Эти научные интересы, если не исчерпывали его жизни цѣликомъ, то всецѣло ее обуславливали. Мнѣ случалось говорить съ нимъ о Россіи и поднимать вопросъ объ его возвращеніи на родину. Въ особенности весной 1913 года мы—русскіе врачи—уговаривали И. И. переѣхать въ Россію и встать во главѣ института экспериментальной медицины. Хотя въ своихъ отвѣтахъ И. И. Мечниковъ ссылался на тяжелыя условія въ высшей русской школѣ, въ которой нѣтъ мѣста чистой наукѣ, на суровость нашего климата, который ему въ его годы не вынести, я понималъ, что всѣ эти причины скрываютъ главную въ своемъ духовномъ развитіи И. И. Мечниковъ уже дошелъ до той ступени, когда человѣкъ теряетъ свой народъ и при надлежитъ всему человѣчеству.

— «Я хотѣлъ провѣрить себя, свое чувство къ Россіи»,— рассказывалъ онъ мнѣ однажды.—«Когда былъ послѣдній разъ въ Россіи, поѣхалъ на родину на могилу отца, и тутъ я убѣдился что «дымъ отечества» для меня навсегда исчезъ!»

.....

..... Но тотъ фактъ, что И. И. завѣщалъ свой прахъ не Россіи, а Пастеровскому Институту, гдѣ изъ поколѣній въ поколѣнія пытливые умы со всѣхъ концовъ свѣта могутъ продолжать любимое имъ дѣло изученія процессовъ органической жизни, доказываетъ намъ, что по существу Мечниковъ принадлежалъ только наукѣ.

Въ заключеніе моихъ краткихъ воспоминаній объ И. И. мнѣ бы хотѣлось сказать, что, если въ прошломъ исторіи біологическихъ наукъ и были великіе умы, которые съ такой же настоятельностью указывали на цѣнность самаго процесса жизни и съ такой же прозорливой тревогой слѣдили за нашей физической судьбой, то ни одинъ изъ современныхъ естествоиспытателей, кромѣ И. И. Мечникова, я убѣжденъ, не сказалъ намъ—цѣлому поколѣнію врачей—своими научными и философскими трудами, такъ горячо и убѣдительно: берегите человѣческую жизнь!

И. Манухинъ.

ОБЪ АЛКОГОЛИЗМЪ ВЪ СРЕДНЕЙ ШКОЛѢ.

Существуетъ ли алкоголизмъ въ средней школѣ и каковы его размѣры—вотъ вопросъ, который давно уже всѣхъ интересуетъ. По имѣющимся въ литературѣ даннымъ д-ровъ Малыгина, Коровина, Никольскаго и друг., оказывается, что почти $\frac{3}{4}$ всей пьющей университетской молодежи начало пить именно въ средней школѣ, а нѣкоторые изслѣдователи увеличиваютъ эту цифру даже до 80—85%. Но всѣ эти данныя получены путемъ различныхъ анкетъ въ высшей школѣ, а не непосредственно въ средней. Въ послѣдней никакія подобныя анкеты у насъ еще не производились, и было поэтому въ высшей степени интересно, и заманчиво подвергнуть и ее такому же обследованію, чтобы провѣрить теперь тѣ результаты, которые были получены прежде.

Съ этой цѣлью я и предпринялъ въ 1913 и 1914 годахъ подобную анкету въ нѣкоторыхъ городахъ, гдѣ читалъ лекціи. Я напечаталъ около 15 тысячъ опросныхъ листовъ и рассчитывалъ охватить своей анкетой довольно обширный районъ, пользуясь тѣмъ, что въ эти два года мнѣ пришлось побывать и на сѣверѣ, и въ восточной полосѣ Россіи, и на Кавказѣ. Но увы, — такъ называемыя «независящія» обстоятельства, столь хорошо знакомыя каждому русскому обывателю, были и здѣсь причиной того, что изъ всѣхъ моихъ плановъ и предположеній вышло не особенно много. Мнѣ съ трудомъ удалось раздать учащимся около 5.000 листовъ и получить назадъ всего лишь... 953 отвѣта, т. е., 19% общаго количества ихъ.

Громадное большинство листовъ, какъ я потомъ узналъ, немедленно отбирали у учащихся начальства учебныхъ заведеній, какими-то невѣдомыми путями узнававшія о моихъ шагахъ по производству анкеты. И само собою разумѣется, что гнѣвъ и негодованіе господъ казенныхъ педагоговъ были въ такихъ случаяхъ очень велики. Какъ это можно опрашивать совсѣмъ еще зеленую молодежь о томъ, не пьетъ ли она спиртные напитки и кто научилъ ее этому: родители («какой подрывъ родительскаго авторитета!») или посторонніе люди? Вѣдь это значитъ наводить ее, эту молодежь, наталкивать на мысль о пьянствѣ, вѣдь это значитъ будить въ молодой душѣ грубые, низменные инстинкты и т. д. и т. д.

Директоръ одного изъ учебныхъ заведеній въ Екатеринодарѣ, отобравъ всѣ листки, розданные мной ученикамъ, напелъ даже необходимымъ прочитать имъ цѣлую лекцію о томъ, насколько дурень и безнравственъ мой поступокъ, что мной руководятъ, повидимому, не научныя, а какія-то неизвѣстныя ему цѣли, ибо въ противномъ случаѣ я дѣйствовалъ бы не исподтишка, а открыто, чрезъ начальство, и т. д.

Въ Вильнѣ, благодаря тому, что опросный листокъ мой былъ полностью напечатанъ (безъ моего, впрочемъ, вѣдома) въ одной изъ мѣстныхъ газетъ, попечитель округа немедленно распорядился строжайше воспретить учащимся принимать какое-бы то ни было участие въ этой анкетѣ, а полиція явилась ко мнѣ въ номеръ гостиницы и учинила мнѣ форменный допросъ: какую цѣль я преслѣдую анкетой, имѣю ли я право на производство ея и т. д. Пришлось ей объяснить, что производство анкеты—это обычный приемъ научнаго изслѣдованія, на который у насъ пока еще, слава Богу, не требуется никакихъ особыхъ разрѣшеній, что единственная цѣль, которую я преслѣдую, ясна сама собою и т. п. Г. полицѣймейстеръ, повидимому, удовлетворился этимъ объясненіемъ, но на слѣдующее утро прислалъ ко мнѣ въ номеръ офицера съ «совѣтомъ» поскорѣ уѣхать изъ Вильны, иначе... Само собою разумѣется, что я исполнилъ этотъ «добрый совѣтъ», тѣмъ болѣе, что лекцію свою я уже прочиталъ и дѣлать мнѣ въ Вильнѣ было больше нечего.

Но этимъ мои «анкетныя злоключенія» еще далеко не окончились. Когда я вернулся домой въ Петроградъ, у меня, по требованію, какъ я потомъ узналъ, пензенскихъ жандармскихъ властей, былъ произведенъ обыскъ. Дѣло въ томъ, что незадолго до моего пріѣзда въ Пензу среди гимназистовъ мѣстной мужской гимназіи была обнаружена «преступная тайная организація», поставившая себѣ цѣлью требовать нѣкоторыхъ реформъ, касающихся общаго положенія учащихся въ школѣ, а, главное, лучшаго обращенія со стороны педагоговъ. У одного изъ нихъ нашли мой адресъ, по которому нужно было отослать мнѣ анкетныя листки, и этого было достаточно, чтобы по телеграфу былъ данъ приказъ сдѣлать у меня обыскъ. Весь матеріалъ мой былъ забранъ въ Охранное отдѣленіе. Тамъ онъ лежалъ не менѣе полугода, пока, наконецъ, меня не надумали добрые люди, что для того, чтобы получить его обратно, нужно какъ можно чаще навѣдываться въ охранку. И вотъ я сталъ навѣдываться туда, и къ моему удовольствію, послѣ десятаго, примѣрно, визита, получилъ обратно весь матеріалъ. Это было въ концѣ лѣта 1914 года, затѣмъ вспыхнула война—и само собою стало невозможно продолжать разработку анкетнаго матеріала. Я удосужился окончить это—и то вчернѣ—лишь осенью 1915 года, когда и сдѣлалъ на эту тему предварительное сообщеніе въ одномъ изъ засѣданій

Общества Охраненія Народнаго Здравія. Затѣмъ я постепенно закончилъ разработку моего матеріала, и, сдѣлавъ извѣстные выводы, предлагаю его въ такомъ видѣ вниманію читателей.

Анкета произведена мной въ городахъ: Петроградѣ, Москвѣ, Вологдѣ, Екатеринодарѣ, Майкопѣ, Аккерманѣ, Витебскѣ, Саратовѣ, Уфѣ и Пензѣ, при чемъ обследованію подверглись 6 мужскихъ гимназій, одна женская, 3 реальныхъ училища, 3 коммерческихъ училища, 3 духовныя семинаріи и 2 средне-техническія училища,—всего 18 учебныхъ заведеній.

Анкета велась по программѣ прилагаемаго здѣсь опроснаго листка ¹, при чемъ анкетируемые сами не должны были ничего писать, а только подчеркивать соответствующія мѣста. Опытъ показалъ, что эта предосторожность оказалась далеко не излишней. Анкету всюду, кромѣ одной частной гимназій въ Москвѣ и одной казенной въ Петроградѣ, вели сами учащіеся: это даетъ мнѣ до извѣстной степени основаніе думать, что они въ своихъ отвѣтахъ были искренни, не считаясь съ возможностью отвѣтственности передъ начальствомъ за тотъ или другой отвѣтъ.

Всѣ учащіеся, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать по вопросу о школьномъ алкоголизмѣ, относились къ дѣлу вполне серьезно и сознательно. Шуточные, недѣльные, или вообще

1

Опрсный листокъ.

Соответствующее нужно подчеркнуть.

А Н К Е Т А .

1. Гимназія, прогимназія, реальное училище, духовная семинарія, кадетскій корпусъ, коммерческое училище, средне-техническое училище.
2. Классъ: 5, 6, 7, 8.
3. Полъ: мужской, женскій.
4. Возрастъ: 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21 л.
5. Какъ относится къ вашей школѣ большинство педагоговъ къ своимъ ученикамъ: сффициально, хорошо, плохо.
6. Какова ваша успѣшность въ школѣ: средняя, выше средней, ниже средней.
7. Переутомляетесь ли вы отъ занятій: да, нѣтъ.
8. Сколько часовъ тратите ежедневно на приготовленіе уроковъ: $\frac{1}{2}$, $1\frac{1}{2}$, $2\frac{1}{2}$, $3\frac{1}{2}$, $4\frac{1}{2}$, $5\frac{1}{2}$ ч.
9. Употребляете ли спиртные напитки: да, нѣтъ.
10. Что пьете обыкновенно: пиво, водку, вина, ликеры.
11. Въ какомъ количествѣ: 1, 2, 3, 4 рюмки, 1, 2, 3, 4 стакана.
12. Напиваетесь ли до пьяна: да, нѣтъ.
13. Гдѣ пьете: дома, въ гостяхъ, въ ресторанѣ, въ пивной.
14. Съ какого возраста вы начали пить: съ 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18 л.
15. Кто научилъ васъ пить: домашніе, товарищи, подруги, знакомые.
16. Распространено ли употребленіе спиртн. напитковъ среди ва-
~~шихъ~~ товарищей: да, нѣтъ, мало, очень.
17. Имѣете ли уроки или другія занятія: да, нѣтъ.
18. Сколько времени тратите ежедневно на это: 1, 2, 3 ч.

неподходящіе отвѣты не встрѣчаются вовсе, и этимъ данная анкета очень выгодно отличается отъ такихъ же анкетъ въ высшей школѣ, гдѣ анкетируемые, какъ показалъ опытъ, къ сожалѣнію, не всегда стоятъ на должной высотѣ по серьезности и искренности отношенія къ этому дѣлу.

Можетъ явиться вопросъ, своевременно ли теперь опубликованіе результатовъ подобной анкеты. Не будетъ ли анахронизмомъ говорить объ этомъ больномъ вопросѣ теперь, когда Россія «официально уже не пьетъ», и когда кое-гдѣ какъ-бы чувствуется еще тотъ «нравственный подъемъ», который вызванъ насильственнымъ отрезвленіемъ народа. Мнѣ кажется, что говорить объ этомъ не только можно, но и должно. Полученныя нами цифры характеризуютъ во всякомъ случаѣ наше же время, которое еще не прошло, ибо официальное отрезвленіе наше длится такъ недолго, что оно успѣло пока еще весьма мало сказаться. Съ другой стороны, ежедневное наблюденіе показываетъ, что отрезвленіе это...—довольно проблематично. Въ народномъ пьянствѣ—увы,—собственно ничего не измѣнилось и все осталось здѣсь такъ, какъ было прежде. А разъ дѣло обстоитъ такъ, то не только умѣстно и своевременно, но и настоятельно необходимо поставить передъ обществомъ еще разъ этотъ вѣчно злободневный вопросъ и освѣтить его съ такой стороны, съ которой онъ до сихъ поръ ни разу не освѣщался.

Общее количество полученныхъ мной отвѣтовъ равно—953; при этомъ на долю женскихъ учебныхъ заведеній приходится 105 или 11,0% всѣхъ отвѣтовъ, а остальные 89% падаютъ на мужскую молодежь.

По учебнымъ заведеніямъ анкетируемые распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

на мужскія гимназیا	приходится 346 отвѣтовъ или 36,3% общ. ч. ихъ.
» » реальн. учил.	» 181 » » 19,0% » » »
» » средн.-техн.	» 167 » » 17,5% » » »
» » духовн. семин.	» 117 » » 12,3% » » »
» женскія гимназیا	» 105 » » 11,0% » » »
» коммерческія училища	» 37 » » 3,9% » » »

Наибольшій контингентъ опрошенныхъ—36,3% мужчинъ и 11,0% женщинъ—принадлежитъ къ гимназіямъ, а на долю реалистовъ приходится всего 19%. Такимъ образомъ, наша анкета характеризуетъ по преимуществу молодежь классическихъ гимназій. Что касается *возраста анкетируемыхъ*, то больше всего, именно 22,8%, приходится на 18-лѣтній возрастъ, 17 и 19-лѣтнихъ было по 19,3%; если мы присоединимъ сюда еще 15-лѣтнихъ, давшихъ 4,0%, то получимъ, что на 15—18-лѣтній возрастъ падаетъ 65% всѣхъ отвѣтившихъ.

Средняя цифра всѣхъ пьющихъ получилась—64,5 %; т. е. двѣ трети подростковъ изъ нашей средне-и выше-культурной среды употребляетъ спиртные напитки.

Что же удивительнаго послѣ этого, что въ Горномъ Институтѣ (по анкетѣ д-ра Д. П. Никольскаго) оказалось 72,6 % пьющихъ, а въ Юрьевскомъ Университетѣ и въ Петроградскомъ Технологическомъ Институтѣ—даже около 80 %. Вообще, по количеству пьющей молодежи мы, русскіе, занимаемъ, вѣроятно одно изъ первыхъ мѣстъ среди другихъ народовъ. Къ сожалѣнію, въ книгѣ д-ра К. Вилькера ¹, гдѣ собранъ матеріалъ относительно пьянства учащихся во всѣхъ странахъ, мы никакихъ цифръ относительно Россіи не нашли.

Чрезвычайно любопытно, какъ распределяются пьющие по учебнымъ заведеніямъ. Оказалось, что больше всего пьютъ въ духовныхъ семинаріяхъ, давшихъ 86,2 % всѣхъ пьющихъ. Второе мѣсто занимаютъ мужскія гимназіи—65,6 % пьющихъ, а затѣмъ ужъ идутъ средне-техническія и реальныя училища, гдѣ процентъ пьющихъ доходитъ до 63,5 % и 60,6 %. Последнее мѣсто занимаютъ, конечно, женскія гимназіи, гдѣ % пьющихъ «совсѣмъ малъ»—всего 43,7. Но такъ ли, дѣйствительно, онъ малъ? Изъ сотни нашихъ дочерей пьютъ спиртные напитки всего 43, то есть чуть-ли не половина,—это-ли мало? Конечно, въ сравненіи съ семинаристами это очень даже немного... Кстати о нихъ. По ихъ же собственному свидѣтельству они всѣ пьютъ за весьма малыми исключеніями. Спрашивается, чѣмъ это объяснить? Мнѣ кажется, что причина этого очень простая: въ средѣ духовенства нашего спиртные напитки распространены, какъ извѣстно, чрезвычайно сильно. Здѣсь дѣти уже съ первыхъ же дней своей жизни приучаются къ картинамъ основательнаго пьянства и съ самыхъ раннихъ лѣтъ начинаютъ знакомиться съ алкоголемъ и на практикѣ. Насколько мнѣ извѣстно, въ Россіи совсѣмъ не пьющій священникъ или диаконъ такая же рѣдкость, какъ на югѣ альбиносъ. Весьма естественно поэтому, что по количеству пьющихъ семинарии должны занимать первое мѣсто среди нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Если кому-нибудь удастся когда-нибудь произвести такую же «пьяную анкету» въ женскихъ среднихъ школахъ духовнаго вѣдомства, то можно быть заранѣе увѣреннымъ, что онъ также получитъ весьма внушительныя цифры.

Но намъ могутъ возразить, что выраженіе «употребляютъ спиртные напитки» довольно неопредѣленное, на основаніи котораго врядъ ли можно дѣлать какіе-либо выводы. Въ самомъ дѣлѣ,

¹ D-r K. Wilker «Die Bedeutung und Stellung der Alcoholfrage in der Schule», München, 1909.

вѣдь каждый анкетиремый, отвѣчая на вопросъ, пьетъ ли онъ, предоставленъ всецѣло своему индивидуальному пониманію его, ибо онъ не имѣетъ никакихъ руководящихъ данныхъ для сужденія о томъ, что собственно слѣдуетъ понимать подъ словами «пьете ли вы» и кого нужно считать пьющимъ, а кого нѣтъ. Поэтому мы ввели въ нашу анкету другой вопросъ, именно «напиваетесь ли вы до пьяна?»

Значеніе его понятно само собою, такъ какъ никто, конечно, не станетъ считать не пьющимъ того, кто напивается до пьяна. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы получили довольно любопытныя цифры. Оказалось, что до пьяна напиваются:

Въ семинаріяхъ:	44,8 %	всѣхъ пьющихъ
» реальныхъ училищахъ	37,7 %	» »
» средне - техническ. уч.	34,0 %	» »
» мужскихъ гимназіяхъ	29,0 %	» »
и » женскихъ гимназіяхъ	15,5 %	» », то есть
въ среднемъ	33,2 %	» »

Изъ этой таблички мы видимъ, что количество пьющихъ не вполне соотвѣтствуетъ характеру пьянства. Такъ, напримѣръ, мужскія гимназіи по числу пьющихъ занимаютъ второе мѣсто, а по количеству до пьяна напивающихся—только четвертое. Наоборотъ, въ реальныхъ училищахъ пьютъ меньше, но зато, если можно такъ выразиться, болѣе серьезно. Наконецъ, совершенно неожиданной является сравнительно большая цифра напивающихся дѣвицъ въ нашихъ женскихъ гимназіяхъ. Это уже нѣчто совершенно новое и крайне серьезное. Эта цифра лучше и ярче всего свидѣтельствуетъ о томъ, какіе глубокіе корни пустилъ въ нашемъ обществѣ ядовитый прѣтокъ алкоголизма. Если даже чуть ли не половина нашихъ дочерей пьетъ спиртные напитки и 15 % изъ нихъ напиваются до пьяна, то какія доказательства еще нужны для того, что русскій народъ идетъ широкимъ путемъ и быстрыми шагами къ алкогольному вырожденію.

Чрезвычайно интересенъ вопросъ, *что пьютъ наша молодежь*. Въ этомъ отношеніи анкета выяснила слѣдующее:

Пьютъ все, то есть, водки, пиво, вина и ликеры:	
въ мужскихъ гимназіяхъ	26,0 %,
а въ духовныхъ семинаріяхъ только	14 %
Зато однѣ только водки пьютъ:	
въ духовныхъ семинаріяхъ	53 %, въ то время, какъ
въ гимназіяхъ. всего	7 %

Это указываетъ на то, что само питье носитъ въ семинаріяхъ болѣе серьезный характеръ, чѣмъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, потому что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ болѣе искушен-

ной молодежи, прошедшей уже известную, такъ сказать, алкогольную подготовку дома. Женщины, какъ и слѣдуетъ ожидать, пьютъ исключительно вина и ликеры и % употребляющихъ водку равенъ среди нихъ 0.

Любопытно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведенияхъ молодежь любитъ употреблять особые напитки, являющіеся такъ сказать «мѣстной специальностью». Такъ, напримѣръ, въ пензенскихъ гимназіяхъ пьютъ «ершъ», т. е., водку, смѣшанную съ пивомъ, въ Екатеринодарѣ—коньякъ пополамъ съ ромомъ, въ Уфѣ вина, смѣшанныя съ ликерами, и т. д. Это свидѣтельствуется, конечно, объ известной такъ сказать «алкогольной пресыщенности», если является потребность въ нѣкоторомъ разнообразіи для удовлетворенія болѣе или менѣе рафинированнаго вкуса.

Кто сколько пьетъ? Большинство молодежи пьетъ: водки 3—4 рюмки, а винъ по 2—3 стакана. Конечно, рюмка рюмкѣ рознь, и стаканъ—стакану. Во всякомъ случаѣ, именно такое количество отмѣчаетъ 47% молодежи въ семинаріяхъ и 20-30% въ мужскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Среди семинаристовъ нашлись трое, которые пьютъ не менѣе 10 рюмокъ, а одинъ 12—14 рюмокъ водки; единственное въ своемъ родѣ показаніе было дано однимъ воспитанникомъ средне-техническаго училища, который выпиваетъ заразъ 1½ бутылки водки и въ то же время «не очень пьянъ».

Что касается вопроса, съ какого возраста молодежь начинаетъ пить, то большинство отвѣтившихъ, именно 20,7% начинаютъ съ 16 лѣтъ, за ними идетъ 15 лѣтній возрастъ—20,0% и потомъ уже 17 лѣтній—14,3%, то есть, въ общемъ, начинаютъ пить въ возрастѣ 15—17 лѣтъ немного больше половины всей молодежи (55%). По наблюденіямъ д-ра А. А. Мендельсона, въ амбулаторіяхъ Петроградскаго Попечительства о народной трезвости изъ 2.896 больныхъ алкоголиковъ 1.398 или 48,9% начали пить въ возрастѣ между 15 и 20 годами, а по даннымъ д-ра А. М. Коровина въ этомъ возрастѣ начали пить 54,6%. Большинство людей, стало быть, начинаетъ отравляться именно въ этомъ школьномъ возрастѣ, который не даромъ считается критическимъ въ жизни человѣка. Наблюденія и изслѣдованія показываютъ, что въ этой порѣ юноша чаще всего начинаетъ знакомиться и съ другими сторонами жизни (табакъ, женщины и проч.)

Намъ казался интереснымъ вопросъ, гдѣ пьютъ учащіяся, потому что въ отвѣтахъ на этотъ вопросъ отчасти содержится, какъ намъ кажется, указаніе и на самый характеръ пьянства. «Скажи мнѣ, гдѣ ты пьешь—и я скажу тебѣ, какъ ты пьешь.» Въ самомъ дѣлѣ, есть же разница—и огромная—между юношей, который пьетъ только дома въ компаніи окружающихъ его, и

юношей, который для питья специально отправляется изъ дому въ рестораны и кафе. Если въ первомъ случаѣ это легкая слабость подъ вліяніемъ дурного и соблазнительнаго примѣра со стороны близкихъ, то во второмъ—это уже страсть, которая властно требуетъ своего удовлетворенія. Вотъ почему мы въ нашъ анкетный листокъ ввели и этотъ вопросъ. Оказалось, что и здѣсь замѣчается большая разница между гимназистами и реалистами съ одной стороны, и семинаристами—съ другой. Въ то время какъ первые пьютъ исключительно дома въ количествѣ 48% и 58% и въ ресторанахъ—въ 37% и 33%, для вторыхъ, то есть, семинаристовъ, соответствующія цифры дали 37% и 56%. Такимъ образомъ, семинаристы пьютъ внѣ дома значительно чаще, чѣмъ дома—и это обстоятельство, очевидно, еще разъ указываетъ на болѣе серьезный характеръ ихъ пьянства. Въ ресторанной обстановкѣ, конечно, гораздо легче переходить за умѣренные предѣлы и напиваться до пьяна, доходить до эксцессовъ.

Мы переходимъ къ вопросу, имѣющему съ перваго взгляда небольшое значеніе, но въ сущности, если задуматься надъ нимъ, чрезвычайно важному, именно къ вопросу: *кто научаетъ пить молодежь*. Вопросъ этотъ важенъ потому, что если мы желаемъ успѣшно и твердо бороться съ алкоголизмомъ, то въ первую очередь намъ необходимо выяснитъ, что именно способствуетъ развитію его среди нашей молодежи. Что же говорятъ въ этомъ отношеніи наши цифры? Цифры говорятъ, что около 40% учащихся начинаютъ пить подъ вліяніемъ товарищей. Этого можно было, конечно, ожидать а priori, ибо въ юношеской, какъ и въ дѣтской, средѣ вліяніе товарищей занимаетъ всюду и во всемъ первое мѣсто. Но что намъ кажется не обычнымъ и чего ужъ никакъ нельзя было ожидать, это то, что 8% молодежи начало, по ея словамъ, пить подъ вліяніемъ домашнихъ. Эта цифра особенно примѣчательна. Кто эти домашніе? Родители, ближайшіе родственники: 8% будущихъ алкоголиковъ обязаны развитіемъ своего порока тѣмъ, кто долженъ былъ бы всѣ мѣры и всѣ силы употреблять на то, чтобы по возможности удержать ихъ отъ этого. Но цифра этой родительской вины въ дѣйствительности должна быть еще больше, ибо среди пьющихъ 13% показали, что ихъ научили пить «всѣ», то есть, и товарищи, и знакомые, и домашніе, такъ что часть этихъ 13% падаетъ опять-таки на родителей. Но это еще не все: 7% пьющей молодежи отмѣтило, что они «сами» научились пить, но мы отлично знаемъ, что самъ никто никогда ничему не научается: всѣ привычки и наклонности ребенка и юноши такъ или иначе складываются исключительно подъ непосредственнымъ вліяніемъ примѣровъ со стороны окружающихъ, всѣ онѣ являются прямымъ отраженіемъ того, что дѣлается вокругъ него, подобно тому какъ отраженіе въ зеркалѣ всецѣло зависитъ отъ того, что находится предъ нимъ.

Такимъ образомъ, вина родителей предъ ихъ потомствомъ въ этомъ отношеніи еще болѣе увеличивается. Они не только передаютъ ему пагубную страсть къ спиртнымъ напиткамъ ¹, какъ тяжелое наслѣдіе большой нервной системы, но и часто приучаютъ къ нимъ, благодаря непосредственному влиянію и заразителному примѣру. Пусть эти цифры «родительской вины» заставятъ задуматься всякаго, у кого есть дѣти: въ нихъ, этихъ цифрахъ, тяжелый и справедливый укоръ всему нашему обществу и тѣмъ ненормальнымъ условіямъ, въ которыхъ оно живетъ.

Въ ряду отвѣтовъ, подъ чьимъ влияніемъ анкетированный началъ употреблять спиртные напитки, встрѣчаются и указанія юношей на «подругъ». Что это за подруги? Увы, это тѣ именно подруги, о которыхъ такъ много недавно говорили въ печати по поводу разнаго рода «лигъ» и «союзовъ любви». У всѣхъ еще свѣжи въ памяти эти безконечныя разоблаченія, всколыхнувшія до дна стоячее болото нашей обывательской жизни. Подъ влияніемъ такихъ именно подругъ по даннымъ нашей анкеты начинаютъ пить 4% юношей—и одна эта цифра должна навести cadaго на серьезные размышленія. Какъ же живетъ наша молодежь, если въ жизни ея могутъ играть такую большую роль подобныя «подруги»? Какія нужны лучшія доказательства одиночества нашей молодежи и отчужденности и розни, существующей у насъ между поколѣніями отцовъ и дѣтей?

Мы заканчиваемъ нашу анкету чрезвычайно важнымъ и интереснымъ вопросомъ о *влияніи употребленія спиртныхъ напитковъ на успѣшность учащихся*. Алкоголь, какъ извѣстно, ядъ нервной системы, которой онъ поражаетъ наиболѣе жизненные центры.

Само собой разумѣется, что злоупотребленіе имъ не можетъ не сказаться на умственныхъ способностяхъ учащейся молодежи и не отразиться на успѣшности ея занятій. Вопросъ этотъ давно уже обратилъ на себя вниманіе какъ у насъ, такъ и за-границей.

По послѣднимъ изслѣдованіямъ берлинскихъ школьныхъ врачей, среди неуспѣвающихъ учениковъ было 24,9% мальчиковъ и 8,3% дѣвушекъ, которые никогда не употребляли спиртныхъ напитковъ, а среди такихъ, которые пили одинъ разъ въ

¹ По даннымъ французскихъ изслѣдователей, алкогольная наслѣдственность измѣряется 70—80%. Очень интересны данныя, опубликованныя по этому вопросу нѣсколько лѣтъ тому назадъ екатеринодарскимъ врачомъ П. А. Розановымъ. По его подсчету, произведенному среди учащихся въ екатеринодарскихъ городскихъ училищахъ, алкогольная наслѣдственность передается потомству со стороны обонхъ родителей, при чемъ когда одна только мать пьетъ въ 5,5%, когда одинъ только отецъ пьетъ въ 33,5% и когда оба родителя пьютъ—въ 52,6%.

недѣлю водку, было неуспѣвающихъ 31,1 % мальчиковъ и 16,5 % дѣвочекъ, и, наконецъ, среди получавшихъ ежедневно водку неуспѣвающихъ мальчиковъ оказалось 60,5 % и дѣвочекъ 55 %.

По изслѣдованіямъ Байра въ Вѣнѣ найдено неуспѣвающихъ среди непьющихъ 9 %, среди мало пьющихъ 13-18 %, а среди сильно пьющихъ (получавшихъ пиво по 3 раза въ день) дѣлныхъ 66 %. Подобныя же цифры получили и другіе изслѣдователи, напримѣръ, Трюперъ въ Іенѣ, Шауеръ въ Висбаденѣ и друг. Что касается Россіи, то у насъ давно уже собранъ соответствующій матеріалъ на этотъ счетъ докторами Коровинымъ, Сажинимъ, Григорьевымъ и друг., но матеріалъ этотъ относится исключительно къ низшей школѣ.

По даннымъ доктора Коровина, касающимся 9.676 мальчиковъ и 3.836 дѣвочекъ, обучавшихся въ городскихъ училищахъ Москвы и окрестностей ея, оказалось, что въ то время, какъ среди трезвыхъ учащихся неуспѣшность выражалась 17,1 % у мальчиковъ и 19,7 % у дѣвочекъ, у пьющихъ, или вѣрнѣе у напивавшихся до пьяна, она достигала 27,8 % у мальчиковъ и 23,4 % у дѣвочекъ. Такимъ образомъ, плохая успѣшность возрастаетъ у мальчиковъ въ связи съ пьянствомъ на 60 % слишкомъ, а у дѣвочекъ—на 15 %, у первыхъ въ четыре раза болѣе, чѣмъ у вторыхъ, повидимому, потому, что ихъ пьянство значительно сильнѣе, чѣмъ у дѣвочекъ.

Докторъ Коровинъ нашелъ умѣренно отсталыхъ среди изслѣдованныхъ имъ напивавшихся мальчиковъ 31,3 % и среди пьющихъ дѣвочекъ—25,4 %, то есть число отсталыхъ превышало количество неуспѣвающихъ на 3,5 % среди первыхъ и на 2 %—среди вторыхъ.

Эти цифры, полученные на 13 слишкомъ тысячахъ изслѣдованныхъ, достаточно ярко рисуютъ пагубное вліяніе алкоголя на успѣшность учащейся молодежи.

Обращаясь къ нашему матеріалу, мы можемъ съ своей стороны подтвердить выводы, полученные другими. Такъ, неуспѣвающихъ оказалось у насъ почти вдвое больше среди напивавшихся до пьяна (30 и 60 %), чѣмъ среди непьющихъ.

Поразительно велика у насъ цифра неуспѣвающихъ вообще, но здѣсь, конечно, нужно считаться съ той неопредѣленностью самаго понятія о неуспѣшности, которая неизбежна при всѣхъ подобныхъ изслѣдованіяхъ.

Точно также *переутомляющихся отъ занятій* мы нашли въ своемъ матеріалѣ среди пьющихъ 28 %, въ то время какъ среди непьющихъ число ихъ отмѣчено 26,0 %.

Наконецъ, послѣдній вопросъ въ области алкоголизма касается того, *пьютъ-ли товарищи изслѣдуемыхъ*. Мы ввели этотъ вопросъ въ анкету съ цѣлью получить мнѣніе самой молодежи о распространенности среди нея спиртныхъ напитковъ. И отвѣтъ

получился такой, какого можно было ожидать, именно: 78,7% анкетированных ответили, что их товарищи пьют, в том числе 25,7% ответили, что пьют очень, и 32,6%, что пьют не много.

Таковы цифры алкоголизма в нашей средней школе по тем самым скудным данным, какие удалось мне добыть. Получается несомненная и довольно яркая картина зараженности школы этим тяжелым недугом; невольно приходится повторить еще раз избитую фразу, что алкоголизм—это язва, которая сильно подтачивает слабый и хилый организм нашей средней школы.

Но вот грянула война, и мы сразу по мановению волшебного жезла вдруг вступили в светлую полосу трезвости. Удастся ли нам долго удержаться здесь, или же мы скоро вновь упадем в грязь алкогольного болота? Чудеса на свете—увы—не бывает... Факты действительности напоминают об этом непреложном законе всякому, кто стал бы сомневаться в нем.

Русский народ привык пить с незапамятных времен. Пьянство сильно укоренилось в народном организме, глубоко утвердилось в народной жизни, стало у нас бытовым явлением. И само собою разумеется, сразу оно исчезнуть не может. Для этого нужна долгая и сложная работа, необходимы глубокие социальные реформы, которые должны захватить всю нашу жизнь.

Спрашивается, что же дали народу вместо вина, которое у него отняли? Наполнили ли какими-нибудь разумными развлечениями его досуг? Заронили ли в нем какую-нибудь искру самодельности? Сделали ли хоть какую попытку поднять его культурный уровень? Увы, ничего этого не сделано, нет даже намека на что-либо подобное. Все осталось, как было прежде. Как же можно ожидать, что народ перестанет пить?

Хроника повседневного наблюдения показывает нам, что пьянство народа продолжается теперь в таких же чудовищных размерах, хотя и не открыто, как прежде. Только теперь пьянство это стало вреднее и опаснее, во-первых, потому, что всякий тайный враг всегда опаснее явного и, во-вторых, потому, что к алкогольному яду теперь, при употреблении «ханжи», политуры, лаков и т. п., примешаны другие, разрушительное влияние которых на человеческий организм не меньше самого алкоголя.

Дерево теперь пьет, по свидетельству многих, больше, чем прежде, и потому что теперь народ стал богаче. Это видно между прочим и по росту его сбережений, но последние, как известно, возросли только на 1 миллиард с небольшим (по официальным данным), а где остались те двадцать слишком

миллиардовъ денегъ, которые брошены казной въ народъ? Они пошли большею частью въ карманы безчисленной рати торговцевъ разными «ханжами», политурами, лаками и самодѣльными винами и пивными брагами. Вотъ куда пошло большинство народныхъ сбереженій — въ оплату изобрѣтательности и ловкости массы темныхъ лицъ, нашедшихъ въ тайной продажѣ и въ производствѣ спиртныхъ напитковъ вѣрный и почти безопасный источникъ необычайно крупныхъ доходовъ.

Пьянство нашей учащейся молодежи—это частица всеобщей нашей алкоголизации, которая будетъ продолжаться и впредь, и пока умственный уровень его не будетъ поднятъ настолько, чтобы онъ могъ понять все зло алкоголизма.

Д-ръ Г. Гордонъ.

ЗАМѢТКИ ИСТОРИКА О РЕЛИГИОЗНЫХЪ ИСКАНІЯХЪ СОВРЕМЕННОСТИ.

Вотъ уже лѣтъ 15—20, какъ въ нѣкоторыхъ кругахъ нашей интеллигенціи упорно говорятъ о предстоящемъ или совершающемся возрожденіи религіознаго чувства, религіознаго сознанія и религіозной философіи. Пропагандѣ и защитѣ соответствующихъ воззрѣній служатъ опредѣленные органы печати. Сочувствующие преклоняются передъ авторитетами, которые часто непонятны и вовсе не убѣдительны для непосвященныхъ, вожди ищутъ союзниковъ во всемирной литературѣ современности и открываютъ своеобразныхъ предшественниковъ въ мѣстной богословской учености.

Несмотря на горячность заявленій, несмотря на полную свободу, которою они пользуются, и многолѣтнія усилія, направленные на то, чтобы пробудить въ обществѣ отклики, все-таки и содержаніе проповѣди, и мотивы ея остаются совершенно неясными. Надо признаться, мы, историки, обязанные объяснять происхожденіе подобныхъ идейныхъ поворотовъ, ихъ связь съ другими общественными и литературными теченіями, находимся въ положеніи досадномъ. Не въ томъ только дѣло, что неожиданно опять выбралась на свѣтъ Божій какая-то схоластика, не желающая признавать великія физическія, біологическія и археологическія открытія послѣдняго вѣка: не въ томъ дѣло, что появилось поколѣніе (можетъ быть, не очень многочисленное, но во всякомъ случаѣ шумное и нестѣсняющееся), которое мало нуждается въ наукѣ. Еще болѣе смущаетъ то обстоятельство, что рѣшительно не ощущаешь въ себѣ никакихъ аналогичныхъ чувствъ и побужденій и при всемъ желаніи не можешь себѣ представить настроенія искателей, какъ они сами его изображаютъ. Сколько разъ приходилось спрашивать себя: не могу-же я такъ расходиться съ современниками, чтобы не понимать ихъ, тѣмъ болѣе, что я не хуже ихъ разбираюсь въ историческихъ явленіяхъ, на которыя они ссылаются? Можетъ быть, они только выражаютъ другими словами то, что мы всѣ раздѣляемъ? Но тогда нельзя-ли вскрыть эту своеобразную маскировку?

Посмотримъ прежде всего, насколько правдоподобно, при современномъ положеніи европейской культуры, возрожденіе религіозныхъ чувствъ.

Нетрудно замѣтить, что старинная религія египтянъ, вавилонянъ, грековъ, римлянъ, евреевъ, арабовъ находилась въ тѣснѣйшей связи съ аффективной стороною человѣческаго существованія. Если присмотрѣться къ тому кругу чувствъ, которыя мелѣть или утоляетъ культъ древнихъ народовъ Передней Азии и южной Европы, то можно ясно различить потребность врачеванія, успокоенія или «спасенія» отъ физическихъ и психическихъ несчастій, постигающихъ человѣка. Цѣлитель Аполлонъ, защитница сиротъ Дѣва-Аѳина, безумно тоскующая по умершемъ мужѣ Изиды, богиня-Мать, оплакивающая свое дѣтище, все это—глубоко человѣчныя и намъ даже сейчасъ вполне понятныя личности святыхъ божественныхъ предстателей и врачевателей, дающихъ утѣшеніе силой своей жертвы, своего собственного страданія или своей безконечной любви. Всякое горе, всякое тяжелое волненіе и болѣзнь имѣетъ своего покровителя, заступника и освободителя, съ которымъ человѣкъ входитъ въ тѣсное, глубоко-искреннее общеніе.

Старинный культъ зналъ успокоительныя средства еще къ другимъ аффективнымъ состояніямъ, весьма далекимъ отъ нашей жизни; къ нимъ имѣлись свои божественные покровители оргіастическаго и маниакальнаго типа, вродѣ эротической богини плодородія, опьяняющаго и веселящаго душу Діониса или боговъ, которые требовали самоистязаній, бичеваній, головокруженій и т. п. Вѣроятно, эти состоянія сводились на периодическіе подъемы чувствъ, и надо думать, что культъ, выработанный долгой практикой своего рода педагоговъ и знатоковъ человѣческой природы, регулировалъ, вводилъ въ какое-то русло слишкомъ бурные, необузданные порывы, которые иначе, помимо религіознаго воздѣйствія, могли стать страшными и разрушительными и для самихъ пораженныхъ ими людей и для окружающаго ихъ среды. Именно такіе способы воздѣйствія на стихійныя возбужденія животной природы человѣка дали начало великимъ блестящимъ народнымъ праздникамъ, гдѣ на мѣсто интимности вступала публичность, общеніе съ подобными себѣ, взаимное вдохновеніе участниковъ, на мѣсто молитвы—хороводы, пѣсни, драматическія исполненія. Если искать въ этихъ формахъ опять основной цѣли религіи, т. е. спасенія, утѣшенія, исцѣленія, успокоенія, то она достигалась на міру, путемъ соборнаго возбужденія: тутъ нужны были массовыя процессіи, красивые символы, хоругви, статуи, колесницы, живописныя блестящія костюмы, просторные дворы, площади, залы, благоприятная обстановка физической природы, хорошая погода, много зелени и т. п. Наиболѣе естественно приурочивался большой радостный, вдохновляющій или успокоительный праздникъ къ началу или окончанію сложныхъ общественныхъ работъ, паханія земли, жатвы, сбора винограда и др. Для людей старины такой разбѣтъ

передъ трудовымъ періодомъ или реакція широкаго разгула по его окончаніи были необходимы, иначе ихъ органы чувствъ не могли бы выдержать напряженія.

Стоить упомянуть еще объ одной любопытной разновидности стариннаго богопочитанія, занимающей середину между интимностью и общественностью, именно той, которая примыкала къ быту тѣсныхъ союзовъ между товарищами, друзьями, единомышленниками. Стараясь развить въ сочленахъ взаимную поддержку и сочувствіе, доставить всѣмъ утѣшеніе и развлеченіе, кружки, общезитія, союзы, братства, общины и т. д. выбирали себѣ особыхъ святыхъ покровителей, придумывали символическіе знаки, нѣмая выразительныя дѣйствія или напротивъ загадочныя слова, понятныя только въ своей тѣсной средѣ, вырабатывали литургію, создавали мистерию. Въ сохраненіи жизненной силы, въ воспитаніи характеровъ такія общества сыграли огромную роль; они спасали людей отъ тоски и безумія, поддерживали слабѣющую энергію, создавали и укрѣпляли благородныя порывы. Когда въ Греціи погибла республика и автономія, а на ея мѣсто водворилась бюрократія, то въ раздробленномъ, порабощенномъ обществѣ гуманность и чувство человеческого достоинства были спасены только благодаря существованію безчисленнаго множества кружковъ и союзовъ.

Не надо забывать одного, можетъ быть, самаго важнаго условія, которымъ объясняются эти, такъ сказать, чудеса культуры прошлаго. Тутъ болѣзнь соотносительна медицинѣ, среда, подлежащая воздѣйствію, находится на уровнѣ своихъ воспитателей, желанія покрываются исполненіемъ. Тутъ человекъ исцѣляется и спасается потому, что вѣритъ въ средства спасенія, а вѣритъ потому, что можетъ и хочетъ вѣрить. Его вѣра въ цѣлителя есть въ то же время вѣра въ самого себя. Его чувства похожи на рѣку, которой для успокоенія надо войти въ берега, причемъ ея способность бѣжать по руслу зависитъ именно отъ силы ея могучаго теченія. На этомъ взаимодействіи основанъ секретъ религіи, которая велика и дѣйствительна, когда ее не замѣчаютъ и не сознаютъ, какъ особую силу, когда она заполняетъ жизнь, и которая исчезаетъ подобно дыму или фантастическому видѣнію, какъ только начинаютъ разбирать ее, мудрить надъ нею, возводить ее въ систему.

Гибель религіи какъ бы готовится въ ея собственныхъ нѣдрахъ. Разрушительнымъ потокомъ по ея стариннымъ богатымъ формамъ проходитъ движеніе, которое на первый взглядъ кажется усиленіемъ религіозной ревности. Появляются пророки, обличители, очистители, которые хотятъ удалить изъ религіозной практики все, что ихъ сознанію представляется лишнимъ, слишкомъ красивымъ и роскошнымъ, грѣховнымъ и «языческимъ»—для того, чтобы оставить одну отвлеченную

«чистую» идею Божества. Въ этой проповѣди чувствуется, какъ слабо собственное воображеніе ревнителей, и какъ остеръ ихъ разумъ. Они, впрочемъ, непослѣдовательны: стремясь отнять у Божества однѣ человѣческія слабости, напр., эротическія влеченія, они усиливаютъ въ немъ другія, особенно гнѣвли-вость и мстительность. Это озлобленіе ревнителей—результатъ ихъ принадлежности къ социальной революціи: они являются въ эпохи жестокаго столкновенія государствъ и классовъ, они своеобразно отражаютъ протестъ обездоленныхъ, неимущихъ, а съ другой стороны — неистово жадныя желанія пробивающихся вверхъ честолюбцевъ и предпринимателей. Отсюда двойной ликъ пуританъ и реформаторовъ всѣхъ временъ: они хотятъ славы Божіей, очищенія культа отъ всякой скверны, но въ то же время они зорко наблюдаютъ, чтобы богатства, расточавшіяся раньше для чествованія Божества, пошли до копейки на промышленныя цѣли, чтобы отнынѣ капиталъ давалъ только барыши и служилъ только матеріальнымъ интересамъ; и грозные пророки быстро превращаются въ суровыхъ воителей и беспощадныхъ банкировъ. Религиозный ураганъ оставляетъ по себѣ жестокое опустошеніе; сами пуритане становятся жертвой своего увлеченія: они уже не могутъ потомъ вернуться къ наивной непосредственности старыхъ религиозныхъ переживаній. Продолжая свою очистительную работу, они становятся мистиками, рационалистами, а затѣмъ отрицателями и невѣрующими; обращая религію въ логическую систему деизма, неистовые ревнители утрачиваютъ въ себѣ то самое, изъ-за чего бросились въ жестокий бой.

Въ той сложной и богатой группѣ явленій, которую мы называемъ раннимъ христіанствомъ, своеобразно соединились черты возрожденія старинной религіи и порывы стремительнаго пуританства. Съ одной стороны—Евангелія, эта поразительная энциклопедія цѣлительныхъ средствъ, глубоко проникающихъ утѣшеній, трогательныхъ повѣстей, которыя отвѣчаютъ на всѣ запросы страдающей души и опять приближаютъ Божество къ человѣку. Съ другой стороны, христіанство обнаруживаетъ воинственность: въ немъ слышится возвѣщеніе грознаго суда Божія, результатъ крушенія великаго іудейскаго возстанія и гибели земного Иерусалима, въ немъ звучитъ угроза апокалиптическому звѣрю, смерть языческимъ богамъ, война обществу, погруженному въ грѣховное служеніе своимъ стихійнымъ чувствамъ. При образованіи большой организаци суровые ревнители берутъ верхъ надъ гуманными утѣшителями и педагогами и, какъ всѣ реформаторы и пророки, сами готовятъ своему дѣлу религиозную смерть. Если, однако, христіанство пережило благополучно эпоху великихъ богословскихъ диспрей, а также иконоборство и другія пуританскія движенія

чтобы просуществовать еще нѣсколько вѣковъ до окончательной реформаціи XVI вѣка, то спасеніе объясняется нѣкоторой первобытностью европейскаго общества временъ римской имперіи и Византіи, а также вступленіемъ новыхъ народовъ сѣверной, средней и восточной Европы, которые еще глубоко сидѣли въ старинной религіозной фазѣ. Для нихъ дореформенная церковь, искусная и сравнительно мягкосердечная, сдѣлала множество уступокъ, забыла свою безошадную проповѣдь истребленія человѣкоподобныхъ боговъ, возстановила нѣжныя, прекрасныя образы великихъ заступниковъ, приспособила къ крупнымъ перемѣнамъ въ природѣ и къ періодамъ человѣческой работы больше свѣтлые праздники. Опять получилось подобіе того яркаго, отвѣчающаго всѣмъ аффектамъ язычества, которое вѣками или даже тысячелѣтіями держалось на медлительномъ Востокѣ. Но Европа, съ самаго начала истории болѣе нервная, жадная и воинственная, пережила скорѣе этотъ цвѣтущій періодъ религіозности. Среди погони за богатствами заморскихъ краѣвъ, среди отчаянной взаимной борьбы поднялась вновь пуританская реформація, основное требованіе которой состояло въ отобраніи божьяго достоянія, т. е. истребленіи созерцательной жизни, благотворительности, лѣни и щедрости, и въ превращеніи всѣхъ излишковъ, всѣхъ сбереженій, прихотей и милостыней въ единый, верховный и неограниченно правящій капиталъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе дѣловитой и усердной въ работѣ становится Европа, а вмѣстѣ съ тѣмъ она все болѣе ожесточается.

Такъ назрѣлъ и совершился новый кризисъ религіи, тѣсно связанный со всѣмъ складомъ жизни, потому что, въ концѣ концовъ, и религіозное чувство не что иное, какъ сложное сочетаніе и особое напряженіе тѣхъ разнообразныхъ чувствъ, которыя образуются въ опредѣленномъ быту. Очень трудно охватить новоевропейскій укладъ жизни въ немногія формулы. Но общая тенденція, въ направленіи которой движется эта жизнь, ясна. Исчезаетъ покойный темпъ существованія, исчезаютъ моменты свободнаго досуга, чувства утрачиваютъ свою бурливость, но также и свой стихійный ритмъ. Приспособленіе къ механической технику, неотступная тяжелая борьба за мѣсто въ жизни, возрастающая жадность до капитала, а потомъ уже вынужденная погоня за нимъ, все это создаетъ другую технику; человѣкъ становится болѣе покорнымъ обстоятельствамъ, онъ перестаетъ вѣрить въ возможность какихъ-либо чудесъ и неожиданностей. Прежніе регуляторы и возбудители его аффективной жизни безсильны и ненужны; у человѣка нѣтъ передышки, чтобы отдаваться имъ; онъ перестаетъ вѣрить въ сверхъестественныхъ заступниковъ, потому что кругомъ него нѣтъ, вообще, ни дружбы, ни сочувствія; всѣ погло-

щены заботой о себѣ, всѣ другъ другу соперники. Въ такой обстановкѣ религія меркнетъ и таетъ, отодвигается на степень одной изъ многихъ условностей; она обращается въ будни, потому что, вообще, изъ жизни исчезаютъ всякіе праздники.

Разумѣется, процессъ этотъ идетъ медленно и неровно. Старыя привычки и потребности даютъ себя знать, человѣку жаль своего золотого дѣтства, его сказокъ и легко достигаемыхъ утѣшеній; онъ не сразу теряетъ вѣру въ цѣлительныя средства старины, онъ все еще готовъ обращаться къ великому запасу спасительныхъ символовъ. И вотъ мы видимъ, какъ революціонеры, отмѣнивъ католическій культъ, немедленно возстановляютъ его живописные праздники подъ другими наименованіями; разстроивъ монашескіе ордена, религіозныя братства и гильдіи, люди новыхъ воззрѣній организуются въ кружки масоновъ, иллюминатовъ, теофилантроповъ и т. д. Новосозданія такого рода эфемерны и слабы, быстро разстраиваются и гибнутъ: ихъ подрываетъ всѣми сознаваемая нарочитость, сочиненность подражательныхъ дѣйствій. Эти вспышки, иногда дающія иллюзію религіознаго возрожденія, только еще болѣе подчеркиваютъ общій уклонъ вѣры и благочестивыхъ настроеній.

Вмѣстѣ съ нормальными, спокойными, хроническими проявленіями религіозныхъ аффектовъ слабѣютъ также формы чрезвычайныя и острыя. Исторіку особенно замѣтно, что новѣйшія пролетарскія движенія нигдѣ не осложнялись религіознымъ подъемомъ и не произвели ничего даже отдаленно похожаго на хиліазмъ и мессіанство крестьянскихъ возстаній XIV—XVI вѣковъ.

Мы спрашиваемъ съ недоумѣніемъ: гдѣ увидали современные искатели признаки возрожденія старинной религіозности, а слѣдовательно возможности возврата къ интимной жизни братствъ, къ большимъ періодическимъ моленіямъ, совпадавшимъ съ приливами стихійныхъ чувствъ въ массахъ? Странно, какъ люди, столь увлеченные изученіемъ религіозныхъ явленій, не сознаютъ того, что религіозные мотивы не могутъ быть вырваны изъ всего жизненнаго уклада, что они принадлежатъ всякій разъ опредѣленнымъ формамъ быта. Пусть только они окинутъ хотя бы бѣглымъ взглядомъ тотъ любопытный уголокъ Средней Азіи, который защищенъ «крышей неба» отъ остальнаго міра и какимъ-то чудомъ удержалъ старинную лѣнивую жизнь, пусть посмотрятъ на Тибетъ, гдѣ религіозная жизнь въ полномъ цвѣтѣ и кажется столь далекой отъ развѣдающихъ сомнѣній. Вотъ обломокъ настоящей, хорошо сохранившейся древности; какому же быту соответствуетъ тихое религіозное усердіе молящихся, которые изводятъ въ колоссальномъ количествѣ коровье масло на лампадки? Въ Тибетѣ, говорятъ, около трети мужчинъ уходитъ въ ламы, т. е. священники, монахи, церков-

ные служки и богомольцы; вся эта масса отдается созерцательной жизни, литургіи, исполненію мистерій, переписыванію текстовъ. Глубокая апатія господствуетъ въ сонномъ царствѣ, ни о какой предприимчивости нѣтъ и рѣчи; люди не знаютъ и знать не хотятъ о томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ.

Для возрожденія въ современной Европѣ подобной религіозности столько же данныхъ, сколько для воскрешенія первобытной земельной общины, или древнихъ весеннихъ игрищъ, или гильдій и клятвенныхъ союзовъ средневѣковья. Искатели глубоко заблуждаются, принимая свои душевныя волненія и умственныя безпокойства за признаки приближенія религіозной волны: они такіе же сыны беспощаднаго, воинственнаго, нетерпѣливаго и поглощеннаго дѣломъ вѣка, какъ и все мы. Они не смогутъ дойти до специальной вѣры, потому что у нихъ не хватитъ вѣры общей: ихъ аффективная жизнь течетъ по тому же узкому канализованному руслу и далека отъ порывовъ старины. Они напрасно надѣются, что все дѣло только въ открытіи потеряннаго ключа къ чудесному музыкальному инструменту. Если бы удалось его отомкнуть, сами искатели не сумѣли бы извлечь изъ него ни одного звука.

Посмотримъ теперь, какого рода безпокойства испытываютъ искатели, и постараемся опредѣлить происхожденіе тѣхъ душевныхъ состояній, въ которыхъ они видятъ знаки приближающагося религіознаго возрожденія. Обычно мы слышимъ у нихъ ссылку на банкротство науки, на ея несостоятельность въ вопросахъ міровыхъ и конечныхъ, на ея неспособность удовлетворить самыя глубокія, самыя интимныя вожделѣнія духа человѣческаго. Вотъ гдѣ, по ихъ мнѣнію, основаніе, чтобы религія опять вступила въ свои права.

Каковы же эти вопросы, и отчего наука не можетъ ихъ разрѣшить? Если мы не ошибаемся, дѣло идетъ о проблемахъ психологіи или физики, но только въ чрезвычайно старинной постановкѣ, давно упраздненной и забытой самимъ научнымъ изслѣдованіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ современный психологъ не отбросилъ устарѣлой дилеммы: «свободная воля или предопредѣленіе?» Развѣ можетъ онъ теперь пользоваться странной тавтологіей, заключенной въ словахъ «свободная воля»? Для него анализъ сложныхъ волевыхъ явленій далеко отошелъ отъ двухъ крайнихъ понятій, между которыми билась старая схоластика: признанія полной скованности, механичности человѣческой природы и вѣры въ капризныя, волшебныя ея дерзанія.

Въ такомъ же родѣ и вопросы физики, вызывающіе безпокойство религіозныхъ искателей. Они все еще мучаются надъ какой-то «онтологической» проблемой. Не относить ли насъ эта терминологія на полтораста, двѣсти лѣтъ назадъ, когда

физики дѣйствительно признавали, позади видимости матеріальнаго міра, еще особое «существо» предметовъ. Съ тѣхъ поръ въ физикѣ перемѣнилось уже не мало теорій, былъ и матеріализмъ, и энергетизмъ, но отъ «онтологіи» ученые во всякомъ случаѣ далеко и безнадежно ушли. Удивительно ли, что для нихъ онтологическая проблема не существуетъ такъ же, какъ историкъ не считается болѣе съ провиденціализмомъ, астрономъ не опровергаетъ больше теоріи центральности земли и не рисуетъ попятныхъ движеній планетъ?

Мы могли, бы конечно, предоставить искателямъ волноваться по разнымъ несуществующимъ вопросамъ, извлеченнымъ изъ архива науки. Но каково бы ни было объективное значеніе ихъ странныхъ занятій, остается фактъ важный и знаменательный: именно теперь, среди напряженной работы научной школы, появились люди, недовольные ея выводами и, въ своихъ мучительныхъ думахъ, способные вернуться къ мечтамъ и запросамъ младенческой эпохи культуры. Въ чемъ тутъ дѣло, чѣмъ современная наука ихъ раздражаетъ? Отчего съ такимъ негодованіемъ говорятъ они о «близорукоемъ, ограниченномъ» Махѣ и отчего такъ радостно ухватились за высоко парящаго Бергсона? Кажется, потому, что Махъ знаетъ только естественныя и необходимыя сдѣленія вещей и рассматриваетъ человѣка въ качествѣ небольшого средоточія энергій, разлитыхъ во всей природѣ, тогда какъ Бергсонъ въ своей туманно-цвѣтистой рѣчи общаетъ и свободное творчество воли и преодоленіе времени, г. е. опять допускаетъ міръ неограниченныхъ возможностей, опять позволяетъ вѣрить въ незримую окрыленность духа человѣческаго и чуть-ли не въ бессмертіе.

Но не значить ли это, что ссылка на банкротство, безсиліе или бездушіе науки въ сущности не что иное, какъ сознаніе собственнаго ужаса передъ возможностью новаго склада жизни, которому наука лишь подводитъ логическіе выводы? Не значить ли это, что человѣку страшно въ тискахъ социальныхъ и техническихъ условій современности? Онъ видитъ, что ничего нельзя измѣнить въ ходѣ вещей, что личность ничтожная песчинка въ водоворотѣ массовыхъ явленій; онъ чувствуетъ, что не только нѣтъ мѣста чудесамъ, но при всемъ желаніи въ немъ самомъ не имѣется больше силъ повѣрить въ таковыя. Надо бы смириться и стать разсудительнымъ. Вѣдь не со вчерашняго дня культурное человѣчество живетъ въ этомъ состояніи. Конечно, его современное положеніе очень тяжело. Соціальный строй основанъ на борьбѣ интересовъ; въ столкновеніяхъ классовъ и націй нарастаютъ и группы борющихся, и напряженіе, и ставки борьбы. Не видно конца разрушительнымъ состязаніямъ силъ, нѣтъ возможности остановиться на

этомъ пути: вся изобрѣтательность, всѣ традиціи устремлены на продолженіе и усиленіе борьбы.

Масса людей, не замѣчая того, что они сами давно участвуютъ въ истребительныхъ кампаніяхъ другъ противъ друга, воображаютъ себя тѣмъ не менѣе гуманными пасифистами. Нужна внѣшняя война, чтобы встряхнуть ихъ отъ лживаго сна. Однако, и теперь еще остаются идиллики, уповающіе на спасительное противорѣчіе, которое существуетъ между ихъ желаніями мира и дѣйствительностью; по ихъ мнѣнію, наличность добрыхъ гуманныхъ чувствъ служить порукой возможности вырваться изъ всеобщей борьбы и одолѣть врата адавы. Наши религіозные искатели составляютъ небольшую группу среди множества непослѣдовательныхъ. Подавленные ходомъ вещей, они первымъ дѣломъ осуждаютъ тотъ зрительный аппаратъ, который открылъ имъ бѣду и установилъ неопровержимо факты всеобщей борьбы; они поступаютъ, какъ дѣти, которыя сердятся на барометръ за то, что онъ показываетъ дурную погоду. За одно съ выводами социальныхъ наукъ, ненавистныхъ своимъ «матеріализмомъ», они отказываются и отъ рѣшеній наукъ естественныхъ, потому что тамъ они слышатъ все ту же тягостную для нихъ рѣчь о необходимомъ неизбѣжномъ сцѣпленіи условій, гдѣ не проскочить никакимъ неожиданностямъ.

Психологически намъ вполне понятно, почему они ищутъ спасенія въ старыхъ религіозныхъ символахъ. Они тянутся къ той сравнительно спокойной жизни, которая покрывалась въ свое время наивной религіозностью, которая кажется теперь болѣе «справедливой», чѣмъ нашъ воюющій, неистовый вѣкъ. Но легко сказать—возстановленіе всего сложнаго яркаго міра горячихъ аффектовъ, которыми питалась религія, и которыя она въ свою очередь утоляла! И потомъ гдѣ же волшебное средство къ пробужденію мертвыхъ: неужели оно заключается въ кабинетномъ походѣ схоластическихъ богослововъ?

Религіозныя исканія современности производятъ впечатлѣніе весьма невиннаго бунта противъ новой культуры. Они не грозятъ ничѣмъ страшнымъ и стихійнымъ. Однако, въ исторіи были примѣры возврата къ настроеніямъ, чувствамъ и мыслямъ отдаленныхъ «грубыхъ» или «первобытныхъ» временъ. Конечно, подобное крушеніе было бы громадной неслыханной катастрофой и подготовлялось бы оно не двумя, тремя годами, а вѣками, и носило бы оно формы гораздо болѣе дурныя, дикія и несуразныя, чѣмъ нынѣшнія кампаніи въ литературѣ.

Но, можетъ быть, современное оживленіе схоластической теологии есть все-таки слабый признакъ, едва замѣтное колебаніе воздуха передъ надвигающимся ураганомъ? Въ данную минуту искатели отдаются извѣстнаго рода сибаритству, аристократическому спорту, но, можетъ быть, изъ ихъ прихоти

разовьется широко распространенная умственная и моральная лѣнь и апатія? Если наука сейчас раздражаетъ немногія, такъ сказать, избранныя природы, то не можетъ ли она стать въ тягость массамъ среднихъ людей? Не можетъ ли, вообще, опуститься энергія изслѣдованія, исчезнуть самый вкусъ къ критической мысли? Въ этихъ вопросахъ заключена новая сложная тема, • которой слѣдовало бы поговорить особо.

Р. Випперъ.

ПО РОССИИ.

КАЗЕННАЯ И НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ВЪ СИБИРИ.

Постановка медицинской помощи въ Россіи, а особенно въ губерніяхъ, гдѣ есть земства, достаточно опредѣленно выяснена и ежегодно детально освѣщается на сѣздахъ врачей. Медицинская же безпомощность Сибири обходится вниманіемъ общества и поэтому стоитъ закрытая темной пеленой неизвѣстности... Можетъ быть, это оттого, что никому не хочется приподнять эту мрачную пелену, чтобы не увидѣть картинъ ужаса, безконечныхъ страданій и смерти людей безъ медицинской помощи, можетъ быть, потому, что нѣтъ подробныхъ цифровыхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы освѣтить этотъ громадный и важнѣйшій вопросъ Сибири...

Какъ же на самомъ дѣлѣ фактически поставлена въ Сибири медицинская помощь? Какое число медицинскаго персонала и на какое количество населенія имѣется въ Сибири?

Въ *Томской губерніи*, напримѣръ, такъ рисуется картина медицинской безпомощности населенія по даннымъ врача Н. М. Свѣтлова. Подсчетъ количества сельскаго населенія на одного врача и опредѣленіе средней квадратной площади врачебнаго участка въ разныхъ уѣздахъ Томской губерніи слѣдующій:

Названіе уѣздовъ.	Количество населенія на одного врача.	Средняя квадратная площадь врачебнаго участка.
Томскій	14606	7686
Маринскій	32060	10019
Каинскій	37102	6746
Кузнецкій	53143	16607
Біискіи	43528	8535
Барнаульскіи	101214	8783
Змѣиногорскіи	88688	—

При такихъ цифрахъ, конечно, какой можетъ быть разговоръ объ обезпеченіи населенія губерній хоть кое-какой медицинской помощью... Само Томское Врачебное Управленіе признаетъ это и предполагаетъ по проекту земской смѣты на

1915—17 г. довести радиусъ большинства врачебныхъ участковъ до 20—25 верстъ.

То же явление наблюдается и въ *Тобольской губернии*; по даннымъ врача Д. А. Глѣбова, *Тобольская губернія* занимаетъ площадь въ 1.212.229 кв. верстъ, съ населеніемъ 1.975.239 человекъ. Врачебная помощь населенію оказывается, главнымъ образомъ, сельскими лечебницами (участковыми и переселенческими), а затѣмъ городскими лечебницами, больницами Приказа Общественнаго Призрѣнія и другими. Въ городахъ, на стационарныхъ больныхъ приходится одна кровать на 207 чел., а въ селахъ—на 6.315 чел.

Въ *Енисейской губ.* точно также констатируется отсутствіе и недостаточность медицинскаго персонала и лечебныхъ учреждений въ городахъ; но, по цифровымъ даннымъ, отсутствіе этого еще рѣзче выражается въ уѣздахъ губерніи. Въ Туруханскомъ краѣ, напримѣръ, занимающемъ пространство въ 1.616.374 кв. версты, имѣется медицинская организація въ видѣ 1 врача и 4 фельдшеровъ, при 1 лечебницѣ на 10 кроватей. Разстояніе отдаленнаго пункта отъ медицинскаго учрежденія въ 2—3 тысячи верстъ. Такія же данныя и въ другихъ уѣздахъ губ. и такое же $\%$ отношеніе медицинскаго персонала къ населенію, среднее—1 врачъ на 10—12 тысячъ населенія.

То-же самое наблюдается и въ *Иркутской губ.*; въ отдаленныхъ ея уѣздахъ—Киренскомъ, напр., занимающемъ территорію площади, равняющейся цѣлой Франціи,—имѣется 1 врачъ.

Въ области *Акмолинской* на волости Павлоградскую, Бѣлоусовскую, Степановскую, Добровольскую, Благодаровскую, Орѣховскую, Одесскую съ населеніемъ въ 50.000 душъ имѣется 1 приемный покой и больница съ врачомъ, а всего въ области 15 медицинскихъ врачебныхъ участковъ.

Забайкальская область съ ея почти миллионнымъ населеніемъ обслуживается всего только 18 сельскими врачами и 18-ю койками сельскихъ лечебницъ. Но и эти жалкія цифры теряютъ свое значеніе, если принять во вниманіе, что сельскіе врачи до сихъ поръ, т. е. до недавняго введенія института уѣздныхъ врачей, несли почти исключительно судебно-медицинскія обязанности, а больницы пустовали, благодаря своимъ полуторатысячнымъ кредитамъ, на которые содержать больницу на 10 коекъ въ Забайкальѣ совершенно невозможно. Радиусы врачебныхъ участковъ превосходятъ всякую мѣру и доходятъ до 900 верстъ.

Медицина *Якутской области*, какъ и вся жизнь этой области, представляетъ нѣчто особенное, столь чуждое, столь далекое медицинѣ земской и даже медицинѣ сибирскихъ губерній, что пріѣзжему на первыхъ порахъ положительно не понять: какъ можно работать здѣсь врачу и въ чемъ должна состоять эта работа?

Въ самомъ дѣлѣ: Якутская область занимаетъ площадь въ 3.400.000 кв. в., имѣетъ 11 участковъ (и одинъ—при врачѣ Вилюйскаго лепрозорія), населеніе—269.268 чел., всѣхъ врачей остается 21, фельдшеровъ 48, ф-ицъ-акушеровъ 12. Наиболѣе обезпеченъ... Якутскій округъ. Здѣсь 6 врач. участковъ, съ пространствомъ каждый отъ 16.000 до 250.000 кв. в. и числомъ жителей отъ 24.000 до 39.000. Наименьшій по разстоянію выѣздъ врача 7-35 в., наибольшій 130-800 в... Далѣе идутъ уже почти фантастическія цифры. Верхоянскій округъ—I участокъ, 15.000 жителей, 1.109.000 кв. в. пространства, наименьшій выѣздъ 30 в., наибольшій—1700 в... Въ общемъ въ Якутской области приходится на 1 врача 12.822 жит. и 161.804 кв. верстъ пространства...

Тоже самое и въ *Амурской области*. На Амурѣ врачи имѣютъ районы въ сотни верстъ. Въ низовьяхъ Амура, отъ Хабаровска до Николаевска, на 900 верстъ имѣются только два врача; инородческія стойбища въ борьбѣ съ болѣзнями предоставлены совершенно самимъ себѣ. Въ сторону отъ Амура, въ тайгу, даже низшій медицинскій персоналъ никогда не заглядываетъ; что дѣлается у всѣхъ этихъ гольдовъ, гиляковъ, орочановъ,—никто не знаетъ.

Всѣ эти цифровыя данныя говорятъ намъ одно, что въ Сибири нѣтъ медицинской помощи. Вѣдь нѣтъ ни одного уѣзда изъ перечисленныхъ *губерній и областей*, гдѣ не было бы такого соотношенія, что 1 врачъ приходится въ среднемъ на 30-40 тысячъ населенія, одинъ медицинскій пунктъ на окружность, не менѣе 2½-3 тысячъ верстъ. Поэтому вся дѣятельность имѣющихся медицинскихъ пунктовъ и медицинскаго персонала представляетъ изъ себя сизифову работу... Потому-то и такой ужасной и вполнѣ естественной и понятной рисуется картина разгула эпидемическихъ заболѣваній Сибири и заболѣваній хроническими болѣзнями...

Мудрено-ли, что при такихъ условіяхъ въ Сибири процвѣтаетъ самодѣльная, «народная» медицина. И понятно, что за формы принимаетъ она среди полудикаго населенія, разбросаннаго по необъятнымъ пустынямъ россійской «окраины».—Ниже собранъ достаточный фактическій матеріалъ о бытовыхъ явленіяхъ, порожденныхъ медицинской безпомощностью.

* * *

«Намъ присланы,—говоритъ Сиб. Врач.—копіи приговоровъ Окино-Ключевскаго сельскаго схода, бывшаго 31 марта и 1 апрѣля с. г., очень характерныхъ и яркихъ въ смыслѣ обрисовки отношенія нашихъ массъ, особенно старообрядцевъ, къ медицинской помощи. Въ это селеніе, по поводу давно циркулировавшихъ слуховъ о массовыхъ заболѣваніяхъ брюшнымъ тифомъ, были посланы сначала фельдшеръ, потомъ—участковый

врачъ. Тотъ и другой, пріѣхавъ въ селеніе, обратились съ разспросами къ сельскому старостѣ; послѣдній сообщилъ, что болѣютъ давно, года 2-3, что переболѣло свыше 1000 человекъ, но, все-таки, не позволяютъ обхода по домамъ и осмотра. Рѣшено было созвать всѣхъ жителей на сходъ, на которомъ изложены были симптомы тифа, тяжесть этого заболѣванія, предохранительныя и лечебныя мѣры. Сходъ внимательно выслушалъ, утвердительно кивали головами и, будто, вполне соглашались. По окончаніи же собесѣдованія съ врачомъ и фельдшеромъ, когда нужно было перейти къ дѣлу, сходъ, въ числѣ 330 домохозяевъ, заявилъ, что въ ихъ селеніи никакого тифа и другихъ болѣзней нѣтъ, всякое врачеваніе и леченіе, по ихъ старообрядческой религіи, «считается за грѣхъ», а потому постановили командированнаго для принятія мѣръ фельдшера «не принимать» въ селеніе и просить начальство вообще «не притѣснять ихъ медицинскою помощью».

«Матушка Запрестольная Пресвятая Богородица, закрой, защити меня, раба Божія, отъ уроковъ, отъ призоровъ, отъ рвотища, отъ потяготища, отъ ломотища»... — вотъ народная молитва, которую по Сибири знаютъ всѣ отъ мала до велика и которой «исцѣляются» отъ всѣхъ недуговъ, напастей и болѣзней.

Въ Сибири много расплодилось всякаго рода шарлатановъ, эксплуатирующихъ темноту и невѣжество. Обращеніе населенія къ знахарямъ и знахаркамъ стало самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, такъ сказать, «бытовымъ явленіемъ» сибирскаго населенія.

Въ с. Лебедовскомъ (Кузнецкаго уѣзда) громадной популярностью пользуется знахарь, который причину всѣхъ болѣзней видитъ въ «бѣсахъ», вселяющихся въ больного. Для изгнанія бѣсовъ онъ обливаетъ паціента холодной водой, а затѣмъ, когда тотъ, по его приказанію, растянется на полу, дѣлаетъ холостой выстрѣлъ изъ дробового ружья. «Бѣсы» боятся выстрѣла и убѣгаютъ. Слава о знахарѣ гремитъ по всей окрестности.¹

Лишній разъ иллюстрируетъ медицинскую безпомощность и вопіющее невѣжество деревни случай съ одной женщиной. Женщина эта нечаянно уколола палецъ. На другой день на мѣстѣ укола образовалось воспаленіе, которое день ото дня стало усиливаться. Что дѣлать? На первыхъ порахъ, какъ всегда водится, обратились къ «шептунамъ» и знахаркамъ за оказаніемъ скорой помощи. Первые «шептали», вторыя прикладывали къ больному мѣсту табакъ и прочія снадобья. Когда уже всѣ средства были использованы, а пользы никакой (напротивъ, воспаленіе захватило большую часть руки), то родные потеряли

голову. Благодаря только настойчивымъ совѣтамъ нѣкоторыхъ знакомыхъ, удалось уговорить больную поѣхать къ доктору. Передъ отъѣздомъ еще одна старушка очень сожалѣла, что осталось неиспользованнымъ одно цѣлебное средство—человѣчскій калъ. Это средство—увѣряла старушка—очень помогаетъ, особенно въ началѣ болѣзни. «Помажь только, какъ рукой сниметъ».

Въ Сибири вообще въ ходу «свои средства», особенно при наружныхъ заболѣваніяхъ. И чего то тутъ нѣтъ: глина, варъ, сѣра и даже испраженія животныхъ. Все это употребляется въ огромномъ количествѣ и, понятно, приноситъ самые печальные результаты. Заболѣлъ кто-нибудь въ семьѣ—и пошла пичкотня. Этотъ предлагаетъ одно, другой «свое», только потому, что оно «помогло вотъ отъ этой болѣзни». И смотришь, какое-нибудь легкое заболѣваніе превращаютъ въ серьезную болѣзнь...

Наряду съ доморощенными эскулапами, нѣтъ, нѣтъ да и появится заѣзжее свѣтило. Сейчасъ въ Заб. обл., напр., оперируетъ совсѣмъ юнецъ; судя по желтымъ лампасамъ на брюкахъ—забайкальскій казакъ. Для вящаго эффекта онъ себя именуетъ «магистромъ» (какихъ наукъ, умалчиваетъ), каковое слово на нѣкоторыхъ производитъ надлежащее впечатлѣніе. Въ людскую порядочность этотъ г. магистръ извѣрился, по его собственному выраженію, почему предпочитаетъ гонорары брать впередъ. Пользуется отъ всевозможныхъ болѣзней. Мало того, что пользуется, еще и ворожитъ. Въ этой области не обходится дѣло и безъ курьезовъ. У одного жителя потерялась индюшка. Сейчасъ къ магистру. Магистръ живо сообразилъ, что индюшку убилъ мальчуганъ. Мальчугана къ допросу. Оказалось, что индюшку и не думали убивать.—Кой-кого г. магистръ уже успѣлъ «опутать».

Итакъ, невѣжество съ одной стороны, неудовлетворительная постановка «медики» (мѣстное выраженіе) съ другой—дѣлаютъ свое нехорошее дѣло. Отсюда большой просторъ для «Саши Кривой», г. магистра, разныхъ: Доржешекъ, Абдулокъ и т. д.¹

Тамъ-же въ Забайкальѣ большой популярностью пользуется одинъ изъ ламъ, какъ врачъ, не только среди бурятъ, но и въ русскомъ селеніи.

Удачные исходы примѣненія имъ при лѣченіи самыхъ невѣроятныхъ средствъ упрочиваютъ его славу лекаря. Такъ, напр., казакъ К., изувѣченный лошадыю, зашибся и одиннадцать дней лежалъ безъ сознанія, не говорилъ и не ѣлъ. Тогда на двѣнадцатый день пригласили ламу, который, осмотрѣвъ больного, рѣшилъ, что «надо править мозги». Для этого онъ внимательно измѣрилъ голову больного и по формѣ ея вы-

¹ З. Н.

копалъ на дворѣ соотвѣтствующей величины яму. Вложивъ въ нее голову больного до глазъ, онъ обухомъ топора сталъ колотить кругомъ по землѣ. Больной слабо стоналъ и часа черезъ два послѣ этой операціи сталъ проявлять признаки сознанія. По счастливому для лѣкаря ламы совпаденію, къ концу второго дня К. уже могъ возстановить въ памяти предшествовавшее его несчастью. Теперь, т. е. черезъ полтора мѣсяца, онъ уже почти здоровъ и жалуется только на слабость работы мысли.

Знахарство особенно процвѣтаетъ среди инородцевъ, и вполне объяснимо ихъ религіозными убѣжденіями. По мнѣнію якутовъ, вся вселенная дѣлится на 3 міра: міръ верхній, небесный, міръ нижній, подземный и міръ средній, земной. Верхній міръ паселяютъ 9 родовъ добрыхъ боговъ, нижній міръ паселяютъ 8 родовъ злыхъ боговъ, средній же міръ—земля, населенная людьми. Якуты считаютъ себя дѣтьми добраго духа и сами вѣрятъ, что могутъ сдѣлаться богами и духами; напримѣръ, душа шамановъ и злыхъ людей, по ихъ мнѣнію, превращаются въ «еры», которые или мстятъ людямъ за причиненное имъ зло, или, по природѣ своей будучи злы, устраиваютъ людямъ разныя каверзы. Духи, по мнѣнію якутовъ, служатъ между прочимъ, первопричиной всѣхъ болѣзней.

Посредники между богами и духами—съ одной стороны, и людьми—съ другой являются шаманы, которые дѣлятся на черныхъ и бѣлыхъ. Первые, имѣя дѣло со злыми духами, прибѣгаютъ къ насилію или, по меньшей мѣрѣ, къ застрашиванію; вторые же, какъ служители добрыхъ боговъ, болѣе дѣйствуютъ упрашиваніями и подарками. Шаманы являются защитниками несчастныхъ. Они—неумолимые враги злыхъ духовъ и боговъ и повелители ихъ. Они одни могутъ выгнать духа изъ больного или заставить его возвратить похищенную душу, чѣмъ и обусловливается выздоровленіе послѣдняго.

Но, къ сожалѣнію, шаманы не всемогущи. Есть боги и духи, которыхъ шаманы не только не могутъ изгнать, но общенія съ каковыми даже избѣгаютъ, почему и отказываются отъ мистерій у страдающихъ такими болѣзнями какъ лихорадка, поносъ, скарлатина, корь, оспа, сифилисъ, золотуха и проказа. Вообще, противъ эпидемическихъ болѣзней шаманы признаютъ свою слабость, потому что главная виновница всѣхъ эпидемій «Сордахъ-Чонахъ» непобѣдима. Эпидемію якуты представляютъ въ видѣ безобразной русской женщины, посылаемой разгнѣванными богами за грѣхи людей, и стараются называть ее почтительно «матыской» или «бабуской».

Шаманы и знахари примѣняютъ, кромѣ мистерій, еще всевозможныя способы леченія травами, заговорами и т. п. совѣтами.

Особенно интересны якуты «знахари-глазники». — Чтобы

сдѣлаться «глазникомъ», необходимо имѣть больше зоркіе глаза, тонкій языкъ, и убить, по крайней мѣрѣ, одного медвѣдя. Главныя методы лѣченія таковы: лѣчатъ «пристальнымъ взглядомъ», или уводятъ больного въ темное мѣсто, наклоняются надъ глазомъ и 3 раза кричатъ изо всѣхъ силъ: «Ухъ»... Легкое воспаление глазъ лечатъ вылизываніемъ гноя изъ-подъ вѣкъ концомъ языка. Послѣднюю операцію производятъ «глазники», имѣющіе особенно мягкій и тонкій языкъ. При остромъ гнойномъ воспаленіи, особенно гоноррейнаго происхожденія, пускаютъ каплями свѣжій собачій мозгъ или внутренности червяка. Иногда приносятъ при томъ пользу обходъ по солнцу 3 раза коновязи, при чемъ въ сторону востока и запада больной долженъ смотрѣть черезъ глазныя впадины собачьяго черепа. Весенній катарръ лѣчатъ спиртовымъ настоемъ изъ муравьевъ. При многихъ глазныхъ болѣзняхъ выбриваютъ «маковку» головы и наливаютъ на нее горячее масло, привязываютъ подъ больной глазъ бѣличью или заячью шкуру, капаютъ въ глаза размельченныя и смѣшанныя съ водой глаза совы, вливаютъ въ глазъ растворъ нашатыря въ водѣ, что нерѣдко ведетъ къ слѣпотѣ. При послѣдней слѣдуетъ поймать самку птицы кукушки и нести ее домой такъ, чтобы это видѣлъ ея самецъ и слѣдовалъ за нею; затѣмъ надо помѣстить ее на дворѣ, на высокомъ мѣстѣ и выколоть у ней глаза, но непременно такъ, чтобы она окончательно ослѣпла только послѣ 3-го укула. Послѣднія ея слезы, полученныя изъ глазъ, надо собрать и пускать по 1 каплѣ слѣпому.

Для уничтоженія бѣльма впускаютъ подъ вѣко нѣсколько живыхъ вшей, предполагая, что они, ползая по глазу, сдерутъ ногами бѣльмо.

При большихъ потеряхъ крови рекомендуется пить свѣжую кровь скотины. При укусѣ собакой слѣдуетъ достать отъ укусившей собаки клочокъ шерсти, которой необходимо окурить рану и остатокъ ея приложить къ послѣдней и забинтовать. Отъ ожоговъ обвязываютъ пораженное мѣсто свѣжей собачьей шкурой или скотскимъ жиромъ, моютъ кислымъ молокомъ, мажутъ сливочнымъ масломъ, смѣшаннымъ съ жжеными перьями вороны. При отмораживаніи употребляютъ мазь изъ печени налима и примочку изъ конскихъ глазъ.

При многихъ болѣзняхъ (особенно при разнаго рода опухоляхъ) смазываютъ все тѣло медвѣжьимъ жиромъ и желчью. Лихорадку лѣчатъ испугомъ, окатываніемъ водой. Кромѣ того, какъ жаропонижающее средство, рекомендуется порошокъ, наскобленный съ черепа человѣка, уха изъ больныхъ лягушекъ, растворенный въ водѣ порошокъ съ наростовъ, выросшихъ на ногахъ лошадей выше копытъ и трифоль. При «стрѣльбѣ» въ ушахъ вливаютъ свѣжій головной мозгъ карася.

При боляхъ въ рукахъ и ногахъ пускаютъ кровь особымъ топорикомъ и т. п. и т. п.

Кромѣ знахарей и ламъ, широкой извѣстностью пользуются среди сибирскаго населенія т. п. «китайскіе доктора». Эти доктора имѣются почти въ каждой губ. и области Сибири.

Въ концѣ апрѣля, по словамъ «Алт. Дня.» (№ 95) въ Ново-Николаевскѣ, по пути въ Москву, остановился китайскій докторъ Тинь-Мао-Гунь, который среди городской бѣдности и среднихъ классовъ населенія начинаетъ пользоваться успѣхомъ.

Въ Барнаулѣ, Томской губ. имѣется второй китайскій докторъ, пользующійся широкой извѣстностью у населенія и привлекающій къ себѣ большое число больныхъ.

Имѣется «китайскій докторъ» даже въ столицѣ Сибири—Иркутскѣ, и къ нему такъ много идетъ больныхъ горожанъ и пріѣзжихъ изъ округа, что пріемъ у него почти ежедневно бываетъ въ 200—300 человѣкъ.

Здѣсь въ Сибири къ знахарямъ, ламамъ и китайскимъ докторамъ идутъ не только люди деревни и таежнаго захолустья, но и люди культурные и интеллигентные, которые могутъ имѣть и нужную медицинскую помощь и имѣютъ средства для леченія¹. Чѣмъ же это объяснить?

Причинъ для этого много, и въ разныхъ случаяхъ онѣ не одинаковы,—говоритъ С. Лобановъ въ «Сиб. Врачѣ». Неизлѣчимаго больного или долго неполучающаго выздоровленія гонитъ къ знахарю несовершенство нашеѣ науки, которая не въ состояніи бороться съ нѣкоторыми болѣзнями.

Больного, нуждающагося въ операци и боящагося ее, заставляетъ искать помощи у знахарей именно этотъ страхъ, который испытываютъ нѣкоторые передъ оперативнымъ вмѣшательствомъ.

Одной изъ главныхъ причинъ является то недовѣріе, которое питаютъ многіе къ научной медицинѣ. Интересно, что среди такихъ лицъ встрѣчаются нерѣдко люди очень образованные, ученые.

Изъ этихъ лицъ вербуются послѣдователи и поклонники гомеопатіи, тибетской медицины, и другихъ подобныхъ системъ леченія.

Недостаточное или, вѣрнѣе сказать, полное незнакомство

¹ Для характеристики отношенія населенія къ «китайскимъ докторамъ», приведу объявленіе изъ газ. «Ирк. Жизнь» отъ 30 августа н. г.

«Выражаю глубокую благодарность китайскому доктору Сунь-Синь-Шень (Иркутскъ, 5-я Солдат. ул. № 33) за полное излеченіе меня въ три мѣсяца отъ женскихъ и внутреннихъ болѣзней, которыми я страдала два года и лечилась у другихъ докторовъ, но помощи отъ нихъ не получила».

публики съ основами научной медицины и естествознанія также можетъ приводить больного человѣка къ знахарю, про котораго идетъ молва, что онъ того-то вылечилъ, тому-то помогъ, гдѣ доктора были безсильны, и т. под.

Бороться съ леченіемъ у знахарей простого народа въ деревняхъ нужно *развитіемъ и расширеніемъ больничной и амбулаторной помощи*; бороться же съ леченіемъ у знахарей и шарлатановъ интеллигентной и образованной части населенія—очень нелегко. А, между тѣмъ, на это вредное во многихъ отношеніяхъ явленіе рано или поздно придется обратить вниманіе и изыскать средства, которыя способствовали бы уменьшенію его.

Такова картина медицинской безпомощности Сибири. На фонѣ сибирской жизни видно мало свѣтлаго и отраднаго. Но несомнѣнно, что съ увеличеніемъ медицинской помощи въ Сибири, съ введеніемъ тамъ земства начнется ростъ сознательности и воспитанія широкихъ народныхъ массъ Сибири, и тогда падетъ вѣра въ знахарей, ламъ и китайскихъ докторовъ, а вмѣстѣ съ этимъ и уменьшатся разнаго рода заболѣваемость и смертность сибирскаго населенія.

Медицински-безпомощная Сибирь лишній разъ подчеркиваетъ халатное и небрежное отношеніе нашихъ правящихъ сферъ къ окраинамъ и говоритъ о необходимости безотлагательнаго введенія земства въ Сибирь, которое само бы смогло оградить себя отъ всякихъ напастей на нашъ богатый и цѣнный край и поставить медицинскую помощь Сибири на должную высоту. О введеніи земства въ Сибирь только все еще говорятъ, говорятъ и говорятъ... Вотъ уже много лѣтъ подрядъ...

Леонидъ Орловъ.

КООПЕРАТОРЪ.

(Социально-психологическiй очеркъ).

Для человѣка, наблюдающаго развитiе деревенской обществённости, Нижегородская губерния и въ частности Семеновскiй уѣздъ представляютъ немалый интересъ. Прежде всего здѣсь (я имѣю въ виду Семеновскiй уѣздъ) отсутствовали въ прошломъ тѣ факторы крестьянской жизни, которые такъ неблагоприятно сказались на психикѣ русскаго мужика. Крестьяне были государственные, и потому помѣщики и специфическiя особенности крѣпостного быта не тяготѣли надъ сознаниемъ и волей. Сметка, находчивость и предприимчивость могли, слѣдовательно, развиваться въ лучшихъ условiяхъ, чѣмъ въ какихъ-нибудь медвѣжьихъ углахъ Рязанской или Тамбовской губернии. Съ другой стороны, не было здѣсь и той неизбывной «власти земли», которая для всякаго исконнаго земледѣльца заранѣе предопредѣляетъ характеръ, приемы мышленiя и общiй бытовой укладъ. Кустарная промышленность — игрушки, мебель или, чаще всего, «ложка» — въ общемъ была для крестьянскаго хозяйства важнѣе, чѣмъ земля. А это опять таки не могло не отразиться на психологiи, не могло не сдѣлать ее болѣе восприимчивой и подвижной. Слѣдовательно, и въ этомъ отношенiи психическая подпочва обществённости была здѣсь лучше подготовлена, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстахъ.

Обществённость непременно предполагаетъ критическiй уклонъ ума, способность вдумываться въ недочеты окружающаго обихода и искать новые способы и пути для ихъ устранения. Семеновцы же искони были «критиками». Правда, пытливость ихъ ограничивалась религиозной сферой, проявляясь, главнымъ образомъ, въ безконечныхъ спорахъ поповцевъ съ безпоповцами, молоканъ съ баптистами, тѣхъ и другихъ съ «непоклонниками». Но уже самая эта наклонность стучаться въ заковѣдныя двери и подвергать нападкамъ установленную догму говорила о томъ, что разсудокъ здѣсь много требовательнѣе и беспокойнѣе, чѣмъ это полагается пошехонскому жителю. Если иначе сложатся окружающiя отношенiя, если жизнь предъявитъ требованiя, которыя нельзя выполнить посредствомъ старыхъ, отъ дѣдовъ переданныхъ рецептовъ, — семеновецъ глубже вдумается въ нихъ и быстрѣе найдетъ выходъ, чѣмъ, напр., рязанскiй «хлѣборобъ». Это было естественно, неизбежно. И это въ свою очередь прибавляло новый плюсъ къ тѣмъ возможностямъ, которыя рисовались здѣсь въ будущемъ для развитiя обществённости.

Возможности, наконецъ, стали дѣйствительностью. За истекшiя семь-восемь лѣтъ весь уѣздъ густо обросъ кредитными товариществами

и потребительскими лавками. Кооперативъ укрѣпился настолько, что нижегородскій «союзъ» и его агенты стали такимъ же важнымъ явленіемъ мѣстной жизни, какъ скупщикъ и базарный торговецъ. Открытіе новой потребиловки сдѣлалось почти такимъ же легкимъ дѣломъ, какъ, напр., заказъ мирского молебна во время сѣнокоса. И если ростъ общественности измѣрять суммой оборотовъ и количествомъ примкнувшихъ къ организаціямъ членовъ, то придется, конечно, признать, что ростъ этотъ огроменъ и превосходить все, наблюдавшееся доселѣ не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ. А отсюда какъ будто слѣдуетъ выводъ, — который и дѣлается наиболѣе рьяными кооператорами, — что русское кооперативное движеніе произведетъ полный переворотъ въ укладѣ русской деревни и въ короткій срокъ перестроитъ его на совершенно новыхъ основаніяхъ. Новый экономическій строй, новыя взаимоотношенія между людьми и, конечно, новыя «внѣшнія условія» — вотъ къ какимъ широкимъ мечтамъ располагаютъ, какъ будто, цифры отчетовъ.

Я совершенно не имѣю въ виду разсматривать здѣсь, насколько прочное основаніе имѣютъ эти мечты съ теоретической точки зрѣнія. Меня интересуетъ другое. Мнѣ хочется вывести цифру изъ сферы математики и перевести ее въ плоскость жизни и быта. Допустимъ, что въ въ будущемъ изъ нея можетъ воспослѣдовать то-то и то-то; допустимъ, что сама по себѣ, своей, такъ сказать, арифметической величиной, она чрезвычайно импонируетъ фантази и раскрываетъ самые безбрежные горизонты. Но что значить эта цифра сейчасъ, въ 1916 году? Скрываются ли подъ ней дѣйствительно строители будущаго, съ новымъ духовнымъ обликомъ и новыми стремленіями, или же это просто строители собственнаго благополучія, которые дальше новой избы и маленькаго капиталца въ банкѣ никуда идти не намѣрены?

Прежде всего, — изъ какого слоя семеновскихъ сельскихъ обывателей берется этотъ строитель? Приходитъ онъ, конечно, не изъ стана безкоровныхъ и безошадныхъ. Такимъ безхозяйственнымъ мужикамъ въ кредитномъ товариществѣ дѣлать нечего: хозяйственныхъ затратъ у нихъ такъ мало или, вѣрнѣе, должно было бы быть такъ много, что ссуда имъ почти не помогаетъ. Взявъ денегъ на корову, — а тутъ подвѣрнулась свадьба, или вышла недохватка въ хлѣбѣ или обнаружилась еще одна изъ какихъ нибудь крупныхъ прорѣхъ, требующая немедленной починки, — и ссуда оказалась истраченной, а корова осталась некупленной. Да и кромѣ того, — какимъ общественнымъ уваженіемъ можетъ пользоваться человѣкъ, который еле-еле перебивается и даже въ престольный праздникъ не можетъ какъ слѣдуетъ угостить сосѣда? Поэтому безошадный и безхозяйный крестьянинъ по молчаливому соглашенію изымается изъ списка кандидатовъ въ правленіе. Могъ бы онъ пройти въ правленіе потребительской лавки, — но и здѣсь мѣшаетъ ему все та же безхозяйность, все та же социальная незначительность. И оказывается онъ и здѣсь и тамъ только пайщикомъ, клиентомъ, но ни-

какъ не вершителемъ судебъ, не дирижеромъ движенія. Мѣстный кулакъ и скупищикъ изъемяется изъ рядовъ сочленовъ самъ собой: въ кассу кредитнаго товарищества онъ, правда, вноситъ нерѣдко изрядную сумму, но интересуется онъ лишь получениемъ процентовъ, отъ самой же организации держится на аристократической дистанции. Остается, слѣдовательно, «средній крестьянинъ»,—не очень богатый, но и не очень бѣдный, крѣпко блюдушій свое хозяйство, но и не услѣвший еще никого пустить по міру. Онъ — человекъ бывалый, неглупый, самостоятельный. Приѣзжему инструктору или инспектору по дѣламъ мелкаго кредита мѣстный батюшка или учитель аттестуютъ его съ самой лучшей стороны. Пьетъ онъ умѣренно, подати вноситъ исправно, въ порокахъ не замѣченъ, и, если самъ не выписываетъ, то во всякомъ случаѣ интересуется газетой. «Если Иванъ Петровъ не годится, то кого же и выбирать?»—говорятъ единогласно мѣстные жители. И, конечно, Иванъ Петровъ проходитъ и въ правленіе, и въ ревизионную комиссію, и въ делегаты на губернскія совѣщанія. И въ потребительской лавкѣ и въ кредитномъ товариществѣ онъ—душа всего дѣла, опора и столпъ кооперативнаго движенія.

Иванъ Петровъ—человекъ бывалый, слѣдовательно, хорошо умѣющій использовать выгодныя обстоятельства. Съ другой стороны, онъ искренне прѣннѣ кооперативную организацию, такъ какъ ясно видитъ приносимыя ею выгоды. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда никакихъ шансовъ личной наживы не представляется, онъ выкажетъ себя прѣннѣмъ, энергичнымъ работникомъ: его «бывалость» послужитъ только на пользу его обществу. Но положеніе осложняется, когда кооперативъ, при умѣломъ образѣ дѣйствій, сулитъ ему такіе барыши, какихъ немисливо добиться собственными, единоличными усилиями. Тогда «бывалость» твердитъ ему, какъ бѣсъ искуситель: «почему бы не поживиться» и въ концѣ концовъ одерзживаетъ верхъ надъ общественностью. Иванъ Петровъ совершаетъ «промахку», нерѣдко въ ней изобличается и своимъ неожиданнымъ грѣхопадениемъ повергаетъ въ изумленіе какъ руководителей, такъ и кооперативную массу. «Смотрѣть, какой былъ человекъ обстоятельный, — а вотъ поди же ты, соскочилъ съ правильной линіи», говорятъ избиратели, разводя руками. Но чаще бываетъ иначе: грѣхопаденіе происходитъ, но такъ ловко, что его никакъ нельзя доказать съ фактами и цифрами въ рукахъ. Приѣзжаетъ инструкторъ и узнаетъ, напр., что за покупку товариществомъ ложекъ представитель кооператива беретъ «комиссіонныя». О фактѣ этомъ многіе знаютъ, но никто не рѣшается предать его публичности, такъ какъ поссориться съ влиятельнымъ человекомъ никому не охота. Книжки же ведутся такъ, что никакъ не прослѣдить, отъ кого купленъ товаръ. И въ концѣ концовъ инструкторъ уѣзжаетъ съ пустыми руками, полный подозрѣній и почти убѣжденный въ сомнительномъ поведеніи Ивана Петрова, но ничего не могущій предпринять.

Иванъ Петровъ въ данный моментъ—единственная двигающая сила

деревни. Ему нельзя не воздать должного,—ибо при томъ скудномъ запасѣ знаний, какой имѣется у него, вершить кредитныя дѣла далеко не легкая задача, а между тѣмъ выполняетъ онъ ее въ общемъ далеко не плохо. И все-таки, наряду съ похвалами его расторопности, слышишь общій приливъ: «хорошъ мужикъ, но довѣрять нельзя—слукавить!»

Ту же двойственность, тотъ же практицизмъ проявляетъ онъ и въ вопросахъ болѣе широкаго свойства. Вотъ, напримѣръ, мѣстные интеллигенты выдвигаютъ на очередь вопросъ о культурно-просвѣтительной дѣятельности. Иванъ Петровъ не протестуетъ, поддерживаетъ предложеніе объ ассигновкѣ на выпускъ газетъ или книгъ по коопераціи. Но если на слѣдующій годъ въ правленіи останется онъ одинъ, безъ вдохновителей,—ассигновки сразу почему-то сокращаются до микроскопическихъ размѣровъ и культурно-просвѣтительная дѣятельность исчезаетъ изъ кооперативнаго поля зрѣнія. И это вовсе не потому, что онъ темень, неразвитъ и не понимаетъ еще толка въ просвѣщеніи. Напротивъ, общую полезность культуры онъ представляетъ себѣ очень ясно. Но это, такъ сказать, теорія, а Иванъ Петровъ—практикъ и хлопотунъ по натурѣ. Правда, было бы хорошо, если бы съ помощью лекцій, библиотекъ, народныхъ домовъ мужики вообще и онъ самъ въ частности научились преодолѣвать трудности американской бухгалтеріи и стали бы хорошо вести отчетность. Но вѣдь это все—въ далекомъ будущемъ, да и заняться этимъ, въ сущности, должно бы правительству, если бы оно понимало свое дѣло. А сейчасъ и радъ бы пораздумать о культурно-просвѣтительныхъ задачахъ, да некогда. Два дня въ недѣлю занять общественными дѣлами, а тамъ—своя работа. Вонъ ложка,—она, матушка, до 19 руб. за тысячу дошла. Даже самыя лядяціе мужиченки—и тѣ по два съ полтиной, а то и по трешницѣ въ день выработываютъ. А если взяться за это какъ слѣдуетъ, да человѣку съ мозгами—тысячи сами въ руки ползутъ. Вонъ Сидоръ Евстигнѣевъ—всего съ сотней рублей началъ, а теперь, черезъ три мѣсяца, девятьсотъ рублей чистаго отложилъ. Карпъ Ивановъ—тоже, а Сергѣй Васильевъ еще выше скакнулъ. Сотни, тысячи сыплются со всехъ сторонъ. И надо ловить ихъ во время, а то вѣдь послѣ войны то, пожалуй, и не поймашь. Да и кредитное товарищество,—если его съ умомъ повести, да заняться поставками,—большіе барыши можно нажить! Мужички вѣкъ благодарить будутъ... Всѣ эти мысли преслѣдуютъ Ивана Петрова во снѣ и наяву. А кругомъ, куда ни оглянешься, гдѣ ни послушаешь,—въ городѣ, въ базарномъ селѣ, на станции,—цѣлятутъ и ослабительно, маняще, сверкаютъ тысячи, сотни тысячъ, милліоны. Такъ когда же тутъ думать о культурѣ—скажите пожалуйста? Такъ и забываетъ о ней Иванъ Петровъ,—такъ же, какъ забываетъ онъ о болѣзни тещи и родахъ сестры во время сѣновосной страды.

Съ кооперативной интеллигенціей у Ивана Петрова отношенія наладились и опредѣлились. Онъ понимаетъ, что безъ интеллигента не обойтись: Когда на собранія правленія начинаются ссоры и взаимные попре-

ки—миръ водворяетъ интеллигентъ. Когда голова окончательно запутывается въ абракадабръ американской отчетности,—интеллигентъ выводитъ ее изъ лабиринта на настоящую дорогу. Когда возникаютъ затрудненія при истолкованіи устава,—все тотъ же интеллигентъ указываетъ надлежащій выходъ. Словомъ, интеллигентъ вросъ въ дѣловую обиходъ. Иванъ Петровъ понялъ его неизбѣжность и признаетъ даже, что жалованье, получаемое инструкторомъ или счетоводомъ при теперешнихъ цѣнахъ—совсѣмъ пустяки. Дѣловитому человѣку онъ былъ бы готовъ положить и больше, если бы не оппозиція низовъ. Вообще, дѣловитость—это масштабъ, которымъ измѣряется цѣнность интеллигента-кооператора. Встѣ, на примѣръ, «согрѣшили» нѣкоторые изъ губернскихъ руководителей. Иванъ Петровъ охотно присоединился къ хору обвинителей интеллигентовъ и свергъ начальство, но не столько по моральнымъ, сколько по практическимъ соображеніямъ. Если бы стремленіе къ общественнымъ суммамъ сопровождалось у свергнутыхъ руководителей коммерческими способностями, — онъ, пожалуй, рѣшилъ бы иначе. Онъ искренне жалѣетъ одного изъ пострадавшихъ грѣшниковъ, ибо «дѣляга былъ малый, умѣлъ распорядиться». И вообще вмѣсто кристально-чистыхъ душъ онъ, пожалуй, предпочелъ бы оборотистыхъ дѣльцовъ, которые и свой интересъ умѣютъ соблюсти, и обществу даютъ барыши. Среди такихъ дѣльцовъ легче дышется, къ нимъ проще подходить, ихъ понимаешь съ перваго взгляда, въ ихъ обществѣ не чувствуешь той неловкости, которая всегда охватываетъ человѣка передъ лицомъ неподкупнаго судьи. По собственному опыту Иванъ Петровъ знаетъ, что выиграть на одно жалованье не очень то позарисья, и за сметку, за дѣловитость готовъ простить многое.

Вообще, несмотря на дружбу и долгое сотрудничество, между интеллигентомъ и Иваномъ Петровымъ никакъ не можетъ установиться единство исходныхъ точекъ зрѣнія. Для интеллигента главное — чтобы все было соотвѣтственно съ кодексомъ общественной морали, для Ивана же Петрова главное,—чтобы оправдались расходы. И тотъ и другой, на примѣръ, единодушно сходятся въ томъ, что многія отрасли государственнаго хозяйства обстоятъ не такъ, какъ онѣ должны были бы обстоять. Интеллигентъ возмущенъ тѣмъ, что люди, занимающіе столь высокія ступени іерархической лѣстницы, обнаруживаютъ страсть къ наживѣ и полное равнодушіе къ гражданственности. Иванъ Петровъ тоже возмущенъ, но мотивы его возмущенія нѣсколько иначе. «Ну тамъ жалованье, ну, взятки—это еще куда ни шло», говоритъ онъ. «Но ты взял,—такъ ты и сдѣлай, оправдать себя сумѣй. А то вѣдь ничего не дѣлаешь,—все зря идетъ». Интеллигентъ обличаетъ *злую волю*, а Иванъ Петровъ негодуетъ на *практическое неумыслие*. Перваго угнетали дурная мораль, второго—неокупаемые расходы.

Вообще, приходо-расходная точка зрѣнія дѣлаетъ въ душѣ Ивана Петрова огромныя, съ каждымъ днемъ увеличивающіяся завоеванія. Если она заслоняетъ отъ него культуру, то въ еще большей степени засло-

даетъ она религиозныя исканія недавняго прошлаго. Были здѣсь когда-то знаменитыя скиты, гдѣ поддерживались устои древняго благочестія. Скиты опустѣли, и остались отъ нихъ одни только кладбища, откуда мѣхляныя плиты растаскиваютъ для приступокъ, а кресты—на подтопку. Потомъ наступила пора, когда бродили кругомъ странники и, толкуя по своему Евангелію, чуть не въ каждой деревнѣ основывали новыя вѣры. Странники исчезли куда-то,—должно быть, всё перемерли. Потомъ пришелъ пятый годъ и, какъ изъ рога изобилія, излилъ на головы семеновцевъ цѣлый рой вопросовъ, учредилъ невѣдомыя секты, основалъ неслыханныя партіи. Посредствомъ начальственныхъ мѣропріятій пятый годъ былъ скоро ликвидированъ и секты притаились, партіи распустились, а вопросы залегли гдѣ-то въ самыхъ далекихъ уголкахъ сознания. Но возвратиться на старое пепелище Иванъ Петровъ уже не могъ. Его что-то мутило,—какъ съ похмѣлья. Какой винтикъ ни пощупаешь,—звенить, развинтился, къ какому догмату жизни ни подойдешь—какъ будто держится крѣпко, а какъ будто и нѣтъ. И вотъ тутъ то наступила эра практическаго строительства. Ничего она не разрушала, ни къ какому святынямъ и кумирамъ не притрагивалась, а просто на простѣ учила, какъ можно въ деревнѣ зарабатывать деньги. И тѣмъ было хорошо это строительство, что принципы его вытекали ясно, сами собой, изъ четырехъ дѣйствій ариѳметики и могли быть приложены ко всемъ рѣшительно сферамъ жизни, кромѣ тѣхъ, о которыхъ говорили странники и начегчики. Религиозныя исканія строительство деликатно обошло стороной, оставило гдѣ то въ проулкѣ. И Иванъ Петровъ все рѣже и рѣже заходитъ въ заповѣдное мѣсто: некогда, до страсти некогда. Вонъ старшій сынъ курить во дворѣ табачице. Раньше бы поучилъ его, а теперь какъ то не рѣшаешься, да и руки, по правдѣ сказать, не доходятъ: не тѣмъ заняты. Да, можетъ быть, и курить то еще не грѣхъ,—кто его тамъ разберетъ. Некогда по нынѣшнимъ временамъ спорить,—совсѣмъ некогда. Иногда Иванъ Петровъ, впрочемъ, вспоминаетъ о божественномъ. Въ свободный вечеръ онъ поговоритъ о Евангеліи, о томъ, что Царство Божіе внутри насъ, и о томъ, что добрые помыслы и божественный въ сердцѣ огонь—превыше всего, и что если разсудить по писанію, то обряды—это суевѣріе. Но это, такъ сказать—философія незанятыхъ вечеровъ. На утро онъ снова—хлопотунъ и практикъ, и если сосѣдъ попроситъ у него займы, то Иванъ Петровъ не сгунитъ и меньше сорока процентовъ не возьметъ. Ибо помыслы и душа—одна статья, а жизнь и дѣла—другая статья, много побольше и позначительнѣе первой. И все чаще и чаще начинаетъ приходить Ивану Петрову на умъ, что первая то статья, пожалуй, и совсѣмъ безъ надобности и слѣдуетъ ее предоставить старикамъ, которые ничѣмъ другимъ ужъ заняться не могутъ. Если эта мысль окончательно утвердится въ его мозгу, онъ становится «нѣтовцемъ», скрытымъ или явнымъ. И число такихъ «нѣтовцевъ» растеть въ Семеновскомъ уѣздѣ съ каждымъ днемъ.

Но какъ отзывается прихода-расходная точка зрѣнія на граждан-

ственности Ивана Петрова? На *сознание* его она воздѣйствуетъ, конечно, весьма замѣтно. Само собой выходитъ какъ-то такъ, что если примѣнить ее ко всероссійскимъ условіямъ,—тебя незамѣтно и неизбежно отнесетъ въ оппозицію. И Иванъ Петровъ переходитъ въ оппозицію, хотя зачастую до весьма смѣлыхъ выводовъ. Другое дѣло—*воля*, рѣшимость, склонность къ дѣйствию. Въ этой плоскости приходо-расходная точка зрѣнія и интересы практическаго строительства говорятъ какъ будто другое. Голышу, который съ хлѣба на квасъ перебивается, конечно, все какъ съ гуся вода, ибо ничего хорошаго онъ отъ жизни не видѣлъ. А у Ивана Петрова бѣлый хлѣбъ изъ первой голубой, абрикосовскія конфеты по праздникамъ, чистая, свѣтлая горница, и молодая лошадь съ новой сбруей. Тутъ поневолѣ призадумашься и начнешь прикидывать, сколько въ случаѣ чего истратишь и сколько получишь. А затраты Ивану Петрову много яснѣе, чѣмъ раньше. За истекшіе годы онъ гораздо лучше уяснилъ себѣ природу уголовного законодательства и влияние этого послѣдняго на судьбу и благополучіе отдѣльныхъ гражданъ. Оппозиція само собой, а законодательство само собой. И очень грустно Ивану Петрову, и очень хочется, чтобы они какъ нибудь примирились. Но мирить ихъ, думается ему, будетъ кто то другой, а не онъ. Потому, какъ бы изъ этого убытку не вышло.

Вотъ, думается, та внутренняя и психологическая величина, которая обозначается подъ цифрами кооперативной статистики Семеновскаго уѣзда. Я не знаю, каковъ Иванъ Петровъ въ другихъ губерніяхъ: можетъ быть, тамъ онъ сдѣланъ изъ совсѣмъ другого тѣста. Но тотъ, котораго я видѣлъ въ нижегородской глуши, заставляетъ вносить крупныя поправки въ предвидѣнія нѣкоторыхъ рьяныхъ кооператоровъ.

Стан. Вольскій.

ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ.

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ХРОНИКИ.

(Выступление Румынии. — Кризисъ въ Греции. — На Дальнемъ Востоке).

14-го августа, послѣ долгихъ колебаній, послѣ сложныхъ двухстороннихъ переговоровъ, Румынія объявила войну Австро-Венгрии.

Европейская война застала Румынію связанной союзнымъ договоромъ съ Австріей и Германіей. Но уже румынская политика послѣднихъ лѣтъ передъ войной свидѣтельствовала о томъ, что эти узы далеко не отличаются надежной прочностью. Къ сближенію съ Австріей и Германіей Румынію толкали, главнымъ образомъ, страхъ передъ агрессивной политикой России на Ближнемъ Востоке. Стремление России къ проливамъ, столь ярко сказывавшіяся въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка ея мечты о чегемони надъ государствами восточной части балканскаго полуострова, — таковы были основные мотивы договора, заключеннаго Румыніей съ державами центральной Европы еще въ 1883 г. За тридцать слишкомъ лѣтъ, прошедшихъ съ момента созданія этого союза многое измѣнилось на Балканахъ. Въ частности, казалась, потеряла свою остроту и «русская опасность». На берегахъ Босфора у России появился новый мощный соперникъ, новый мощный защитникъ Турціи отъ попытокъ ея расчлененія. — Германія. Болгарія, которая должна была служить звеномъ, соединяющимъ Россию съ проливами по западному берегу Чернаго моря, оказалась способной къ самостоятельной политикѣ; въ лицѣ Болгарии на пути къ проливамъ у России появилось новое препятствіе, а Румынія освободилась отъ печальной перспективы быть стиснутой между своей могущественной сосѣдкой и ея вассаломъ. Все это позволяло Румыніи проявлять большую самостоятельность въ своей внѣшней политикѣ, позволяло иногда уклоняться отъ указаній, получаемыхъ изъ Вѣны и Берлина. Балканская война показала это съ особенной наглядностью. Когда румынское правительство, воспользовавшись критическимъ положеніемъ Болгарии, начало на нее съ тыла и урвало у нея клочекъ отнюдь не румынской по составу населенія Добруджи, оно дѣйствовало, явнымъ образомъ, въ разрѣзъ съ желаніями покровительствующей Болгарии Вѣны и въ полномъ согласіи съ желаніями официальной России. Это сближеніе съ Россіей было затѣмъ закрѣплено свиданіемъ монарховъ въ Констанцѣ.

Когда вспыхнула европейская война, король Карлъ (вскорѣ умершій) высказался на коронномъ совѣтѣ за вмѣшательство Румынии на сторонѣ державъ-союзницъ. Но коронный совѣтъ рѣшилъ вопросъ.

въ смыслѣ нейтралитета. Румынія не отказывалась отъ въѣпатательства. Но она должна была оцѣнить и взвѣсить тѣ выгоды, какия обѣщало ей присоединеніе къ той или къ другой изъ борющихся группъ державъ. Европейская война раскрыла предъ Румыніей небывалыя, головокружительныя возможности территориальнаго расширенія. Пойдя съ западной сосѣдкой, Румынія могла рассчитывать въ случаѣ успѣха на Бессарабію; пойдя съ восточной, она уже видѣла себя въ обладаніи «румынскими» областями Австро-Венгрии. Самы по себѣ обѣщанія согласія были, повидимому, щедрѣе, чѣмъ обѣщанія центральныхъ державъ. Но помимо этого румынское правительство должно было принять во вниманіе и вновь воскресшія мечты Россіи о Царьградѣ и проливахъ, а съ другой стороны, — и планы объединенія «Центральной Европы», въ которой для Румыніи германскими империалистами уже было приготовлено вносить опредѣленное мѣсто. Наконецъ, — что самое главное, — Румынія должна была учесть съ наивозможной точностью шансы на побѣду той или иной стороны, дабы, прельстившись обильными территориальными приобретениями, «велико-румынской» мечтой, затративъ на осуществленіе этой мечты свои скудныя силы и средства, не потерять и того положенія, какое она сейчасъ занимаетъ. Отсюда — безконечныя колебанія Румыніи, затягивавшія и усложнявшія тотъ беззащитный торгъ о территориальныхъ компенсаціяхъ, который вело румынское правительство съ воюющими державами съ самаго начала европейскаго кризиса.

Весной 1915 г., когда русскія войска стояли на Карпатахъ, казалось, что Румынія выступитъ одновременно съ Италией. Переговоры съ нею близкились, повидимому, къ концу. Но затѣмъ начался періодъ германскихъ успѣховъ на восточномъ фронтѣ, успѣховъ, отразившихся въ Румыніи крайнимъ повышеніемъ ея требовательности въ отношеніи компенсацій. Шансы на въѣпатательство Румыніи пали очень низко. Последовавшія далѣе событія: осеннее выступленіе Болгаріи, разгромъ Сербіи — не могли, конечно, содѣйствовать усиленіямъ дипломатіи согласія, стремившейся побудить Румынію къ выходу изъ нейтралитета. Румынія не только не желала тогда сама рисковать въ балканской кампаніи, — она не согласилась даже пропустить черезъ свою территорию русскія войска, предназначавшіяся для нападенія на Болгарію. А такъ какъ, съ другой стороны, правящее Румынскій аппаратъ были весьма заинтересованы въ сбытѣ своего хлѣба по хорошей цѣнѣ въ крайне нуждающіяся въ продовольствіи страны центральной Европы, то весной 1916 г. «друзья» Румыніи въ странахъ согласія должны были съ крайнимъ разочарованіемъ услышать о заключеніи Румынскій торговыхъ соглашеній съ Германіей, Австріей и Болгаріей. Въ эти же мѣсяцы 1915—1916 гг. кое-гдѣ въ прессѣ центральной Европы можно было даже встрѣтить намеки на возможность выступленія Румыніи противъ Россіи. Повидимому, только успѣхи лѣтней кампаніи 1916 г. вновь сдвинули Румынію съ ея позиціи нейтралитета.

равно добросовестного по отношению к обеим сторонам. В июле и августе переговоры шли более быстрым темпом и Румыния начала получать из России военные материалы. В тот момент, когда русские войска вновь оказались на Карпатах, прикрывая Румынию с севера, и на Дунае, готовясь защищать ее границы от нападения с юга, румынское правительство окончательно решилось поднять знамя «борьбы за освобождение венгерских братьев».

.
.
.
.

* * *

Въ Греции произошла смѣна кабинета, являющаяся отраженіемъ и завершеніемъ переживаемаго страной глубокаго политическаго кризиса. 29-го августа министерство Заимиса вышло въ отставку, и 3-го сентября, послѣ неудачной попытки Димитракопулоса, Калаперопулосу удалось составить новый кабинетъ.

Заимисъ былъ призванъ къ власти въ началѣ июня, послѣ ультиматума державъ согласія. Въ этомъ ультиматумѣ державы наряду съ демобилизаціей, назначеніемъ новыхъ выборовъ въ парламентъ, увольненіемъ негодныхъ имъ чиновниковъ потребовали также отставки кабинета и составленія такого министерства, которое являлось бы гарантіей дружественнаго согласія нейтралитета Греции. Отвѣтомъ на послѣднее требованіе и было образованіе кабинета Заимиса. Кабинетъ далеко не вполне отвѣчалъ желаніямъ державъ. Ихъ конечной цѣлью было возвращеніе къ власти Венизелоса съ его программой вѣдательства Греціи на сторонѣ согласія. «Нейтралистскій» кабинетъ Заимиса представлялся имъ лишь меньшимъ зломъ по сравнению съ враждебнымъ согласіемъ Скулудисомъ, и только поэтому онъ согласился временно его терпѣть. Съ другой стороны, для тѣхъ круговъ, которые опредѣляютъ греческую политику, Заимисъ представлялся меньшимъ зломъ по сравнению съ грозившимъ привести Грецію къ войнѣ Венизелосомъ. Компромиссный по своему происхожденію кабинетъ неизбежно долженъ былъ оказаться совершенно бездѣльнымъ по своей политикѣ. Вѣрнѣе сказать, онъ былъ вынужденъ обходиться вовсе безъ какой-либо собственной политики. Тѣ правящіе общественные слои, на которые опирались министерства Гунариса и Скулудиса, настроены прежде всего противъ войны, а затѣмъ и противъ согласія, усиленно старавшася втянуть Грецію въ войну, а съ осени 1915 г. ведущаго войну на греческой территоріи и оккупировавшаго почти всю греческую Македонію. Эта, такъ называемая, «гермафильская» группа (лишь ничтожная часть ея дѣйствительно стоитъ за тѣсное сближеніе съ Германіей), несомнѣнно, имѣетъ за собою поддержку народныхъ массъ, утомленныхъ войнами 1912—1913 гг. и вовсе не стремящихся сейчасъ къ новымъ авантюрамъ. «Великая Греція», о которой мечтаетъ Венизелосъ, явнымъ образомъ, не вызывала въ этихъ массахъ до послѣдняго времени сколько-нибудь широкаго отклика. Само собою разумѣется, что кабинетъ Заимиса не могъ игнорировать этого факта, а поскольку онъ съ этимъ фактомъ считался, онъ долженъ былъ представляться державамъ согласія «гермафильскимъ». Недовольные его «гермафильствомъ», державы—въ своей заботливости о правахъ малыхъ національностей—предъявляли Греціи новые и новые ультимативныя ноты, ■

кабинетъ Займиса, безсилный оказать имъ какой-либо отпоръ, долженъ былъ сдѣлаться и съ ихъ требованіями, что въ свою очередь вызвало недовольство имъ при дворѣ и въ правящихъ общественныхъ группахъ.

Быть можетъ, кабинетъ еще долго влечилъ бы свое существованіе, — безсилный и терпимый обѣими сторонами лишь за невозможностью лучшаго. — если бы болгарское наступленіе въ Македонію не обострило въ Греціи внутренней борьбы между сторонниками и противниками войны. Греческая Македонія — область, недавно завоеванная, — область, на которую воегда претендовала Болгарія. Оккупация ея болгарами является отъѣтомъ на оккупацию Салоникъ союзниками и вызвана непосредственно мотивами чисто стратегическаго свойства. Но въ Греціи эта оккупация должна была вызвать большія сомнѣнія. Захотятъ ли болгары по окончаніи войны очистить занятую территорию? Допустимъ, что Германія даже гарантировала возвращеніе этихъ территорий Греціи. Но если Болгарія откажется, захочетъ ли Германія принимать репрессивныя мѣры противъ своей союзницы, опасая территориальную цѣлость Греціи? Вполнѣ естественно, что эти сомнѣнія и тревоги должны были нѣсколько оживить антиболгарскія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и антигерманскія настроенія. Все это была вода на мельницу Венизелоса. Особенно рѣзкія формы движеніе въ пользу выступленія противъ Болгаріи приняло въ македонской арміи. Сначала одинъ полковникъ, вопреки приказаніямъ изъ Аѣинъ, оказалъ сопротивленіе наступающимъ болгарскимъ войскамъ. Затѣмъ возмущилась часть салоникскаго гарнизона и провозгласила независимость Македоніи отъ Аѣинъ. Здѣсь произошло столкновеніе между мятежниками и вѣрными правительству войсками, — столкновеніе, закончившееся, при вмѣшательствѣ Саррайля, побѣдой первыхъ. Почти въ то же время по странѣ прокатилась волна венизелюстскихъ манифестацій. Среди народныхъ массъ македонскій вопросъ вызвалъ какое-то, не очень пока определенное, броженіе, шансы Венизелоса нѣсколько поднялись, и державы согласія нашли моментъ подходящимъ, чтобы вновь оказать на Грецію давленіе. Въ рядъ этотъ онѣ потребовали, — не обращая вниманія на формальный нейтралитетъ Греціи, — удаленія начальника штаба Дусманиса и замѣны его лицомъ, дружественнымъ согласію, почтенія почты и телеграфа контролю согласія, ареста германскихъ агентовъ и т. д.

Министерство Займиса принуждено было подчиниться всѣмъ этимъ требованіямъ безпрекословно въ виду появленія въ водахъ Пирея и Фалера союзнаго флота. Но подобно тому, какъ болгарское вторженіе въ Македонію отразилось въ Греціи оживленіемъ дѣятельности венизелюстовъ, демонстрація союзнаго флота вызвала изъ интенсивной жизни организаци антивенизелюстскія. Воспользовавшись нападениемъ толпы на французское посольство, державы согласія потребовали закрытія этихъ организацій. Займисъ согласился и на это, но въ тотъ же день позвалъ королю прощеніе обѣ отставки.

Кабинетомъ былъ недоволенъ король, такъ какъ Займисъ, явнымъ образомъ, не сумѣлъ отстоять достоинство и независимость Греции отъ вѣнскихъ посягательствъ. Но кабинетомъ были недовольны и державы, такъ какъ онъ, хотя и теорилъ ихъ волю, но только, такъ сказать, изъ подъ палки. Такимъ образомъ, объ его отставкѣ самой по себѣ врядъ ли очень жалѣли. Но эта отставка вновь обнажила съ полной ясностью все противорѣчье, существующее между стремлениями Греции и стремлениями соглася. Представители соглася, ободренные македонскими мятежами и венизелестскими манифестациями, считаютъ, что настала уже пора для возвращенія къ власти Венизелоса. Оказывая согласно отпоръ въ этомъ отношеніи, король вновь шьтается создать кабинетъ антивенизелестскій и, такимъ образомъ, удержатъ Грецію отъ вмѣшательства въ войну.

Тѣмъ не менѣе возможно, что при содѣйствіи державъ, возродившійся Венизелосъ въ недалекомъ будущемъ вновь скажется у власти, весьма вѣроятно, что кабинетъ Галогеропулоса—только нѣкоторая кратковременная отсрочка въ рѣшеніи стоящаго передъ Греціей рокового вопроса.

* * *

Движеніе въ пользу восстановленія монархіи въ Китаѣ потеряло полноту крушеніе еще до смерти Юаншикая. Тѣмъ не менѣе смерть диктатора весьма упростила дѣло ликвидация его замысловъ. Согласно конституціи, его замѣстителемъ явился вице-президентъ, генералъ Ли-юанъ-хунъ, извѣстный дѣятель первой революціи. Ли-юанъ-хунъ — это было какъ разъ то имя, на которомъ сошлись незадолго до смерти Юаншикая и представители оставшихся вѣрными ему провинцій, и южные революціонеры. Переходъ власти въ его руки означенъ собою окончаніе раскола между сѣвернымъ и южнымъ Китаемъ. Послѣ сравнительно непродолжительныхъ переговоровъ президента съ южанами относительно состава будущаго кабинета послѣдніе объявили свое временное правительство распущеннымъ. Ли-юанъ-хунъ тотчасъ же восстановилъ конституцію перваго года республики, отмененную его предшественникомъ, даровалъ амнистию политическимъ преступникамъ и, наконецъ, созвалъ вновь 19-го іюля распущенный Юаншикаемъ парламентъ. Парламентъ утвердилъ составъ коалиціоннаго кабинета, назначеннаго президентомъ, и пока между исполнительной властью и палатами особенныхъ троній не замѣчается.

Такимъ образомъ, въ своемъ внутреннемъ развитіи Китай какъ будто вновь вернулся на тотъ путь, на которомъ онъ стоялъ до установленія при благосклонномъ содѣйствіи европейскихъ державъ диктатуры Юаншикая. Но извнѣ молодой республикѣ грозитъ весьма серьезная опасность. Всего лишь въ прошломъ году Японія добила въ Китаѣ признанія за собою ряда исключительныхъ правъ въ восточной Монголіи и южной Манчжуріи, въ Шандунѣ и въ Фуцзянѣ. Но то, чего она добила.

составляло лишь часть японской программы, сводящейся по существу къ полному протекторату надъ Китаемъ. Тогда японскія требованія были нѣсколько смягчены по требованію державъ союза, — требованію, настойчиво заявленному Прѣемъ. Съ прошлаго года произошло, однако, событие, измѣнившее соотношеніе силъ на Дальнемъ Востоку, и безъ того весьма благоприятное для Японіи, еще болѣе въ ея пользу. Это событие — подписанный минувшимъ лѣтомъ русско-японскій договоръ. Во имя тѣхъ «благъ, какія ожидаются отъ победы надъ Германіей», Россія не только отказалась въ этомъ договорѣ отъ своихъ старыхъ манчжурскихъ плановъ, но только согласилась создать самыя благоприятныя условия для японской колонизаціи русскаго Дальняго Востока и для новаго японскаго «заселенія» въ сферѣ торговой, но и развязала Японіи руки въ ея китайской политикѣ. Подъ покровомъ договора Японія получила въ сущности полную свободу дѣйствій въ Китаѣ. И эту свободу она желаетъ, повидимому, тотчасъ же использовать.

Двойственное положеніе оккупированныхъ Японіей областей Китая даетъ немало поводовъ для японо-китайскихъ столкновеній, которыя могутъ при случаѣ служить предлогомъ въ пользу новаго усиленія японскаго вліянія въ этихъ районахъ. Такимъ предлогомъ явился для Японіи инцидентъ, имѣвшій недавно мѣсто въ Чженъ-дзянь-тынь. Столкновеніе между японцами и китайцами, вмѣшательство китайской полиціи, затѣмъ японскихъ войскъ, перестрѣлка, — такова схема этого инцидента. Столкновеніе, конечно, вызвало возмущеніе въ Японіи, митинги протеста въ Токио, — и въ заключеніе правительство, «подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія», предъявило Китаю ноту, въ которой требуетъ введенія японской полиціи въ восточной Монголіи и въ южной Манчжуріи. Конечно, — тамъ, гдѣ имѣются японцы. Но сейчасъ въ связи съ возстаніемъ, вспыхнувшимъ въ Монголіи въ пользу монархіи, японскія войска, покровительствомъ которыхъ, явнымъ образомъ, пользуются мятежники, проникаютъ все дальше и дальше въглубь страны, и, очевидно, вслѣдъ за ними должна будетъ подвигаться и японская полиція.

Все это не сулитъ Китаю безоблачнаго будущаго. Какъ кажется, китайское правительство отклонило требованіе Японіи. Но никакой реальной силы Китай не можетъ противопоставить японскимъ войскамъ. При иныхъ международныхъ условіяхъ онъ могъ бы рассчитывать на поддержку живнѣ, со стороны другой державы, заинтересованной въ монгольскихъ и манчжурскихъ дѣлахъ. Сейчасъ у него нѣтъ и этой надежды.

В. Воллкъ.

МИЛИТАРИЗМЪ ВЪ АМЕРИКѢ.

(Письмо изъ Нью-Йорка).

1.

На «Таймс свэръ», въ центрѣ театральнаго Нью-Йорка, завершите въ одинъ изъ большихъ кинематографовъ, сверкающихъ переливающимися огнями свѣтящихся вывѣсокъ. И вотъ что вы тамъ увидите. Американскій флотъ разбитъ. Дредноуты въ 40 тысячъ тоннъ покоятся на днѣ Атлантическаго океана. Бразеская армія высадилась около Нью-Йорка. Жалкая регулярная армія уничтожена. Плохо обученная милиція въ безпорядкѣ отступила. Неприятельскія орудія превратили гигантскіе небоскребы въ кучу жалкихъ развалинъ. Населеніе въ паникѣ. Заносчивыя войска вторгнувшася неприятеля вступили въ городъ.

Это только начало ужасовъ войны. Мирные граждане разстрѣливаются пулеметами на 5-мъ Авеню и Бродуэй. Грабятсѣ квартиры, пылаютъ подожженные доки, окутывая городъ чернымъ дымомъ. Безчинствуютъ разгулявшася побѣдители. Мать убиваетъ своихъ дочерей, чтобы избавить ихъ отъ позора.

Длинной чередой на блѣдномъ экранѣ кинематографа трепещутъ эти картины. Онѣ предвѣщаютъ грядущую бѣду и показываютъ, какъ могла бы быть счастлива Америка. Вотъ далекій югъ съ убѣгающими изъ плантаціями хлопка. Вотъ красивый профиль гористаго запада — страна золота, приключеній и дикою природы. Вотъ шумная Бродъ-стритъ, гдѣ неустанно кричатъ и странно жестикулируютъ толпа биржевыхъ маклеровъ. Дымный заводъ Центральной Америки, одинокая ферма, морской пляжъ. Картины мира и покоя, которымъ пришелъ конецъ. Почему? Потому что Соединенные Штаты легкомысленно не готовились къ возможной войнѣ.

И дрожащее полотно экрана съ пифрами и диаграммами доказываетъ военную безпомощность Сѣверной Америки. Вотъ одинъ за другимъ появляются фигуры солдатъ, олицетворяющія размѣры сухопутныхъ силъ разныхъ державъ. Гигантскій казакъ, нѣмецъ, французскій «пуалу», Томми Атклинсъ, все меньше и меньше дѣлаются фигуры, и, наконецъ, при смѣхѣ публики появляется едва замѣтная точка — это сравнительная величина американской регулярной арміи: въ ней 100.000 человекъ.

Такія же диаграммы показываютъ, сколько тратится на военныя надобности разными государствами, какъ великъ боевой флотъ, какъ ничтожно число аэроплановъ въ Америкѣ. Эти диаграммы подтверждаются цитатами изъ разныхъ книгъ, выдержками изъ рѣчей ораторовъ, а въ

заключеніе рисуется заманчивая перспектива военной мощи Америки. Сотни тысячъ юношей съ ружьемъ на плечѣ маршируютъ передъ отънами Капитолия. Во всѣхъ школахъ всѣ мальчики проходятъ военную выучку. Американскій флотъ численностью превъсиль англійскій, американская военная техника обогнала все, что только было сдѣлано въ этомъ отношеніи въ Европѣ.

Таковъ сюжетъ одной изъ кинематографическихъ лентъ, которая съ исключительнымъ усилѣмъ демонстрируется сейчасъ во всѣхъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ. Эта картина называется «Военный ключъ мѣра». Она снята по специальному заказу организации, ведущей агитацию за увеличеніе боевой готовности Америки. И эта картина совсемъ не единственная въ своемъ родѣ. Другая такая картина пыгается историческими примѣрами показать, что война — неизбежный и часто закономѣрный и плодотворный актъ государственной жизни («Оборона или порабощеніе»). Третья, прослаившаяся по всей Европѣ — Рожденіе Нации», — воскрешаетъ передъ американцами сцены гражданской войны, страныцы, полныя драматизма и героизма.

Возьмите одну изъ ходовыхъ и напугавшихъ романовъ на тему о борьбѣ Америки съ коварнымъ вѣншимъ врагомъ, напр., «Вторженіе въ Америку» Меллера, (J. M. Her, The invasion of America, New-York, 1916), и вотъ какой сюжетъ вы тамъ найдете: «Великая коалиція» четырехъ державъ (Германиа? Австрія? Турція? Болгарія? — авторъ именъ не даетъ, онъ только намекаетъ) объявила войну Америкѣ. Соединенный флотъ вражескихъ державъ вмѣстѣ съ безчисленными транспортными судами двинулись изъ Европы къ западу. О началѣ морского похода нападающія державы сами широко оповѣстили міръ. Американскія газеты сообщили, что на каждое военное судно Соединенныхъ Штатовъ приходится по одному вражескому дредноуту. Эти вѣсти ошеломили американскую республику. Изъ всѣхъ городовъ атлантическаго побережья раздался вопль, направленный въ Вашингтону:

— Защищайте насъ! Защищайте народъ! Обороняйте города!

Военное министерство отвѣчало, что вслѣдствіе недостаточности сухопутной арміи, американскимъ войскамъ остается только одно — отступать вглубь страны.

А гдѣ же флотъ? Флотъ безсиленъ передъ новой Армадой. Онъ могъ бы напасть лишь ночью — но почти нѣтъ. Тысячи прожекторовъ заливаютъ своимъ свѣтомъ ту сотню квадратныхъ миль, которая занята боевыми и транспортными судами врага.

Раннимъ апрѣльскимъ утромъ вдоль всего Атлантическаго побережья вытянулась линия боевыхъ судовъ непріятели. Онъ маскировалъ свое мѣсто высадки. Ровно въ 10,30 утра флотъ принялся обстрѣливать береговыя укрѣпленія и города. Одновременно началась и высадка около Бостона. Попытки сопротивленія были безрезультатны. Артиллеристы не умѣли стрѣлять, кавалерія была безъ лошадей, пушки безъ снарядовъ, милиція безъ ружей, войска безъ амуниціи.

Послѣ битвы въ Новой Англии было взято Бостонъ. Флотъ послѣ нѣсколькихъ мелкихъ стычекъ отступилъ къ югу, чтобы защитить хотя бы Панамскій каналъ. Черезъ двѣ недѣли было взято Нью-Йоркъ и рядъ другихъ городовъ. Америка попала подъ власть чужеземцевъ.

Если оставить въ сторонѣ эти области фантази и обратиться къ серьезнымъ книгамъ о военныхъ силахъ Америки, то и тамъ мы встретимъ буквально то же самое.

Въ книгѣ: «Готовы ли мы?» (H. Wheeler, Are we ready № 4. 1916.), среди аргументаціи въ пользу военной подготовки страны главное мѣсто занимаетъ описание прозягающаго Америки вторженія. Передъ лицомъ этой опасности авторъ покидаетъ свой тонъ публициста и превращается на нѣсколько главъ въ романиста.

Максимумъ въ книгѣ: «Беззащитная Америка» (Нью-Йоркъ 1915), *Defenseless America* при помощи статистическихъ таблицъ и диаграммъ доказываетъ все ту же мысль — Соединеннымъ Штатамъ грозитъ вторженіе вѣщнаго врага, и передъ нимъ американцы будутъ безсильны, если теперь же не позаботятся объ увеличеніи своихъ военныхъ расходовъ.

2.

Какъ видимъ, угроза неприятельскимъ нашествіемъ является самымъ центральнымъ и излюбленнымъ доводомъ американскихъ милитаристовъ, или по принятой въ Америкѣ терминологии — сторонниковъ „Preparedness“, т. е. военной готовности страны.

Разговоры о нашествии, конечно, исключительно удобны для воздействия на обывательскую публику. Но стоитъ ли упоминать, что якобы угрожающее Америкѣ нашествіе — это такая же фантазия, какъ нападеніе марсіянъ на нашу планету.

Опытъ этой войны показалъ, что транспортъ войскъ даже изъ дружественной страны въ дружественную сопряженъ съ исключительной трудностью. Для перевозки, напримѣръ, 33.000 канадскихъ войскъ (безъ амуниціи и запасовъ) въ Англию потребовалось 31 транспортное судно и 62 военныхъ судна и цѣлыхъ 33 дня. Неудача дарданелльской высадки изъ базы въ Александріи у всѣхъ въ памяти. Ни Японія, ни Германія, никакая другая европейская держава не будутъ въ силахъ высадить значительной арміи въ Америкѣ, даже если бы эти державы были властительницами океановъ.

Генералъ Майлье, давая показанія сенатской комиссіи нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, заявилъ: «Только въ самомъ крайнемъ случаѣ европейская держава осмѣлится высадить армію на американской почвѣ. Такую армію уже нельзя будетъ посадить обратно на суда. Она растаетъ, какъ снѣгъ подъ лучами полуденнаго солнца. Всѣ подобныя высадки кончатся крахомъ. Эти транспортныя экспедиціи рождаются въ головахъ тѣхъ сторонниковъ военной готовности, которые знаютъ о ней меньше, чѣмъ о чемъ другомъ».

Одинъ изъ сторонниковъ увеличенія американскаго флота самъ заявляетъ: «Если подъ національной обороной разумѣть лишь борьбу противъ высадки непріятельской армии, то для этого, строго говоря, флотъ совсѣмъ не нуженъ».

Если защитники боевой готовности вынуждены на первое мѣсто выдвигать доводъ столь шеубдительнаго характера, поневолю приходится искать окрытыхъ, невысказываемыхъ, но болѣе убѣдительныхъ причинъ, почему кампанія въ пользу „preparedness“ приобрѣла такое первенствующее значеніе въ современныхъ Соединенныхъ Штатахъ.

О разбѣрахъ боевой подготовки страны и характера ея существуютъ различные планы и предположенія.

Вотъ что говоритъ анкета по этому вопросу среди редакторовъ 500 периодическихъ изданій, организованная этой весной журналомъ „Literary Digest“. Подавляющее количество опрошенныхъ редакторовъ высказалось за увеличеніе постоянной армии въ среднемъ до 285.000 чел. (вмѣсто 100.000) съ резервомъ въ 1.200.000 человекъ. 40% ответовъ нашли нужнымъ, чтобы Америка имѣла флотъ, уступающій лишь Англии, но 60% высказалось за флотъ, первый въ мрѣ.

Есть, однако, люди, которые (какъ, напримѣръ, генералъ Уудъ) считаютъ, что для Америки одно спасеніе — всеобщая обязательная военская повинность. Правда, пока сторонники всеобщей военной повинности въ замѣтномъ меньшинствѣ.

Наряду съ увеличеніемъ постоянной армии сторонники боевой готовности предлагаютъ также увеличеніе численности милиціи отдельныхъ штатовъ, реорганизацію ея на одинаковыхъ началахъ и ея централизацію.

Они проектируютъ затѣмъ обязательное военское обученіе во всехъ школахъ и въ университетахъ, содѣйствіе женскимъ лагернымъ сборамъ въ цѣляхъ подготовки вспомогательныхъ, санитарныхъ и другихъ тыловыхъ отрядовъ, помощь стрѣлковымъ обществамъ и прочее.

Не малое мѣсто занимаютъ и предложенія финансоваго и экономическаго характера, вроде постройки стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ и коммерческаго флота, государственной поддержки заводовъ, производящихъ боевые припасы, и т. п.

3.

„Preparedness“ стала лозунгомъ дня, и нѣтъ какъ будто никого, кто бы открыто протестовалъ противъ нея. Конечно, рабочія организаціи борются съ этой милитаристскою агитаціей, и кучка папифистовъ протестуетъ противъ нея, но обѣ крупнѣйшія политическія партіи открыто высказались за нее. Вильсонъ говоритъ въ пользу нея не менѣе „распорѣчиво, чѣмъ лидеры республиканцевъ, а послѣдніе аргументируютъ во славу „preparedness“ не съ меньшей горячностью, чѣмъ прогрессисты.

Партія власти и партія, стремящаяся къ власти, равно хотятъ видѣть Америку мощной военной державой. Политическія партіи бур-

жуази считаютъ боевую подготовку страны самой неотложной задачей минуты. Всѣ «торговля палаты» штатовъ единодушно высказались за нее. Анкета „Outlook'a“ среди „business men“ (дѣловыхъ людей) проникнута тѣмъ же единствомъ боевого настроенія.

Небольшая лукавая справочка, приведенная въ польскомъ номерѣ журнала „Masses“, даетъ очень показательную иллюстрацію для характеристикъ социального состава лидеровъ милитаристской агитации.

Возьмемъ „National Security League“. Одинъ изъ ея главныхъ дѣятелей Хадсонъ Максимъ, извѣстный изобрѣтатель скорострѣльной пушки, въ 1915 году написалъ упомянутую выше книгу: «Беззащитная Америка», доказывающую, что Америка можетъ быть безъ труда завоевана всякимъ, кому не лѣнь. Эта книга легла въ основу кинематографической картины «Боевой кличъ мира». Въ книгѣ, картинѣ и рѣчахъ Максимъ велъ яростную агитацию въ пользу „preparedness“. Въ то же самое время онъ организовалъ акционерную компанію „Mullin Munitions Corporation“ съ капиталомъ въ 10 миллионовъ долларовъ для производства всякаго рода амуниціи, кромѣ взрывчатыхъ веществъ. Самъ Максимъ сталъ во главѣ дѣла и предложилъ новой компаніи использовать всѣ свои послѣдніе изобрѣтенія вродѣ воздушной торпеды, бомбометательныхъ пушекъ и т. п. Компанія должна была готовить пушки и снаряды, а «Лига Национальной Безопасности», агитируя за „preparedness“, — создавать сбытъ для товаровъ Максима и К-о.

Но Максимъ совсѣмъ не единственный въ своемъ родѣ. Въ той же «Лигѣ» Национальной Безопасности имѣются и другія столь же любопытныя фигуры вродѣ Роберта Бэкона, директора лиги, и въ то же время директора «Стальной Корпорации Соединенныхъ Штатовъ» и члена банковской фирмы Дж. П. Моргана или Ральфа Мерсона, виднаго дѣятеля фирмы Вестингаузъ.

Еще болѣе патриотизмъ перешлетевъ съ погоней за прибылью въ «Морской Лигѣ» (Navy League). Морская лига хочетъ, чтобы правительство выпустило на 500 миллионовъ долларовъ облигацій для постройки грандиознаго флота и созданія сильной армии. Въ журналѣ «Лиги» мы встрѣчаемъ, напримѣръ, такія выразительныя пассажи:

«Пацифизмъ — это такой же признакъ мужескаго вырожденія, какъ гуманитаризмъ — женскаго. Мировая имперія — вотъ естественная и логическая цѣль всякаго государства» (номеръ отъ сентября 1915 года). «Всякая страна имѣетъ полное и абсолютное право жить интенсивной жизнью, расширять свои границы, находить себѣ новыя колонны и дѣлаться все болѣе богатой при помощи допустимыхъ средствъ вродѣ завоеваній (!) торговли, дипломатіи и пр.» (номеръ отъ ноября 1915 г.).

Кто же проводитъ въ лигѣ эту опредѣленно-завоевательную программу? Изъ 19 ея основателей большинство тѣсно связано съ крупнѣйшими американскими фирмами, изготовляющими оружіе. Среди основателей фигурируютъ директоръ крупнѣйшей оружейной фирмы: „Bethlehem Steel Corporation“, „Carnegie Steel Co.“, „Midvale Steel and

Ordnance Co.“ (составляющие всё вместе неофициальный трест по изготовлению брони). Председатель „Harvey Steel Company“ (входившей в известный международный трест оружейных заводов) тоже был основателем «Лиги», так же, как Роберт Томпсон, председатель правления «Международной Никелевой Компании» (International Nickel Co) почти монополизировавшей производство никеля в Америке, покойный Дж. П. Морган (дьявол «Стальной Корпорации») и многие другие.

Среди директоров лиги мы имеем Дж. П. Моргана, Генри Фрика (директора Стальной Компании), Дж. Шельдона (директора Bethlehem Steel Co.), экс-сенатора Кларка («Медного Короля»), Кольмана дю-Пона (владельца известной фабрики взрывчатых веществ) и т. д. Среди членов насчитывается несколько десятков фирм, обрабатывающих сталь, мёд, строящих корабли и т. п.

До какой степени ажитация за боевую готовность тесно связана с мечтами о хороших прибылях и правительственных субсидиях видно, например, из следующих красноречивых фактов.

Недавно возникла «Ассоциация Национальных Путей Сообщения» (National Highways Association): среди её лидеров имеется тот же Кольман дю-Понд («Пороховой Король»). Ассоциация выработала карту трёх новых стратегических железнодорожных путей, которые необходимы для защиты страны от всецелующаго внешнего врага. По вычислениям заправил Ассоциация необходимо немедленно начать постройку 100.000 миль стратегических путей. Для этой цели Ассоциация считает нужным добиться правительственной субсидии в один миллиард долларов. Получение такой субсидии — вот главная цель сей патристической Ассоциации.

Еще более откровенную погоню за барышем обнаружили сторонники боевой готовности в деле изготовления брони для американскаго флота. Броня эта издавна поставляется упомянутыми выше основателями «Морской Лиги» (Bethlehem Steel Corp. и др.). Все прошлое этого треста не раз уже давало пищу для сенсационных разоблачений. Вот факты, взятые из официальных данных. Трест систематически продавал правительству Соединенных Штатов броню гораздо дороже, чём иностранным державам, включая и заклятых врагов страны. В 1894 году он продавал броню России по 249 долларов за тонну, а Соединенным Штатам по 616 долларов, в 1911 году сь Италии он брал 395, а со своей родины 420 долларов за тонну. В последние годы он брал сь Японии 406 долларов за тонну, а сь Соединенных Штатов — 504.

Сь 1887 года правительство Соединенных Штатов купило брони у треста 233 тысячи слишком тонн в среднем по 434 доллары за тонну, тогда как по точному подчету рыночная цена этой брони была не выше 250 долларов за тонну.

Мало того. Во всь критическя минуты трест повышал цену.

Такъ, передъ испано-американской войной онъ ультимативно заявлялъ правительству, что онъ не продастъ ни одной бронированной плиты, если ему не будутъ платить на 100 долларовъ больше за тонну, чѣмъ было установлено конгрессомъ.

Когда въ этомъ году конгрессъ началъ обсужденіе билля о правительственномъ заводѣ для изготовленія брони, трестъ заявилъ, что, если билль пройдетъ, онъ немедленно подниметъ цѣну на 200 долларовъ за тонну.

Аналогична тактика у пороховыхъ заводовъ Дю-Пона. Эта фирма продаетъ порохъ правительству по 53-80 центовъ за фунтъ, тогда какъ въ правительственныхъ арсеналахъ онъ обходится въ 34 цента.

И «бронированный» трестъ, и пороховая фирма оба находятся въ тѣсномъ общеніи съ аналогичными иностранными фирмами (въ частности и съ германскими) и общаются имъ все свои усовершенствованія. Въ томъ числѣ и тѣ, какія добыты усилиями американскаго военнаго флота.

Въ то же время заправили этихъ кампаний, говоря объ опасномъ внѣшнемъ врагѣ, готовящемся вторгнуться въ Америку, опредѣленно зываютъ именно на Германію.

4.

Не только погоня за непосредственнымъ барышемъ создаетъ горячихъ апологетовъ «боевой готовности», но и вся империалистская политика, чрезвычайно сложно сплетенная изъ различныхъ элементовъ.

Несмотря на извѣстную сдержанность президента Вильсона и демократовъ въ сферѣ империалистскихъ захватовъ, какъ разъ за послѣдніе годы имѣли мѣсто факты расширенія «сферы влияния» Соединенныхъ Штатовъ въ различныхъ областяхъ Америки.

Въ этомъ году сенатъ окончательно ратифицировалъ договоръ Соединенныхъ Штатовъ съ островомъ Гаити, заключенный на 20 лѣтъ. Такимъ образомъ, все острова Атлантическаго архипелага (за исключеніемъ британской Ямайки) подпали подъ влияние американской республики. Хотя условія этого «добровольнаго протектората» могутъ быть толкуемы весьма распространительно, но даже сама американская пресса не скрываетъ, что черезъ 20 лѣтъ Гаити будетъ полной собственностью Соединенныхъ Штатовъ. Что соглашеніе съ Гаити империалистами толкуется, какъ новый шагъ къ расширенію Соединенныхъ Штатовъ въ области центральной Америки, видно, напримѣръ, изъ словъ «Нью-Йоркской Трибуны»: «Договоръ съ Гаити укрѣпитъ положеніе Штатовъ въ томъ районѣ, гдѣ мы должны будемъ, слѣдуя доктринѣ Монро, болѣе расширить наше политическое влияние и положить все коммерческіе и стратегическіе плоды нашей грандіозной цивилизаторской работы въ Панамѣ» (Панамскій каналъ).

Какъ много вниманія Америка уделяетъ теперь району вокругъ Панамскаго канала, видно также изъ другого договора, тоже лишь въ этомъ году ратифицированнаго — соглашенія съ небольшою рес-

губликой Никарагуа, расположенной на томъ же узкомъ перешейкѣ, что и Панама. По своимъ географическимъ условиямъ Никарагуа могла бы явиться мѣстомъ новаго междуокеанскаго канала, конкурирующаго съ уже выстроенымъ. Къ тому же, эта республика располагаетъ группой острововъ, стратегически чрезвычайно полезныхъ для охраны Панамскаго канала.

Такъ какъ самъ Панамскій каналъ (обощедшійся свыше 400 миллионовъ долларовъ), вследствие постоянныхъ землетрясеній и оползней, дѣйствуетъ крайне не регулярно, то вполне возможно въ будущемъ прорыть новаго Никарагускаго канала. Такой каналъ долженъ быть тоже въ рукахъ Соединенныхъ Штатовъ. Договоръ съ республикой Никарагуа (насилъственно навязанный ей) предоставляетъ Штатамъ право прорытця канала и использование владѣній республики для морской базы. Взаимнѣ Никарагуа получаетъ на свои государственныя нужды 3 милл. долларовъ, которые, конечно, будутъ тратиться подѣ контролемъ Соединенныхъ Штатовъ.

Аналогичный договоръ будетъ въ ближайшемъ будущемъ заключенъ и съ прилегающей республикой — Гондурасъ.

Соединенные Штаты возобновили въ этомъ году также и переговоры о покупкѣ у Дании трехъ острововъ въ Вестъ-Индии, которые дадутъ новую опору Штатамъ въ районѣ Центральной Америки.

Недавно состоявшійся конгрессъ дѣятелей англійской торговли определенно подчеркнул необходимость «концентраціи американскихъ капиталовъ въ Средней и Южной Америкѣ». Въ тѣхъ же дѣляхъ была этой весной отправлена специальная коммерческая миссія въ Аргентину.

Въ концѣ 1915 года Нью-Йоркскій National City Bank (дѣятели котораго часто встрѣчаются среди заправиль Лигъ, хлопочущихъ о боевой готовности страны) создалъ «Американскую Интернаціональную Компанью», съ капиталомъ въ 50 миллионовъ долларовъ со специальной цѣлью эксплуатированія другихъ странъ, главнымъ образомъ расположенныхъ на американскомъ материкѣ. Въ официальномъ извѣщеніи банка говорится между прочимъ: «Это дѣло должно быть дѣломъ національнымъ и найти довѣрие и поддержку у всѣхъ патристически настроенныхъ американцевъ». Одинъ изъ дѣятелей новой компаніи (Вандерлигъ), развивая планы экономическихъ завоеваній для Америки, немедленно указалъ, зачѣмъ нужна prep re!ness для американскихъ капиталистовъ: «Наше правительство (заявилъ онъ), — не только не защищаетъ жизни своихъ гражданъ, но даже (!) не охраняетъ интересовъ лицъ, вложившихъ свои капиталы зараницей».

Надо добавить, что National City Bank годъ назадъ уже открылъ шесть отдѣленій въ латинской Америкѣ и теперь заключилъ специальныя соглашения съ американскими университетами для подготовки части студентовъ для банковской работы въ чужеземныхъ странахъ, главнымъ образомъ въ Южной Америкѣ.

Соединенные Штаты пытаются, какъ видно, использовать затруд-

нения Германии и другихъ европейскихъ державъ и уязвимость въ областяхъ, гдѣ долготѣ безраздѣльно царить европейскій капиталъ.

Въ связи съ той же тягой къ югу стоять и непрекращающаяся недоразумѣнія съ Мексикой. Въ теченіе тридцати съ лишкомъ лѣтъ «царствования» Диаса Мексика распродалась оптомъ и въ розницу иностраннымъ капиталистамъ, главнымъ образомъ, американскимъ. Wall Street питалъ къ Диасу самую привязанность, хорошо оплачиваемую процентами съ получаемыхъ отъ мексиканскаго президента концессій.

Революція, свергая Диаса, нашла въ американскихъ финансистахъ¹ ожесточенныхъ враговъ. Воздъ революции Мадеро былъ убитъ при подозрительной обстановкѣ, и весьма многие органы печатки (въ томъ числѣ демократическій Harpers Weekly въ этомъ году), определенно шапекали на прикосновенность къ этому дѣлу американскаго посла, Вильсона и финансовыхъ круговъ Соединенныхъ Штатовъ. Гуэрта, воздъ реставраціи, не былъ признанъ президентомъ Вильсономъ, но былъ вполне определенной креатурой американскаго капитала. Когда на сцену появился генералъ Карранца, теперешній фактический глава Мексики, финансовый міръ Америки началъ противъ него упорную борьбу. Карранца вызвалъ ненависть не только своими демократическими реформами (доставившими ему званіе «социалиста» даже отъ радикальныхъ элементовъ), но особенно стремленіемъ ограничить притокъ иностранныхъ капиталовъ въ Мексику и прекратить выдачу новыхъ концессій чужеземнымъ финансистамъ.

Только въ теченіе одного текущаго года дѣльцами Wall Street было сдѣлано нѣсколько попытокъ свергнуть Карранцу (кстати сказать, признаннаго Вильсономъ). То субсидируемый потомкомъ Диаса подымаетъ въ Мексикѣ знамя возстанія противъ Карранцы, то въ Нью-Йоркѣ появляется какая-то группа подозрительныхъ «революционеровъ», кричащихъ о канунѣ «народной революціи» въ Мексикѣ, направленной противъ «деспота» Карранцы, то, наконецъ, полу-бандитъ Вилла, заклятый врагъ Карранцы, приобретаетъ неожиданную силу и оказывается надѣленнымъ не только оружіемъ, но и деньгами.

Послѣднія осложненія съ Мексикой начались нападеніемъ Виллы на американскій пограничный городокъ. По свидѣтельству очевидцевъ, это нападеніе носило всѣ признаки заранее подготовленнаго... изъ Америки. Не только всѣмъ въ городѣ было за нѣсколько дней известно о готовящемся нападеніи, но даже одно газетное агентство успѣло крикнуть заранее своего представителя и особаго телеграфиста.

¹ Я разумѣю ту видную часть финансоваго капитала, которая группируется вокругъ Рокфеллера, Standard Oil, Хорстъ, Гагенхейнъ и непосредственно заинтересована въ нефтяныхъ источникахъ и рудникахъ Мексики (американскіе капиталисты имѣютъ мексиканскихъ цѣнностей почти на I миллиардъ долларовъ). Эта финансовая группа связана главнымъ образомъ съ республиканской партіей. Демократы и самъ Вильсонъ держатся по отношенію Мексики гораздо болѣе умѣренной позиціи.

Сейчас же вследъ за набѣгомъ большая часть прессы начала опредѣленную кампанію, призывая къ завоеванію Мексики. Рѣдко приходится наблюдать газетный походъ, претупленный большей лживости. Газеты систематически писали о томъ, что войска Карранцы надеются взять Виллу, что военный министръ Мексики имѣлъ совѣщаніе съ Виллой, что американскія войска подверглись нападенію мексиканцевъ и т. д.

Въ разгаръ этой газетной вакханаліи даже самъ Вильсонъ опредѣленно заявилъ, что «въ американскихъ газетахъ ведется кампанія противъ Мексики, полная лжи и имѣющая цѣлю вызвать въ Соединенныхъ Штатахъ въ мексиканскія дѣла въ интересахъ группы финансистовъ, имѣющихъ мексиканскія цѣнности».

Въ сенатѣ было названо нѣсколько именъ видныхъ финансовыхъ дѣльцовъ, подготовлявшихъ неурядицу въ Мексикѣ.

Провокація, организованная американскими финансистами, зашла, однако, такъ далеко, что даже Вильсону пришлось уступить и сперва послать карательный отрядъ въ Мексику, а затѣмъ мобилизовать и выдвинуть къ границѣ милицію.

Въ эту минуту удалось достигнуть извѣстнаго соглашения съ Карранцей, хотя нѣтъ никакихъ гарантій, что черезъ мѣсяцъ, другой не явится прежняя обостренность положенія. Лозунгъ капиталистовъ Рокфеллеровской группы гласитъ: «Мексика должна быть присоединена». Понятно поэтому и все рвеніе господъ съ Wall Street ратующихъ за preparedness.

Если для обороны отъ мнимаго внѣшняго врага совсѣмъ не нужны ни сильнаго флота, ни армии, то для происходящаго колониальнаго расширенія Соединенныхъ Штатовъ и то и другое будетъ чрезвычайно необходимо.

Сейчасъ при этихъ колониальныхъ побѣдахъ Соединенные Штаты не имѣютъ серьезныхъ соперниковъ. Совсѣмъ иное можетъ оказаться послѣ войны. На мировой аренѣ будутъ двѣ сильныхъ коалиціи державъ съ громадными арміями и флотомъ, съ большимъ боевымъ опытомъ. Возобновится прежняя погоня за колоніями. Обострится коммерческая война, опирающаяся на военную силу соперничающихъ державъ.

Свои коммерческія преимущества Соединеннымъ Штатамъ придется тогда базировать также и на своей боевой силѣ.

Прекращеніе европейской войны для Америки будетъ означать прекращеніе заказовъ военнаго характера, въ такомъ изобиліи поступающихъ отъ союзниковъ¹. И, чтобы не обречь на полную бездѣятельность безчисленные заводы, часто специально выстроенные на время войны, нужно будетъ маскировать необходимость работы на национальную оборону. Эти мотивы будутъ усиливать агитацію за „preparedness“ прямо пропорціонально близости европейскаго мира.

¹ По вычисленіямъ американскихъ газетъ, за два года войны союзники размѣстили въ С. Штатахъ заказовъ на три миллиарда долларовъ.

Не надо упускать из виду также и мотивъ внутреннего характера. Усиление военныхъ силъ страны поможетъ успешнѣе бороться съ усиленно растущимъ рабочимъ и социалистическимъ движеніемъ. Уже теперь главная роль пресловутой американской милиціи сводится къ усмирению стачечниковъ и охранѣ штрейкбрехеровъ.

Экспансивный «прогрессистъ» Рузвельтъ совершенно открыто заявилъ, что подготовка «боевой готовности» должна идти рука объ руку съ обузданіемъ рабочаго движенія. «Частыя стачки, происходящія въ странѣ (шипеть онъ въ мартовской книжкѣ „Metropolitan“) являются самымъ зловѣщимъ признакомъ нашей неподготовленности». Поэтому среди прочихъ мѣръ онъ проектируетъ принудительный арбитражъ, причѣмъ въ качествѣ арбитровъ должны быть лица, «чуждыя глупой сентиментальности» по отношенію къ рабочимъ.

Своего рода постоянно дѣйствующее военное положеніе для рабочихъ — вотъ необходимый элементъ вожделѣнной милитаристской системы.

5.

Агитация за милитаризмъ, краснорѣчиво поддерживаемая трагическими событіями въ Европѣ, уже достигла весьма реальныхъ результатовъ. Прекрасный контингентъ арміи въ 100,000 человекъ уже увеличенъ почти на 50% и вполне вѣроятно, что онъ увеличится еще болѣе уже въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ. На увеличеніе флота въ полѣ текущаго года сенатъ вотировалъ 315.000,000 долларовъ и эта сумма, вѣроятно, и будетъ ассигнована. Всего за этотъ годъ конгрессъ ассигновалъ на военные нужды небывалую сумму въ 685 милл. долларовъ.

Мобилизация милиціи для защиты Мексиканской границы (первая общая мобилизация за послѣднее пятидесятилѣтіе) дала поводъ къ фактической централизаци милиціи штатовъ и превращенію ея въ единую армію, приближающуюся по характеру къ регулярной арміи. Такъ, наприимѣръ, подъ давленіемъ прессы и непосредственнаго начальства всѣ милиционеры за единичными исключеніями «принесли присягу», т. е. выразили согласіе не только дѣйствовать въ предѣлахъ штатовъ (согласно закону о милиціи), но и воевать за предѣлами ихъ.

Въ нѣкоторыхъ штатахъ дѣло зашло еще дальше. Такъ, наприимѣръ, въ штатѣ Нью-Йоркъ прошло пять законовъ, полученныхъ названіе «кровавой пятерки».

Одинъ изъ этихъ законовъ даетъ губернатору право въ любой моментъ заставить всѣхъ взрослыхъ мужчинъ записаться въ милицію. Другой вводитъ военное обученіе въ школахъ для дѣтей съ восьми-лѣтняго возраста.

Быть можетъ, важнѣе всѣхъ этихъ завоеваній милитаризма — та психологическая перемѣна, которая замѣчается въ значительной части американскаго населенія. Мы видимъ, какъ создаются женскіе лагеря, тренирующіе женщинъ для военнаго дѣла. Значительная доля студентовъ и учащихся средней школы проводятъ это дѣло въ лагеряхъ, дѣв опять таки идеть военное обученіе подъ руководствомъ

инструкторовъ-офицеровъ. Многотысячный конгрессъ дѣятелей образования принимаетъ резолюцію, одобряющую военное обучение въ школахъ. Пресса, за исключеніемъ рабочей печати, горячо рекламируетъ всѣ успѣхи милитаристовъ. Однимъ словомъ та полоса реакціи, въ которую вступила Европа, захватила и далекую Сѣверо-Американскую республику. Однимъ изъ ближайшихъ итоговъ этого милитаристскаго увлеченія будетъ обостреніе социальныхъ отношеній. Уже теперь есть признаки этого, и вотъ что заявили, напримѣръ, одинъ изъ рабочихъ лидеров сенатской комиссіи:

«Милитаристская агитація приведетъ къ усилению въ Соединенныхъ Штатахъ открытой классовой борьбы. Пропаганда во имя redness внесетъ рознь въ среду американскихъ гражданъ и направитъ трудъ противъ капитала».

Мы видимъ, что даже, не участвуя въ войнѣ, Америка переживаетъ приблизительно то же, что и воюющая Европа. На другой день послѣ подписанія мира великой американской республикѣ придется разрѣшать сложныя внутреннія проблемы, опять таки аналогичныя европейскимъ. Какъ война объединяетъ сейчасъ миръ общностью задачъ и настроеній, такъ социальная проблема станетъ для всѣхъ насущной и неотвязчивой въ периодъ послѣ войны. Мировая исторія увидитъ новую эпоху, столь же драматическую и знаменательную, какъ и переживаемая сейчасъ.

В. Керженцевъ.

ИЗЪ ИТАЛІИ.

(«Наши за-границей». — «Национальное министерство». — О программѣ итальянской войны. — Юго-славянская проблема. — Италия и Германия).

.....

Не послѣднюю роль въ этомъ «пріятіи» играютъ надежды на русскій рынокъ. Мы не ошибемся, сказавъ, что главный смыслъ пребывания въ Италиі русскіхъ гостей заключался для ея «авторитетныхъ» круговъ именно въ возможности завязать коммерческой узелъ дружбы. Еще задолго до прибытія депутатовъ въ Италию публицисты стали усиленно поглядывать мечтательнымъ взоромъ на восточную союзницу, такъ поражающую воображеніе ея европейскіхъ друзей своими размѣрами и многообѣщательными возможностями. Русскіе корреспонденты итальянскихъ газетъ довольно часто возвращались къ вопросу о переходѣ итало-русскаго сотрудничества «отъ оружія — къ торговлѣ» — «dalle armi

отказала на этотъ разъ въ довѣри Саландрѣ, но, вѣдь, основную массу черныяковъ кабинетъ получилъ отъ «Демократическаго Союза», объединяющаго лѣво-интервентистскія группы отъ радикаловъ до республиканцевъ, т. е. кабинетъ оказался свергнутымъ элементами, причислять которые къ нейтралистамъ столь же нелѣпо, сколь недобросовѣстно.

Съ другой стороны, не менѣе скороспѣлымъ является широко господствующее за-границей мнѣніе, будто итальянскій кризисъ вызванъ съ цѣлью «расширить» программу войны: декларация Бозелли и въ еще большей мѣрѣ сохраненіе въ новомъ министерствѣ Сонинно недвусмысленно показали, что особыхъ иллюзій на этотъ счетъ питать не приходится. Если оставить въ сторонѣ персональныя амбиціи и возжеланія, закулисные ходы и прочіе неизбежныя атрибуты бужуазнаго парламентаризма, сыгравшіе свою роль въ исторіи поньскаго кризиса, его основную причину можно, однако, свести къ протесту противъ изоляціонной политики, упорно и принципиально проводившейся павшимъ кабинетомъ. Интервентистскія группы, которымъ Италия обязана войной, а Салаандра — званіемъ государственнаго человѣка и «возрожденнаго Кавура», имѣли всѣ законныя для парламентскаго государства права на участіе въ правительствѣ. Объ этомъ своемъ правѣ онѣ открыто заявили еще въ мартѣ, причемъ въ видѣ сдачи экзамена на политическую зрѣлость отказались отъ боевого и главнаго принципиальнаго пункта своей программы — объявленія войны Германіи и заявили о готовности принять въ лоно національнаго министерства своихъ якобы смертельныхъ враговъ: джюлиггианцевъ и католиковъ. (Такова была декларативная рѣчь реформиста Канезы, теперешняго товарища министра агрикультуры). Но Салаандра былъ неумолимъ и, широко используя интервентистовъ, съ ихъ помощью проведя войну и прочно сѣвши у власти, сталъ откровенно проводить свою консервативную партійную политику. Надо быть справедливымъ: если въ жестахъ Антонио Салаандры было много отъ зарвавшагося рагвену, если авантюризмъ «южно-американскаго» типа сыгралъ слишкомъ большую роль въ карьерѣ этого властолюбца съ диктаторскими замашками, — за нимъ есть крупная и рѣдкая для буржуазной Италіи заслуга политической опредѣленности. Это человѣкъ дѣйствія и программы, чуждый экивоковъ и оппортунизма, знающій, чего хочетъ и гнущій свою линию. Салаандра — лидеръ не существующей еще въ Италіи партии, и не подлежитъ сомнѣнію, когда аморфная масса консервативныхъ элементовъ страны начнетъ кристаллизоваться и получитъ возможность твердой рукой овладѣть судьбами государства, мы еще увидимъ у кормила власти нынѣ поверженнаго кумира... Можно, конечно, какъ это дѣлаютъ въ полемикѣ противники интервентистовъ, говорить имъ, что они получили заслуженный урокъ, что они сами виноваты, очутившись въ положеніи мавровъ, сдѣлавшихъ свое дѣло, наконецъ. — «любимъ кататься, люби и саночки возить»; но мы здѣсь не полемизируемъ, мы пытаемся дать объясненіе переходу интервентистовъ въ оппозицію къ правительству, относительно котораго еще такъ

недавно они же устами своего лидера Биссолати заявляли: «Правительство — это отечество»...

Что представляет изъ себя новый кабинетъ, пришедшій на смѣну «историческому», какъ здѣсь его называютъ, министерству Салаандры? Прежде всего приходится отмѣтить отсутствие въ новомъ правительствѣ ставового «хребта», какимъ являлся павшій премьеръ, или, напр., во Франціи — Брианъ. 78-лѣтній Паоло Бозелли ни въ какомъ случаѣ не можетъ претендовать на эту роль. Намѣченный въ президенты по двумъ критеріямъ: какъ старѣйшина парламента и какъ дѣятель весьма покладистый, способный ужиться съ кѣмъ угодно и какъ угодно, — Бозелли самая подходящая фигура для эклектической политики искусственно созданнаго «национальнаго» министерства. Вотъ какъ характеризуетъ этого премьера «Messaggero», наиболее дружественный органъ и члѣннаго кабинета: «Паоло Бозелли не является совершеннымъ государственнымъ и правительственнымъ дѣятелемъ: онъ не имѣетъ для этого, быть можетъ, всей энергии, легкости, увѣренности и опыта». Газета далѣе поясняетъ, какимъ образомъ недостатокъ «энергии, легкости, увѣренности и опыта», вѣрнѣе политическая неопредѣленность и болотная «безпартийность» вдругъ превратились въ добродѣтель, украсившую Бозелли: всѣ эти «качества» помогли ему собрать вокругъ себя разнообразныя элементы, что не удалось бы дѣятелю съ ясной политической физиономіей; наконецъ, его возрастъ обезпечиваетъ ему безапелляционный авторитетъ и почтеніе со стороны коллегъ, «иные изъ которыхъ въ обычное время имѣли бы большее передъ нимъ преимущество на руководство правительствомъ»...

Отсутствие «позвоночника» въ новомъ кабинетѣ должно было компенсироваться его «национальнымъ» характеромъ: въ министерство должны были войти, по франко-англійскимъ образцамъ, представители всѣхъ политическихъ партій, но, увы! и съ этой стороны кризисъ завершился не совсѣмъ благополучно. Объ отсутствіи въ новой комбинаціи скляной и вліятельной социалистической партіи говорить не приходится: это отсутствие вытекаетъ изъ общей ея тактической линіи, въ частности изъ ея рѣзкаго и открытаго неприятія «войны». Два другихъ «внутреннихъ врага» Италиі — джюлиитіанцы и католики, сторонники нейтралитета, со дня объявленія войны патристически ее поддерживающе, получили представительство въ новомъ министерствѣ. Мы имѣемъ теперь въ кабинетѣ трехъ джюлиитіанцевъ: два «бывшихъ» или, какъ ихъ здѣсь называютъ, «обращенныхъ» («convertiti»); Сакки (юстиція) и Фера (почта и телеграфъ) и одинъ болѣе или менѣе аутентичный — Колосимо (колони). Представителемъ католической группы является Меда (финансы), не признаваемый, однако, наиболѣе, ортодоксальными элементами итальянскаго клерикализма. Такъ, когда кабинетъ окончательно сформировался, въ ватиканскомъ официсѣ «L'Essevatore Romano» появилась статья, въ которой говорилось, что Меда «не можетъ, какъ министръ, представлять никого другаго, кромѣ самого себя и своихъ»

друзей», такъ какъ итальянскіе католики, хотя и выполняютъ свои обязанности добрыхъ гражданъ, но не могутъ взять на себя ответственности за войну. Въ такомъ же приблизительно духѣ высказался въ Камерѣ католическій депутатъ Мильоли, но его единомышленникъ Чириани горячо поддержалъ Меду, равно, какъ и вся модернизированная католическая печать типа «Corriere d'Italia». Словомъ, и здѣсь повторилась обычная тактика двойной клерикальной бухгалтерии, о которой болѣе подробно у насъ шла рѣчь въ одномъ изъ предшествующихъ писемъ¹. Точно такая же исторія произошла съ министромъ Командини, долженствующимъ представлять въ кабинетѣ короля республиканскую партію. Но секретарь ея письмомъ въ редакціи различныхъ газетъ уведомилъ публику, что «ни дирекція партіи, ни числящиеся въ ней депутаты никого не делегировали или уполномочивали представлять ее въ новомъ министерствѣ». Римская организація партіи, къ которой принадлежалъ Командини, заявила, что «своимъ поступкомъ онъ поставилъ себя внѣ партіи». Правда, эти осужденія далеко не единодушны, и наряду съ ними министръ получаетъ также горячія привѣтствія, — но официально онъ своей партіей дезавуированъ, — хотя въ своемъ поступкѣ онъ неизмѣримо болѣе правъ и послѣдователенъ, чѣмъ его судьи, ведущіе двойственную политику клерикальнаго типа.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ «национальномъ министерствѣ» — не говоря уже о существенномъ, но законномъ социалистическомъ пробѣлѣ, — имѣются изрядныя трещины, весьма умаляющія его право на столь пышное имя. Но — «что въ имени тебѣ моемъ?» — могли бы возразить сторонники новаго министерства: пусть имя и не соответствуетъ фактическому положенію вещей, это еще недостаточный поводъ для недовѣрія. воздавать надо по дѣламъ, а не по словамъ. Теперь, когда мы пишемъ эти строки, не прошло еще и мѣсяца со дня существованія кабинета Бозелли, но во время войны и этого срока достаточно для выявленія правительственной физиономіи.

«Новое — старое министерство», — такъ озаглавилъ «Avanti» статью, въ которой комментировалось созданіе кабинета Бозелли. Это опредѣленіе вѣрно не только потому, что въ новую комбинацію вошли пять важнѣйшихъ сотрудниковъ Саландры — въ томъ числѣ и Соннино, — занявшіе и теперь главные портфели: иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, военный и морской, государственное казначейство, — но, главнымъ образомъ, потому, что любое министерство въ Италіи во время настоящей войны обречено на продолженіе политики Саландры. Все то, что составляло при немъ душу внутренняго управленія страной: недовѣріе и пренебреженіе къ парламенту, подозрительность ко всему и ко всѣмъ, репрессія, цезурный терроръ — фатально и неизбежно для страны . . .

. цѣ оппозиція сосредоточена въ рукахъ болѣе организованной и имбьющей жи-

¹ «Лѣтопись», № 3 (мартъ): «Итальянскій клерикализмъ и война».

рокое влияние на массы партии. Бозелли не станетъ, подобно Саландри, вывирать портфелью о скамью или кулаками угрожать палате прослушанъ за «дерзости», но и при немъ дѣятельность Парламента сведена до минимума и ни о какихъ «комиссахъ контроля» мечтать не приходится, равно какъ и объ исчезновеніи длинныхъ бѣлыхъ полосъ въ неудобной печати или прекращеніи репрессій противъ социалистовъ. Объ этомъ новый премьеръ даже счелъ своимъ долгомъ оповѣстить въ своей деклараціи: «Мы не знаемъ никакихъ предубѣжденій противъ итальянцевъ всѣхъ партий, одинаково борющихся и умирающихъ за отечество. Всѣ тѣ, которые въ великой опасности отдаютъ сердце, мысль и трудъ для національной побѣды, равно входятъ въ согласие націи. *Только по отношению къ тѣмъ, которые, забывши о святости отечества, пытались бы понизить какимъ бы то ни было образомъ спокойную уверенность итальянскаго народа, должна быть бдительной и непреклонной общественная власть*». По человечеству, нельзя не пожалѣть о людяхъ, которые, руководясь тяжелой войной, вынуждены ежеминутно вспоминать о существованіи *inmemori della santita della Patria*...

ДНЕВНИКЪ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Въ извлеченіяхъ подъ редакціей А. М. Хирьянова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

На-дняхъ долженъ выйти въ свѣтъ второй томъ «Дневниковъ Л. Н. Толстого». Въ этомъ второмъ томѣ помѣщенъ дневникъ молодости великаго писателя. Помѣщая здѣсь извлеченія изъ этого дневника, хочется обратить вниманіе читателей на отношеніе автора къ самому себѣ за тотъ періодъ, къ которому относится помѣщаемый здѣсь дневникъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на отношеніе его къ этому дневнику.

Въ своей «Исповѣди» Толстой описываетъ свое поведеніе въ молодости въ самыхъ мрачныхъ краскахъ:

«Безъ ужаса, омерзения и боли сердечной,—говоритъ онъ,— не могу вспомнить объ этихъ годахъ. Я убивалъ людей . . . вызывалъ на дуэли, чтобъ убить; проигрывалъ въ карты, проѣдалъ труды мужиковъ, казилъ ихъ, блудилъ, обманывалъ. Ложь, воровство, любодѣянiя всѣхъ родовъ, пьянство, насиліе, убійство... Не было преступленія, котораго бы я не совершалъ, и за все это меня хвалили, считали и считаютъ мои сверстники сравнительно нравственнымъ человѣкомъ».

Само собою разумѣется, что къ этимъ самообличеніямъ необходимо отнести съ нѣкоторымъ критическимъ сомнѣніемъ. Написаны они были въ періодъ обостренной нравственной переоцѣнки всего міросозерцанія автора, въ тотъ періодъ, когда ему казалось, что вся жизнь его совершенно перемѣнилась, и то, что прежде казалось хорошимъ, показалось дурнымъ, и то, что прежде казалось дурнымъ, показалось хорошимъ. Въ этотъ періодъ только что уяснившася новаго жизнепониманія вполне понятна эта особенная рѣзкость обличенія по отношенію къ тому періоду молодости, который былъ проведенъ въ согласіи съ отвергаемымъ теперь ученіемъ міра сего. Но даже и обличая и бичуя себя, Толстой все-таки указываетъ если не на оправданіе, то хоть на объясненіе тѣхъ грѣховъ молодости, въ которыхъ онъ себя укорялъ.

«Я всею душой желалъ быть хорошимъ, но я былъ молодъ, у меня были страсти, а я былъ одинъ, совершенно одинъ, когда искалъ хорошаго. Всякій разъ, когда я пытался высказывать то, что я хочу быть нравственно хорошимъ, я встрѣчалъ презрѣніе и насмѣшки, а какъ только я предавался гадкимъ страстямъ, меня хвалили и поощряли».

Эта власть пустого свѣтскаго общества надъ юношей Толстымъ мѣстами очень явственно чувствуется въ «Дневникѣ молодости». Толстой сознается въ своихъ ошибкахъ, упрекаетъ себя въ томъ, что допускаетъ надъ собой вліяніе такихъ людей, которыхъ онъ не уважаетъ, и все-таки остается подъ этимъ вліяніемъ. Онъ, какъ онъ писалъ впоследствии, всей душой желалъ быть хорошимъ, но въ сущности даже не отдавалъ себѣ яснаго отчета, что значить быть хорошимъ. Даже оставаясь наединѣ съ самимъ собой, какъ бы внѣ посторонняго вліянія, онъ все-таки не могъ отъ этого вліянія освободиться и высказывалъ чувства и взгляды, внушенные окружающею его средой.

Общество признавало, что молодой человѣкъ долженъ дѣлать карьеру и Толстой записываетъ въ своемъ дневникѣ, какъ правило: «искать общества съ людьми, стоящими въ свѣтѣ выше, чѣмъ самъ,—съ такого рода людьми, прежде, чѣмъ видишь ихъ, приготовить себя, въ какихъ съ ними быть отношеніяхъ... На балѣ приглашать танцевать дамъ самыхъ важныхъ... Попасть въ высокій свѣтъ и при извѣстныхъ условіяхъ жениться... Найти мѣсто, выгодное для службы...» и т. п.

На самомъ дѣлѣ эти мудрыя правила оставались у Толстого только на бумагѣ. Въ высшій свѣтъ онъ не попалъ, выгоднаго мѣста не получилъ и никакой служебной карьеры не сдѣлалъ. Несмотря на развращающее вліяніе общества, какое-то нравственное чутье давало молодому человѣку особое направленіе. Очень часто страстная натура брала свое, были ошибки, были паденія, были попытки согласовать свою жизнь не съ требованіями строгой нравственности, а обычными взглядами окружающаго общества, но въ концѣ концовъ побѣждала все-таки душевная чистота неиспорченнаго молодого человѣка, и Толстой оставался тѣмъ немного страннымъ чудакомъ, какимъ знали его въ то время его сверстники.

Много лѣтъ спустя, когда все мелкое, все нанесенное извнѣ, все заимствованное отъ пустого свѣтскаго общества перегорѣло въ огнѣ мучительныхъ исканій правды, Толстой съ его чуткой совѣстью и обновленнымъ жизнепониманіемъ съ болѣзненнымъ ужасомъ вспоминалъ свою безпутно прожитую молодость.

«И съ отвращеніемъ читаю жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строкъ «постыдныхъ» не смываю».

А желаніе смыть постыдныя строки, хотя бы вѣтхимъ образомъ, у него было, и, ввѣряя Черткову свои дневники, онъ первоначально просилъ уничтожить дневники молодости.

«Дневники моей холостой жизни я прошу уничтожить,— писалъ онъ въ первомъ проектѣ своего завѣщанія,—не потому

что я хотѣлъ бы скрыть отъ людей свою дурную жизнь,—жизнь моя была обычная дрянная жизнь безпринципныхъ молодыхъ людей, но потому, что эти дневники, въ которыхъ я записывалъ только то, что мучило меня сознаниемъ грѣха, производятъ ложно одностороннее впечатлѣніе и представляютъ... А впрочемъ, пускай остаются мои дневники, какъ они есть, изъ нихъ видно, по крайней мѣрѣ, то, что, несмотря на всю пошлость и дрянность моей молодости, я все-таки не былъ оставленъ Богомъ и хотъ подъ старость сталъ, хотъ немного, понимать и любить Его».

Таково отношеніе Толстого къ своимъ дневникамъ. Наше отношеніе, конечно, не можетъ быть такимъ. Для насъ они дороги потому, что раскрываютъ передъ нами тотъ первоначальный періодъ духовнаго развитія великаго писателя, о которомъ безъ этихъ дневниковъ мы не могли бы имѣть яснаго представленія. Намъ въ высшей степени интересно среди малозначущихъ записей дневника молодого человѣка встрѣчать зародыши тѣхъ мыслей, яркимъ свѣтомъ которыхъ много лѣтъ спустя озарилось все культурное человѣчество. Трогательно видѣть робкое сомнѣніе въ своихъ силахъ при первыхъ шагахъ того человѣка, который впоследствии наполнилъ весь міръ своей славой.

«Есть ли у меня талантъ сравнительно съ новыми русскими литераторами?»—спрашиваетъ себя Толстой и отвѣчаетъ:—«Положительно нѣту». А между тѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого вопроса, послѣ первыхъ же вещей Толстого, появившихся въ печати, Писемскій сказалъ о начинающемъ авторѣ: «Этотъ офицершкa насъ всѣхъ заклюеть, хотъ бросай перо».

Толстой-юноша сомнѣвается въ своемъ талантѣ и сожалеетъ о своемъ невѣжествѣ, а между тѣмъ въ этомъ же дневникѣ мы находимъ строки, въ которыхъ уже чувствуется рука настоящаго художника и попадаютъ мысли, достойныя мудреца.

Свѣдѣнія о Толстомъ за послѣдніе годы его жизни разрослись въ колоссальную литературу на нѣсколько языкахъ, точно также существуетъ очень много его портретовъ послѣднихъ лѣтъ. Юношескіе портреты Толстого всѣ наперечетъ и такъ же скудны и свѣдѣнія о его молодости. Поэтому «Дневникъ молодости» является драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ для всѣхъ, кому дорога русская литература, такъ какъ онъ содержитъ и массу автобіографическихъ свѣдѣній о Толстомъ и даетъ рѣдкій по выразительности и искренности автопортретъ. Надо только умѣть подойти къ нему, умѣть понять его, отбрасывая чужое и наносное и улавливая зародыши того, что составляетъ теперь міровую славу и гордость русской литературы.

А. Хирьяковъ.

* * *

14 Июня, 1847 г.

Почти через два мѣсяца берусь я за перо, чтобы продолжать свой дневникъ. Ахъ, трудно человѣку развить изъ самого себя хорошее подъ вліяніемъ одного только дурного. Пускай не было бы хорошаго вліянія, но не было бы и дурного, и тогда бы въ каждомъ существѣ духъ взялъ бы верхъ надъ матеріей; но духъ развивается различно, или развитіе его въ каждомъ существѣ отдѣльно составляетъ часть всеобщаго развитія, или упадокъ его въ отдѣльныхъ существахъ усиливаетъ его развитіе во всеобщемъ.

16 Июня.

Дойду ли я когда-нибудь до того, чтобы не зависѣть ни отъ какихъ постороннихъ обстоятельствъ? По моему мнѣнію, это есть огромное совершенство; ибо въ человѣкѣ, который не зависитъ ни отъ какого посторонняго вліянія, духъ, необходимо по своей потребности, превзойдетъ матерію, и тогда человѣкъ достигнетъ своего назначенія.

Я начинаю привыкать къ 1-му правилу, которое я себѣ назначилъ. И нынче назначаю себѣ другое, именно слѣдующее: смотри на общество женщинъ, какъ на необходимую неприятность жизни общественной, и, сколько можно, удаляйся отъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ: отъ кого получаемъ мы сластолюбіе, изнѣженность, легкомысліе во всемъ и множество другихъ пороковъ, какъ не отъ женщинъ? Кто виноватъ въ томъ, что мы лишаемся врожденныхъ въ насъ чувствъ: смѣлости, твердости, разсудительности, справедливости и другихъ—какъ не женщины? Женщина воспримчивѣе мужчины, поэтому въ вѣка добродѣтели женщины были лучше насъ. Въ тепершній же развратный, порочный вѣкъ—онѣ хуже насъ.

14 Июля 1850 г.

Опять принялся я за дневникъ, опять съ новымъ рвеніемъ и новой цѣлью. Который уже это разъ? Не помню. Все равно, можетъ-быть, опять брошу, зато пріятное занятіе, и пріятно будетъ перечестъ, также какъ пріятно было перечестъ старыя.

Мало ли бываетъ въ головѣ мыслей, и которыя кажутся весьма замѣчательными, а какъ размотришь,—выйдетъ пустошь;

иныя же точно дѣльныя—вотъ для этого-то и нуженъ дневникъ. По дневнику весьма удобно судить о самомъ себѣ.

Потомъ, такъ какъ я нахожу необходимымъ опредѣлять всѣ занятія впередъ, то для этого тоже необходимъ дневникъ. Хотѣлось бы привыкнуть опредѣлять свой образъ жизни впередъ, не на одинъ день, а на годъ, на нѣсколько лѣтъ, на всю жизнь даже; слишкомъ трудно, почти невозможно. Однако, попробую, сначала на день, потомъ на два дня,—сколько дней я буду вѣрнѣе опредѣленіямъ, столько дней буду задавать себѣ впередъ.

Подъ опредѣленіями этими я разумѣю не моральныя правила, независящія ни отъ времени, ни отъ мѣста, правила, которыя никогда не измѣняются и которыя я составляю особенно, а именно опредѣленія временныя и мѣстныя: гдѣ и сколько пробыть, когда и чѣмъ заниматься.

17 Июля.

Когда бываю въ апатическомъ расположеніи, то я замѣтилъ, что очень возбуждаетъ меня къ дѣятельности всякое философическое сочиненіе, теперь читаю Montesquieu. Мнѣ кажется, что я сталъ лѣниться отъ того, что много слишкомъ началъ, поэтому впередъ не буду переходить къ другому занятію, покуда не выполню назначеннаго.—Для того, чтобы я не могъ отговариваться тѣмъ, что не успѣлъ составить систему, буду вписывать въ дневникъ, какъ правила общія, такъ и правила по части музыки и хозяйства.

Изъ правилъ общихъ: то, что предположилъ себѣ дѣлать, не откладывая подъ предлогомъ разсыянности или развлеченія по тотчасъ, хотя наружно, принимайся за дѣло. Мысли придуть.

Напримѣръ, ежели предположилъ писать правила, то вынь тетрадь, сядь за столъ, и до тѣхъ поръ не вставай, пока не начнешь и не кончишь.

Правила по части музыки.

Ежедневно играть: 1) всю 24 гаммы. 2) Все аккорды, арпеджіо на двѣ октавы, 3) все обращенія, 4) хроматическую гамму. Учить одну пьесу и до тѣхъ поръ не идти дальше, пока не будетъ мѣста, гдѣ будешь останавливаться. Все встрѣчающіяся cadenza перекладывать во все тоны и учить. Ежедневно, по крайней мѣрѣ, 4 страницы музыки разыгрывать, и не идти, пока не найдешь настоящаго doigté.

2-ое Марта, 1851 г.

Немного сталъ я ослабѣвать оттого, главное, что мнѣ начинаетъ казаться, что сколько я надъ собой ни работаю, ничего изъ меня не выйдетъ. Эта же мысль пришла мнѣ потому, что

я исключительно занимался напряжением воли, не заботясь о формѣ, въ которой она проявлялась.—Постараюсь исправить эту ошибку.—Теперь я хочу приготовиться къ кандидатскому экзамену, слѣдовательно, вотъ форма, въ которой должна проявиться воля, но недостаточно взять тетради и читать, нужно приготовить себя для этого, нужно заниматься систематически нужно достать себѣ вопросы по всѣмъ предметамъ и по нимъ составить конспекты. Нужно прискать студента, который бы помогъ давать наставленія и толкованія.

Завтра утромъ читать энциклопедію съ начала съ справками по Неволину, ¹ отъ 8 до 12. Въ 12-ть идти и отыскивать студента въ 2—гимнастику; отъ 6-ти до ночи заниматься энциклопедіей или чѣмъ другимъ, и часъ для музыки.

Правило: Помнить при всякомъ дѣлѣ, что первое и единственное условие, отъ котораго зависитъ успѣхъ, есть терпѣніе. и что больше всего мѣшаетъ всякому дѣлу, и что особенно мнѣ много повредило.—есть торопливость.

17-го (Апрѣля).

Ничего не писалъ, лѣнь одолѣла!! Нынче хочу начать исторію охотничьяго дня.—Долго разговаривалъ съ тетенькой. Она очень добра и очень высокой души, но очень односторонняя. У нея есть одна колея, въ которой она чувствуетъ и мыслить, дальше же этой колеи—ничего.

Мучаетъ меня сладострастіе.

Ничѣмъ нельзя (опредѣлить) лучше, идишь ли впередъ въ чемъ бы то ни было, какъ попробовать себя въ прежнемъ образѣ дѣйствій. Чтобы узнать, выросъ или нѣтъ, надо стать подъ старую мѣрку.—Послѣ 4 мѣсяцевъ отсутствія, я опять въ той же рамкѣ. Въ отношеніи лѣни я почти тотъ же. Умѣнье обращаться съ подданными—немного лучше. Но въ чемъ я пошелъ впередъ—это въ расположеніи духа.

18-го (Апрѣля).

Не могъ удержаться, подалъ знакъ чему-то розовому, которое въ отдаленіи казалось мнѣ очень хорошимъ, и отворилъ сзади дверь. Она пришла. Я ее видѣть не могъ, противно гадко, даже ненавижу, что отъ нея измѣняю правиламъ. Вообще чувствую очень похожее на ненависть, которую питаешь къ тѣмъ людямъ, которымъ не можешь показать, что не любишь, и которые имѣютъ право полагать въ васъ къ себѣ хорошее расположеніе.—Чувство долга и отвращеніе говорили противъ.

Ужасное раскаяніе; никогда я не чувствовалъ его такъ сильно. Это шагъ впередъ.

11 Юня. 1851 г. Кавказъ. Старый Юртъ. ²

Лагерь. Ночь. Уже дней пять я живу тутъ, и одержимъ уже давно забытой мною лѣнью. Дневникъ вовсе бросилъ. Природа, на которую я больше всего надѣялся, имѣя намѣреніе ѣхать на Кавказъ, не представляетъ до сихъ поръ ничего завлекательнаго. Лѣнность, которая, я думалъ, развернется вполнѣ здѣсь, тоже не оказывается.

Ночь ясная, свѣжій вѣтерокъ продуваетъ палатку и колеблетъ свѣтъ, нагорѣвшій свѣтъ ³; слышенъ отдаленный лай собаки въ аулѣ, переключка часовыхъ; пахнутъ дубовыми и чинарными листьями, изъ которыхъ сложенъ балаганъ. Я сижу на барабанѣ, въ балаганѣ, который съ каждой стороны примыкаетъ къ палаткѣ, одна закрытая, въ которой спитъ К... (непріятный офицеръ), другая открытая, и совершенно мрачная, исключая одной полосы свѣта, падающей на конецъ постели брата; передо мною ярко освѣщенная сторона балагана, на которой висятъ пистолеты, пашки, кинжалъ и т. д. Тихо; слышно, дуетъ вѣтеръ, пролетитъ букашка, пожужжитъ около меня, и кашлянетъ и охнетъ около солдатъ.

3 Юля.

Сейчасъ лежалъ я за лагеремъ. Чудная ночь! Луна только что выбиралась изъ-за бугра и освѣщала двѣ маленькія, тонкія, легкія тучки; за мной свистѣлъ свою заунывную, непрерывную пѣсню сверчокъ; вдали слышна лягушка, и около аула то раздается крикъ татаръ, то лай собаки, и опять все затихаетъ, и опять слышенъ одинъ только свистъ сверчка и катится легонькая, прозрачная тучка мимо дальнихъ и ближнихъ звѣздъ. Я думалъ: пойду, опишу я, что вижу. Но какъ написать это? Надо пойти, сѣсть за запачканный чернилами столъ, взять сврую бумагу, чернила; пачкать пальцы и чертить по бумагѣ буквы. Буквы составляютъ слова; слова—фразы, но развѣ можно передать чувство? Нельзя ли какъ-нибудь перелить въ другого свой взглядъ при видѣ природы? Описаніе недостаточно. Зачѣмъ такъ тѣсно связана поэзія съ прозой, счастье съ несчастьемъ? Какъ надо жить? Стараться ли соединить вдругъ поэзію съ прозой, или насладиться одною и потомъ пуститься жить на произволь другой?

Въ мечтѣ есть сторона, которая лучше дѣйствительности: въ дѣйствительности есть сторона, которая лучше мечты. Полное счастье было бы соединеніе того и другого.

4-е Июля.

Я собою почти доволенъ, исключая того, что я это время какъ-то пустъ. Нѣтъ мыслей, ежели и есть, то онѣ мнѣ кажутся до того ничтожными, что не хочется ихъ писать. Не знаю, отчего это? Подвинулся ли я въ критическомъ отношеніи или упалъ въ творческомъ. Завтра поѣду въ ауль и въ Грозное. Поговорю съ братомъ о деньгахъ и рѣшу о поѣздкѣ въ Дагестанъ. Рѣшительно ничего писать не могу, хотя есть личности стоящія. Какъ ничтожно пропадаютъ дни! Вотъ нынѣшній какъ: ни одного воспоминанія, ни одного сильнаго впечатлѣнія! Всталъ я поздно съ тѣмъ неприятымъ чувствомъ при пробужденіи, которое всегда дѣйствуетъ на меня; я дурно сдѣлалъ, проспалъ. Я, когда просыпаюсь, испытываю то, что трусливая собака передъ хозяиномъ, когда виновата. Потомъ подумалъ я о томъ, какъ свѣжи моральныя силы человѣка при пробужденіи, и почему не могу я удержать ихъ всегда въ такомъ положеніи. Всегда буду говорить, что сознаніе есть величайшее моральное зло, которое только можетъ постигнуть человѣка. Больно, очень больно знать впередъ, что я черезъ часъ хотя буду тотъ же человѣкъ, тѣ же образы будутъ въ моей памяти, но взглядъ мой независимо отъ меня переменится, и вмѣстѣ съ тѣмъ сознательно.

Обѣдали втроемъ, какъ обыкновенно: я, братъ и Кнорингъ. Попробую набросать портретъ Кноринга. Мнѣ кажется, что *описать* человѣка собственно нельзя; но можно описать, какъ онъ на меня подѣйствовалъ. Говорить про человѣка: онъ человѣкъ оригинальный, добрый, умный, глупый, послѣдовательный и т. д.,—слова, которыя не даютъ никакого понятія о человѣкѣ, а имѣютъ претензію обрисовать человѣка, тогда какъ часто только сбиваютъ съ толку.

Я зналъ, что братъ жилъ съ нимъ гдѣ-то, что вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ на Кавказъ и что былъ съ нимъ хорошъ. Я зналъ, что онъ дорогой вель расходы общіе; стало быть, былъ человѣкъ аккуратный, и что былъ долженъ брату, стало-быть, былъ человѣкъ неосновательный.—По тому, что онъ былъ друженъ съ братомъ, я заключилъ, что онъ былъ человѣкъ не свѣтскій, и потому, что братъ про него мало рассказывалъ, я заключилъ, что онъ не отличался умомъ.

Разъ, утромъ, братъ сказалъ мнѣ: «Нынче будетъ сюда Кнорингъ, какъ я радъ его видѣть».—Посмотримъ этого Кноринга,—подумалъ я.—За палаткой я услыхалъ радостныя восклицанія свиданія съ братомъ и голосъ, который отвѣчалъ на нихъ столь же радостно: «Здравствуй, морда!»—Это человѣкъ не порядоч-

ныи,—подумалъ я,—и не понимающій вещей. Никакія отношенія не могутъ дать прелести такому нарицанію.

Братъ, по своей привычкѣ, отрекомендовалъ меня ему; я, бывши уже настроенъ съ невыгодной стороны, поклонился холодно и продолжалъ читать лежа.

8-го Іюля.

Любовь и религія, вотъ два чувства чистыя, высокія. Не знаю, что называютъ любовью. Ежели любовь то, что я про нее читалъ и слышалъ, то я ее никогда не испытывалъ. Я видалъ прежде Зинаиду⁴ институточкой, она мнѣ нравилась, но я мало зналъ ее (фу, какая грубая вещь слово, какъ площадно, глупо выходить переданныя чувства). Я жилъ въ Казани недѣлю. Ежели бы у меня спросили, зачѣмъ я жилъ въ Казани, что мнѣ было такъ пріятно? Отчего я былъ такъ счастливъ? Я не скалъ бы, что это потому, что я влюбленъ. Я не зналъ этого. Мнѣ кажется, что это-то незнаніе и есть главная черта любви и составляетъ всю прелесть ея. Какъ морально легко мнѣ было въ это время! Я не чувствовалъ этой тяжести всѣхъ мелочныхъ трастей, которая портитъ всѣ наслажденія жизни. Я ни слова не сказалъ ей о любви, но я такъ увѣренъ, что она знаетъ мои чувства, что ежели она меня любитъ, то я приписываю это только тому, что она меня поняла. Всѣ порывы души чисты, возвышенны въ своемъ началѣ. Дѣйствительность уничтожаетъ невинность и прелесть всѣхъ порывовъ.

Мои отношенія съ Зинаидой остались на ступени чистаго стремленія двухъ душъ другъ къ другу. Но, можетъ-быть, ты сомнѣваешься, что я тебя люблю, Зинаида! прости меня, ежели это такъ, я виноватъ, однимъ словомъ могъ бы я тебя увѣрить.

Неужели никогда я не увижу ее? Неужели узнаю когда-нибудь, что она вышла замужъ за какого-нибудь Бекетова? Или, что еще жалче, увижу ее въ чепцѣ веселенькой и съ тѣми же умными, открытыми, веселыми и влюбленными глазами? Я не оставилъ своихъ плановъ, чтобы ѣхать жениться на ней, я не довольно убѣжденъ, что она можетъ составить мое счастье, но все-таки я влюбленъ! Иначе что же эти отрадныя воспоминанія, которыя оживляютъ меня, что этотъ взглядъ, въ который я всегда смотрю, когда только я вижу, чувствую что-нибудь прекрасное. Не написать ли ей письмо? Не знаю ея отчества и отъ этого, можетъ быть, лишусь счастья. Смѣшно. Забыли взять рубашку со кладками, отъ этого я не служу въ военной службѣ. Ежели бы забыли взять фуражку, я бы не думалъ являться къ Воронцову служить въ Тифлисѣ. Въ папахѣ нельзя же! Теперь Богъ⁵

знать, что меня ждет... Предаюсь въ волю Его! Я самъ не знаю, что нужно для моего счастья, и что такое счастье? Помнишь Архіерейскій садъ, Зинаида, боковую дорожку? На языкѣ висѣло у меня признаніе, и у тебя тоже. Мое дѣло было начать; но, знаешь, отчего, мнѣ кажется, я ничего не сказалъ? Я былъ такъ счастливъ, что мнѣ нечего было желать, я боялся испортить свое... не свое, а наше счастье.

Лучшимъ воспоминаніемъ въ жизни останется навсегда это милое время. А какое пустое и тщеславное созданіе—человѣкъ. Когда меня спрашиваютъ про время, проведенное мною въ Казани, я небрежнымъ тономъ отвѣчаю: «Да, для губернскаго города очень порядочное общество, и я довольно весело провелъ нѣсколько дней тамъ».

Подлецъ! Все осмѣяли люди! Смѣются надъ тѣмъ, что съ милымъ рай и въ шалашѣ, и говорятъ, что это не правда. Разумѣется правда; не только въ шалашѣ—въ Крапивнѣ, въ Старомъ Юртѣ—вездѣ. Съ милымъ рай и въ шалашѣ, и это правда, правда, сто разъ правда!

10-го Августа 1851 г.

Третьяго дня ночь была славная; я сидѣлъ въ Старогладовской, у окошка своей хаты и всѣми чувствами, исключая осязанія, наслаждался природой. Мѣсяцъ еще не выходилъ; но на юго-востокѣ уже начинали краснѣть ночныя тучки; легкій вѣтерокъ приносилъ запахъ свѣжести. Лягушки и сверчки сливались въ одинъ неопредѣленный, однообразный ночной звукъ. Небосклонъ былъ чистъ и засѣянъ звѣздами. Я люблю всматриваться ночью въ покрытый звѣздами небосклонъ; можно рассмотреть за большими, ясными звѣздами маленькія, сливающіяся въ бѣлыя мѣста. Размотришь, любишься ими, и вдругъ опять все скроется, кажется—звѣзды стали ближе. Мнѣ правится этотъ обманъ зрѣнія.

Не знаю, какъ мечтаютъ другіе, сколько я не слыхалъ и не читалъ, то совсѣмъ не такъ, какъ я. Говорятъ, что, смотря на красивую природу, приходятъ мысли о величьи Бога и ничтожности человѣка; влюбленные видятъ въ водѣ образъ влюбленной, другіе говорятъ, что *горы, казалось, говорили то-то, а листочки то-то, а деревья звали туда-то*. Какъ можетъ придти такая мысль! Надо стараться, чтобы вбить въ голову такую нелѣпицу. Чѣмъ больше я вижу, тѣмъ болѣе мирюсь съ различными натянутостями (*affectation*) въ жизни, разговорѣ и т. д.; но къ этой натянутости, несмотря на всѣ мои разговоры—не могу. Когда я занимаюсь тѣмъ, что называется «мечтать», я никогда не могу

найти въ головѣ моей ни одной путной мысли; напротивъ, всѣ мысли, которыя перебѣгаютъ въ моемъ воображеніи, всегда самыя пошлыя, такія, на которыхъ не можетъ остановиться вниманіе; и когда попадаешь на такую мысль, которая ведетъ за собою рядъ другихъ, то это пріятное положеніе моральной лѣтви, которое составляетъ мое мечтаніе—исчезаетъ, и я начинаю думать.

Не знаю, какимъ ходомъ забрели въ мое гуляющее воображеніе воспоминанія о ночахъ. Цыгане... Катины пѣсни, глаза, улыбки и нѣжныя слова еще свѣжи въ моей памяти, зачѣмъ ихъ выписывать, вѣдь я хочу рассказать исторію совсѣмъ не про то.

Я замѣчаю, что у меня дурная привычка къ отступленіямъ, и именно, что эта привычка, а не обильность мыслей, какъ я прежде думалъ, часто мѣшаютъ мнѣ писать и заставляютъ меня встать отъ письменнаго стола и задуматься совсѣмъ о другомъ, чѣмъ то, что я писалъ. Пагубная привычка. Несмотря на огромный талантъ рассказывать и умно болтать моего любимаго писателя Стерна,⁶ отступленія тяжелы даже у него.

Кто водился съ цыганами, тотъ не можетъ не имѣть привычки напѣвать цыганскія пѣсни, дурно ли, хорошо ли, но всегда это доставляетъ удовольствіе, потому что живо напоминаетъ. Одна характеристическая черта воспроизводитъ для насъ силою воспоминанія о случаяхъ, связанныхъ съ этою чертою. Въ цыганскомъ пѣньѣ эту черту опредѣлить трудно, она состоитъ въ выговорѣ словъ, въ особомъ родѣ украшеній (фіоритуръ) и удареній.

Я пѣлъ у окна одну, хотя и не изъ любимыхъ моихъ цыганскихъ пѣсенъ—«Скажи зачѣмъ», но пѣсню, которую пѣла мнѣ Катя, сидя у меня на колѣняхъ въ тотъ самый вечеръ, когда она рассказывала мнѣ, что она меня любитъ, и что оказываетъ расположеніе другимъ только потому, что хоръ того требуетъ, но что никому не позволяетъ кромѣ меня вольностей, которыя должны быть закрыты завѣсой скромности. Я въ тотъ вечеръ отъ души вѣрилъ во всю ея пронырливую цыганскую болтовню, былъ хорошо расположенъ, никакой *гость* не разстроилъ меня; за то и вечеръ и пѣсню эту люблю.

Я пѣлъ съ большимъ одушевленіемъ, застѣнчивость не сдерживала моего голоса и не путала переходовъ; я съ большимъ удовольствіемъ слушалъ самого себя. Тщеславіе, какъ всегда, прокралось въ мою душу, и я думалъ: «мнѣ очень пріятно себя слушать, но еще пріятнѣе, должно-быть, слушать меня посторон-

нимъ»; я даже завидовалъ ихъ удовольствію, котораго я лишень былъ, какъ вдругъ, переводя духъ и прислушиваясь къ звукамъ ночи, чтобы еще съ большимъ чувствомъ пропѣть слѣдующій куплетъ, я услыхалъ шорохъ подъ своимъ окошкомъ.

— Кто тутъ?—Это я, я,—отвѣчалъ мнѣ голосъ, котораго я не узналъ, несмотря на увѣренность его, что отвѣтъ этотъ былъ совершенно удовлетворителенъ.—Кто я?—спросилъ я, раздосадованный тѣмъ, что разстроилось мое мечтаніе и пѣніе какимъ-то проходимъ.—Я домой шелъ-съ, да остановился, слушалъ.—А! Марка?—Такъ точно-съ. Это вы, кажется, ваше сіятельство, изволите калмыцкія пѣсни пѣть?—Какія калмыцкія пѣсни?—Да я слышалъ,—продолжалъ онъ, не замѣчая моего огорченія и обиды,—что голосъ схожъ съ ихнимъ рейладомъ.—Да, калмыцкія.—Нужно было этому хромому Маркѣ глухимъ своимъ разговоромъ испортить мое удовольствіе, теперь ужъ кончено, я не могъ продолжать ни мечтать, ни пѣть. Сейчасъ пришла мнѣ мысль, что я пою очень дурно, что смѣхъ, который я слышалъ на сосѣднемъ дворѣ, произведенъ былъ моимъ пѣніемъ. Я очнулся подъ неиріятнымъ впечатлѣніемъ. Заниматься я тоже не могъ. Спать мнѣ не хотѣлось; притомъ Марка, какъ видно было, былъ въ хорошемъ расположеніи духа и былъ совершенно невиннымъ орудіемъ разочарованія. Я изъясилъ ему свое удивленіе, что онъ еще не спитъ, онъ сказалъ мнѣ весьма вычурными, непонятными словами, что у него бессонница. У насъ завелся разговоръ. Узнавъ, что я не хочу спать, онъ попросилъ позволенія взойти ко мнѣ, на что я согласился, и Марка усѣлся съ костылями противъ моей постели. Личность Марка, котораго зовутъ одинаково Лукою, такъ интересна и такая типическая казачья личность, что имъ стоитъ заняться.

Мой хозяинъ, старикъ Ермоловскихъ временъ, казакъ врунь и л... Янишка⁸, назвалъ его Маркой на томъ основаніи, что, какъ онъ говоритъ, есть три Апостола: Лука, Марка и Никита мученикъ; и что одинъ, что другой, все равно. Поэтому Лукашку онъ прозвалъ Маркой, и пошло по всей станицѣ ему прозваніе Марка.

Марка человѣкъ лѣтъ 25, маленькій ростомъ и убогій; у него одна нога несоотвѣтственно мала сравнительно съ туловищемъ, а другая несоотвѣтственно мала и крива сравнительно съ первой ногой; несмотря, или, скорѣе, поэтому онъ ходитъ довольно скоро, чтобы не потерять равновѣсія, съ костылями и даже безъ костылей, опираясь одной ногой почти на половину

стулци, а другой на самую ципочку. Когда онъ сидитъ, вы скажете, что онъ средняго роста мужчина и хорошо сложенный.

Замѣчательно, что ноги у него всегда достаютъ до пола, на какомъ бы высокомъ стулѣ онъ ни сидѣлъ. Эта способность въ его *посадкѣ* всегда поражала меня; сначала я приписывалъ это способности вытягиванія ногъ, но изучивъ подробно, я нашелъ причину въ необыкновенной гибкости спинного хребта и способности задней части принимать всевозможныя формы. Спереди казалось, что онъ не сидитъ на стулѣ, а только прислоняется и выгибается, чтобы закинуть руку за спинку стула (это его любимая поза); но, обойдя сзади, я, къ удивленію моему, нашелъ, что онъ совершенно удовлетворяетъ требованіямъ сидящаго.— Лицо у него не красивое; маленькая, по-казацки гладко обстриженная голова, довольно крупный, умный лобъ, изъ-подъ котораго выглядываютъ плутовскіе, сѣрые, нелипенные огня глаза, носъ, загнутый кольцомъ внизъ, выдавшіяся толстыя губы и обросшій рыженькой короткой бородкой подбородокъ—вотъ отдѣльно черты его лица: веселость, самодовольство, умъ и робость. Морально описать я его не могу, но сколько онъ выразилъ въ слѣдующемъ разговорѣ—передамъ. Еще прежде у насъ съ нимъ были сношенія и разговоры. Въ тотъ же самый день онъ пришелъ ко мнѣ, когда я укладывалъ вещи для завтрашней поѣздки. У меня сидѣлъ Япишка, котораго онъ боится, весьма справедливо полагая, что Япишка будетъ завидовать всему тому, что я дамъ Маркѣ. Марку я выбралъ своимъ учителемъ по Кумыцки.

— У меня до васъ, ваше Сіятельство, можно сказать (онъ любить употреблять это вставочное предложеніе), будетъ просьбица...—Что такое?—Послѣ позвольте сказать, а впрочемъ,—сказалъ онъ одумавшись,—и теперь,—улыбаясь взглянувъ на Япишку;—ежели бы карандашикъ и бумажка, я могъ бы письменно...

Я ему показалъ на нужное для писанья—на столѣ; онъ взялъ бумажку, сложилъ ноги и костыли въ какую-то одну неопредѣленную кучу, усѣлся на полу и нагнулъ голову на бокъ, мусолилъ безпрестанно карандашъ, улыбался и строчилъ съ трудомъ какія-то каракульки, выводилъ на колѣняхъ; черезъ пять минутъ я получилъ слѣдующее посланіе, разумѣется криво и крупно написанное, которое и подалъ мнѣ и, обратившись къ Япишкѣ, сказалъ: «Вотъ, дядя, тутъ сидишь и не знаешь, что писано».— Да, грамотей!—отвѣчалъ тотъ насмѣшливо.

«Осмѣлюсь просить ваше Сіятельство, что ежели милость

ваша будетъ, т. е. насчетъ дорожнаго самовара, и впередъ готовъ вамъ служить, ежели онъ старенькій и къ надобности не 'потребуется'. Улыбку, съ которой я ему сказалъ: «хорошо возьми», онъ вѣрно принялъ за одобрительную его литературному таланту, потому что отвѣтилъ той же самодовольною и хитрою улыбкой, съ которой и прежде обращался къ Япишкѣ. Вотъ и все. Ночью же разговоръ у насъ завязался слѣдующій.— Вы еще отдыхать не изволите?—Нѣтъ, не спится; а ты гдѣ былъ?—Тоже, признаться сказать, спать не хотѣлось,—по станицѣ прогулялся, зашелъ кой-куда, да вотъ и домой шель.

У меня есть та особенность, что вещи, которыя я дѣлаю не увлекаюсь, а обдуманно, я все робѣю, не могу рѣшиться назвать по имени и прямо приступить къ нимъ. Въ его же разговорѣ есть та особенность, что у него ихъ два: одинъ обыкновенный, который онъ употребляетъ въ случаяхъ, не представляющихъ ничего особеннаго и особенно пріятнаго; при такого рода обстоятельствахъ онъ держитъ себя очень просто и прилично; ежели же рѣчь коснется чего-нибудь выходящаго изъ колеи его привычекъ, то онъ начинаетъ говорить вычурными и непонятными, не столько словами, сколько періодами; при этомъ даже наружность его совершенно измѣняется: глаза получаютъ необыкновенный блескъ, нетвердая улыбка искривляетъ уста, приходитъ всѣмъ тѣломъ въ движеніе и самъ не свой.

Разговоръ и рассказъ Марки былъ очень забавенъ, особенно его ходатайство для К... Л..., который былъ къ нему приверженъ, по который, добившись желанной дѣли, по слабости здоровья не могъ воспользоваться трудами Марка.

22 Августа.

28-го мое рожденіе. Мнѣ будетъ 23 года; хочется мнѣ начать съ этого дня жить сообразно съ цѣлью, которую самъ себя поставилъ. Обдумаю завтра все хорошенько, теперь же принимаюсь опять за дневникъ, съ будущимъ расписаніемъ занятій и сокращенной франклинской таблицей⁹. Я полагалъ, что это неданство, которое вредитъ мнѣ; но недостатокъ не въ томъ, и стѣснить размахистымъ движеніямъ души—никакой таблицей нельзя. Ежели таблица эта могла подѣйствовать на меня, то только полезно, укрѣпляя характеръ и пріучая къ дѣятельности; поэтому продолжаю тотъ же порядокъ.

Съ восхода солнца заняться приведеніемъ въ порядокъ бумагъ, счетовъ, книгъ и занятій; потомъ привести въ порядокъ

мысли и начать переписывать первую главу романа... Писалъ объѣда (мало ѣсть) татарскій языкъ, рисованіе, стрѣльба, мопіонъ.

4 Сентября.

28-го минуло мнѣ 23 года. Много разсчитывалъ я на эту эпоху, но, къ несчастію, я остаюсь все тѣмъ же, въ нѣсколько дней я умѣлъ передѣлать все то, чего не оправдывалъ. Рѣзкіе перевороты не возможны. Оказался слабъ во многихъ случаяхъ—въ простыхъ отношеніяхъ съ людьми, въ опасности, въ карточной игрѣ, и все также одержимъ ложнымъ стыдомъ. Много вралъ, ѣздилъ Богъ знаетъ зачѣмъ въ Грозную, не подѣхалъ къ Барятинскому¹⁰. Проигралъ сверхъ того, что было въ карманѣ, и, пріѣхавши назадъ, цѣлый день не спросилъ у Алексѣева¹¹ денегъ, какъ того хотѣлъ. Лѣнился очень много; и теперь не могу собрать мыслей и пишу, а писать не хочется.

20-го Марта 1852 г.

Сколько я могъ изучить себя, мнѣ кажется, что во мнѣ преобладаютъ три дурныя страсти: игра, сладострастіе и тщеславіе. Я уже давно убѣдился въ томъ, что добродѣтель, даже въ высшей степени, есть отсутствіе дурныхъ страстей; поэтому, ежели дѣйствительно я уничтожилъ въ себѣ хотя сколько-нибудь преобладающія страсти, я смѣло могу сказать, что я сталъ лучше. Разсмотрю каждую изъ этихъ страстей.

Страсть къ игрѣ проистекаетъ изъ страсти къ деньгамъ, но большей частью (особенно тѣ люди, которые болѣе проигрываютъ, чѣмъ выигрываютъ), разъ начавши играть отъ нечего дѣлать, отъ подражанія и изъ желанія выиграть, не имѣютъ страсти къ выигрышу, но получаютъ новую страсть къ игрѣ, къ ощущеніямъ. Источникъ этой страсти, слѣдовательно, въ одной привычкѣ, и средство уничтожить страсть—уничтожить привычку.—Я такъ и сдѣлалъ. Въ послѣдній разъ я игралъ въ концѣ Августа—слѣдовательно слишкомъ 6 мѣсяцевъ, и теперь не чувствую никакого позыва къ игрѣ. Въ Тифлисѣ я сталъ играть съ маркеромъ на партіи и проигралъ ему что-то около 1000 партій; въ эту минуту я могъ бы проиграть все. Слѣдовательно, ужъ разъ усвоивъ эту привычку, она легко можетъ возобновиться; и поэтому, хотя я не чувствую желанія играть, но я всегда долженъ избѣгать случая играть, что я и дѣлаю, не чувствуя никакого лишенія.

Сладострастіе имѣетъ совершенно противоположное основаніе: чѣмъ больше воздержаніе, тѣмъ сильнѣе желаніе. Есть

двѣ причины этой страсти: тѣло и воображеніе. Тѣлу легко противустоять, воображенію же, которое дѣйствуетъ и на тѣло, очень трудно. Средство, какъ противъ той, такъ и другой причины есть трудъ и занятія, какъ физическія—гимнастика, такъ и моральныя—сочиненія. Впрочемъ, нѣтъ. Такъ (какъ) это влеченіе естественное и которое я нахожу дурнымъ только по тому неестественному положенію, въ которомъ нахожусь (холостымъ въ 23 года), ничто не поможетъ, исключая силы воли и молитвы къ Богу—избавить отъ искушенія. (..).

Тщеславіе есть страсть непонятная—одно изъ тѣхъ золъ, которыми, какъ невольными болѣзнями, голодомъ, саранчей, войной—Провидѣніе казнить людей. Источниковъ этой страсти нельзя открыть; но причины, развивающія ее, суть: бездѣйствіе, роскошь, отсутствіе заботъ и лишній. Это какая-то моральная болѣзнь въ родѣ проказы—она не разрушаетъ одной части, но уродуетъ все, она понемногу и незамѣтно закрадывается, и потомъ развивается во всемъ организмѣ; нѣтъ ни одного проявленія, которое бы она не заразила,—она какъ венерическая—если изгоняется изъ одной части, съ большей силой проявляется въ другой. Тщеславный человѣкъ не знаетъ ни истинной радости, ни горя, ни любви, ни страха, ни отчаянія, ни ненависти—все неестественно, насильственно.

Тщеславіе есть какая-то незрѣлая любовь къ славѣ, какое-то самолюбіе, перенесенное въ мнѣніе другихъ—онъ любитъ себя не такимъ, какимъ онъ есть, а какимъ показывается другимъ. Эта страсть чрезвычайно развита въ нашъ вѣкъ, надъ ней смѣются, но ее не осуждаютъ; потому что она не вредна для другихъ, но за то для человѣка, одержимаго ей, она хуже всѣхъ другихъ страстей—она отравляетъ все существованіе. Исключительная черта этой страсти, общая проказѣ, есть чрезвычайная прилипчивость.

Я много пострадалъ отъ этой страсти, она испортила мнѣ лучшие годы моей жизни и навѣкъ унесла отъ меня всю свѣжесть, смѣлость, веселость и предприимчивость молодости.

Не знаю, какъ, но я подавилъ ее, и даже впалъ въ противоположную крайность: остерегаюсь всякаго проявленія, обдумываю впередъ, боясь впасть въ прежній недостатокъ. Не знаю, случай или Провидѣніе сдѣлало такъ, что страсть эта рѣдко удовлетворялась, такъ что я испытывалъ только одни страданія, которыя она доставляетъ,—или вліяніе брата, который почти не понимаетъ, что такое тщеславіе,—или отдаленіе отъ тщеславнаго круга и образъ жизни, который заставилъ меня

смотря съ серьезной точки на свое положеніе, только я уничтожилъ совершенно эту страсть во время моей болѣзни въ Тифлисѣ. Не могу сказать, чтобы страсть эта была совершенно уничтожена, потому что часто я жалѣю о наслажденіяхъ, которыя она мнѣ доставляла, но, по крайней мѣрѣ, я понялъ жизнь безъ нея и приобрѣлъ привычку удалять ее.

Я только недавно испыталъ въ первый разъ послѣ дѣтства чистыя наслажденія молитвы и любви.

Еще по дневнику моему прошлой зимы видно, что я хотѣлъ истребить эту страсть, но я нападалъ только на тѣ проявленія, которыя мнѣ неприятны, не понявъ того, что ее нужно выдернуть съ корнемъ, чтобы отъ нея избавиться. Мнѣ кажется, что теперь я это сдѣлалъ; но еще имѣю склонность къ ней, и поэтому долженъ остерегаться новой заразы.

Тщеславія я такъ боялся и такъ презираю, что не надѣюсь, чтобы удовлетвореніе его доставило мнѣ какое-нибудь удовольствіе. А надо надѣяться на это, потому что иначе, что останется, изъ чего двигаться? Любовь, дружба! Невольно и эти два чувства я принимаю за увлеченіе, обманъ молодого воображенія. Развѣ они доставляли мнѣ счастье? А можетъ быть я былъ только несчастливъ? Одна эта надежда под(д)ерживаетъ желаніе жить и стараться.—Ежели возможно счастье, полезная дѣятельность, и я испытаю ихъ, по крайней мѣрѣ, я буду въ состояніи пользоваться ими. Господи помилуй!

29-го Мая.

Всталъ въ 5-мъ часу, обычн(овенный) образъ жизни, здоровье не хорошо, горло болитъ.—Ничего не писалъ. Хлопочу о фортепиано. Мечталъ цѣлое утро о покореніи Кавказа. Хотя я знаю, что вредно для обычныхъ занятій заноситься, не могу отвыкнуть. Мы цѣнимъ время только тогда, когда его мало осталось, и, главное, рассчитываемъ на него тѣмъ больше, чѣмъ меньше его впереди. 20 мин. 11-го, сажусь ужинать.

30-го Мая.

Обыкновенный образъ жизни. написалъ письмо Т(атьянѣ А(лександровнѣ) ¹², которое не послалъ, и которымъ не доволенъ. Ничего не дѣлаю (.). Есть ли у меня талантъ сравнительно съ новыми Русск(ими) литераторами? Положительно нѣту. Сажусь ужинать $\frac{1}{2}$ 11-го.

3-го Июля.

Замѣчаю въ себѣ признакъ старости. Я чувствую, сожалею о своемъ невѣжествѣ и отъ души говорю фразу, которую часто слыхалъ отъ пожилыхъ людей, и которая всегда меня удивляла: «теперь и жалѣю, что не учился, но уже поздно». Грустно знать, что мой умъ не образованъ, не точенъ и слабъ (хотя и гибокъ), что мои чувства не имѣютъ постоянства и силы, что воля моя такъ шатка, что отъ малѣйшаго обстоятельства всѣ добрыя мои намѣренія разрушаются, и знать или чувствовать, что зародыши всѣхъ этихъ качествъ во мнѣ есть или были, и имъ не доставало только развитія. Сколько времени я стараюсь образоваться! но много ли я улучшился? Пора бы отчаяться, но я еще надѣюсь и рассчитываю на случай, иногда на провидѣние; надѣюсь, что что-нибудь возбудитъ во мнѣ еще энергію и не навсегда я погрязну съ высокими и благородными мечтами о славѣ, пользѣ, любви въ безцвѣтномъ омутѣ мелочной, безцѣльной жизни. Ложусь 10 м. 10-го.

18 июля.

Вчера не могъ долго заснуть отъ ревматизмовъ и луннаго свѣта, сидѣлъ у окна и думалъ много хорошаго. Всталъ поздно. Пилъ воду, купался, знакомился, гулялъ, болталъ и ровно ничего не дѣлалъ. Обдумываю планъ русскаго помѣщичьяго романа, съ цѣлью. Я молюсь такъ: *Боже, избави меня отъ зла, т.-е. избави меня отъ искушенія творить зло и даруй мнѣ добро, т.-е. возможность творить добро. Буду ли я испытывать зло или добро? Да будетъ воля Твоя!*

Неужели я никогда не выведу понятіе о Богѣ такъ же ясно, какъ понятіе о добродѣтели? Это теперь мое сильнѣйшее желаніе. Наказаніе есть несправедливость. Возмездіе не можетъ опредѣлять человѣка, онъ слишкомъ ограниченъ, онъ самъ человѣкъ. Наказаніе, какъ угроза, несправедливо, потому что человѣкъ жертвуетъ вѣрнымъ зломъ—сомнительному добру. Устраненіе—даже смерть—справедливы. Смерть не есть зло, ибо это есть несомнѣнный законъ Бога. Понятіе о Богѣ проистекаетъ изъ сознанія слабости человѣка. Ложусь $\frac{1}{2}$ 10-го. Мнѣ кажется, что мое пребываніе въ Желѣзноводскѣ, въ головѣ моей перерабатывается и готовится много хорошаго (дѣльнаго, полезнаго), не знаю, что выйдетъ изъ этого.

17 августа.

Быль на смотру. Лучшее, что я могу ожидать отъ службы, это то, чтобы выйти въ отставку. Придя со смотра, спалъ до 9 ча-

совь. Голова очень свѣжа. Причины упадка литературы: чтеніе легкихъ сочиненій сдѣлалось привычкой, а сочиненіе сдѣлалось занятіемъ. Написать въ жизни одну хорошую книгу—слишкомъ достаточно. И прочесть тоже. Дисциплина необходима только для завоеваній.

Для каждаго человѣка существуетъ одинъ особенный путь, по которому каждое положеніе дѣлается для него истиннымъ. Ни что не убѣдило меня въ существованіи Бога и нашихъ отношеній къ нему, какъ мысль, что способности всѣхъ животныхъ даны сообразно съ потребностями, которымъ онѣ должны удовлетворять. Ни больше, ни меньше. Для чего же дана человѣку способность постигать: причину, вѣчность, безконечность, всемогущество? Положеніе это (о с(уществованіи) Б(ога) гипотеза, подтвержденная признаками. Вѣра, смотря по степени развитія человѣка, дополняетъ ея правдивость.

18 августа.

Вотъ четыре правила, которыми руководствуются люди: 1) Жить для своего счастья, 2) жить для своего счастья, дѣлая какъ можно меньше зла другимъ, 3) дѣлать для другихъ то, что желалъ бы, чтобы другіе дѣлали для меня, 4) жить для счастья другихъ.

Цѣлый день былъ на службѣ или съ братомъ и офицерами. Планъ романа начинаетъ обозначаться.

19 августа.

Жилъ, какъ живется, читалъ всякую дрянъ и обдумывалъ планъ романа. Очень хорошо себя чувствую.

28 августа.

Мнѣ 24 года, а я еще ничего не сдѣлалъ. Я чувствую, что не даромъ вотъ уже 8 лѣтъ, что я борюсь съ сомнѣніемъ и страстями. Но на что я назначень? Это откроетъ будущность. Убилъ 3 бекаса.

13 ноября. 52.

Выпилъ стаканъ и поѣхалъ съ собаками. Ѣздилъ до ночи, еще выпилъ чихиря, зашелъ къ Х... отдать деньги и просидѣлъ часа два. Н(иколенка) очень огорчаетъ: онъ не любитъ и не понимаетъ меня. Въ немъ страннѣе всего то, что большой долтъ¹³ и доброе сердце не произвели ничего добраго. Не достаетъ какой-то связи между этими двумя качествами. Прекрасно сказалъ Яншика, что я какой-то *нелюбимый*. Именно такъ я чувствую, что не могу никому быть приятень, и всѣ тяжелы для меня. Я

невольно, говоря о чемъ бы то ни было, говорю глазами такія вещи, которыя никому не приятно слышать, и мнѣ самому со-бѣстно, что я говорю ихъ.

14 ноября.

Утромъ писалъ порядочно; ѣздилъ верхомъ; вечеромъ былъ Янушкинъ и я, несмотря на то, что онъ глупъ и низокъ, слишкомъ откровенно разболтался съ нимъ. Одиночество убиваетъ меня. Путешествія научаютъ распознавать въ себѣ и другихъ качества, всегда и вездѣ заслуживающія уваженія. Составилъ краткую форму своего вѣрованія:

«Вѣрую во единого, непостижимаго, добраго Бога, въ безсмертіе души и въ вѣчное возмездіе за дѣла наши. Не понимаю тайны Троицы и рожденія Сына Божья, но уважаю и не отвергаю вѣру отцевъ моихъ».

¹ Невольинъ, Константинъ Алексѣевичъ (1806—1855), извѣстный юристъ, профессоръ кievскаго и петербургскаго университетовъ, авторъ «Энциклопедии законовѣднія» (1839—1840), «Истории російскихъ гражданскихъ законовъ» (1851) и многихъ другихъ научныхъ трудовъ.

² Старый Юртъ, поселокъ Грозненскаго отдѣла Терской области, основанный въ 1705 году и населенный, главнымъ образомъ, чеченцами. Въ настоящее время въ немъ около 4.000 жителей.

³ Свѣтъ нагорѣвшей, коптящей сальной свѣчи.

⁴ Зинаида Модестовна Молостцова (1829—1897), дочь предводителя дворянства Спасскаго уѣзда, Казанской губернии, съ которой Л. Н. Толстой часто встрѣчался въ Казани. Она кончила курсъ въ Казанскомъ Родионовскомъ институтѣ. Жизнерадостный юморъ соединился въ ней съ умомъ и отзывчивымъ сердцемъ. Встрѣчаясь съ Л. Н-чемъ на балахъ и часто танцуя съ нимъ мазурку, она произвела на него очень сильное впечатлѣніе и сама видимо, интересовалась имъ. Только застѣнчивость Толстого помѣшала рѣшительному объясненію. Уѣхавъ изъ Казани, Толстой продолжалъ интересоваться Молостцовой, спрашивая въ одномъ изъ писемъ о ней въ шуточной формѣ: «...и здорова-ль Молостцова, извѣстите Льва Толстова». Подъ этой шуткой, какъ можно видѣть изъ «Дневника», скрывалось настоящее чувство. Во время пребыванія Л. Н-ча на Кавказѣ Молостцова вышла замужъ за Н. В. Тиле. Впослѣдствіи Молостцова много работала по устройству сиротскихъ домовъ и была первой предсѣдательницей «Благотворительнаго дамскаго общества» въ Казани. По словамъ людей, близко знавшихъ ее, она до послѣднихъ дней своихъ очень высоко чтитъ Л. Н-ча и сочувствовала его религиозно-нравственнымъ воззрѣніямъ. Можно предполагать, что внѣшній обликъ Молостцовой описанъ Толстымъ въ разказѣ «Послѣ бала».

⁵ Воронцовъ, Михаилъ Семеновичъ (1782—1856), свѣтлѣйшій князь, намѣстникъ на Кавказѣ и главнокомандующій кавказскими войсками.

⁶ Стернъ Лауренсъ (1713—1768), англійскій писатель, авторъ «Сантиментальнаго путешествія по Франци и Итали». Это произведение, по словамъ Л. Н-ча, имѣло на него очень большое вліяніе.

⁷ Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ (1772—1861), извѣстный генералъ, герой отечественной войны 1812 года, много потрудившійся въ дѣлѣ покоренія Кавказа и оставившій по себѣ память выдающагося администратора и просвѣщеннаго и гуманнаго человѣка.

⁸ Япишка или Епишка, казакъ, съ которымъ былъ знакомъ Толстой. Этотъ Епишка выведенъ Л. Н-чемъ подъ именемъ Ерочки въ повѣсти «Кзаки».

⁹ Франклинъ, Вениаминъ (1706—1790), знаменитый американскій общественный и государственный дѣятель и ученый. Въ постоянныхъ заботахъ о своемъ умственномъ и нравственномъ совершенствованіи, желая внимательно слѣдить за собственнымъ поведеніемъ, Франклинъ завелъ особую книгу, листы которой были разграфлены горизонтально и вертикально. Въ горизонтальныхъ графахъ были написаны названія семи важнѣйшихъ добродѣтелей, а въ вертикальныхъ—названія дней недѣли. Ложась спать, Франклинъ отмѣчалъ въ этой книгѣ, противъ какихъ добродѣтелей онъ погрѣшилъ въ течение дня. Въ концѣ недѣли записи просматривались и, такимъ образомъ, выяснялось, какимъ недостаткомъ болѣе всего страдалъ за истекшую недѣлю авторъ таблицы и въ слѣдующую недѣлю онъ обращалъ особенное вниманіе на замѣченный недостатокъ. Такая книга велась въ течение нѣсколькихъ лѣтъ. Кромѣ этой таблицы у Франклина былъ еще особый списокъ правилъ, которымъ онъ старался слѣдовать всю свою жизнь. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: «Избѣгать долговъ, а разъ они сдѣланы, платить ихъ какъ можно скорѣе. Стараться говорить правду при всякомъ случаѣ. Не давать обѣщаній и не возбуждать ожиданій, которыхъ не можешь выполнить. Быть одинаково серьезнымъ какъ въ дѣлѣ, такъ и въ словѣ. Не увлекаться проектами, обѣщающими быстрое обогащеніе, ибо трудъ и терпѣніе—лучше источники благосостоянія. Не говорить дурно ни о комъ, хотя бы это дурное было и справедливо. Лучше извинять ошибки другихъ, чѣмъ ставить ихъ въ упрекъ. При всякомъ случаѣ говорить о каждомъ все, что знаешь о немъ хорошаго».

Стремленіе къ самосовершенствованію проявлялось у Толстого еще въ дѣтскомъ возрастѣ и потому такъ естественно было вліяніе замѣчательной личности Франклина на впечатлительнаго юношу.

¹⁰ Барятинскій, Александръ Ивановичъ (1814—1879), князь, генералъ-фельдмаршалъ, извѣстный покоритель Кавказа. Въ 1851 году былъ командиромъ 20-ой пѣхотной дивизіи и исполнялъ обязанности начальника лѣваго фланга Кавказской линіи. Въ письмѣ отъ 25 декабря 1851 года къ брату Сергѣю Толстой, говоря, между прочимъ, о своихъ тифлисскихъ знакомыхъ, замѣчаетъ: «Первый знакомый мой—Багратіонъ, петербургскій (товарищъ Ферзена). Второй—князь Барятинскій. Я познакомился съ нимъ въ набѣгѣ, въ которомъ подъ его командой участвовалъ, и потомъ провелъ съ нимъ одинъ день въ одномъ укрѣпленіи вмѣстѣ съ Ильей Толстымъ, котораго я здѣсь встрѣтилъ. Знакомство это, безъ

сомнѣнія, не доставляетъ мнѣ большого развлечения, потому что, ты нѣнимаешь, на какой ногѣ можетъ быть знакомъ юнкеръ съ генераломъ. Третій знакомый мой—помощникъ аптекаря, разжалованный полякъ, прѣзабавное созданіе. Я увѣренъ, что князь Барятинскій никогда не вообразалъ, въ какомъ бы то ни было спискѣ стоять рядомъ съ помощникомъ аптекаря, но вотъ же случилось».

¹¹ Алексѣевъ, артиллерійскій подполковникъ, командиръ 4-ой батареи, 20-ой артиллерійской бригады, подъ начальствомъ котораго служили оба брата Толстые, Николай и Левъ.

¹² Ергольская, Татьяна Александровна, дальняя родственница Толстыхъ, замѣнявшая имъ мать и всю жизнь прожившая въ ихъ домѣ, и оказавшая большое вліяніе на духовное развитіе Л. Н. Толстого.

¹³ Такъ написано въ копии, съ которой печатается «Дневникъ». Вѣроятно, это ошибка переписчика и надо читать: умъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОРГАНИЗОВАННАЯ СИЛА.

I.

Организация — великая сила современности. Эта истина все больше выдвигается въ общее сознание событиями послѣдняго времени. Въ сложномъ переплетѣ силъ современного культурнаго человечества взаимовѣрную остроту и значение приобретаетъ *степень организованности* этихъ силъ.

Захватывающія военныя событія послѣднихъ двухъ лѣтъ превратились какъ бы въ мировую школу нагляднаго обученія человечества этой истинѣ. Организация — символъ побѣды: таковъ смыслъ всего, что изъ дня въ день совершается какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу, какъ въ воюющихъ странахъ, такъ и въ нейтральныхъ. И если въ разные моменты двухлѣтняго періода войны всѣ военнаго счастья колебались то въ одну сторону, то въ другую, — это зависѣло отъ того, на какую чашку вѣсовъ была въ каждый изъ этихъ моментовъ брошена сила организованности. Въ условіяхъ необычайной, неизменно усложнявшейся жизни предметный урокъ войны гласитъ: побѣждаетъ общественная организованность, не столько количество силъ, сколько ихъ качество.

И это примѣнимо къ борьбѣ не только международной, но и внутренней, не только къ столбовоенно империалистическимъ силъ и ихъ коалиціи, но и къ конфликтамъ различныхъ общественныхъ силъ внутри каждой отдѣльной страны.

Разница въ томъ, что въ волебой борьбѣ между государственными коалиціями организованность однихъ элементовъ данной коалиціи можетъ придти на помощь другимъ элементамъ, въ этотъ отношеніи отставающимъ. Тутъ примѣнима, въ предѣлахъ одной коалиціи, та формула, которая фактически была провозглашена на столбцахъ газеты «Times» еще до войны: мы вамъ дадимъ *качество*, а вы намъ — *количество*. Въ борьбѣ внутренней такая комбинація большей частью невозможна.

Но роль самой организаци, роль большей или меньшей степени организованности силъ во внутренней общественной жизни отъ этого — нисколько не уменьшается, скорѣе — наоборотъ — возрастаетъ. Въ особенности это примѣнимо къ Россіи — классической, въ общемъ, странѣ неорганизованности, классическому типу *преобладанія количества надъ качествомъ*. У насъ даже сравнительно незначительная степень организованности способна поднять на большую высоту силу даннаго общественнаго класса.

Кто внимательно наблюдает нашу внутреннюю жизнь, тот не может не отметить наличие у нас одной общественной группы, которая выделяется своим сравнительно большим уровнем организованности на фоне общей распыленности. Это — представители *крупного капитала*. Кроме самого факта организованности, у этой общественной группы наблюдается еще и та черта, что крупно-капиталистическая среда, сильно организованная в сфере *экономической* борьбы, не имеет своей *политической* организации, — не имеет, например, своей особой политической партии.

Здесь не место анализировать корни и значение того и другого явления. Здесь достаточно отметить самый факт: представители крупного капитала — наиболее организованная у нас общественная группа, и сила ее организации направлена не в сторону отстаивания политических условий нормального развития капиталистической жизни, а в сторону узкой защиты своих экономических выгод. Это положение, впрочем, гармонирует с общей картиной распределения у нас организационных сил: на фоне общей распыленности всех творящих жизнь и двигающих ее вперед общественных классов, — сплоченностью, организованностью выделяются как раз те элементы и те стороны их деятельности, которые тормозят движение вперед, которые не творят общественную жизнь, а ее развывают. Невольно вспоминается рассказ об одном путешественнике, который, очутившись зимою в одной весьма обжитой стране, подвергся нападению стаи собак. И, когда наклонился, чтобы схватить камень для защиты, это оказалось невозможным: камень примерз к земле. «Проклятие! — воскликнул озлобленный путешественник. — В этой стране камни привязаны к земле, а злые собаки бьгают на простор!».

Кто теперь не вспомнит это восклицание, наблюдая, например, изю для дня в день открытую вакханалию *организованного* хищничества и крупной спекуляции, которым представлена на поток и разграбление безпомощная и опутанная по рукам и ногам обывательская масса. Но, конечно, данная выше характеристика относится не только к сфере экономической разрухи, притом не только к обстановке военного времени. Она формулирует то, «что есть» у нас уже очень давно.

Правда, был момент, когда организации крупного капитала как-то съезжались, когда сила его организованности спускалась лицом к лицу с огромными, хотя и стихийными, силами бурливого жизненного моря. Тогда — это было больше десяти лет тому назад — и самое направление выступлений представителей капитала было совсем иное. Их тоже увлекла общая волна политической оппозиции. Но тогда их голос, — хотя и «голос сотен миллионов рублей», как они сами это формулировали, — толкнул в общенациональном хорѣ необычайной мощности.

Но именно этот маммоетный эпизод из области прошлого еще ярче вскрывает внутреннюю организационную связь между тем, что —

въ иномъ родѣ — тоже можно назвать количествомъ и качествомъ организованности нашего крупнаго капитала. *Чѣмъ богаче ея количество, тѣмъ ниже ея общественное качество.* Сила нашихъ капиталистическихъ организаций, ихъ главное содержание — не въ общественномъ движеніи впередъ, а въ эксплуатаціи темныхъ сторонъ господствующаго положенія, въ частности и въ особенности — въ эксплуатаціи неорганизованности и беспомощности широкихъ массъ.

Если такъ, то приходится удивляться, что въ настоящее время на *ихъ* улицѣ праздникъ. Не только въ смыслѣ быстрой и чудовищной наживы, благодарнѣйшую почву для которой представляетъ нелѣпная война съ ея неслыханными денежными тратами въ десятки миллиардовъ рублей. Больше того: именно въ периодъ войны организационное строительство крупнаго капитала приобрѣло большой размахъ. Какъ грибы подъ благодатнымъ дождемъ, вырастаютъ за послѣдніе два года различныя новыя организации крупно-капиталистическихъ круговъ, организации не только синдикатскаго характера, не только типа работодателскихъ союзовъ, но и организации по представительству общихъ крупно-капиталистическихъ интересовъ той или иной отрасли, того или иного района.

То и дѣло встрѣчаются въ периодической печати сообщенія о новыхъ организацияхъ даже первыхъ двухъ типовъ. — Несмотря на то, что оба они принадлежатъ къ разряду организаций конспиративныхъ или, по крайней мѣрѣ, тщательно замаскировываемыхъ дѣятелями капитала. Еще болѣе характерно усиленное строительство представительныхъ организаций. Тутъ достаточно указать на возникновеніе за периодъ войны множества новыхъ биржевыхъ комитетовъ, крупнѣйшей и влиятельной организации «Съѣзда представителей металло-обрабатывающей промышленности», еще болѣе могущественной организации «финансовъ» капитала — въ лицѣ «Совѣта съѣздовъ представителей акціонерныхъ коммерческихъ банковъ» и т. п.

Усиленному организационному строительству соответствуетъ и классовая узость, въ значительной мѣрѣ англообщественный характеръ дѣятельности организаций крупнаго капитала. Этому вѣдь сильно способствуетъ господствующая нелѣпная атмосфера. Не могутъ сейчасъ съерьезно проникнуть оппозиционнымъ настроеніемъ капиталистическіе круги, когда въ атмосферѣ господствующаго національнаго настроенія пребываетъ баццкла политической оппозиціи либерализма, когда заглушенъ голосъ народныхъ низовъ, отрѣзанныхъ отъ господствующихъ верховъ, когда общественные верхи силой событий увлечены въ одно русло съ бюрократіей. Не менѣе важно влияние и другого фактора: главнымъ стержнемъ нерезвиваемыхъ событийъ являются вѣдь империалистическія стремленія. А ихъ сила неизбѣжно должна цементировать, прикрѣплять капиталистическіе круги къ правящей бюрократіи — въ особенности, когда она прерусиваетъ на пути осуществленія этихъ стремленій.

Въ виду значительности роли того класса, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, затронутыя стороны его организованной дѣятельности, несомнѣнно, заслуживаютъ болѣе пристальнаго вниманія и требуютъ болѣе подробнаго освѣщенія, чѣмъ это возможно въ рамкахъ настоящей статьи. Здѣсь придется лишь фактами послѣдняго времени бѣгло иллюстрировать высказанныя мысли.

II.

О силѣ непрерывнаго давленія, оказываемаго организованнымъ крупнымъ капиталомъ на правяще верхы, мнѣ трижды пришлось писать неоднократно. Изъ фактовъ этого рода за послѣдній годъ — послѣднѣе приходится, прежде всего, напомнить о закрытій весеню прошлаго года *экономическаго совѣщанія при Госуд. Совѣтѣ*.

Эта участь постигла наладившіяся совѣщанія при нашей верхней палатѣ вслѣдъ за тѣмъ, какъ въ засѣданіи совѣщанія выступилъ новый тогда министръ торговли и промышленности, кн. В. Н. Шаховской, съ необычайно рѣзкими нападками на промышленниковъ донецкаго бассейна. Всѣмъ памятно, какъ новый министръ, совершившій объѣздъ южнаго района въ цѣляхъ выясненія условій снабженія фабрикъ и заводовъ топливомъ, открыто обвинилъ южныхъ горнопромышленниковъ въ соращеніи добычи каменнаго угля, въ чрезмѣрной эксплуатаціи труда, въ непрерывномъ взвѣсчиваніи цѣвъ, въ сохраненіи крайне антисанитарныхъ условій рабочихъ жилищъ и т. д.

Варьезъ переговоровъ въ средѣ организации южныхъ горнопромышленниковъ и въ другихъ промышленныхъ кругахъ былъ необычайно великъ. За все время существованія *entente cordiale* между капиталомъ и властью представителями промышленности рѣдко приходилось встрѣчаться съ такими рѣшительными обвиненіями, предъявленными гласно, мерзвъ всѣмъ миромъ.

Острый антагонизмъ между промышленной средой и новымъ министерствомъ увеличился еще благодаря условіямъ его назначенія. Объ этомъ повѣдалъ намъ никто иной, какъ органъ П. Рябушинскаго «Утро России». Несомнѣнно хорошо освѣдомленная въ этомъ пунктѣ, газета рассказала, какъ еще задолго до отставки С. И. Тимашева, осенью 1914 г., видные представители объединенной промышленности прѣхали изъ Петрограда въ Москву, гдѣ сообщили о возможной отставкѣ С. И. Тимашева и «вели длительныя переговоры съ руководителями московскихъ торгово-промышленныхъ организацій» о кандидатахъ на вакантный постъ. «Дѣловая Москва сошлась на одномъ видномъ дѣятелѣ торгово-промышленной Москвы», — сообщаетъ газета и, почему-то не называя этого дѣятеля, даетъ многозначную его характеристику, изъ которой не трудно увидѣть, что рѣчь идетъ о г. Крестовниковѣ.

Важнѣе всего то, что, какъ «достоверно извѣстно» упомянутой газетѣ, постъ министра и былъ предложенъ кандидату, выставленному руководителями московскихъ организацій капитала. Но г. Крестовниковъ

отказался. После этого был назначен кн. Шаховской. И это назначение, по словам «Утра России», явилось неожиданным¹. А тут же, не прошло еще и двух месяцев со дня назначения нового министра, как он уже выступил с указанными разоблачениями и обвинениями по адресу промышленной среды. Понятно, при таких условиях, создавшееся тогда антагонистичное отношение этой среды к новому министру.

Быть характернее финаль этой коллизии, показывающий, кто любил в неравном спорѣ. Важно не то лишь, что закрыто было совѣщанье при Госуд. Совѣтѣ, гдѣ выступить против крупнаго капитала кн. Шаховской. Еще важнее другой результат — эволюция самого министра: теперь, спустя годъ слишкомъ, врядь-ли крупно-промышленные круги имѣютъ серьезныя основанія быть недовольными замѣстителемъ С. И. Тимашева. Трудно указать крупный пунктъ, въ которомъ теперь продолжалась бы коллизия министерства торговли и промышленности съ крупно-промышленными дѣятелями.

Въ области той же домашней промышленности особое совѣщанье по топливу, гдѣ председательствуетъ министр торговли и промышленности, правда, поставило произвести общую реквизицію каменнаго угля. Это было еще въ октябрѣ прошлаго года. Но после того сколько месяцев прошло въ переговорахъ съ горнопромышленниками по поводу акцентированнаго изобрѣтателства, — переговорахъ, приведшихъ лишь къ систематическому повышению предѣльныхъ цѣнъ на уголь. Аналогичное явленіе приходится отмѣтить въ отношеніи министерства къ нормамъ торговли нефтью.

Въ старомъ вопросѣ о публичествѣ промышленности гутѣжь казенныхъ заказовъ по повышеннымъ цѣнамъ кн. Шаховской въ послѣдней сессіи Гос. Думы оказался цѣлкомъ на сторонѣ крупнаго капитала. И хотя онъ въ своей рѣчи сдѣлалъ оговорку о «чрезмѣрныхъ иногда цѣнахъ на отдѣльныхъ промышленниковъ», но въ то же время заявилъ, что «во имя интересовъ промышленности и нашего торговаго баланса министерство считаетъ себя въ правѣ жертвовать непосредственными выгодами въдомствъ-заказчиковъ» и «раздѣляетъ точку зрѣнія промышленниковъ о необходимости длительныхъ заказовъ для развитія соответствующихъ отраслей промышленности»².

Въ томъ жеensem выступилъ министр торговли и промышленности обѣщая содѣйствовать «возможно полному» осуществленію централизованнаго производства промышленности. И что это обѣщанье будетъ имѣть въ точности выполняться, доказывается всей практикой министра, который и до того всячески культивировалъ синдикатскія образованія во всѣхъ отрасляхъ промышленности и торговли.

Обострился за послѣднее время вопросъ о рабочихъ организаціяхъ — въ связи съ выдвинутыми проектами образованія примирительныхъ камеръ, введенія института заводскихъ старостъ и пр. Ни-

¹ «Утро России», 19. II 1915 г.

² «День», 23. III 1916 г.

министръ торговли и тутъ дѣлякомъ на сторонѣ промышленниковъ, какъ извѣстно, всей силой своихъ мощныхъ организаций стремящихся задуть въ зародышѣ какия-бы то ни было попытки организации представителен труда. Въ Госуд. Думѣ министръ опредѣленно высказался противъ существованія профессиональных союзовъ рабочихъ во время войны. Солидарно съ промышленниками министерство высказалось и противъ организации примирительныхъ камеръ.

Какъ на яркій интрижъ, дополняющій общую картину, укажу на роль министра торговли и промышленности въ нашумѣвшемъ дѣлѣ о проэктируемомъ устройствѣ большого металлургическаго завода въ Кузнецкомъ районѣ (Томск. губ.). Какъ извѣстно, компанія крупнѣйшихъ капиталистовъ — въ лицѣ тайнаго совѣтника В. Ф. Трепова, д. ст. сов. А. И. Вышнеградскаго и д. ст. сов. А. И. Путилова — ходатайствовала о выдачѣ ей казенной безпроцентной ссуды въ 20 милл. рублей для устройства указаннаго завода, т. е. о предоставленіи ей подарка изъ казеннаго сундука, въ размѣрѣ 1 милліона рублей ежегодно. Депутатъ А. С. Писанковъ въ Гос. Думѣ и депутаты В. А. Ржевскій и другие въ соединенномъ засѣданіи бюджетной и финансовой комиссій достаточно ярко вскрыли всю экстравагантность и непозытную смѣлость этого ходатайства капиталистовъ высшей марки. Оно было слишкомъ откровеннымъ, такъ что не встрѣяло поддержки ни со стороны депутатовъ, ни даже со стороны представителей вѣдомствъ, — кромѣ министерства торговли и промышленности, которое внесло въ Госуд. Думу это ходатайство смѣлыхъ капиталистовъ, какъ законопроектъ отъ *своего* имени.

Такъ началъ замѣститель С. И. Тамашева и такъ кончилъ подъ давлениемъ силы организованнаго капитала.

III.

Силой организации промышленники достигаютъ многого, не только въ отношеніи «своего» министерства, но и въ отношеніи другихъ вѣдомствъ. Въ крупномъ масштабѣ это продемонстрировало передъ нами совсемъ недавно въ вопросѣ объ *обложеніи военной прибыли*.

Всѣмъ памятно, какъ долго тянуло министерство финансовъ выработку этого сѣшняго мѣропріятія, приуроченнаго къ исключительнымъ условіямъ военнаго времени. Но далеко не всѣмъ извѣстенъ тотъ тормозной аппаратъ, дѣйствіе котораго тутъ сказалось. Въ оперированніи этимъ аппаратомъ наша организованная промышленность приобрѣла прямо виртуозную ловкость, выработанную десятилѣтними практикст.

И до возникновенія представительнаго строя, и послѣ его введенія съ дѣйствіемъ нашей крупно-промышленныя группы привыкли принимать активное и организованное участіе въ разработкѣ (и соотвѣтствующей разработкѣ) всѣхъ законопроектонъ, такъ или иначе затѣвающихся интересы капитала. Та же практика въ совершенствѣ разработала цѣлый арсеналъ средствъ воздѣйствія, путемъ легкаго и тяжелаго тормоза — смотря по надобности. Эти средства — подача докладныхъ записокъ и

ходатайствъ, посылка депутацій, организованное участие въ междуоб-
домственныхъ совѣщаніяхъ, внесеніе безконечныхъ поправокъ къ
проекту, сведеніе нежелательнаго новшества къ минимуму, а то и къ
нулю, посредствомъ выработки соответствующихъ инструкцій по при-
мѣненію новаго закона, и т. д.

Само собою разумѣется, что весь этотъ сложный аппаратъ съ обык-
ной энергіей былъ пущенъ въ ходъ и въ отношеніи проекта обложенія
«военной» прибыли, т. е. обложенія того *увеличенія* прибыли предпріа-
тія, той *сверх*-прибыли, которая вызвана «счастливей» конъюнктурой
военной катастрофы. Этимъ объясняется, во-первыхъ, то, что законо-
проектъ превратился въ законъ лишь въ маѣ текущаго года, т. е. почти
черезъ два года послѣ начала войны. Этимъ объясняется, во-вторыхъ,
то, что законъ изданъ въ порядкѣ 87-й статьи, т. е. устранена возмож-
ность воздействия на его содержаніе со стороны Гос. Думы и обществен-
наго мнѣнія. Самое существенное, однако, для промышленниковъ кру-
говъ — это то, что отъ первоначальнаго проекта министерства финан-
совъ, въ концѣ концовъ, остались, можно сказать, лишь «розетки да
шпатель».

Противъ обложенія военной сверх-прибыли были мобилизованы
всѣ силы крупнаго капитала. Въ этихъ видахъ пущены были въ ходъ
дѣйствія министровъ и другихъ влиятельныхъ лицъ. Членъ Гос. Со-
вета, П. П. Рябушинскій посѣтилъ министра финансовъ, представитель
московскихъ промышленниковъ, С. М. Третьяковъ посѣтилъ управляю-
щаго отдѣломъ торговли, В. Д. Сионова и т. д. Начались выступленія
дѣятелей капитала въ различныхъ правительственныхъ совѣщаніяхъ.
Въ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ тов. министра финансовъ, А. И.
Николаенко, съ большою рѣчью выступилъ тов. предсѣдателя Гос. Думы,
А. Д. Протопоповъ, «который рѣдко высказался противъ законопроекта».
Его поддержалъ тотъ-же П. П. Рябушинскій, который предлагалъ «вмѣ-
сто новаго обложенія промышленности, привести возможно скорѣе за-
конопроектъ о подоходномъ налогѣ»¹.

Чтобы провалить законопроектъ объ обложеніи военной прибыли,
сдѣлана была диверсія—въ видѣ предложенія обложить прибыль диви-
дендовъ. Но это была слишкомъ уже тонкая, т. е. безцеремонная дипло-
матія. Противъ этого предложенія выступили всѣ—даже представители
министерства торг. и прсм., все время энергично поддерживавшаго кам-
панью промышленниковъ. Всѣ указывали, что «дивиденды могутъ быть
искусственно понижаемы, особенно въ Москвѣ, гдѣ большинство пред-
пріятій имѣетъ характеръ семейный». благодаря чему «казна получитъ
совершенно незначительный доходъ»².

Были пущены въ ходъ обстоятельныя докладныя записки. Сначала
такую записку представилъ совѣтъ създовъ представителей промышленности.
На помощь ему выступилъ и Центральный военно-промышленный коми-

¹ «Рѣчь». 10 XII 1915 г.

² «Русское Слово», 13. XII 1915 г.

тетъ, который, въ лицѣ своей небольшой, но компактной и настойчивой группы промышленниковъ, считъ возможнымъ сдѣлать этотъ шагъ, не сжурканный на сѣздѣ дѣятелей военно-промышленныхъ комитетовъ, съ большинствъ своемъ состоящихъ не изъ промышленныхъ элементовъ. Какъ сообщаютъ газеты, совѣщаніе, состоявшееся 12-го декабря прошлаго года подъ предѣлательствомъ директора департамента обкладныхъ сборовъ, А. А. Вишнякова, «разсмотрѣло записку Центрального военно-промышленнаго комитета съ возраженіями *противъ* обложения налогомъ военной прибыли»¹.

Наконецъ, были пущены въ ходъ застраиванье и угрозы. Тотъ-же Центральный военно-промышленный комитетъ обратился къ министру торговли и промышленности съ представленіемъ, гдѣ увѣряетъ, что законъ о налогѣ на военную прибыль, въ случаѣ его осуществленія, можетъ приостановить возникновеніе новыхъ предприятий, работающих на военное ведомство, и привести къ сокращенію производства уже существующихъ. Тутъ-же утверждается, что «въ настоящее время послѣ одного лишь опубликованія законопроекта загічается приостановленіе осуществленія цѣлаго ряда предприятий, предложенныхъ съ возникновеніемъ и необходимыхъ для обороны»².

Результаты организованной кампаніи могутъ вполнѣ удовлетворить дѣятелей крупной промышленности. Совершенно справедливо похвалитъ г. С. Загорскій по поводу окончательнаго изданнаго въ маѣ закона объ обложеніи военной прибыли: «Новый законъ идетъ всецѣло навстрѣчу всемъ желаніямъ торгово-промышленнаго класса»³.

Достаточно, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлать слѣдующія сопоставленія. Первоначальный проектъ устанавливалъ обложеніе съ прибыли въ 3%. Опубликованный законъ устанавливаетъ начало обложенія съ прибыли въ 8%, какъ этого требовалъ промышленный совѣтъ сѣздовъ. Удовлетворено и другое его требованіе, чтобы высшая ставка налога составляла лишь 38% прироста прибыли: по закону съ прибыли въ 20% взимается 38% прироста, а съ прибыли свыше 20% взимается 40% прироста, и на этомъ прогрессія прекращается, — въ то время, какъ первоначальный проектъ устанавливалъ для прибыли въ 20% ставку налога въ 41% и, постепенно повышая ее, доводитъ до 50% (для прибыли

¹ «Русское Слово», 13. XII. 1915 г. См. также «День» отъ 13 XII 1915 г., «Рѣчь» отъ 13 XII 1915 г. и т. п. Этого, кстати, достаточно въ качествѣ отвѣта органу П. Рябушинскаго, который по поводу моей статьи въ апрѣльской кн. «Лѣтописи», съ обычной для него «смѣлостью» увѣряетъ своихъ читателей: «Такъ, не останавливаясь передъ явной ложью (ходатайствовали противъ проекта обложенія военной прибыли) дискредитируетъ г. Ерманскій военно-промышленные комитеты... (См. «Утро Россіи» отъ 21 мая 1916 г., статью подъ характернымъ заглавіемъ: «Новое Время», «Лѣтопись» и департаментъ полиціи)».

² «День», 23 XII 1915 г.

³ «День», 19 V 1916 г.

выше 30%). Мало того: для прибыли в 8% оставлена та-же ставка в 20%, которая прежде предполагалась для прибыли в 3%.

Удовлетворены промышленники и в отношении обложения (вѣрнѣе — необложения) прироста доходовъ директоровъ и членовъ совѣтовъ въ акционерныхъ обществахъ, и в отношении формъ погашенія и списанія съ прибыли, и в смыслѣ необложения военного прироста имущества, и в смыслѣ непринятія мѣръ противъ преуменьшенія или сокрытія прибылей и противъ «разводненія», т. е. фиктивного увеличенія основныхъ капиталовъ. А, между тѣмъ, эти «уступки» представителямъ капитала просятъ свести все значеніе закона къ нулю.

Тутъ полностью повторилась та-же история, что въ свое время развѣдалась, благодаря организованному сопротивленію промышленниковъ, съ законами о реформѣ промысловаго обложения, о страхованіи рабочихъ и т. п. Тамъ они тоже добились фактическаго сведенія къ нулю значенія всѣхъ нежелательныхъ имъ сторонъ въ цѣломъ рядѣ важныхъ законопроектвовъ.

Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, были *заранѣе* предприняты профилактическія мѣры къ обезвреженію проектировавшагося закона. точнѣе — къ уклоненію отъ платежей завышенной нормы налога на военную прибыль. Еще въ декабрѣ прошлаго года газеты сообщали объ уже предпринятой промышленными кругами кампаніи «разводненія» основныхъ капиталовъ акционерныхъ обществъ: путемъ фиктивного увеличенія этихъ капиталовъ получалось искусственное пониженте нормы прибыли¹ еще за полгода до опубликованія закона объ ея обложении.

И все же самый характерный моментъ кампаніи крупныхъ промышленниковъ противъ закона объ обложеніи военной сверх-прибыли наступилъ *послѣ* опубликованія этого закона. Чрезвычайно пикантный эпизодъ разыгрался въ состоявшемся 2-го июля текущаго года послѣ предѣствительствомъ Н. Н. Кутлера совѣщаніи представителей крупнѣйшихъ организацій капитала. Тутъ спохватились и поставили вопросъ: будутъ ли подвергнуты взиманію налога тѣ предприятия, которыя къ моменту изданія закона успѣли уже провести свои годовыя общія собранія и распределить прибыль въ дивидендъ и на другія статьи?

Если не будутъ подвергнуты, — поворили нѣкоторые участники совѣщанія, — то этимъ будетъ сдѣлана несправедливость въ отношеніи предприятий, которыя закончатъ свой отчетный годъ *послѣ* изданія закона, и потому подпадутъ подъ его дѣйствіе. И представители этой категории предприятий выдвинули простое средство достиженія справедливости: «возбудить передъ правительствомъ ходатайство о томъ, чтобы отодвинуть дѣйствіе закона (только что изданнаго, при активномъ участіи самихъ-же промышленниковъ) въ отношеніи *всѣхъ* предприятий на одинъ годъ».

Представители предприятий, уже успѣвшихъ закончить операционный годъ, не остались въ долгу. Если — говорили они, — налогъ будетъ

¹ См., наприм., «День», 5 XII 1915 г.

примѣнь и къ нашей категоріи предприятий въ отношеніи истекшаго операционнаго года, то бюджетъ совершена явная несправедливость по отношенію къ намъ. Видѣ «предприятия, уже закончившія свой отчетный годъ, вывели расходы на погашеніе имущества въ обыкновенномъ размѣрѣ, тогда какъ не закончившія еще своего отчетнаго года предприятия *произведутъ погашеніе имущества въ усиленномъ размѣрѣ*—до 50% его первоначальной стоимости, слѣдовательно, окажутся въ болѣе привилегированномъ положеніи...»¹

Это говорилось съ похвальной откровенностью, къ которой дѣятели крупнаго капитала обыкновенно прибѣгаютъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда бесѣда ведется въ тѣсной компаніи своихъ... Въ публичномъ-же слухѣ попробуйте имъ сказать, что они прибѣгаютъ къ равнымъ фокусамъ специальной «бухгалтеріи», чтобы уклониться отъ платежа налоговъ...

Но и это еще не все: рекорды «смѣлости» добились на описываемомъ совѣщаніи представители той-же категоріи предприятий, уже успѣвшихъ закончить операционный годъ. Они нашли самый лобопытный выходъ: ходатайствовать о томъ, чтобы «разрѣшить предприятиямъ, закончившимъ свой отчетный годъ и распредѣлившимъ уже прибыль, созвать чрезвычайныя собранія и произвести на нихъ *усиленные списанія на погашеніе имущества*». Мы, дескать, не успѣли нарушить законъ, такъ разрѣшите намъ специально собраться, чтобы его нарушить: другие-же будутъ нарушать...

Въ одномъ оказались вполне солидарными обѣ спорившія стороны: «Такъ какъ, по имѣющимъ свидѣніямъ, рассчитывать на смягченіе названнаго закона въ законодательныхъ учрежденіяхъ нельзя»,—созвѣщаніе полагаетъ, что всѣ вызываемыя обстоятельства дѣла измѣненія закона должны быть проведены въ порядкѣ той-же 87-ой статьи, во которой изданъ и самый законъ².

Такъ сказавшись организованность крупно-промышленныхъ круговъ въ сферѣ непосредственной защиты ихъ экономическихъ интересовъ.

Въ слѣдующемъ очеркѣ мы увидимъ, что тѣми-же чертами характеризуется дѣятельность представителей крупнаго капитала и въ сферѣ общественной жизни, — что и здѣсь наблюдается та же обратная пропорція между количествомъ и общественнымъ качествомъ ихъ организационной энергіи.

А. Ерманский.

¹ «День», 3 VI 1916 г.

² «День», 3 VI 1916 г.

ИЗЪ ХРОНИКИ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

Начался учебный годъ, обещающій быть исключительно труднымъ для нашей школы.

Въ особенно тяжелыхъ условияхъ находится сейчасъ начальная школа. Шедшее полнымъ ходомъ, начиная съ 1909 года, школьное строительство — постройка новыхъ школьныхъ зданій, ремонтъ старыхъ — на мѣстахъ почти прекратилось. Недостатокъ и крайняя дороговизна рабочихъ рукъ, затрудненія въ доставкѣ и та же дороговизна строительныхъ матеріаловъ, перегруженность земствъ новыми заботами: содержаниемъ лазаретовъ, заботами о семьяхъ запасныхъ и продовольственно-заемъ населенія. наконецъ, уменьшеніе числа земскихъ работниковъ, — все это заставило земства задержать постройку новыхъ зданій для начальной школы. За годы войны, если кое-гдѣ работы по школьному строительству и велись, — то лишь заканчивались о-стройкой ранѣе начатыхъ зданій. За послѣдніе годы школьное строительство сильно затормозилось, что самымъ невыгоднымъ образомъ отражается на развитіи начального народнаго образованія: по школьной переписи 1911 года 26.5% всехъ начальныхъ школъ въ Россіи помѣщались въ наемныхъ помѣщеніяхъ. Это — большей частью крестьянскія избы, полуземляныя, тѣбныя, совершенно неприспособленныя для школы. Въ связи съ этимъ находится *651.049 отказовъ въ приемъ въ школу вследствие тѣсноты школьнаго помѣщенія*¹.

Въ значительной степени пострадала начальная школа и вслѣдствіе призывовъ народныхъ учителей на военную службу.

Часть школъ такъ и осталась безъ временно приглашенныхъ учащихся, причемъ дѣти распределялись между ближайшими школами, въ большинство же школъ, взаменъ призванныхъ, были приглашены замѣстители, число которыхъ достигло сейчасъ 12.500. Такъ какъ призывы нерѣдко происходили въ срединѣ учебнаго года, такъ какъ на мѣстахъ сильно ощущается недостатокъ работниковъ, приходилось часто мириться съ замѣстителями малоподготовленными къ педагогической дѣятельности. Нерѣдки были случаи, когда въ теченіе года въ одной школѣ смѣнялось по нѣскольку замѣстителей. Опасенія полнаго разстройства начальной школы привели, наконецъ, къ отменѣ призывовъ начальныхъ учителей. И наступающій учебный годъ обѣщаетъ въ этомъ отношеніи быть болѣе счастливымъ. Точно такъ же не приходится со страхомъ ожидать дальнѣйшаго развитія и такъ называемаго «сдван-

¹ Однодневная перепись начальныхъ школъ 1911 г.; итоги по Имперіи, стр. 22.

ваша» въ начальной школѣ, т. е. организациі учебныхъ занятій въ двѣ сдѣлки, — до обѣда и послѣ обѣда. Нежелательное въ средней школѣ, гдѣ обучаются дѣти болѣе взрослые, «сдвиганье» совершенно недопустимо въ начальной школѣ, гдѣ обучаются малыши 8—12 лѣтъ, гдѣ дѣтямъ приходится пробираться въ школу по занесеннымъ снѣгомъ дорогамъ изъ окрестныхъ деревень на расстояннн 1—2 версты. Въ наступающемъ учебномъ году дальнѣйшаго развитія сдвиганья не предвидится; лазареты, подъ которыми отводились школьныя здания, уже сформированы, призывы народныхъ учителей отменены.

Отвлечение взрослого мужского населенія на военную службу отразилось на ученическихъ манкировкахъ: деревня стала использовать трудъ дѣтей 9—12 лѣтъ, и посѣщеніе начальной школы упало процентовъ на 25.

Особенно больно ударили начальную школу, которая предоставляетъ ученикамъ бесплатно книги, письменныя принадлежности и учебныя пособия, недостатокъ, дороговизна, а порою и полное отсутствіе послѣднихъ. За 1000 тетрадей земство до войны платило 18—20 руб., сейчасъ приходится платить 70—80 руб.; за просы (144 шт.) карандашей или ручекъ раньше платили 1 руб. 50 коп., теперь 9 рублей. Многие учебники, расхажившіеся ежегодно въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ и потому стоившіе дешево, теперь вышли изъ продажи, а издатели, вслѣдствіе крайняго вздорожанья бумаги, не переиздаютъ ихъ. Такъ, извѣстный задачникъ Юревича, на который со стороны начальной школы существуетъ громадный спросъ, отсутствуетъ совершенно въ продажѣ.

Въ ужасномъ матеріальномъ положеннн находится труженникъ начальной школы — народный учитель. Раньше онъ былъ «культурнымъ одиночкой», теперь сталъ буквально культурнымъ нищимъ. Едва ли можно сейчасъ найти какую-либо интеллигентную профессію, представители которой такъ нищенски оплачивались бы: несмотря на дороговизну, повысившую стоимость жизни до 200%, народный учитель получаетъ сейчасъ... основнаго жалованья 28 р. 20 к. и прибавку по случаю дороговизны въ 10 рублей, итого 38 р. 20 коп. въ мѣсяцъ. Учитель, проработавшій 10 лѣтъ, шерфдо семейный, съ нѣсколькими дѣтьми, долженъ сумѣть прожить въ нынѣшнее время на 48 р. 20 коп. въ мѣсяцъ! Прибавьте къ этому необеспеченность школы дровами, нежеланіе школьныхъ сторожей служить за 5—6 рублей въ мѣсяцъ (а больше земство не даетъ), недостатокъ письменныхъ принадлежностей въ школѣ, каморку вмѣсто квартиры, безправіе и зависимость отъ усмотрѣннн многочисленнаго начальства, и вы получите непримлядную картину жизни создателя будущей Росснн:

Можно ли надѣяться, что начальная школа при такихъ условіяхъ сохранила живой духъ?..

Есть кое-какое движеніе въ затхлой преждѣ средней школѣ.

Циркуляромъ отъ 19 января 1916 года министръ нар. пр. графъ Мещатьевъ предложилъ организовать въ каждомъ учебномъ округѣ педагогическія сѣзды директоровъ среднихъ учебныхъ заведеній. Первый такой сѣздъ состоялся въ Кіевѣ на пасхальныхъ каникулахъ, затѣмъ въ началѣ лѣта — въ Харьковѣ, Казани, Петроградѣ и др. городахъ.

Всѣ эти сѣзды прошли въ расширенномъ составѣ—присутствовали, кромѣ директоровъ, представители родительскихъ комитетовъ, учителя. Число участниковъ доходило до 200 и выше. Чувствовалось оживленіе, порою страстность; свѣжей волной захватило педагоговъ средней школы, которые еще недавно скованы были до рукъ и ногъ политической Л. А. Кассо.

Обновленіе средней школы проявилось такъ ярко, зазвучали столь непривычныя въ устахъ учителя средней школы рѣчи, что невольно нагнетивается вопросъ, который заинтересовалъ и обозрѣвателя «Вѣстника Воспитанія»¹.

«Что же это значитъ? Откуда эта метаморфоза? И куда же дѣвались всѣ недавніе сторонники режимовъ Шварца и Кассо, сторонники экзаменовъ, всяческаго надзора, ежевыхъ рукавицъ и репрессивныхъ мѣропріяій?»

Дѣйствительно, что же все это значитъ и какъ согласовать ярко-либеральныя резолюціи сѣздовъ, хотя бы съ неумѣльнымъ проведеніемъ средней школой репетицій, которыя должны были замѣнить экзамены въ средней школѣ, а на дѣлѣ часто являлись большимъ зломъ, чѣмъ арестованные экзамены.

Тѣ, кто дѣлалъ карьеру на проведеніи политики Кассо, — директора, могутъ сейчасъ только молчать, не рискуя идти противъ новаго курса, что они на сѣздахъ и дѣлали. Говорили рядовые учителя, представители родительскихъ комитетовъ, директора частныхъ гимназій, т. е. лица, на себѣ испытывавшія плетъ кассовской политики.

Молчавше раньше, въ сознаніи своего безсилія, живые свидѣтели распада средней школы — они тѣмъ громче заговорили сейчасъ. Заговорили, чтобы высказать все, что накопило за предыдущіе, казалось, безпросвѣтные годы; высказать сейчасъ, сегодня, такъ какъ не увѣрены въ завтрашнемъ днѣ.

На харьковскомъ сѣздѣ одинъ изъ преподавателей частной гимназій, И. И. Межлаукъ, говорилъ:

«Пока у насъ гуманнѣйшій руководитель—графъ Игнатьевъ,—мы можемъ собираться. Уйдетъ онъ, и тогда намъ собираться не дадутъ; мы останемся у разбитаго корыта. Надо добиться юридическихъ гарантій созыва сѣздовъ, такъ какъ иначе у насъ нѣтъ увѣренности, когда мы соберемся. Затѣмъ, вы знаете, что есть 3-й пунктъ 838-й ст. III тома, по которому каждому изъ насъ грозитъ увольненіе безъ объясненія причинъ. Пока есть этотъ пунктъ, на засѣданіяхъ педагогическаго совѣта

¹ «Вѣстн. Воспитанія», 1916, № 5.

² «Русскія Вѣдомости», 1916, 131.

вопреки будут только прислушиваться къ голосу директора и если наш уважаемый попечитель харьковскаго учебнаго округа высказывалъ иногда парадоксальныя замѣчания въ засѣданіяхъ секцій, то мы тоже только робко прислушивались къ нему. Мы не можемъ свободно высказываться потому, что рискуемъ быть выброшенными на мостовую по 3-му пункту. Только тогда, когда будетъ упраздненъ этотъ пунктъ, когда мы будемъ свободны, намъ удастся черезъ свободную школу создать свободную и великую Россію».

Тожественность многихъ резолюцій, принятыхъ въ различныхъ округахъ, въ высшей степени характерна. Она служитъ показателемъ, что какъ бы ни были различны мѣстныя условия, составъ педагоговъ и т. д., есть цѣлый рядъ назрѣвшихъ реформъ, которыя могутъ считаться общепризнанными.

Необходима отмена экзаменовъ, отмена права средней школы въ связи съ отменной дипломовъ и аттестатовъ, необходимо принятіе особыхъ мѣръ къ развитію у учащихся творческихъ силъ, настойчивости и общественныхъ навыковъ, необходима отмена балльной системы, организація ученическихъ кружковъ. Нужно непрерывное функционированіе родительскихъ комитетовъ, организація педагогическихъ совѣтовъ на выборныхъ началахъ и предоставленіе имъ большихъ правъ.

Таковы главнѣйшія резолюціи, принятыя почти всеми педагогическими съѣздами.

Свободно болѣе или менѣе, конечно,
заговорилъ преподаватель средней школы и, чувствуется, что эти резолюціи—не декларация только, что выносившіе ихъ вѣрятъ въ возможность быстрого проведенія ихъ въ жизнь и, вѣря, вернутся теперь въ среднюю школу нѣсколько обновленными и внесутъ свѣжую струю въ затхлыя стѣны гимназій.

Со времени вступленія гр. Игнатьева на постъ министра народнаго просвѣщенія каждый новый министерскій циркуляръ встрѣчается обществомъ съ удовлетвореніемъ.

19 января предложено было организовать съѣзды, которые, какъ мы видѣли, внесли много оживленія. 11 февраля 1916 года среднимъ учебнымъ заведеніямъ предложено замѣнить экзамены репетиціями. Однако, нельзя сказать, чтобы опытъ вышелъ удачнымъ.

Вслѣдствіе ли новизны дѣла или подъ влияніемъ тѣхъ футлярныхъ педагоговъ, которые воспитались въ традиціяхъ Шварца, Бассо и которыхъ на мѣстахъ сотни еще, — но репетиціи во многихъ учебныхъ заведеніяхъ дали еще болѣе отрицательные результаты прежнихъ экзаменовъ. Въ циркулярѣ отъ 16 августа гр. Игнатьевъ указываетъ, что, по поступившимъ свѣдѣніямъ, репетиціи пропали

«далеко не въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣми намѣреніями, осуществленіе которыхъ министерство надѣялось видѣть, предлагая педагогическимъ совѣтамъ указанную мѣру. Не вездѣ была исполнена правильно

понята цель репетиционной системы и выяснена роль ее в общем строе и ходе учебной жизни. Не все педагоги уяснили себе, что введением этой системы имело в виду не столько установить новую форму контроля знаний учащихся, сколько усовершенствовать методическую сторону преподавания...

Действительно, зимой и весной, когда стали практиковаться репетиции, они вызвали ряд нареканий. Отметим протест московского кружка советского воспитания и образования детей, в котором указывалось, что «экзамены отменены лишь формально, а вместо них повсеместно введены репетиции, и различные повзрочные испытания, не только сводящая на нить заботы министра народного просвещения об интересах подросткового поколения, но и наносящая, вследствие чрезвычайной длительности и напряженности душевного состояния учащихся, явный вред их здоровью»¹.

Указав на неудачный опыт прошлого года, гр. Игнатъевъ въ указанномъ циркулярѣ предлагаетъ по окончаніи наступившаго учебнаго года не производить переводныхъ экзаменовъ, а переводить изъ класса въ классъ на основаніи годовыхъ занятій.

Неудачный опыт введения въ прошломъ году репетицій, признаніе министра, что рекомендованныя имъ образовательныя экскурсіи «нерѣдко обращались въ обыкновенныя увеселительныя прогулки» и цѣлый рядъ газетныхъ сообщеній о старыхъ приемахъ, применяемыхъ на мѣстахъ представителями учебной администраціи, — съ очевидной ясностью указываютъ, что одной благожелательной политикой министра недостаточно, что полумѣры не могутъ оздоровить палаты школы. Въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить параллели, проведенной въ «Рѣчи»², которая, характеризуя дѣятельность гр. Игнатъева, какъ благожелательную, яркими штрихами очерчиваетъ ее безсиліе, освѣщая параллельно разрушительную дѣятельность одного изъ инспекторовъ народныхъ училищъ, князя Звенигородскаго, «дѣйствующаго» въ полчасѣ бѣды отъ министерства:

«Графъ Игнатъевъ стремится уменьшить тяготу экзаменовъ даже для учениковъ средней школы, а князь Звенигородскій находитъ возможнымъ держать малышей, оканчивающихъ начальную школу (ребята 11—13 лѣтъ) на выпускномъ экзаменѣ съ 2 часовъ дня до 3 часовъ ночи...

Графъ Игнатъевъ стремится улучшить составъ учителей, насаждаетъ учительскіе курсы, хочетъ видѣть въ учителѣ только педагога, а князь Звенигородскій культивируетъ (особенно въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ учителей много) учительницъ, проявляющихъ повышенный интересъ къ образу жизни, поведенію и взглядамъ товарищей-учителей...

Тамъ графъ Игнатъевъ пріятливо бесѣдуетъ на приемѣ съ народнымъ учителемъ, князь Звенигородскій здѣсь кричитъ и топаетъ на учительницу»...

¹ «Ежестр. Воспитанія», 1916, № 5.

² «Рѣчь», 1916, № 213.

При таких условиях на местах вѣдь все остается почти по-старому! Кроме этой двойственности *сейчасъ*, у каждаго, кто любитъ школу, кто болѣетъ вопросами просвѣщенія, остро опасеніе за завтрашний день.

Его боятся сторонники свободнаго просвѣщенія, хоть немного вздохнувшие наболѣвшеею грустью, чувствуя, что нынѣшняя школьная политика въ условияхъ русской жизни — это вѣчто не настоящее случайное, которое, появившись на мигъ, не можетъ не исчезнуть.

О немъ мечтаютъ черныя вороны официального просвѣщенія, пока пригатаившіеся. Они понимаютъ, что нужно лишь спокойно выждать, что завтра наступитъ *настоящее*. Они — опытные. Знаютъ, что пройдетъ миражъ и снова школьная политика будетъ та, на которой они воспитались, которая только и умѣстна, по глубокому ихъ убѣжденію, въ старой Россіи, а въ Россію новую они не вѣрятъ...

А, пожалуй, пора бы повѣрить. Объ этомъ говорятъ всѣ события переживаемаго времени. Объ этомъ, въ узкой сферѣ школьной жизни, говорить и небывалое стремленіе (не только въ мечтахъ, не только на словахъ, но и на дѣлѣ) Россіи къ развитію высшаго образованія.

Беремъ, какъ примѣръ, лишь нѣсколько фактовъ изъ тѣхъ, которыми пестрятъ теперь газеты.

Въ Казани ходатайствуютъ объ открытіи археологическаго института; въ Петроградѣ открыты высшіе географическіе курсы; утвержденъ уставъ открываемаго въ Одессѣ высшаго международнаго института; министръ торговли извѣстилъ одесское общество фабрикантовъ о желательности устройства въ Одессѣ Политехническаго Института. Предполагается въ одномъ изъ южныхъ городовъ открыть Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія; въ Одессѣ намѣчается открытіе Хлѣбопромышленнаго Института; Симферопольское городское самоуправленіе отводитъ 10 десятинъ земли подъ высшее учебное заведеніе; Тамбовъ борется за открытіе въ немъ университета и т. д.

Въ связи съ переживаемой дороговизной въ нашихъ столицахъ, чрезвычайно остро всталъ вопросъ о жилищной нуждѣ студенчества.

9 августа въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» появилось письмо студенческой организаціи, въ которомъ, напомнивъ, что въ прошломъ году «масса студентовъ и юристовъ, не находя крова въ гостѣхъ, проводила ночи на вокзалахъ, бульварахъ, въ ночныхъ чайныхъ и часто, отчаявшись найти хоть какую-нибудь комнату, многие уѣзжали домой», Правленіе студенческаго общества указывало на еще болѣе обострившуюся жилищную нужду въ этомъ году и призывало Московское общество на помощь.

А черезъ 2 недѣли, когда начался уже съѣздъ студентовъ, появляется письмо проф. Егорова, въ которомъ онъ горько упрекаетъ общество: «одиноко и безъ отклика прозвучалъ... призывъ московской студенческой организаціи. Кассандрѣ не вѣдали, хотя бѣда уже надвигалась».

По русскому равнодушию, бездѣтельности, «опоздали» — бѣда нагрянула «неожиданно».

Бродили уже по Петрограду и Москвѣ группы студентовъ, тѣтно разыскивая уголь, размѣщались въ самыхъ невѣроятныхъ условияхъ. Измученные бесполезными долгими поисками, порою находили приютъ въ какихъ-то подозрительныхъ трущобахъ.

27 августа въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» появилось письмо группы профессоровъ и лишь тогда, наконецъ, и общество и органы столичныхъ городскихъ самоуправленій «замѣтили» квартирную нужду студенчества. Вопросъ сталъ на очередь, но кто и какъ разрѣшить его — никому неизвѣстно.

Е. Медынский.

ВЪ „ЖИТНИЦЪ ЕВРОПЫ“.

Конецъ августа и начало сентября принесли «житницѣ» Европы не только новый урожай, но и цѣлый рядъ новыхъ или возрожденныхъ старыхъ затрудненій въ дѣлѣ снабженія населенія продовольствомъ. Эти затрудненія выразились въ исчезновеніи массы продовольственныхъ продуктовъ съ рынка и въ дальнейшемъ ростѣ цѣны на нихъ. Всѣ города сдѣлались снова «хвостатыми». Въмѣсто того, чтобы расходовать крайне дорогую въ настоящее время рабочую энергію на какой-либо полезный производительный трудъ, сотни тысячъ людей безъ различія пола и возраста вынуждены затрачивать миллионы часовъ на простаиваніе въ безконечныхъ очередяхъ для того, чтобы получить часто втридорога какой-нибудь фунтъ-два сахара, мяса, муки, крупы, масла, хлѣба и т. д. Столь идеально оказалось у насъ организованнымъ распределеніе національнаго продукта къ началу третьяго года войны въ результатъ совместныхъ усилій правительства, общества и болѣе широкихъ слоевъ населенія. Впрочемъ, послѣдніе, если не считать образованія ими массы новыхъ, но въ силу внѣшнихъ условий довольно безпомощныхъ кооперативовъ, ограничивались тѣмъ, что вымещали раздраженіе, накопившееся у нихъ по случаю всего этого продовольственнаго чертополоха и непонятной для нихъ дороговизны, — на стеклахъ магазиновъ или стремились дать ему исходъ въ расхищеніи всякаго рода продуктовъ и товаровъ, пока это ничѣмъ не всѣзбранялось. Однако, таковой способъ борьбы со зломъ, можетъ быть, давалъ многимъ нравственное удовлетвореніе и обогащалъ кой-кого изъ наиболее ловкихъ «дѣятелей» толпы, но долженъ, въ концѣ концовъ, приводить только къ дальнейшему росту дороговизны и, во всякомъ случаѣ, не способству-

отъ равномерному распредѣленію продуктовъ и обезпеченію ими каждаго. Конечно, столь примитивныхъ опытовъ борьбы съ дороговизной нельзя поставить въ упрекъ нашей толпѣ — хотя бы въ силу ея некультурности, тѣмъ болѣе, что и въ болѣе культурныхъ странахъ, какъ, напр., въ Германіи, борьба съ дороговизной путемъ разгрома лавжекъ и базаровъ тоже имѣла мѣсто. Но любопытно одно различіе: въ то время, какъ въ Германіи, Австріи итѣмъ толпы обрушивался на торговцевъ продуктами питания, у насъ онъ обрушивается въ большей степени на торговцевъ изделиями промышленности (мануфактуры и обуви).

Конечно, кромѣ этихъ спорадическихъ вспыхивающихъ, то здѣсь, то тамъ приемовъ борьбы со зломъ у насъ, какъ и всюду, пытались бороться, съ нимъ и болѣе рациональными збѣрами организационнаго характера, а именно, путемъ вмѣшательства публично-правовыхъ учреждений въ процессъ распредѣленія (и производства). Однако, — по единичному мнѣнію всей прессы, до сихъ поръ ничего утѣшительнаго отъ этого вмѣшательства не получалось. При этомъ, по вопросу, чѣмъ обусловленъ столь прикрасный результатъ, мнѣнія весьма разнообразны.

Возьмемъ основной вопросъ: какъ могло случиться, что въ житницахъ Европы хлѣбъ и другіе продукты питания оказались чутъ ли не дороже, чѣмъ въ ввозившей изъ нея эти продукты Германіи?

Въ силу прекращенія экспорта за границу, въ началѣ войны всѣ ожидали, что у насъ послѣдуетъ паденіе цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты. Въ этомъ ожиданіи не учитывалось только обезцѣненіе денегъ, такъ какъ тогда не предполагалась возможность тѣхъ огромныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, которые послѣдовали вслѣдствіе затянувшейся войны. Но, если принять во вниманіе фактъ обезцѣненія денегъ, то и тогда цѣны на сельско-хозяйственные продукты должны были подняться весьма незначительно, такъ какъ болѣе невывезенные остатки ихъ должны оказывать на цѣны понижающее давленіе.

«Между тѣмъ, — пишутъ «Русскія Вѣдомости», — кризиса на внутреннемъ рынкѣ не только не оказалось, но обратно тому, уже на второй годъ войны въ отдѣльныхъ мѣстахъ и въ отношеніи къ отдѣльнымъ продуктамъ начали возникать продовольственные затрудненія, которыя первоначально, часто и не безъ основаній приписывались дефектамъ желѣзнодорожнаго транспорта и злонастроенной спекуляціи; однако, подобными ссылками, — продолжаетъ московская кадетская газета, — оказалось, наконецъ, невозможнымъ объяснить всѣ проявленія все болѣе разрастающагося продовольственнаго кризиса, и къ настоящему времени общественное сознание пришло уже къ убѣжденію необходимости принять энергичныя мѣры для охраненія сельскаго хозяйства отъ дальнѣйшаго разстройства и пониженія его производительности и

для возможнаго повышенія таковой»¹. Далѣе «Русскія Вѣдомости» находятъ, несомнѣннымъ, что «несостоятельность предпосылки объ избыточности у насъ продовольственныхъ запасовъ въ значительной степени была обязана тому, что при этомъ упускалось изъ вида обычное въ довоенное время плохое питаніе русскаго народа, граничившее въ массѣ съ недоѣданіемъ, между тѣмъ, какъ во время войны и многомиллионная армія получаетъ достаточное питаніе, и оставшееся въ деревнѣ крестьянское населеніе также получило возможность сытаго существованія благодаря избытку денежныхъ знаковъ и отсутствію стимуловъ къ столь распространенной прежде осенней распродажѣ по сравнительно дешевымъ цѣнамъ собственныхъ продовольственныхъ запасовъ».

Заманчиво-оптимистическое объясненіе! Однако, какъ же примирить его съ фактами, касающимися прежде всего хлѣба насущнаго? Избытки урожая 1914 г. остались въ значительной мѣрѣ невывезенными за границу. По свидѣтельству бывшаго товарища министра Г. В. Глинки, отъ урожая 1915 года въ странѣ осталось 500 милл. пудовъ хлѣбнаго запаса.

«Вычисленіе это, — писала недавно «Рѣчь», — ниже дѣйствительности, вѣроятно, наполовину. Два истекшихъ года были выдающимися по урожаю, а заграничный вывозъ почти отсутствовалъ. Возрастаніе внутренняго потребленія хлѣба, несмотря на улучшенное питаніе арміи и народа, все-же по самому существу ограничено довольно тѣсными предѣлами. Въ странѣ, несомнѣнно остались очень крупныя запасы, вѣроятно, превышающіе миллиардъ пудовъ. Эти запасы скрыты. Они находятся по мелочамъ у крестьянъ, крупными партиями въ земледѣльческихъ (?) амбарахъ, огромными караванами у нашихъ лэндлордовъ, муксоловъ, банковъ, крупныхъ торговцевъ и спекулянтовъ разныхъ званий и положеній»².

Какъ мы увидимъ еще ниже изъ рѣчей въ нижегородской думѣ, въ своемъ болѣе реалистическомъ объясненіи «Рѣчь» отнюдь не одинока. Сейчасъ же отмѣтимъ еще, что вѣроятные результаты сбора хлѣбсовъ въ Россіи къ 15 августа текущаго года, по даннымъ биржевыхъ комитетовъ, считались для озимыхъ хлѣбовъ выше средняго. Цѣловымъ же ожидался средній сборъ («Торг. Пр. Газ.» № 185). Такимъ образомъ, для повышенія хлѣбныхъ цѣнъ въ зависимости отъ результатовъ нашего урожая не имѣлось и не имѣется никакихъ основаній.

Также и даже еще лучше обстоятъ дѣла на мировомъ хлѣбномъ рынкѣ. Такъ, — по даннымъ «The London Grain Reporter», — если учесть среднее потребленіе зерна каждой страны и потребность ея въ сѣменахъ, а затѣмъ вычесть отсюда запасы этихъ странъ и сборъ послѣдняго урожая, то необходимый размѣръ ввоза опредѣлится въ такихъ цифрахъ: Англія—26 милл. квартеровъ, Франція—12 милл.

¹ См. № 179, отъ 3 августа 1916 г.

² См. № 239, отъ среды 31 авг. 1916 г.

мв., Италия, Голландия и Бельгия по 7 милл. кв., Испания и Португалия—0,5; остальные европейскія страны (кроме Германии и Австро-Венгрии)—6,5, итого—59 милл. кв.; Германия и Австро-Венгрия—10 и внеевропейскія страны—8; а всего 77 милл. р. Предполагаемый же вывозной излишек съ присоединеніемъ къ нему видимыхъ и торговыхъ запасовъ ввозящихъ странъ равенъ 95 милл. кв. (Соед. Штаты Сѣв. Ам.—15, Канада—20, Австралия, Аргентина и Индія—35, запасы торговцевъ и производителей—35). Слѣдовательно, остатокъ для вывоза, по даннымъ «The London Grain Reporter», покрываетъ нужду въ зернѣ странъ-производительницъ съ избыткомъ въ 18 милл. квартеровъ. Слѣдовательно, и мировой урожай таковъ, что долженъ былъ вызвать и уже вызвалъ пониженіе цѣнъ на хлѣба на мировомъ рынкѣ¹. У насъ же не только повышались цѣны, вплоть до половины сентября, но и подвозъ ихъ къ центрамъ потребления сталъ сокращаться въ угрожающихъ размѣрахъ.

Причиной этого была вакханалія аграрныхъ аппетитовъ, проявившихся уже съ самаго начала войны, но достигшихъ своего апогея къ августу текущаго года. Известно, какую кампанію повели наши комбизини-аграрии противъ предѣльныхъ цѣнъ, установленныхъ особымъ совѣщаніемъ въ прошломъ году. Сельскіе хозяева находили, что «они обижены», хотя эти цѣны были выше среднихъ цѣнъ за предыдущее пятилѣтіе на 25—50% и выше рыночныхъ цѣнъ, существовавшихъ во время ихъ выработки. Правда, эти твердыя цѣны были установлены только для закупокъ по распоряженію правительства, главнымъ образомъ для нуждъ арміи, а для прочихъ сѣлокъ остались «вольныя» цѣны; но онѣ стали быстро расти, вслѣдствіе чего твердыя изъ максимальныхъ и предѣльныхъ превратились понемногу въ минимальныя. Въ результатѣ аграрии добились отставки министра земледѣлія А. Н. Наумова, несмотря на то, что послѣдній возмѣлъ всестину несчастную мысль передать вопросъ о твердыхъ цѣнахъ, на обсужденіе мѣстныхъ совѣщаній нашихъ аграріевъ. Какую жадность проявили послѣдніе на мѣстахъ, уже знаютъ читатели «Лѣтописи»². Между тѣмъ (по даннымъ «статистическаго отдѣла продовольственнаго совѣщанія») средній уровень цѣнъ на продовольственныя продукты поднялся еще въ декабрѣ 1915 года на 74% по сравненію со средней за 1913 г. Нынѣ это повышеніе перешло далеко за 100%, что видно косвенно изъ слѣдующей таблички³:

Пшеница.	Годъ назадъ	Мѣс. наз.	Нед. назадъ	10 сент. 1916г.
Кіевъ	1.18—1.20	—	1.95—2.10	2.25—2.35
Одесса	98—1.10	195	1.98—2.03	2.10—2.15
Ростовъ на Д.	1.21—1.23	170—180	2.00—2.05	2.00—2.05
Нью-Йоркъ	116 ¹ / ₂	159	158 ¹ / ₂	158 ¹ / ₂

¹ См. № 200 Торг.-Пр. Газеты. Весь августъ прошелъ тамъ подъ знаменемъ спекулятивнаго повышенія (Пр. и торг. № 34-35).

² См. авг. книгу за тек. годъ, ст. Осинскаго.

³ См. № 200 Торг. Пром. Газеты.

⁴ Приростъ въ вывозящей Америкѣ составляетъ лишь 36%.

Рожь.

Елецъ	103	138	1.55	1.70
Кіевъ	1.12—1.15	—	1.60—1.70	1.75—1.85
Саратовъ	90—1.10	125—140	1.60—1.90	1.54—1.80

Овесь.

Кіевъ д. к.	1.20—1.25	—	2.00—2.20	2.30—2.45
---------------------	-----------	---	-----------	-----------

Ячмень.

Одесса	60—73	1.15—1.17	1.15—1.20	1.05—1.32
Ростовъ на Д.	70—72	1.05—1.05	—	1.05—1.05

Послѣ всего этого мы можемъ сдѣлать по достоинству заявленія защитникамъ аграрныхъ интересовъ вродѣ слѣдующихъ. По словамъ «Новаго Времени», урожай 1915 года былъ реализованъ по «баснословно низкимъ цѣнамъ» и сельское хозяйство понесло «огромные убытки», которые якобы и вызвали сокращеніе посѣвовъ¹. Или, какъ восклицаетъ проф. П. Мигулинъ, «твердыя цѣны на сельскохозяйственные продукты были одною изъ самыхъ крупныхъ ошибокъ, такія только были допущены правительствомъ въ нынѣшнюю войну», и «нельзя же всю тяжесть войны возлагать только на сельскихъ хозяевъ»². Проф. Мигулинъ, очевидно, позабылъ уже то, что онъ писалъ по поводу роскоши, расточительности и переплаты казны въ № 15 «Новаго Экономиста» и что мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ возможности процитировать.

Однако, въ Россіи вслѣдствіе отсутствія основанной статистики можно спорить по каждому общественно-экономическому явленію до безконечности. Поэтому обратимся къ болѣе счастливой въ этомъ отношеніи Германіи. Данные о взиманіи подоходнаго налога въ 1915 году показываютъ, что «закяточныхъ людей въ Пруссіи оказывается почти на восьмую часть меньше, чѣмъ было бы ихъ безъ войны». Это результатъ первыхъ 8 мѣсяцевъ войны. Но, вотъ, что интересно. Какъ видно изъ цифръ, приводимыхъ корреспондентомъ «Русскихъ Вѣдомостей», г. М. Лурье, «среди деревенскаго населенія процентъ закяточныхъ совершенно не намѣнился, и все уменьшеніе его въ общегосударственномъ итогѣ порождено всецѣло уменьшеніемъ доли закяточныхъ среди горожанъ. Здѣсь оказывается то систематическое переливаніе средствъ отъ промышленнаго населенія къ аграрному, которое именуется въ Германіи «дороговизной продовольствія». Вычислено, что при урошѣ цѣнъ послѣдняго года, въ карманы 700 тыс. сельскихъ хозяевъ (владѣльцевъ болѣе 10 гектаровъ) должно переливаться ежегодно около трехъ миллиардовъ марокъ изъ до-военныхъ сбереженій взаимныхъ рабочихъ и служащихъ (сверхъ всего повышенія заработной платы)» (см. № 208).

Сколько перелилось и переливается въ Россіи, высчитать, къ со-

¹ См. № 14, 519 отъ 7 авг. Про мобилизации Н. Вр. забыло!

² См. № 31 «Нов. Экономиста».

жалѣнно, нельзя. Но, что средства изъ указанного источника туда перешиваются, объ этомъ хорошо свидѣтельствуетъ въ одномъ официальномъ изданіи проф. М. Соболевъ: «Слѣдуетъ, — говоритъ онъ, — указать непрерывный и чрезвычайный ростъ цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, который создалъ исключительныя условія для земледѣльческаго населенія и сталъ вливать въ сельское хозяйство огромныя денежныя суммы... Конечно, для сельскаго населенія соотвѣтственно стали удорожаться и тѣ товары, которые оно должно было покупать. Однако, былъ періодъ, когда при продажѣ выручались высокія цѣны, а покупки для нуждъ хозяйства были ничтожны, что и дало больше барыши земледѣльческому населенію»¹. Конечно, только печатаніе статьи на страницахъ официальной газеты заставило проф. Соболева не дѣлать различія между отдѣльными классами «земледѣльческаго населенія».

Ниже мы приведемъ еще одно интересное мнѣніе на этотъ разъ представителей городской Россіи — г.г. Сироткина и Талачева, касающееся роли сельскаго населенія въ ростъ цѣнъ на хлѣба, а пока обратимся къ дальнѣйшимъ фактамъ, зафиксировавшимъ ростъ цѣнъ.

На съѣздѣ уполномоченныхъ московскаго района былъ прочитанъ 23 августа представителемъ въ особомъ совѣщаніи по продовольствію В. Г. Громаномъ докладъ о твердыхъ цѣнахъ на хлѣбъ, положенія котораго и были приняты съѣздомъ². Въ дальнѣйшихъ совѣщаніяхъ о твердыхъ цѣнахъ въ Петроградѣ методъ опредѣленія новыхъ твердыхъ цѣнъ фигурировалъ подъ именемъ московскаго или громановскаго. Онъ былъ предложенъ г. Громаномъ въ качествѣ противовѣса для опредѣленія цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства по себѣ-стоимости продуктовъ каждой культуры въ опредѣленности въ виду того, что цѣны на рынкѣ устанавливаются въ очень слабой зависимости отъ себѣ-стоимости. Для не-специалистовъ будетъ убѣдительно такой примѣръ, приводимый г. Громаномъ. Въ 1911 г. въ Самарской губ. урожай пшеницы былъ въ 7 пуд. съ десятины. Если принять себѣ-стоимость въ 50 р., тогда цѣну пуда пришлось бы опредѣлять по принципу себѣ-стоимости въ 7 руб. (50:7). «Очевидно, такихъ цѣнъ не могло быть да ихъ и не было», — говоритъ г. Громанъ, и «организмъ сельскаго хозяйства приспособился, если не вѣками, то 10-тилѣтними къ этому несоотвѣтствію цѣнъ отдѣльныхъ продуктовъ съ ихъ себѣ-стоимостью, и потому главнымъ основаниемъ для установленія искусственной цѣны является все же нормальная цѣна въ нормальное время». Беря сумму прежней ренты (арендной платы) и издержекъ производства и считая сумму новыхъ издержекъ и новой ренты, г. Громанъ опредѣлялъ отношеніе второй величины къ первой. Получивъ этотъ коэффициентъ, г. Громанъ множилъ на него прежнюю цѣну на продукты и

¹ См. № 30 «Земледѣльческой Газеты» отъ 23 іюля с. года.

² См. самый докладъ въ №№ 192 и 194 «Руск. Вѣдомостей».

получать новую. Сравнение вычисленных такимъ способомъ твердыхъ цѣнъ съ существующими привело его къ заключенію, что послѣднія должны быть повышены на 14—29 коп. и лишь въ одномъ Новороссійскомъ районѣ на 47 коп. Эти цифры относятся къ яровой пшеницѣ, но также вычислены твердыя цѣны и для другихъ хлѣбовъ. Это не потребительскія цѣны, а цѣны въ мѣстахъ производства. Кроме того, г. Громантъ допускаетъ нѣкоторое повышение этихъ цѣнъ для мѣстностей съ урожаемъ ниже средняго.

Цѣна въ районахъ потребительныхъ должна, — по мнѣнію московскаго совѣщанія, — опредѣляться по каждому крупному распределительному пункту путемъ прибавки къ вышеуказаннымъ цѣнамъ производства фрахта, торговыхъ расходовъ и прибыли¹. Далѣе, установленныя твердыя цѣны на хлѣбъ должны быть распространены на всѣ какъ казенныя, такъ и частныя сѣлки, и эти цѣны должны быть установлены до новаго урожая будущаго года. Установленіе фиксированныхъ цѣнъ на хлѣба должно сопровождаться фиксаціей цѣнъ на всѣ продукты первой необходимости и средства производства при условии обезпеченія возможности снабженія населенія этими продуктами. Твердыя цѣны могутъ, наконецъ, — по убѣжденію совѣщанія, — имѣть полезное дѣйствіе лишь при наличности дѣйствительнаго осуществленія продовольственнаго плана.

Дальнѣйшій этапъ борьбы за повышение цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства былъ уже въ Петроградѣ — сначала на сѣздѣ уполномоченныхъ, затѣмъ въ особомъ совѣщаніи по продовольствію, далѣе въ соединенномъ засѣданіи этого и особаго совѣщанія по оборонѣ, и, наконецъ, въ совѣтѣ министровъ.

Сѣздъ уполномоченныхъ по продовольствію, среди которыхъ присутствовали, главнымъ образомъ, представители земствъ, подъ предѣлательствомъ графа А. А. Бобринскаго, кончился, хотя и неполной, побѣдой аграріевъ. Сѣздъ принялъ московскій методъ опредѣленія цѣнъ, но ввелъ въ него такія поправки, что окончательно вычисленные сѣздомъ цѣны оказались для нѣкоторыхъ хлѣбовъ и районовъ на 15, 20 и даже 30%, 40 и 50% выше прошлогоднихъ. Поэтому, напрасно бывший товарищъ министра земледѣлія Г. В. Глинна, полагавшій недопустимымъ увеличеніе цѣны хлѣба выше 30—25% прошлогоднихъ твердыхъ цѣнъ, выражалъ надежду, что совѣщаніе не пойдетъ далѣе того, что уже сдѣлано министромъ земледѣлія, допустившимъ къ тому времени (25-го августа) прибавку въ 20% къ твердымъ цѣнамъ на хлѣбъ прошлаго года при условіи немедленной продажи хлѣба новымъ

¹ Нельзя не отмѣтить здѣсь, между прочимъ, что включеніе г. Громантъ и совѣщаніемъ ренты въ цѣну производства возвращаетъ теорію ренты если не къ до-адамовымъ, то, во всякомъ случаѣ, къ до-рикардовскимъ временамъ: рента есть именно та часть дохода, которая не входитъ въ цѣну производства и не опредѣляетъ ее, а является разницей между рыночной цѣной и цѣной производства. Неладь г. Громантъ съ понятіемъ зем. ренты отмѣтилъ даже г. Кондурушкинъ (см. «Рѣчь» № 249.)

урожая. Этой прибавкой в сущности были уже предприняты решения этого и дальнейших совещаний.

Для юса цены, определенные по московскому методу, были повышены округлом на 30%, причем в некоторых районах это повышение достигло 50—60%. Особое мнение г. Промана о преувеличении цены комиссией совещания не было даже приложено к журналу заседания. Другие важные вопросы, затронутые на московском совещании и касающиеся всего плана продовольственной кампании в целом либо вообще не рассматривались, либо принимались с ограничениями, либо отвергались.

Против решения съезда о повышении цены заявили г-р. А. А. Бобринскому, Д. С. Шуваеву и начальнику штаба в ставке М. В. Алексееву протест союз городов и центральный военно-промышленный комитет. Позднее, 6-го сентября, на заседании того же комитета был прочитан протест против этих цен от имени рабочей группы. С другой стороны, во время съезда, на московской хлебной бирже говорились под влиянием фактов речи о необходимости восстановления свободы хлебной торговли. Они были направлены против «твердых цен». Конечно, твердые цены обязывают власти задержать ко всему: вводя обязательность их, власти берут на себя обязанность доставить потребителям хлеб!..

Наиболее интересным заседанием при обсуждении совещательных решений съезда уполномоченных в особом совещании по продовольствию было заседание 2-го сентября, когда происходил главный бой между аграриями из Гос. Думы и Г. Совета с одной стороны и их противниками с другой. Часть советских и думских аграриев отстаивала цены съезда уполномоченных, часть шла еще дальше, прозя сокращением посевов—этим малым доводом наших помещиков и их идеологов в прессе¹. Прения носили весьма острый характер. Член Г. Думы М. С. Воронков и В. Г. Промань упрекали сторонников повышения цен в неправильном исчислении себестоимости продуктов путем показания повышенной урожайности и повышенной расценки стоимости затрат на обработку и уборку, когда речь идет об установлении твердых цен. В то же время были сделаны ссылки на совсем иное поведение землевладельцев западных и юго-западных губерний, когда в апрель сего года устанавливались десятинные расценки урожая, погибших от военных действий. Тогда эти землевладельцы, участвуя в совещании при министерстве земледелия, показывали, наоборот, весьма повышенную урожайность продуктов, доводя ее до 100 и выше пудов с десятины и показывая стоимость обработки или уборки всего в разбеге 20—26 рублей с десятины...

¹ Во главе «аграрных» органов ныне, как известно, стоит «либеральное» «Новое Время».

Представитель министерства финансов Е. К. Смирновъ обращалъ въ частности внимание на то, что каждая переплаченная копѣйка, если считать потребность въ 700 миллионѣвъ пудовъ, дастъ уже 7 м. рублей, а 10 коп. — 70 м. руб. переплаты. Противники повышенія цѣны указывали также на то, что повышение это поведетъ къ задержкѣ въ поступленіи хлѣба на рынокъ, т. е. для производителя, чрезмерно удовлетвореннаго высокими цѣнами, не будетъ импульса къ продажѣ.

Любопытно отмѣтить также голосованіе въ совѣщаніи представителей ведомствъ. Представители военного министерства голосовали противъ аграріевъ, т. е. за пониженіе цѣны и за распространіе твердыхъ цѣнъ на всѣ сѣлки. Что касается чиновъ другихъ министерствъ, то когда голосовалось предложеніе распространить твердые цѣны на всѣ сѣлки, то на сторонѣ аграріевъ оказались представители министерствъ торговли, финансовъ и государственнаго контроля; члены же министерства земледѣлія голосовали за распространіе противъ аграріевъ. Когда же голосовался вопросъ о высотѣ твердыхъ цѣнъ, то противъ высокихъ цѣнъ и аграріевъ голосовали представители министерствъ: торговли, финансовъ и гос. контроля, а представители министерствъ земледѣлія и внутреннихъ дѣлъ голосовали вмѣстѣ съ аграріями. Это не случайно. Когда представители министерствъ торговли, финансовъ и контроля голосуютъ противъ распространенія твердыхъ цѣнъ на всѣ сѣлки, довольствуясь твердыми цѣнами для казны, то потому, что имъ приходится заботиться о дешевомъ хлѣбѣ для казны; но они въ то же время не прочь, чтобы аграріи возмѣстили себѣ «убытки» при частныхъ сѣлкахъ съ потребителями. Представители же министерствъ земледѣлія и внутреннихъ дѣлъ чюдъ влияніемъ воплей съ мѣстъ не могутъ сохранить для обывателей всю прелесть свободной торговли въ военное время. Поэтому, они высказались за распространіе твердыхъ цѣнъ на всѣ сѣлки, но зато въ интересахъ аграріевъ — за возможно болѣе высокія цѣны.

Кончилось это засѣданіе особаго совѣщанія по продовольственнымъ принятіямъ болѣе высокихъ цѣнъ для ржи и пшеницы съѣзда уполномоченныхъ съ нѣкоторымъ исправленіемъ ихъ по районамъ въ цѣляхъ уравненія. Твердые же цѣны было постановлено распространить на всѣ сѣлки¹. Однако, аграріи не сдавались и примѣнили все свое влияние къ тому, чтобы вопросъ былъ пересмотрѣнъ въ соединенномъ засѣданіи особыхъ совѣщаній по продовольствію и оборонѣ, которое и состоялось 8-го сентября. Обсуждался только вопросъ о размѣрѣ твердыхъ цѣнъ, т. е. противъ распространенія ихъ на всѣ сѣлки графъ А. А. Бобринскій не возражалъ; за то цѣны, принятыя особымъ совѣщаніемъ по продовольствію, министръ земледѣлія отстаивалъ угрозой недосѣва въ 20—

¹ Для сѣна, соломы и отрубей твердые цѣны были установлены на засѣданіи 7-го сентября.

30% и указаниємъ, что онѣ приняты съѣдомъ, на которомъ участвовало 40 председателей земскихъ управъ. Такъ земская Россія объявила войну городской.

В. Г. Громанъ настаивалъ на пониженіи цѣнъ, принятыхъ въ продовольственномъ совѣщаніи: на рожь—на 15%, на пшеницу — на 13%, на овесъ—на 31% и на ячмень—на 3%. А. И. Шингаревъ вполне правильно замѣтилъ, что и московскій методъ далъ невыпешныя ставки. Послѣ дальнѣйшихъ треній за пониженіе цѣнъ продовольственнаго совѣщанія высказался 21 голосъ противъ 19 (въ томъ числѣ 5 членовъ министерства земледѣлія). Воздержались отъ голосованія М. В. Родзянко, В. І. Гурко и С. И. Тимашевъ. Предложенія В. Г. Громана были отвергнуты, а прошли большинствомъ противъ 11 голосовъ компромиссныя предложенія министерства финансовъ: понизить цѣну на рожь на 10%, на пшеницу — на 5%, на ячмень — на 10% и на овесъ — на 15%.

Однако, аграріи со своимъ лидеромъ гр. Бобринскимъ не сдались и тутъ; по настоянію гр. Бобринскаго, вопросъ былъ перенесенъ въ совѣтъ министровъ, гдѣ военный министръ настаивалъ на необходимости утвердить цѣны, принятыя въ соединенномъ засѣданіи особыхъ совѣщаній. Кончилась вся исторія твердыхъ цѣнъ компромиссомъ: цѣны на рожь, пшеницу и ячмень были утверждены въ размѣрахъ, принятыхъ соединеннымъ засѣданіемъ совѣщаній; цѣна же на овесъ была понижена на 7%, а не на 15. Такимъ образомъ, окончательныя цѣны оказались на 10 — 15% выше цѣнъ, предложенныхъ В. Г. Громаномъ.

Уже послѣ того, какъ постановленіе особаго совѣщанія о новыхъ цѣнахъ было графомъ А. А. Бобринскимъ опубликовано, В. Г. Громанъ подалъ председателю продовольственнаго совѣщанія заявленіе о томъ, что постановленіе министра земледѣлія въ части, увеличивающей старыя и вводящая новыя прибавки за пониженную влажность зерна, незаконно и подлежитъ немедленной отмінѣ, т. е. совѣщаніемъ были приняты неприменія условия. При этомъ г. Громанъ отмѣтилъ, что повышеніе прибавки для овса и ячменя и введеніе таковыхъ для пшеницы и ржи представляетъ собой значительное повышеніе цѣнъ на указанныя хлѣба (Р. В. № 213). На засѣданіи совѣщанія 16-го сентября «ошибки» графа А. А. Бобринскаго для пшеницы, ржи и, помимо того, для овса были признаны, и товарищемъ министра А. Невѣровымъ было дано обѣщаніе издать новое исправленное обязательное постановленіе министра земледѣлія («Русск. Вѣд.», № 201).

Несмотря на колоссальныя заслуги графа А. А. Бобринскаго передъ аграріями, они проявили и тутъ черную неблагодарность. «Гр. Бобринскій, — говорили 9 сентября среди членовъ особыхъ совѣщаній, — выполнилъ свою главную задачу, какъ министръ земледѣлія и теперь же такъ уже заинтересованъ въ сохраненіи за собою этого сложнаго по

обстоятельствам настоящего времени поста»¹. Итак, «мавр съблалъ свое дѣло, мавръ можетъ уйти»...

Не бесполезно сравнить, каковы же новыя твердыя цѣны по сравнению съ рыночными, которыя были приведены выше. Это можетъ иллюстрировать въ некоторой степени² слѣдующая табличка:

	Рожь.		Пшеница.		Овесь.		Ячмень.	
	Тверд.	Рыноч.	Тверд.	Рыноч.	Тверд.	Рыноч.	Тверд.	Рыноч.
Кіевъ . . .	1.53	1.75—1.85	1.95	2.25—2.35	1.63	2.30—2.45		
Ростовъ на Д. . .	—	—	1.90	2.00—2.05	—	—	1.24	1.05
Одесса . . .	—	—	1.81—1.95	2.10—2.15	—	—	1.28	1.05—1.32
Саратовъ	1.52	1.54—1.80	—	—	—	—	—	—
Елецъ . . .	1.58	1.70	—	—	—	—	—	—

Хотя новыя твердыя цѣны и ниже рыночныхъ отъ 10 сентября и даже повѣляли уже на послѣднія понижаяще, однако, не слѣдуетъ, какъ замѣтили «Русскія Вѣдомости», преувеличивать значение этого факта, какъ и распространения ихъ на всѣ сѣлки³. Дѣло въ томъ, что «опытъ примѣненія имперскихъ предѣльныхъ цѣнъ имѣется у насъ по отношенію къ цѣлому ряду не сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и онъ показываетъ, что частный оборотъ находитъ безчисленные способы обхода фиксированныхъ цѣнъ». «Речь» опасается, что, «распродавъ по значительно повышеннымъ твердымъ цѣнамъ опромные открытые запасы отъ прежнихъ урожаевъ, владѣльцы зерна, соблазненные возможностью новыхъ миллионныхъ барышей на хлѣбъ свѣжаго сбора, устроятъ обструкцію. Надо создать заблаговременно органъ, который могъ бы бороться съ этой весьма реальной угрозой. Нельзя же забывать, что несвоевременный помолъ приведетъ къ отсутствію муки, къ отсутствію хлѣба. Пора перейти и къ вопросу о муцѣ. Тутъ тоже далеко не все благополучно»⁴. Все это вѣрно и въ частности для регулированія мучного вопроса было создано постановленіемъ особаго совѣщанія по продовольствію отъ 30 іюня с. г. центральное бюро по мукомолью⁵, что, однако, не побѣждало пока и мучному кризису принять опромные размѣры, требующіе самыхъ энергичныхъ организационныхъ и реквизиционныхъ (для зерна у производителей и спекулянтовъ) мѣръ, чтобы

¹ Цит. по № 209 «Русск. Вѣд.»

² На самомъ дѣлѣ разница между тверд. и рын. цѣнами меньше, т. к. послѣднія представляютъ оптовые цѣны въ крупныхъ центрахъ.

³ См. № 206 отъ 6. IX. 16

⁴ См. № 242 отъ 3. IX. 16

⁵ См. о принципахъ его дѣятельности въ № 175 «Торг.-Пром. Газ.», а также № № 174, 176, 177, 178 этой газеты о результатахъ всерос. съѣзда мукомоловъ.

центры потребления не остались без муки. Однако, о муке нельзя говорить мимоходом, и потому возвращаемся къ вопросу о зернѣ.

«Русскія Вѣдомости» обращаютъ дальѣе вниманіе на рядъ неясностей постановленія графа А. А. Бобринскаго отъ 10 сентября по вопросу о твердыхъ цѣнахъ. Именно, «приобрѣтеніе продуктовъ по твердымъ цѣнамъ относится лишь къ лицамъ и учреждениямъ, желающимъ воспользоваться содѣйствіемъ правительства для этой цѣли. Если это такъ, — говоритъ газета, — и факультативность обращенія къ уполномоченнымъ установлена предвѣренно, то распространеніе твердыхъ цѣнъ на *всѣ* сдѣлки явится въ значительной степени фиктивной. Въ лучшемъ случаѣ содѣйствіемъ уполномоченныхъ воспользуются общественныя организаціи, частная же торговля пойдетъ на волюный рынокъ, минуя стѣснительный порядокъ полученія разрѣшеній отъ уполномоченныхъ и на привозъ продуктовъ и на закупку ихъ въ районахъ заготовокъ. Но тогда останется въ силѣ прежнее раздвоеніе цѣнъ» (см. № 212). Кроме того, тогда немаловажна возможность осуществленія «общаго плана снабженія» страны. Если же факультативность, о которой идетъ рѣчь, только неясность редакціи постановленія, то «фактически мы будемъ имѣть дѣло съ торговой монополией правительства, осуществляемой при помощи разрѣшеній гг. уполномоченныхъ... Для проведенія ея въ жизнь, требуется огромный организаціонный и надежный аппаратъ, а, между тѣмъ, этотъ центральный вопросъ и оставленъ безъ отвѣта въ постановленіи министра земледѣлія». Дальѣе «Русскія Вѣдомости» находятъ, что «правительственная организація въ ея теперешнемъ видѣ не можетъ справиться съ поставленными предъ нею задачами и можетъ привести къ параличу хозяйственной жизни». Практическій выходъ «Русскія Вѣдомости» видятъ въ полномъ переустройствѣ закупочной организаціи министерства земледѣлія. «Намѣсто выпадающей частной инициативы должны стать закупочныя организаціи торговъ, земствъ и кооперативовъ вмѣстѣ съ тѣми элементами торговли, которые пожелають работать вмѣстѣ съ общественными организаціями, довольствуясь обычными невоенными нормами прибыли». Нынѣ лозунгъ передачи всего дѣла въ руки ответственныхъ организацій «естъ *conditio sine qua non* самаго существованія продовольственной регулировки». Какъ извѣстно, эти организаціи и создали при союзѣ городовъ въ Москвѣ центральный продовольственный комитетъ ¹.

На самомъ же дѣлѣ, по заявленію новаго товарища министра земледѣлія А. Невѣрова въ совѣщаніи по продовольствію Петрограда, общественныя организаціи города и земства совершенно устраняются отъ закупочной операціи, что вызвало рядъ протестовъ со стороны ихъ представителей ².

¹ См. объ устройствѣ его въ № 169 «Торг. Пр. Газеты».

² См. «Рѣчь» № 255 отъ 16 IX 16.

Какъ бы, однако, ни истолковывать постановления графа А. А. Бобринскаго, несомнѣнно одно: распространеніемъ твердыхъ цѣнъ на всѣ сдѣлки и приобретеніемъ хлѣбовъ за счетъ казны, городовъ, земствъ сдѣланъ шагъ въ сторону введенія у насъ хлѣбной монополіи. По этому поводу мы имѣемъ весьма цѣнное заявленіе члена Гос. Совѣта отъ Одессы, Г. Э. Вайнштейна, сдѣланное имъ представителямъ печати по возвращеніи со сѣзда уполномоченныхъ въ Петроградѣ.

«Этотъ сѣздъ, — сказалъ онъ ¹, — не столько интересенъ по своимъ ближайшимъ практическимъ результатамъ, сколько по той скрытой подоплѣкѣ, которая вызвала установленіе твердыхъ цѣнъ. Дѣло идетъ о монополизаци всей хлѣбной торговли и хлѣбнаго экспорта. Установленіе твердыхъ цѣнъ разсматриваютъ только какъ прелюдію, какъ ближайшій реальный факторъ, могущій облегчить переходъ къ монополизаци хлѣбной торговли, и тѣ уступки, которыя были сдѣланы правительствомъ помѣщикамъ, вызваны, несомнѣнно желаніемъ привлечь на свою сторону землевладѣльческой элементъ...»

Весьма симптоматиченъ также въ этомъ отношеніи фактъ официалаго изданія министерствомъ земледѣлія брошюры, гдѣ доказывается необходимость монополизаци хлѣбной торговли... Смыслъ этого проекта сводится къ необходимости сосредоточить все дѣло хлѣбнаго экспорта, а впоследствии и внутренней торговли въ рукахъ вѣдомства ². Повидимому, существуетъ опредѣленная тенденція замѣнить винную монополію хлѣбной, которая должна дать государству тотъ же миллиардъ и, кромѣ того, сулить еще кое-какіе заманчивые выходы. Всѣ признаки за то, что проведеніе этой реформы будетъ одобрено законодательными учрежденіями, состоящими, преимущественно, изъ заинтересованныхъ элементовъ. Дѣло это, повидимому, въ извѣстныхъ кругахъ пришлось по нраву, какъ имѣющее, по нынѣшнимъ временамъ, цѣлый рядъ весьма привлекательныхъ сторонъ, но всѣмъ, стоящимъ внѣ этихъ сферъ, — кончаетъ г. Вайнштейнъ, — слѣдовало бы призадуматься надъ этимъ популярнымъ проектомъ».

Идея хлѣбной монополіи въ принципѣ не должна пугать насъ, и въ мирное время для Россіи можетъ быть благомъ при наличности условий, о которыхъ мы сейчасъ не имѣемъ возможности говорить. Но наша вводимая теперь хлѣбная монополія испугала нижегородскую городскую думу настолько, что она — единственная въ Россіи — рѣшила ходатайствовать 9-го сентября о разрѣшеніи ей приобретать хлѣбъ по вольнымъ цѣнамъ *выше* твердыхъ!

Аргументація въ пользу этого ходатайства такъ интересна во многихъ отношеніяхъ, что, несмотря на всѣ невѣрныя цифры гг. Сироткина и Таланцева, неточности и преувеличенія въ частностяхъ, нельзя не привести ее цѣликомъ ³.

¹ Цит. по № 305 «Финансовой газеты».

² Пока послѣдовательность совершенно обратная.

³ Цит. по № 253 «Рѣчи» отъ 14 IX. 16. Курсивы скобки и вопросы наши. Великолѣпныя сужденія Таланцева покоятся на предпосылкѣ, что только высокія цѣны могутъ вызвать хлѣбъ на рынокъ.

Гор. голова Д. В. Сироткинъ настаивалъ на необходимости въ спѣшномъ порядкѣ получить разрѣшеніе на закупку хлѣба по цѣнамъ выше твердыхъ. Если еще *нѣсколько дней не будетъ подвозовъ*, — говорилъ Д. В. Сироткинъ, — то не только Нижній, но и другіе города: Казань, Кинешма и проч., останутся на зиму безъ муки, потому что доставлять зерно по желѣзной дорогѣ почти невозможно.

«Это *положеніе усугубляется еще тѣмъ*, что крестьяне-землевладельцы не сознаютъ того крупнаго экономическаго расстройтва въ странѣ, которое они создаютъ, задерживая хлѣбъ въ своихъ запасахъ, не сознаютъ, что это преступно въ переживаемое тяжелое время. Правительственныя и общественныя организаціи безсилны бороться съ хлѣбнымъ кризисомъ, если не придетъ на помощь само населеніе.

«Путемъ реквизиціи можно бороться только съ крупными землевладельцами, но въ ихъ рукахъ всего 20 проц. (?) хлѣба, остальные 80 проц. (?) въ рукахъ крестьянъ, противъ которыхъ реквизиціи въ ходъ не пустишь».

Д. В. Сироткина поддерживалъ бывшій втородумскій *трудовикъ Таланцевъ*, находившій, что либеральныя газеты, трагующія дешевыхъ цѣнъ на хлѣбъ, ведутъ близорукую политику, грозящую катастрофой. Хлѣбъ, по его мнѣнію, находится въ рукахъ крестьянъ.

«Крестьянннъ сдѣлался экономически сильной единицей. Въ деревнѣ за эти два года осталось два (?) миллиарда рублей, которые раньше шли на водку, пропивались, и одинъ миллиардъ (?) казеннаго пособія. Половина займовъ (?), сдѣланныхъ на войну, осталась въ деревнѣ. И вотъ трагизмъ положенія: прежде городъ диктовалъ цѣны деревнѣ, а теперь диктуетъ она городу. Между тѣмъ, когда поднятъ былъ вопросъ о выработкѣ твердыхъ цѣнъ на хлѣбъ, деревню-то и не спросили».

— «Если бы, — продолжалъ г. Таланцевъ, — созданъ былъ крестьянскій съездъ и на немъ поставленъ былъ бы вопросъ о хлѣбныхъ цѣнахъ, то онѣ были бы заявлены такія, передъ которыми нынѣшнія твердыя цѣны — ничто. Когда деревня голодала, мы плясали, теперь она говоритъ намъ: поголодайте вы!»

Какъ Таланцевъ, такъ и говорившій послѣ него Д. В. Серебровскій требовали восстановленія свободной торговли хлѣбомъ и ограниченія роли уполномоченныхъ только закупками для арміи.

Самостоятельныя размышленія читателя надъ этой аргументаціей въ связи со всѣмъ сказаннымъ выше укажутъ ему, какія стороны монополии и при какихъ условіяхъ могутъ быть невыгодны для всѣхъ покупающихъ хлѣбъ.

Г. Новоградскій.

БИБЛИОГРАФІЯ.

ЭПОХА РИМСКАГО ИМПЕРІАЛИЗМА ВЪ ПОВОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.

1 Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Т. I. Созданіе Имперіи. Т. II. Юлій Цезарь. Переводъ А. Захарова. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1915—1916 г.г. Цѣна по 1 р. 75 к. за томъ:

Трудъ Ферреро—знаменательное и характерное явленіе нашего времени. Немного можно указать не только въ римской, но и въ общеевропейской историографіи сочиненій, которыя такъ захватывали бы и увлекали читателя, какъ эта книга итальянскаго историка, попавшая, наконецъ, и въ русскую среду, спустя 15 лѣтъ послѣ своего появленія въ подлинникъ. Объясняется это тѣмъ, что и выборъ эпохи и самая трактовка событій навѣяны у автора современностью и вызваны желаніемъ найти въ древнемъ мірѣ дѣйствіе тѣхъ же «соціальныхъ силъ, какія дѣйствуютъ и теперь и при помощи средствъ, болѣе или менѣе похожихъ на тѣ, которыя употребляются и въ наши дни». Эпоха Цезаря привлекаетъ вниманіе итальянскаго историка не только драматизмомъ и размахомъ происходившихъ тогда событій, но и «историко-философскимъ» смысломъ ихъ, позволяющимъ видѣть въ нихъ нѣчто типическое для всѣхъ «критическихъ» эпохъ мировой исторіи, а въ особенности для современной намъ эпохи.

Чтобы не уходить слишкомъ далеко вглубь вѣковъ, отмѣтимъ послѣднюю по времени и наиболѣе блестящую попытку построения исторіи Рима, принадлежащую нѣмецкому историку Моммзену. По созданной имъ схемѣ, римская республика изжила самое себя, не сумѣвъ выработать справедливой формы общежитія, удовлетворяющей новымъ условіямъ мировой державы; эту историческую миссію суждено было осуществить монархіи, организованной на демократической основѣ. Отсюда культъ Цезаря—создателя римской монархіи и вождя римской демократіи

Моммзеновская концепція въ настоящее время, конечно, уже считается устарѣлой въ самой своей основѣ, равно какъ не имѣетъ кредита и телеологическое пониманіе исторіи, выдвигающее на первый планъ творческую роль личности. Со времени появленія «Римской исторіи», социально-экономическое развитіе Европы выдвинуло на очередь новыя проблемы, создало новыя «проклятыя» вопросы, и параллельно съ ними вызвало потребность въ пересмотрѣ многихъ твердо установленныхъ теорій и схемъ. Подверглись радикальному пересмотру и наши представленія объ античномъ мірѣ, причѣмъ пересмотръ этотъ обусловленъ былъ не только желаніемъ найти тамъ новыя аналогіи, но и стремленіемъ разобратъ въ тѣхъ открытіяхъ, которыя сдѣланы за послѣднее время археологіей. Многочисленныя указанія на существованіе въ отдаленной древности огромныхъ цивилизацій съ высокоразвитыми формами культуры даютъ возможность говорить уже о настоящемъ «переворотѣ» въ нашихъ представленіяхъ о древности, причѣмъ хронологическія рамки древней

Истории приходится отодвинуть на целыя тысячелѣтя вглубь вѣковъ. Эта общая переоцѣнка неминуемо должна была коснуться и римской истории. На послѣдней, какъ на непосредственно примыкающей къ общеевропейской истории сказался сильнѣй всего и повышенный интересъ къ социально-экономическимъ отношеніямъ въ древности. Уже Эдуардъ Мейеръ удѣлялъ большое мѣсто экономикѣ въ своей «Истории древности», а за послѣднія 10—15 лѣтъ экономическое направление въ античной историографіи стало преобладающимъ. Изъ отдѣльныхъ работъ особенно любопытна, хотя не всегда и не во всемъ обоснована «Исторія античнаго коммунизма и социализма» Пельмана, который даже и въ римской истории пытается найти нѣчто подобное современному социализму. Но особенно яркимъ представителемъ этого течения является Ферреро, трудъ котораго могъ появиться только въ переживаемую нами эпоху.

Вышедшие въ свѣтъ два тома «Величія и паденія Рима» — представляютъ только часть труда, задуманнаго итальянскимъ историкомъ, и посвящены вѣку Цезаря отъ смерти Суллы до мартовскихъ идъ, причемъ основному содержанию этихъ томовъ предпосланы пять вступительныхъ главъ, дающихъ общій очеркъ римской истории до Цезаря. Въ послѣдующихъ томахъ авторъ намѣренъ продолжить свой рассказъ «вплоть до окончательной гибели имперіи» и дать, такимъ образомъ, цѣльное изложеніе всего хода развитія «одного изъ самыхъ замѣчательныхъ обществъ въ истории отъ рожденія до его смерти».

Ферреро ставитъ своей задачей прослѣдить, какъ римская земледѣльческая, себѣ довлѣющая община, подчинивши своей власти всѣ остальные общины Италіи и ставъ на путь мировыхъ завоеваній, преобразуется въ обширную колониальную имперію и уступаетъ мѣсто «национальной и индустриальной демократіи» или, какъ еще любитъ выражаться авторъ, «Новой капиталистической буржуазіи», которой въ лицѣ ея вождей, а въ особенноти Цезаря, и удалось осуществить «великую историческую миссію посредника между культурнымъ Востокомъ и варварской Европой». Авторъ шагъ за шагомъ и изъ поколѣнія въ поколѣніе слѣдитъ за внутренними перемѣнами въ Римѣ по мѣрѣ того, какъ расширяются его завоеванія; и онъ умѣетъ необыкновенно живо и красочно изобразить намъ этотъ процессъ нарожденія новаго общества и новыхъ отношеній; его изложеніе настолько насыщено фактами, что не поддается пересказу и производитъ скорѣе впечатлѣніе художественно нарисованной картины, чѣмъ ученой работы, гдѣ строгій анализъ сводитъ всю сложность историческихъ явленій къ одной или нѣсколькимъ основнымъ линиямъ. Въ первыхъ пяти главахъ эта насыщенность фактами даже вредитъ ясности изложенія, которое слишкомъ кратко для такого обширнаго періода, какъ первые 3—4 вѣка римской истории, но для послѣдующей эпохи, съ которой Ферреро и начинаетъ свой рассказъ,—усвоенная имъ манера изложенія только усиливаетъ яркость картины. Изображая процессъ образованія «новой Италіи», авторъ захватываетъ въ своемъ повѣствованіи весь сложный и запутанный клубокъ событій, развернувшихся тогда въ римской Имперіи, не упуская изъ виду ни отдѣльныхъ моментовъ внѣшней борьбы претендентовъ на богатыя провинціи, ни особенностей экономического положенія Италіи и ея колоній ни, наконецъ, жизни Рима,

заполненной ожесточенной борьбой политических партий и групп. И надъ всѣмъ этимъ искуснымъ и полнымъ жизни рассказомъ царить у автора объединяющая мысль, которую онъ не устаетъ повторять, что причина совершившихся переменъ—духъ «меркантилизма», разрушившій старый укладъ жизни и старыя учреждения, создавшій новыя формы хозяйства, новыхъ дѣльцовъ, новыя моды, новые умственные запросы и подготовившій благоприятную почву для наступательнаго империализма и политики «личной инициативы генераловъ, которые сдѣлались великой политической силой Рима и замѣнили собою неопредѣленные, колеблющиеся и противорѣчивыя дѣйствія сената». Чтобы еще болѣе отѣнить свою мысль, Ферреро набрасываетъ цѣлый рядъ живыхъ портретовъ съ наиболѣе крупныхъ творцовъ политики «личной инициативы» отъ Лукулла до Цезаря. И здѣсь итальянскій историкъ оказался большимъ мастеромъ, созданные имъ образы прочно остаются въ памяти и производятъ впечатлѣнныя живыхъ людей, но особенно цѣнны эти портреты своими типическими чертами, характеризующими эпоху лучше многихъ кропотливыхъ изслѣдованій. Особенное внимание авторъ удѣляетъ Лукуллу, котораго считаетъ «Наполеономъ послѣдняго вѣка республики». Ему пришлось играть славную, хотя и печальную роль человѣка, идущаго впереди, раздѣляющаго весь рискъ и пользующагося только первыми выгодами». Сдѣлавшись волею судебъ создателемъ империализма, Лукуллъ въ то же время продолжалъ оставаться «аристократомъ стариннаго рода», не могъ цѣликомъ освободиться отъ тяжелаго рабства традицій и вынужденъ былъ уступить поле дѣйствія Помпею и Цезарю, которые «были двумя великими учениками Лукулла, пожалованными послѣднее имъ». Но если вся слава созданной имъ политики досталась его младшему преемнику, а его имя сохранилось въ памяти потомства только въ связи съ его роскошными пирами, то все же и частная жизнь Лукулла, по мнѣнью Ферреро, была показательна для его эпохи и наглядно свидѣтельствовала о характерѣ и глубинѣ переменъ, произведенной въ жизни Итали духомъ «меркантилизма». Современники рассматривали ее какъ «паденіе», какъ результатъ «неизлечимой слабости человѣческой природы», но для насъ, имѣющихъ «болѣе длинную и болѣе зрѣлую опытность въ человѣческихъ дѣлахъ»—эти переменны были отнюдь не «паденіемъ», а результатомъ промышленнаго переворота, подобнаго тому, какой мы наблюдаемъ въ Англии и Франціи XIX в., въ Сѣв. Итали и Германіи съ 1843 г. и т. д. «Итальянцы, говоритъ Ферреро, не были болѣе нашей трудолюбивыхъ и экономныхъ крестьянъ, но завоевателями и ростовщиками всего средиземнаго міра; они были нашей съ буржуазными аппетитами, въ которой, за немногими исключениями, всѣ классы: знать, финансисты, коммерсанты образовали одну только буржуазію, желавшую вести широкую жизнь на доходы съ своихъ капиталовъ, на быструю прибыль отъ завоеванія и эксплуатаціи работы своихъ рабовъ» (т. I стр. 313).

Италія стала неузнаваема по внѣшнему своему облику, а внутри она страдала отъ тѣхъ же противорѣчій, какія присущи и нашему времени, и прежде всего отъ социального неравенства, отъ политическаго индифферентизма высшихъ и среднихъ классовъ, увлекшихся промышленностью,

торговлей и частыми дѣлами, и отъ упадка военного духа, какъ результата изнѣженности и довольства.

Увлекаясь аналогиями, Ферреро отдаетъ, однако, себѣ ясный отчетъ въ томъ коренномъ отличіи, которое отдѣляетъ древне-римское общество отъ современнаго, но и здѣсь онъ предпочитаетъ пользоваться скорѣе приемами художника, чѣмъ ученаго, больше описываетъ, чѣмъ анализируетъ. По его мнѣнію, «жизненные условия торговыхъ демократій нашего времени покоятся на усилии, въ которомъ борьба челоуѣка съ природой одерживаетъ верхъ надъ борьбой челоуѣка съ челоуѣкомъ, т. е. на индустрии, старающейся утилизировать силы природы наиболѣе производительнымъ образомъ. Напротивъ, въ усилии основать торговую демократію древней Италии борьба челоуѣка противъ челоуѣка одерживала верхъ надъ борьбой челоуѣка съ природой» (т. I, стр. 318). Поясняя это положеніе цѣлымъ рядомъ иллюстрацій, авторъ констатируетъ, что въ античномъ мірѣ социальная пропасть между отдѣльными классами была гораздо больше, чѣмъ теперь, и что «существеннымъ учрежденіемъ античнаго міра» было рабство, «которое толкало Римъ къ завоеваніямъ и дѣлало ихъ необходимыми. Рабство же получало преобладаніе надъ примѣненіемъ свободнаго труда вслѣдствіе того, что «бѣдность, ограниченное населеніе, незначительность производительной силы древняго міра» не давали возможности образованія капиталистической буржуазіи «безъ войны и борьбы челоуѣка съ челоуѣкомъ». На этой основѣ и покоилась политика «личной инициативы», которая привела сначала къ господству «трехглаваго чудовища»—триумвирата, а потомъ къ цезаріанству.

Выясненію роли и значенія Цезаря въ исторіи завоеванія Галліи и послѣдующаго времени—посвящены наиболѣе яркія и увлекательныя главы книги Ферреро. Въ представленіи его предшественниковъ и особенно Моммзена, Цезарь завоеваніемъ Галліи осуществилъ великую историческую миссію: онъ не только оградилъ Римъ отъ нашествія варваровъ, но и приобрѣлъ своимъ согражданамъ «новую безграничную родину» съ тѣмъ, чтобы «во второй разъ возродить государство, поставивъ его на великую, широкую основу». Подобную же повышенную оцѣнку даетъ и другой извѣстный историкъ Рима,—антагонистъ Моммзена—Ничъ. Нужно сознаться, что и Ферреро не вполне свободенъ отъ пережитковъ такого телеологическаго пониманія исторіи, когда онъ говоритъ о Цезарѣ и другихъ дѣятеляхъ эпохи; онъ также склоненъ усматривать въ галльскомъ завоеваніи особую историческую миссію древняго Рима, но эта предвзятость не мѣшаетъ оставаться ему строго реалистичнымъ въ своемъ изложеніи. Ферреро и самъ отмѣчаетъ новизну своей трактовки галльской войны. «Всѣ писатели, изучавшіе завоеваніе Галліи, говоритъ онъ, допускали одну ошибку: они сосредоточивали свое вниманіе на Галліи и на фактахъ протекавшей тамъ борьбы, изолируя Цезаря на театрѣ войны и отрывая его отъ Рима... Я предпочелъ изучать это великое событіе, помѣстившись, такъ сказать, въ центрѣ Рима и его политическихъ и финансовыхъ интересовъ, стараясь открыть отношенія, существовавшія между военными операціями, совершенными Цезаремъ, и внутренними событіями римской политики» (т. II, предисловіе). Съ этой точки зрѣнія «завоеваніе Галліи становится «колоніальной войной», начатой и веденной

вождемъ парти съ цѣлью воспользоваться ею, какъ орудіемъ воздѣйствія на италійскую политику» (тамъ-же).

Въ своемъ разсказѣ о событіяхъ галльской войны Ферреро не жалѣетъ красокъ на изображеніе тѣхъ ужасовъ и жестокостей, какими сопровождалось покореніе племенъ Галліи, той широкой и беззащитной системы подкуповъ, интригъ и вѣроломства, къ какой прибѣгалъ Цезарь въ борьбѣ съ другими подобными же ему претендентами на лакомые куски. Въ книгѣ италіянскаго историка мы уже не видимъ на Цезарѣ того ореола величія, какимъ его надѣляли раньше. Это уже не сверхчеловѣкъ и не гений, которому все доступно на его побѣдоносномъ пути, это типичный завоеватель со всѣми чертами, присущими этому роду людей: вмѣстѣ съ тѣмъ это холодный и разсчетливый политикъ, допускаяшій, однако, крупныя ошибки съ точки зрѣнія своихъ же интересовъ и скорѣе неудачникъ въ своей богатой событиями жизни, чѣмъ баловень судьбы.

Галльская война въ представленіи Ферреро при всѣхъ своихъ чертахъ, характеризующихъ ее, какъ типичную «колониальную войну»,—имѣла все же «огромное и непредвидѣнное значеніе» въ послѣдующей исторіи, ускоривъ тотъ кризисъ, который давно уже назрѣвалъ въ Римѣ и, вызвавъ взрывъ скрытыхъ социальныхъ силъ, которымъ суждено было въ послѣдствіи установить новое равновѣсіе: вслѣдъ за галльской войной въ Римѣ началась «гражданская война», измѣнившая «самую сущность государства и латинскаго общества», а въ покоренной Галліи начался процессъ «латинизаціи», создавшій основу для европейской цивилизаціи. Въ этихъ результатахъ оправданіе дѣятельности Цезаря.

Гипнозъ, въ которомъ держитъ читателя Ферреро яркимъ и красочнымъ изображеніемъ экономической и социальной трансформаціи древнеримскаго общества,—не сразу позволяетъ замѣтить нѣкоторыя существенныя недочеты въ созданной имъ концепціи империалистическаго Рима. Дѣло въ томъ, что авторъ, гипнотизируя читателя, и самъ находится подъ гипнозомъ современности. Нельзя отрицать, что завоевательная политика, гдѣ бы и въ какую бы эпоху она ни проводилась,—имѣетъ извѣстныя общія черты; и когда, напримѣръ, авторъ, разсказывая о первыхъ завоевательныхъ войнахъ на востокъ и первыхъ раздѣлахъ завоеванныхъ земель указываетъ, что «красивыя слова и великодушныя иллюзіи скоро окрасили эту политику идеальнымъ свѣтомъ» лозунга: «Римъ сражается не за себя, но за свободу угнетенныхъ народовъ»,—то и безъ дальнѣйшихъ поясненій ясно, что эта черта присуща современному империализму еще въ большей степени, чѣмъ римскому. За примѣрами далеко не приходится ходить. Но, увлекаясь внѣшними чертами сходства, авторъ готовъ сближать явленія несравнимыя по существу, въ результатѣ чего получается модернизация, часто не только не разъясняющая смысла событій, но даже затемняющая его. Таковы многочисленныя указанія автора на «капиталистическую буржуазію»,—на «промышленный переворотъ», на социалистическую проблему, намеки на которую онъ усматриваетъ въ Римѣ; указанія эти только затушевываютъ сущность перемѣнъ, происходившихъ въ Римѣ, и не даютъ яснаго и опредѣленнаго отвѣта на вопросъ объ основной причинѣ этихъ перемѣнъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя признать правильными многія построенія италіянскаго историка и съ методологической стороны: модернизируя римскую исторію, онъ все же не такъ

далекъ отъ своихъ предшественниковъ во взглядахъ на сущность историческаго процесса, какъ это могло бы показаться на первый взглядъ.

Но все это не мѣшаетъ признать трудъ итальянскаго историка выдающимся явленіемъ римской исторіографіи. Налетъ модернизации легко снимается, а подъ нимъ читатель найдетъ такое богатство фактовъ, которое позволитъ ему критически отнестись и къ нѣкоторымъ утверждениямъ самого автора. Книга Ферреро — это только одинъ изъ первыхъ этаповъ на пути, по которому пошла теперь наука о древности; предстоитъ еще долгой процессъ изучения социально-экономической структуры античнаго, и въ частности римскаго общества, а это особенно трудная область, въ виду скудости и ненадежности источниковъ, на которыхъ строилась до сихъ поръ исторія древняго міра *.

А. К—въ.

* * *

«Седьмое покрывало». Стихи.
Одесса. 1916 г. Стр. 62. Ц. 1 р. 25 к.

Если театралы устраиваютъ любительскіе спектакли, то почему бы любителямъ стиховъ не издавать сборниковъ? Если любишь театр, трудно отказаться отъ соблазна сыграть самому; если любишь стихи, трудно удержаться, чтобы не тиснуть своихъ. А отъ соблазна, по справедливому замѣчанію О. Уайльда, избавиться можно однимъ только способомъ: это—поддаться ему.

«Седьмое покрывало», сборникъ одесскихъ поэтовъ-любителей, добросовѣстно слѣдуетъ освященному вѣками трафарету любительскихъ выступлений: взятые напрокатъ, изношенные костюмы — «пыльный плащъ пастуха, пестрые шелка, брачная одежда, порфира, багряница»; сильно подержанный реквизитъ—«звонкій бокалъ, заздравный кубокъ, животворяще дары, вѣщій умъ, таинственное слово, вѣтеръ, шахнуцій смолой и свѣжей рыбой, влажный, чуть раскрытый ротъ, пѣна облаковъ, и золотая даль»; ■ даже старья, полинялыя декорации.

«Отъ всѣхъ сторонъ, гудя,
идеть
Зеленый, вешній шумъ
широкій».

«Въ немъ въ честь учителей
заранѣ
Заздравный кубокъ
вознесенъ».

Есть и свѣтовые эффекты: «синія сумерки, кровавые огни, огни экипажей, голубая мгла, молніиныхъ струй изломъ».

Все это очень мило, очень «похоже». Но кого, кромѣ родныхъ и близкихъ знакомыхъ, могутъ заинтересовать такого рода любительскія выступления?

О. Б.

Константинъ Большаковъ. Солнце на излетѣ. Вторая книга стиховъ. 1913—1916. Книгоиздательство «Центрофуга». Москва. МДСССХVI. Стр. 63. Ц. 1 р. 25 к.

Константинъ Большаковъ. Поэма Событій. К-во «Пѣта». 1916 г. Стр. 15. Ц. 50 к.

Не случайны въ книгѣ г. Большакова эпитафьи, то изъ Роисара и Павловой, то изъ Лафорга и Ромбо, то изъ Хлѣбникова и... Большакова. Въ

* Въ качествѣ дополненія къ книгѣ Ферреро нельзя не указать превосходныхъ «Очерковъ по Исторіи Римской Имперіи» проф. Р. Випера (М. 1908 г.), дающихъ очень ясную картину эволюціи Рима въ поху Цезаря.

ней, дѣйствительно, есть и наивная непосредственность первыхъ, и «кисыски» вторыхъ, и умышленные выверты третьихъ. Къ сожалѣнью, первымъ изъ этихъ качествъ авторъ обладаетъ въ наименьшей степени; однако, оно несомнѣнно пробивается въ такихъ, напр., строкахъ:

Воздухъ по дѣтски цѣлуется,
На деревьяхъ развѣшены слезы.

(Стр. 28).

Имъ же продиктованы и такая слова:

Вы по жизни моей, какъ по книги страницамъ,
Съ тихимъ шелестомъ тихо прошли въ тишину (стр. 9).

Но эти рѣдкія строки совершенно теряются въ массѣ искусственныхъ и тенденціозныхъ нагромождений, которую представляетъ собой въ цѣломъ книга г. Большакова.

Давно истерлось ты—пора румяниться,

Пора запудриться (стр. 24)

обращается авторъ къ искусству и старается по возможности подрумянить и припудрить свою музу, совершенно лишая ее очарования естественности. Отсюда и «метръ г'отель, улыбающій равнодушную люстру» и «носокъ у влюбленного страшно ботинка», и «снисходительные верблюды», увозяще «раскапризничавшуюся отъ зноя Африку», и бульваръ, который

Впечатливъ въ сердце гвоздичной крови,

Синеозерить усталымъ взоромъ.

И еще тысяча и одна причуда, одна другой надуманнѣе и кокетливѣе.

Въ общемъ, выступая, какъ представитель опредѣленнаго направления, г. Большаковъ болѣе или менѣе талантливо проводитъ принципы его, но собственнаго лица почти не выявляетъ.

Болѣе, чѣмъ «Солнце на излетѣ», интересна поэма г. Большакова. Въ ней есть мѣста, согрѣтыя подлиннымъ творческимъ жаромъ, такимъ рѣдкимъ въ «военной» поэзии нашихъ дней. А такіе образы, какъ «не обрызгивать больше троттуары, какъ

росой, хрустальнымъ звяканьемъ шпоръ». (Стр. 7), или—

Это вамъ въ сумракѣ уходящаго поѣзда

Дѣвушка рыданья повѣсила, какъ крестикъ— (Стр. 11).

не только новы, но и содержательны.

Слишкомъ большое внимание уделяетъ г. Большаковъ техникѣ. Его страницы пересыпаны такимъ количествомъ самыхъ вычурныхъ рифмъ, ассонансовъ и аллитераций, что совершенно отвлекаютъ внимание читателя (да и только-ли читателя?) отъ внутренняго содержания ихъ. А такая щедрая аллитерация (очень удачно названная авторомъ «Аттракционъ»):

Качели, качели печали, качели печали качали: «молчи»,

И въ плачѣ печали качели качали, качали качели въ ночи.

(Солнце на излетѣ, стр. 18)

помимо того, что ничего не говорятъ ни уму ни сердцу, отнюдь не являются новинкой.

Д. Выгодский.

Борисъ Зайцевъ. «Земная печаль». Разказы. «Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Среди современныхъ художниковъ Зайцевъ занимаетъ небольшое, но видное мѣсто. При этомъ отличается онъ отъ прочихъ не только своеобразіемъ дарованія, изящнаго и философическаго, но еще и свойствомъ, весьма въ наши дни удивительнымъ: чуть-ли не съ первыхъ произведений Зайцевъ нашель себя. Въ творествѣ его нѣтъ тревоги самопознания, нѣтъ тѣхъ мучительныхъ исканій, которыя отмѣчаютъ нашу молодую, терзающую и истерзанную литературу. Звѣзда Зайцева какъ-то внезапно возникла на небосклонѣ россійской словесности и замерцала тихимъ свѣтомъ, не разгораясь, но и не погасая. За десять лѣтъ работы, художникъ не оступился, не двинулся назадъ, но не далеко ушелъ и впередъ. Съ тѣмъ-же, что и прежде, мастерствомъ создаетъ

онъ нынче свои миниатюрныя повѣсти, попрежнему ровень и тихъ, меланхоличень и элегичень, тою же примиряющей грустью вѣетъ отъ его страницъ—и когда читаешь теперешня произведенія Зайцева,—кажется временами, будто все это имъ когда-то уже было написано, тѣми же самыми прозрачными словами, съ тою-же «зайцевской» печалью.

Не великъ размахъ кисти Бориса Зайцева, но онъ умѣетъ оставаться въ предѣлахъ своего размаха. Вѣрность своимъ силамъ и дѣлаетъ его такимъ ровнымъ и постояннымъ. Онъ рисуетъ лишь то, что знаетъ, что имъ самимъ пережито и почувствовано: его не назовешь «сочинителемъ». И если что зарисовываетъ,—то, убѣдительно, съ той подкупающей правдивостью, которая покоряетъ читателя, иной разъ даже противъ его воли.

И все-же—тонкій мастеръ, изящный стилистъ, писатель съ большимъ вкусомъ—Зайцевъ не слѣлался первоклассной величиной. Небогаты запасы его приятныхъ красокъ; тѣсенъ кругъ его переживаній; несильно волнуетъ музыка его творчества, невелика глубина его философическихъ раздумій. Весь онъ—въ интимномъ, личномъ, узкоиндивидуальномъ. Промелькнула жизнь; невозвратно былое томить сердце смутной нѣжностью къ прошлому; поздняя сожалѣнія о чемъ-то несбывшемся и покорное сгибание колѣнъ передъ тѣмъ жестокимъ и загадочнымъ, что зовется жизнью—таковы главнѣйше мотивы его творчества. Плѣнительны въ первыхъ книгахъ художника, вновь и вновь повторяясь въ позднѣйшихъ его вещахъ, они нѣсколько утомляютъ своимъ однообразиемъ и заставляютъ думать, будто писатель исчерпалъ тайники своихъ вдохновеній и лишь перепѣваетъ себя, варьируя на новые лады все тѣ же знакомые мотивы.

Такое впечатлѣніе оставляетъ его послѣдняя книга, такъ хорошо названная словами «Земная печаль»... Этими словами, пожалуй, можно бы-

ло бы озаглавить все творчество Зайцева,—такъ вмѣщается оно въ это узкое опредѣленіе. По достоинствамъ своимъ «Земная печаль» не уступаетъ ни одной изъ прежнихъ книгъ автора. Та-же тонкость и легкость рисунка, та-же гибкость языка, тѣ-же краски, мягкія и прозрачныя, чуть-чуть матовыя, тѣ-же самые мотивы, что и прежде. Старѣющій романтикъ Пануринъ, думающій о «проходящей жизни, неуловленныхъ минутахъ счастья» («Мать и Катя»); милая дѣвушка Катя изъ того-же рассказа (она «съ убѣдительною почувствовала, что все это лежитъ въ быломъ—неповторимомъ»); столь-же обаятельная Лиза изъ рассказа «Петербургская дама («видимо, была она на распутьи. Что-то не удалось, что-то отчасти надломило»); наконецъ, барышня и крестьянка («Маша»), которымъ обѣимъ не удалась жизнь—все это, овѣянное поэтической грустью, пронизанное мягкимъ зайцевскимъ лиризмомъ, превосходно знакомо намъ по раннимъ произведеніямъ художника. И въ послѣдней книгѣ своей съ той же полу-печальной улыбкой показываетъ онъ, какъ легкой вѣтеръ времени играетъ людьми, ихъ радостями и страданіями, и попрежнему кажется ему, что удѣлъ мудрецовъ—принять жизнь безъ ропота, съ покорностью и смиреніемъ. Покорность, примиренность—въ сознании Зайцева окружены ореоломъ какой-то особенной, привлекательной красивости. Безъ труда можно подмѣтить, какъ благоволяетъ онъ къ тѣмъ своимъ героямъ, въ которыхъ нѣтъ никакого протеста. Въ романѣ «Дальній край» видѣли мы, какъ оминатюрилъ Зайцевъ революцію, какъ старательно вытравилъ изъ нея самую душу ея—протестъ, непреклонность, волю. Ибо Зайцевъ—поэтъ безволия, пассивный созерцатель жизни: великая трагедія ея вызываетъ въ немъ лишь скорбную улыбку и молитвенное: да будетъ! Въ творчествѣ его ярче, чѣмъ въ произведеніяхъ другихъ современныхъ художниковъ

нашихъ, запечатлѣлась эта стихія русской души, о которой съ такимъ чувствомъ принято говорить, но которая—увы!—врядъ-ли является для насъ источникомъ радости. Въ творчествѣ Зайцева царить она безраздѣльно. Это придаетъ его облику опредѣленную цѣльность, это дѣлаетъ его сильнымъ. Но здѣсь-же причины той бѣдности и однообразія настроеній, о которыхъ говорилось выше.

Вяч. Полонскій.

Федоръ Коммиссаржевскій. Театральныя прелюдіи. Москва, 1916 г. Стр. 169. Ц. 1 р. 60 к.

Книга Ф. Коммиссаржевскаго состоитъ изъ ряда статей, представляющихъ переработку его вступительныхъ словъ предъ началомъ репетицій нѣкоторыхъ пьесъ. Введеніемъ ко всей книгѣ служить ст. «Подъ знакомъ философіи», выясняющая режиссерскіе взгляды автора на театральное искусство. Далѣе слѣдуютъ статьи: «Власть быта» (объ Островскомъ), «Хаосъ и гармония» (о «Фаустѣ» Гете), «Мольеръ», «Театръ и война» (о «Димитрии Донскомъ» Озерова), «Странникъ любви» (о «Донъ-Жуанѣ» Мопса). Къ концу книги приложенъ «Проектъ монтировки оперы В. А. Мопса «Донъ-Жуанъ».

Авторъ, выясняя во вступлении свои взгляды на театръ и общіе принципы постановокъ, усматриваетъ въ настоящее время четыре типа театра. Первый—театръ академическій, который удовлетворяется тѣмъ, что пьесу играли «хорошо», т. е. «сильно», декорации были эффектны, режиссеры выдумывали выигрышные постановочные трюки и т. д.; такой театръ не заботится, «чтобы показываемое со сцены было цѣльнымъ «во внутреннемъ психологически-идейномъ смыслѣ», поэтому онъ «дѣлаетъ совсѣмъ не художественное дѣло». Представитель второго типа театра — московскій Художественный, какимъ онъ былъ прежде; въ этомъ театрѣ «подражаютъ на сценѣ настоящей жизни и дополняютъ пи-

сателя «жизненными штрихами», а часто и совсѣмъ скрываютъ его подъ ними». Третій типъ — театръ условной техники; отличительная черта его та, что пьесы подчинены произволу режиссера, заботящагося болѣе о проявленіи своей личности. Чѣмъ о выясненіи духовнаго облика писателя; планы постановокъ этого театра случайны; такъ, «въ театрѣ типа условнаго почему-то вдругъ рѣшаютъ поставить «Царя Феодора» такъ, какъ изображали святыхъ и обстановку на иконахъ XVI в. Почему такъ, — никому неизвѣстно. Наконецъ, театръ четвертаго типа — это театръ жизненно-психологическій, московскій Художественный театръ настоящаго времени. Задача этого театра—психологически правдивое исполненіе. Но онъ не показываетъ ни одной писательской индивидуальности, и въ его исполненіи незамѣтно разницы между Пушкинымъ, А. Толстымъ и Островскимъ.

Въ противовѣсъ этому, авторъ въ своемъ пониманіи театра исходитъ изъ положенія, что «постановщикъ долженъ на сценѣ раскрыть въ своемъ истолкованіи индивидуальную сущность автора». Поэтому необходима полная гармония между режиссеромъ, декораторомъ и актерами.

Въ доказательство этого онъ приводитъ такой примѣръ. «Я ставлю въ оперѣ С. Зимина «Князя Игоря». Декорации были написаны въ иконописномъ духѣ. Эта иконописность была признана необходимой по общему замыслу постановки, какъ внѣшнее выраженіе русскаго романтическаго мистицизма, который чувствуется мнѣ и въ «Сл. о П. И.» и въ основѣ всѣхъ картинъ оперы Бородина, за исключеніемъ картины Пеловецкаго стана».

Этотъ примѣръ примѣненія при-

¹ Эти замѣчанія могутъ вызвать нѣкоторыя возраженія. Такъ, едва ли можно сказать, что Художественный театръ одинаково выявляетъ индивидуальность Чехова, Мольера и Метерлинка.

циповъ выявленія индивидуальности автора произведенія показываетъ, что эти принципы г. Коммиссаржевскій не всегда вполне проводилъ. Мысль, что декорации должны быть иконописными, въ связи съ мистицизмомъ «Слова о П. И.», совершенно произвольна. Если бы авторъ книги обратился къ послѣднимъ изслѣдованіямъ стариннаго памятника (а онъ обязанъ былъ это сдѣлать), то онъ зналъ бы, что пѣвецъ печальныхъ подвиговъ князя Игоря былъ дружинникъ, что вся «пѣснь» — свѣтское произведение, не имѣющее ничего общаго съ иконописностью. Это безусловно, и никакимъ «миѣ кажется» здѣсь нѣтъ мѣста.

Этотъ примѣръ очень характеренъ, потому что вообще г. Коммиссаржевскій часто черезчуръ свободно относится къ авторамъ, напрасно упрекая въ этомъ только театр условной техники. Не произвольно ли такое разсужденіе въ ст. «Хаосъ и гармонія»: «Итальянскіе штрихи я вижу кое-гдѣ и на сценической внѣшности Фауста, и на этомъ основаніи для сцены встрѣчи Фауста съ Маргаритой я построилъ такую скульптурную лѣстницу, какія часто встрѣчаются при выходѣ изъ церкви въ Итали; величіе этой короткой сцены и какая-то доля южнаго романтическаго темперамента въ ней у Фауста дали мнѣ мысль связать архитектуру готическаго города съ архитектурой такой монументальной итальянской лѣстницы». «Почему такъ, — никому не извѣстно», — говоритъ авторъ по поводу постановки «Царя Теодора» въ условномъ театрѣ. То же точно можно примѣнить къ его собственнымъ словамъ.

Вообще, г. Коммиссаржевскій, въ принципѣ и на практикѣ, не считаетъ нужнымъ вполне точно слѣдовать указаніямъ автора, если они, по мнѣнію автора книги, не соотвѣтствуютъ духу произведенія. Болѣе того, г. Коммиссаржевскій позволилъ себѣ перестановку фразъ текста Гете (стр. 58); въ сценѣ «Соборъ» (въ «Фаустѣ») онъ «заставилъ «сосѣд-

ку» повторять немогущіе быть слышными большинству зрителей слова хора «Dies irae» по-русски (стр. 59). Онъ также полагаетъ, что текстъ оперы Моцарта «Донъ-Жуанъ» въ нѣкоторыхъ текстахъ «при всякой осмысленной постановкѣ... долженъ быть передѣланъ въ соотвѣтствіи съ музыкой» (стр. 142).

Своеобразны и взгляды его на нѣкоторыхъ писателей. Въ особенности любопытна его статья объ Островскомъ. Въ типахъ самодуровъ и, вообще, въ изображеніи купеческаго быта г. Коммиссаржевскій видитъ у Островскаго не реализмъ, а символизмъ, сказывающійся въ обобщеніи бытовыхъ деталей, въ изображеніи власти вещей надъ жизнью. По его мнѣнію, всѣ эти Китъ Китычи — «чудесные» люди «съ той стороны», — нездѣшніе. «Хорошій и богатый купецъ» становится кошмарнымъ образомъ, — большой сонной тушей съ красными глазами, которыми онъ страшно, беспомощно вращаетъ» (стр. 30). Такое пониманіе типовъ Островскаго авторъ основываетъ на преобладаніи въ нихъ исключительно отрицательныхъ чертъ, преувеличенныхъ съ точки зрѣнія жизненной правды.

Самъ Островскій едва ли согласился бы съ такимъ пониманіемъ своихъ произведеній; не даромъ, какъ сообщаетъ самъ г. Коммиссаржевскій, послѣ представленія въ театрѣ Незлобина пьесы Островскаго подъ его режиссерствомъ, говорили, что «это не Островскій, а какой-то А. Блокъ» (стр. 24).

Такое же преувеличеніе онъ видитъ въ пьесахъ Мольера, которыми онъ предлагаетъ ставить, такъ сказать, гротескно, сохраняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, балетные антракты.

Не соглашаясь съ частностями книги г. Коммиссаржевскаго, считая нѣкоторые его выводы нѣсколько скоропѣлыми, не вполне основательными, мы, однако, не можемъ отрицать несомнѣннаго интереса его статей. Всѣ онѣ обнаруживаютъ въ авторѣ отличнаго знатока сцены, отчасти знакомаго съ литературой о томъ

или иномъ писателѣ и дѣлающаго порою очень любопытныя замѣчания.

Б. Нейманъ.

Русская исторія въ культурно-бытовыхъ очеркахъ. **М. Н. Коваленскій.** Русский ученый XVIII вѣка. (Страницы изъ жизни Ломоносова). Цѣна 45 коп. **Н. Д. Шаховская.** Въ монастырской вотчинѣ XIV—XVII в. (Св. Сергій и его хозяйство). Ц. 40 к. **П. П. Кашенко.** Судъ въ Московскомъ Государствѣ. Ц. 30 коп. **Н. Д. Комовская.** Въ странѣ Великаго Хана (картины изъ быта монголовъ). Ц. 40 к. **Н. Н. Коваленская.** Вельможа въ фаворѣ и ссылкѣ (князя Долгорука). Ц. 40 к. **М. Н. Козаленскій.** Путешествіе Екатерины II въ Крымъ. Ц. 50 к. Редакция В. Я. Уланова. Изд. К. Ф. Некрасова. Москва 1915—1916 гг.

Настоящая серия «культурно-бытовыхъ очерковъ» по русской исторіи преслѣдуетъ вполне определенную задачу—дать читателю по возможности наглядное и живое представление о такихъ сторонахъ и даже деталяхъ нашего прошлаго, которые обычно не затрагиваются въ учебной, да, большей частью, и въ научно-популярной исторической литературѣ. Уже по приведеннымъ заглавіямъ можно судить, насколько обширенъ и разнообразенъ кругъ темъ, входящихъ въ программу этого изданія. Несмотря, однако, на разнообразіе темъ, всѣ книжки составлены по одному плану. Каждый отдѣльный вопросъ разсматривается въ связи съ условіями данной эпохи, все типичное и характерное выдвигается на первое мѣсто, причемъ самое изложение обильно иллюстрируется выдержками изъ источниковъ и хорошо подобранными рисунками.

Изъ перечисленныхъ выше выпусковъ — три посвящены допетровской Руси; изъ нихъ особенно заманчива по содержанию книжка Н. Д. Шаховской—«Въ монастырской вотчинѣ». Въ этой брошюрѣ,

какъ объясняетъ редакция, черты удѣльно-феодальнаго строя, типичныя для натурального хозяйства и монастырской вотчины XIV—XVII вв., «растворены въ индивидуальной картинѣ быта и жизни Сергіева дома и проявлены въ описаніи яркихъ историческихъ событий и дѣятельности отдѣльныхъ лицъ». Нужно, однако, сознаться, что эта, интересно задуманная, тема, автору не вполне удалась; внимание читателя все время раздвигается между характеристикой феодальнаго строя и описаніемъ «яркихъ историческихъ событий». То и другое отнюдь не сливается въ одну цѣльную картину, несмотря на отдѣльныя удачныя страницы. Не даютъ цѣльнаго изображенія и другія двѣ брошюры—П. П. Кашенко (Судъ въ Моск. Госуд.) и Н. Д. Комовской (Въ странѣ Великаго Хана). Отдѣльные отрывки изъ судныхъ дѣлъ въ первой изъ нихъ и изъ записокъ путешественниковъ во второй слиты воедино лишь общей для обоихъ авторовъ манерой изложенія, весьма условной и требующей особаго дарованія.

Болѣе удачными оказались остальные три выпуска серии, посвященные XVIII вѣку. Въ этомъ случаѣ и задача была болѣе благодарной въ виду обилія мемуарнаго материала, удобнаго для использования,—да и самое исполненіе болѣе талантливое и умѣлое. Вполнѣ безупречны въ этомъ отношеніи обѣ брошюры члѣна ордена «Козацкіи члѣны» М. Н. Ковалевскаго. «Страницы изъ жизни Ломоносова» прочтутся съ Путешествіе Екатерины II въ Крымъ, для описанія котораго авторъ «щедрою рукою черпалъ свои краски и сцены изъ богатѣйшей мемуарной литературы принадлежащей перу участниковъ и свидѣтелей» этого путешествія.

Въ общемъ, изданіе это заслуживаетъ полнаго вниманія. Судя по вышедшимъ выпускамъ, дѣло найдется въ умѣлыхъ рукахъ, и можно надѣяться, что въ недалекомъ бу-

душемъ, съ завершеиіемъ всей задуманной серии, у читателя получится цѣлая компактная библиотека по русской исторіи, доступная по языку и интересная по содержанію.

А. К—въ.

Петроградъ. Статистическія данныя, относящіяся къ городу Петрограду и Петроградскому Городскому Общественному Управленію (составлены Статистическимъ Отдѣленіемъ Петроградской Городской Управы). Петроградъ 1916 г. Цѣна не обозначена.

Повидимому, эта книга не предназначена для широкаго распространенія, ибо, съ одной стороны, не указана ея цѣна, а съ другой—въ предисловіи къ «Статистическимъ даннымъ» говорится, что «изданіе предназначено для общаго ознакомленія городскихъ дѣятелей». Такая постановка вопроса намъ кажется недостаточной. Содержаніе разсматриваемаго нами изданія Статистическаго отдѣла Петроградской Городской Управы, несмотря на свою схематичность и краткость, представляетъ интересъ не только для «городскихъ дѣятелей». Весьма вѣроятно, что наши петроградскіе «городскіе дѣятели» именно и не будутъ интересоваться «данными», касающимися городского хозяйства Петрограда, ибо какое дѣло этимъ сытымъ людямъ, ушедшимъ съ головой въ свои личныя дѣла, этимъ «добытчикамъ» какое имъ дѣло до хозяйства города, т. е. всей массы населенія? Поэтому составителямъ было бы правильнѣе имѣть въ виду болѣе широкий кругъ читателей. А въ зависимости отъ него слѣдовало бы отчасти измѣнить и самый типъ изданія. Именно, нужно было расширить и оживить текстовую часть книги.

«Статистическія данныя» все же нѣчто болѣе широкое, чѣмъ просто цифровая сводка, дѣлаемая обыкновенно Статистическимъ Отдѣломъ ежегодно; выпущенная въ моментъ

вступленія въ Городскую Думу новаго состава, книга эта должна была познакомить гласныхъ съ хозяйствомъ столицы и его эволюціей; и какъ бы кратко ни намѣчать себѣ задачи, все-таки нужно было дать болѣе обобщеній, картину нарисовать конкретную и живую.

Кстати, съ удивленіемъ приходится отмѣтить, что Статистическій отдѣлъ до сихъ поръ не издалъ цѣлаго ряда «ежегодниковъ», изъ которыхъ послѣднимъ является лишь «ежегодникъ» 1907 г.?! Болѣе того, до сихъ поръ не закончена разработка переписи 1910 года, которая, повидимому, будетъ опубликована ко времени новой переписи и будетъ сохранять лишь историческое, а не практическое значеніе! Въ чемъ причина такого исключительнаго даже для насъ русскихъ запаздыванія?!

«Статистическія данныя», въ общемъ, изданіе интересное; хотѣлось бы вѣрить, что оно будетъ продолжаться. По своему объему оно шире аналогичнаго изданія Московской Городской Управы 1911 г. «Статистическій атласъ», касающійся исключительно демографіи и ничего не говорящій о городскомъ хозяйствѣ въ цѣломъ. «Статистическія данныя» не лишены промаховъ, какъ общихъ—плохо систематизированы отдѣлы, нѣтъ яркой схемы, такъ и частичныхъ—нѣтъ многихъ важныхъ данныхъ и группировокъ по нѣкоторымъ областямъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣтъ діаграммъ (по трудовому посредничеству), даже пропущены цѣлыя отдѣлы.—Петроградскій Комитетъ Союза Городовъ! Слѣдующее изданіе надо будетъ составить менѣе спѣшно, болѣе разработать и оживить текстовую часть, тѣмъ болѣе, что Петроградская Дума не издаетъ общихъ обзоровъ городского хозяйства, познакомиться съ которыми можно только по изданіямъ Статистическаго Отдѣла.

М. Петровъ.

СОСТОЯНІЕ СЧЕТОВЪ СИБИРСКАГО ТОРГОВАГО БАНКА

на 1-ое Августа 1916 года.

Правленіе Банка—въ Петроградѣ.

Отдѣленія: въ Москвѣ, Аккерманѣ, Акмолинскѣ, Андрижанѣ, Архангельскѣ, Баранскѣ (Томской губ.), Барнауль, Вирскѣ, Війскѣ, Благовѣщенскѣ, Бухарѣ (старой), Верхнеудинскѣ, Берхнеуральскѣ, Владивостокѣ, Вѣрномѣ, Вяткѣ, Екатеринбургѣ, Ивбитской Ярмаркѣ (съ 25 Января по 24 Февраля), Иркутскѣ, Камнѣ (Томской губ.), Кокандѣ, Красноярскѣ, Кунгурѣ, Курганѣ, Кустанаѣ, Минусинскѣ, Нижегородской Ярмаркѣ (съ 25 Июля по 31 Августа), Никольскѣ-Уссурийскомѣ, Ново-Николаевскѣ, Одессѣ, Омскѣ, Оренбургѣ, Орскѣ, Перми, Петропавловскѣ (Акмолинск. обл.), Проскурровѣ, Рыбинскѣ, Самаркандѣ, Сарapulѣ, Семипалатинскѣ, Срѣтенскѣ, Стерлитамакѣ, Тобольскѣ, Томскѣ, Троицкосавскѣ, Троицкѣ (Оренбургск. губ.), Тюмени, Уфѣ, Хабаровскѣ, Читѣ и Шадринскѣ.

Городскія Отдѣленія: въ Петроградѣ—на Калашниковской Биржѣ и при Ското-промышленной и Мясной Биржѣ и въ Москвѣ—близъ Мясной Биржи, въ Гавриковомъ переулкѣ, въ Замоскворѣчьи, на Кузнецкомъ мосту, на Преображенской пл., на Серпуховской пл., у Сухаревой Башни, на Таганской пл. и въ Марьиной Рощѣ.

Коммиссионеры: на Зѣв пристани, въ Канскѣ (Енисейск. губ.), Котельничѣ, Котласѣ, Николаевскѣ и Амурѣ и **Городскіе:** въ Петроградѣ—на Знаменской пл. и въ Москвѣ—на Смоленскомъ рынкѣ.

	Правленіе.		Отдѣленія.		В СЕГ О.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
КАССА: наличность и текущіе счета въ Госуд. и частныхъ Банкахъ	6.523.176	86	11.957.151	56	18.485.228	42
Учетъ векселей, торг. обяз., тиражн. цѣнныхъ бум. и текущ. куцоновъ.	44.469.648	16	31.474.614	62	75.944.262	78
Суды подъ обезпеченіе.	95.555.733	71	63.598.032	47	159.153.786	18
Покупка золота и драгоцѣн. метал.; принадл. Банку тратты на загр. мѣста и иностр. денежн. знаки.	1.996.243	96	468.437	10	2.464.681	06
Цѣнныя бумаги, принадл. Банку.	11.212.675	04	9.732.479	46	20.945.154	50
Счетъ Банка съ Отдѣленіями.	—	—	115.631.562	30	115.631.562	30
Корреспонденты Банка:						
1) По ихъ счетамъ (лого)	202.672.736	95	11.319.028	85	213.991.765	80
2) По счетамъ Банка (postro): свободн. суммы въ распор. Банка	12.341.885	37	352.633	46	12.694.568	83
Протестованныя векселя и торгов. обязательства.	12.879	82	233.181	66	296.061	48
Просроченныя суды.	56.894	46	308.400	89	365.294	35
Текущіе расходы.	1.086.755	24	1.960.311	77	3.047.067	01
Расходы, подлежащіе возврату.	—	—	19.072	57	19.072	57
Недвижимое имущество.	3.779.213	63	2.237.623	36	6.066.835	99
Движим. имущ., обзавед. и устройство	154.995	64	499.537	32	654.532	96
Переходящія суммы.	4.233.366	02	3.716.639	08	7.952.055	10
ИТОГО	384.103.204	86	2.360.833	47	637.712.040	33

П А С С И В Ъ .

Складочный капитал	20.000.000	—	—	—	20.000.000	—
Запасный капитал	10.000.000	—	—	—	10.000.000	—
Запасная прибыль	1.000.000	—	—	—	1.000.000	—
Запасной дивидендъ	4.000.000	—	—	—	4.000.000	—
Вклады: на текущ. счета, безорочные и срочные	129.973.233	72	232.270.325	58	362.243.564	30
Капиталъ погашенія затратъ по движ. имущ. Банка	294.562	02	384.221	78	678.783	80
Долгъ Государств. Банку: 1) по спец. сч. подъ векс. и % бумаги	—	—	351.216	55	351.216	55
2) по перзучету векселей	111.609.363	13	3.381	—	3.381	—
Счетъ Банка съ Отдѣленіями	—	—	—	—	111.609.363	13
Корреспонденты Банка:						
1. По ихъ счетамъ (лого): свободныя суммы въ распоряжен. корресп.	66.269.764	96	3.354.572	37	69.624.337	33
2. По счетамъ Банка (postro): суммы, остающ. за Банкомъ	29.076.725	56	1.053.929	75	30.130.655	31
Рицентованныя тратты	530.726	38	1.650.947	44	2.181.673	82
Невыплаченный по акціямъ Банка дивидендъ	519.356	83	—	—	519.356	83
Проценты, подлежащіе уплатѣ по текущимъ счетамъ и вкладамъ	2.342.972	21	4.459.186	67	6.802.158	88
Полученныя %/о и комиссіи за исключен. %/о, исчисленныхъ по вкладамъ и текущ. счетамъ	5.587.909	40	2.469.575	60	8.057.485	—
Переходящія суммы	2.898.585	65	7.611.448	73	10.510.034	38
ИТОГО	384.103.204	86	233.608.833	47	637.712.040	33

Цѣнности на храненіи 163.624.943 85 116.133 988 14 279.758.932 84
Векселя на комиссіи 6 942 554, 68 20.592.511 16 27.535.067 —

Номинальная стоимость акцій Р. 250.

Уплата дивиденда производится въ Правленіи Банка въ Петроградѣ и во всѣхъ его Отдѣленіяхъ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
М. В. ПОПОВА, ВЛАДЕЛЕЦЪ М. А. ЯСНЫЙ.

Петроградъ, Невскіи пр., 66.

— НОВЫЯ ИЗДАНИЯ: —

«Отечество». Сборникъ національныхъ литературъ Россіи. Подъ редакціей проф. И. Бодуанъ де Куртене, проф. П. Гредескула, Б. Гуре- вича, кн. П. Долгорукова, проф. В. Сперан- скаго. Т. I. Стр. 103—488	Цѣна 3 р. 75 к.
Джекъ Лондонъ. <i>Смирительная Рубашка</i> . Романъ	» 2 » 25 »
Г. Плехановъ. <i>Интернаціонализмъ и защита отечества</i> .	» — » 40 »
М. Павловичъ. <i>Смерть Жореса. Изъ дневника эмигранта</i>	» — » 60 »
Ллойдъ-Джорджъ. <i>Рѣчи во время войны</i> . 2-ое изд.	» 1 » 50 »
Вл. Войтинскій. <i>Внѣ жизни. Очерки тюрьмы и каторги</i>	» 1 » 25 »
Р. Григорьевъ. <i>Недавнее</i> . Романъ ч. I и II	» 2 » 25 »
» » <i>На ущербѣ</i> . Романъ.	» 1 » 50 »
Вл. Беренштамъ. <i>Изъ пережитаго</i>	» 1 » 25 »
Г. Магнитскій. <i>Докторъ Орловъ</i> . Романъ въ 3-хъ ч.	» 2 » — »
Г. Добронравовъ. <i>Горькии цвѣты</i> . Разказы	» 1 » 50 »
Бор. Садовской. <i>Лебединыи клики</i> . Повѣсти	» 1 » 25 »
» » <i>Адмиралтейская игла</i> . Разказы	» 1 » 25 »
Панкхерстъ. <i>Моя жизнь</i> . Записки суффражистки	» 2 » — »
Г. В. Плехановъ. <i>О войнѣ</i> . Изд. 3-ье	» — 75 »
» » <i>Дневникъ соц.-демократъ, № 1</i>	» — 40 »
» » <i>Интернаціонализмъ и защита отечества</i>	» — 40 »
А. Потресовъ. <i>Война и демократическое сознание</i>	» — 65 »
Н. Сухановъ. <i>Наши лѣвыи группы и война</i> . 4-е изд.	» — 50 »
» » <i>Къ кризису социализма</i> . Изд. 2-е.	
По поводу «военныхъ» выступлений Г. В. Пле- ханова	» — 30 »
Н. Сухановъ. <i>Наши направления. Марксизмъ и «народничество»</i> . Изд. 2-ое	» 1 » — »
С. А. Золотаревъ. <i>Диаграмма по исторіи русской литературы</i>	» — 80 »
Б. Верхоустиакинъ. <i>Маленькая буря</i> . Романъ	» 1 » 50 »
Готье, Теофиль. <i>Эмали и Камей</i> . Перев. Гумилева	» 1 » 50 »
М. М—скій. <i>Отъ бурсы до снятія сана</i> . Дневникъ священника	» 1 » 25 »
Савватій. <i>Тетрадь въ сафьянѣ</i> . Повѣсть. 5-ое изд.	» 1 » 25 »
А. Свирскій. <i>Въ чертъ</i> . Разказы	» 1 » — »
Ю. Слезкинъ. <i>Ольга Орѣгъ</i> . Романъ	» 1 » 25 »
» » <i>Глупое сердце</i> . Разказы	» 1 » 50 »
Ю. Дюркгеймъ и Е. Д-ни. <i>Кто хотѣлъ войны</i>	» — 60 »
«Въ тылу». Литературно-художественный аль- манахъ	» 2 » — »
Евг. Замятинъ. <i>Уѣздное</i> . Повѣсти	» 1 » 50 »
О. Ранкъ. <i>Значение психоанализа въ наукахъ о духѣ</i>	» 1 » 50 »

Каталоги съ отзывами высылаются по требованію.

Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ пла-
тежомъ.

Книжный магазинъ высылаетъ все имѣющіяся въ
продажѣ книги.

РУССКО-АЗИАТСКИЙ БАНКЪ

ПРАВЛЕНИЕ въ Петроградѣ, Невскій, 62.
 Складочный капиталъ Руб. 55.000.000
 Командита Кит. Прав. Куп. Таабей 3.500.000
 Запасные капиталы Руб. 27.200.000

ГОРОДСКОЕ ОТДѢЛЕНИЕ БАНКА ВЪ ПЕТРОГРАДѢ
 на Садовой ул., домъ № 49 (близъ Соборной площади).

ОТДѢЛЕНИЯ И АГЕНТСТВА

Въ Европейской и Азиатской Россіи и заграничій.

Андижанъ	Елецъ	Минскъ	Ростовъ-на-Дону
Армавиръ	Екатеринбургъ	Минусинскъ	Рыбинскъ
Астрахань	Екатеринодарь	Москва	Самара
Асхабадъ	Елецъ	Наманганъ	Самаркандъ
Ачинскъ	Ефремовъ	Нижній-Новгородъ	Саратовъ
Баку	Иркутскъ	(во время ярм.)	Семипалатинскъ
Балашовъ	Токогама	Николаевскъ на	Сочи
Барнаулъ	Казань	Амуръ	Срѣтенскъ
Батумъ	Карачи	Николаевскъ Сам. г.	Старый Осколь
Винскъ	Кашгаръ	Новозыбковъ	Ташкентъ
Владивостокъ	Керчи	Ново-Николаевскъ	Тверь
Бомбей	Кишиневъ	Новоросіискъ	Троицкосавскъ
Борисоглебскъ	Клиницы	Ново-Ургенчъ	Туане
Бутурлиновна	Козловъ	Новочеркасскъ	Тяньцзинь
Бухара	Кокандъ	Ньючвангъ	Усть-Чарышская
Бѣжецкъ	Коломбо	Одесса	Приет.
Верхнеудинскъ	Константиноградъ	Омскъ	Хабаровскъ
Вильна	Красноуфимскъ	Орель	Хайларъ
Витебскъ	Красноярскъ	Парижъ	Халькоу
Владивостокъ	Кронштадтъ	Пекинъ	Харбинъ
Владикавказъ	Куанченды	Пенза	Харьковъ
Воронежъ	Кузнецкъ	Петровскъ (Дат.)	Херсонъ
Вѣрный	Кульджа	Покровская Сло-	Череповецъ
Гомель	Либава	бола	Чита
Гонгконгъ	Лондонъ	Прилуки	Чифу
Грозный	Маргеланъ	Рязанозово	Чугучакъ
Дальній(Дайренъ)	Маргуноль	Рига	Шанхай
Дербентъ	Мервъ	Рославль	Якутскъ

АДРЕСЪ ДЛЯ ТЕЛЕГРАММЪ «СИНОРУСЪ»

Банкъ имѣетъ корреспондентовъ во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи и заграничій.

ВЫШЕЛЪ № 13 — 14 двухнедѣльнаго иллюстрированнаго журнала

„КООПЕРАТИВНАЯ ЖИЗНЬ“

(4-й годъ изданія).

СОДЕРЖАНІЕ:

- 1) Борьба съ экономической разрухой и кооперація. 2) Сем. Масловъ. Что такое кооперація (Проф. М. И. Туганъ-Барановскіи.—Соціальныя основы коопераціи). 3) Антошъ Хмурый. Война и рабочая кооперація въ городѣхъ. 4) Н. Бойковъ. Вопросы союзнаго строительства. (Союзное строительство въ области сельско-хозяйственной коопераціи. Взаимоотношенія союзныхъ организацій и кооперативовъ различныхъ видовъ). 5) Связь. I. Лебедевъ. Культурно-просвѣтительныя мѣропріятія и кооперація. 6) Д. И-въ. Среди кооперативной печати. (Сбытъ продуктовъ сельскаго хозяйства). 7) Агр. В. Изъ заграничной кооперативной печати. (Кооперативный съездъ въ Англіи). 8) Мѣстная жизнь. 9) Хроника. 10) Изъ экономической жизни. 11) О книгахъ. 12) Письма въ редакцію. 13) Объявленія.

Подписка продолжается.

Годовая подписная плата—5 руб.; на ½ года—3 руб.; на 3 мѣс.—1 руб. 50к.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ: Москва, Моховая, 14, кв. 2 Издатель: Комитетъ о сельскихъ ссудосберегательныхъ и промышленныхъ т-вахъ

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

ЛѢТОПИСЬ

ПРИНИМАЕТСЯ

только со 2-ой четверти года.

Новые подписчики, внесшіе подписную плату за журналъ съ 1-го апрѣля ДО КОНЦА 1916 года, получаютъ первыя главы (I—IV) «Въ людяхъ» М. ГОРЬКАГО бесплатно.

Журналъ имѣетъ слѣдующіе постоянные отдѣлы:

Литература и искусство. Литературно-критическіе очерки. Театръ. Музыка. Живопись.

Иностранная жизнь. Ежемѣсячный обзоръ международной жизни и политики. Корреспонденціи: изъ Франціи, Англии, Швейцаріи, Германіи, Даниі, Голландіи, Швеціи, Соед. Штатовъ.

Внутреннее обзрѣніе. Политическая жизнь. Экономика, финансы. Самоуправленіе. Окранны. Рабочій вопросъ. Школа. Церковь.

Наука и философія.

По Россіи. Бытъ провинціи. Факты, обзоры и наблюденія провинціальной жизни.

Библиографія. Систематическіе обзоры литературы. Критическія замѣтки и рецензіи.

Подписная цѣна: —на— 1 —на— 3 —на— 6 —на— 9
съ 1 апрѣля: 1 мѣс. 1 р. 3 мѣс. 3 р. 6 мѣс. 6 р. 9 мѣс. 9 р.

Предполагаемое содержаніе октябрьской книги:

Стихотворенія — Ив. Бунина, Натана Венгрова, Пана, Дм. Семеновскаго. Беллетристика — М. Горькій «Въ людяхъ», Ив. Бунинъ «Аглая», В. Шинковъ «Тайга», Волкъ-Фенрисъ (финансовая повѣсть), Г. Дж. Уэллсъ «Мистеръ Бритлингъ пьетъ чашу до дна». Статьи — В. Базарова, В. Волгина, Ст. Вольскаго, Вл. Войтинскаго, А. Лозовскаго, А. Мартынова, А. Селивановой, А. Тихомирова, и др.

Цѣна книги въ розничной продажѣ 1 р. 75 к.

Подписка принимается: въ главной конторѣ, во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ.

Адресъ конторы и редакціи:

Петроградъ, Б. Монетная, 18. — Телеф. 108-91.

Издатель А. Н. Тихоновъ.

Редакторъ А. Ѳ. Радзишевскій.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПАРУСЪ“

А. Н. ТИХОНОВА.

ПЕТРОГРАДЪ, БОЛ. МОНЕТНАЯ, 18, кв. 4.

Поступилъ въ продажу:

Сборникъ **АРМЯНСКОЙ** литературы подъ ред. **М. Горькаго**. Цѣна 2 руб.

В. МАЯКОВСКІЙ. Простое, какъ мычаніе. Цѣна 1 р. 50 к.

Пьеръ Милль. МОНАРХЪ. Перев. съ французск. **Н. Тасина**.
Цѣна 1 руб.

Печатаются:

Сборникъ **ЛАТЫШСКОЙ** литературы. Подъ редакціей **В. Брюсова** и **М. Горькаго**, со вступительной статьей **И. Янсона**.

Сборникъ **ФИНЛЯНДСКОЙ** литературы. Подъ редакціей **В. Брюсова** и **М. Горькаго**, со вступительными статьями д-ра **Таркяйнена** и д-ра **Э. Невалинна**.

М. ГОРЬКІЙ. Статьи 1905—1915 г.г. Сборникъ.

М. ГОЛЬДШМИДТЪ. **Еврей**, романъ. Переводъ **М. П. Благовѣщенской**.

ВОЛКЪ ФЕНРИСЪ. Финансовая пов. Перев. **В. Перазича**.

•••••

Готовятся къ печати:

Сборникъ **ЕВРЕЙСКОЙ** литературы. Подъ редакціей **В. Брюсова** и **М. Горькаго**.

Сборникъ **ЛИТОВСКОЙ** литературы. Подъ редакціей **Ю. К. Балтрушайтиса**.

Сборникъ **УКРАИНСКОЙ** литературы. Подъ редакціей **В. Брюсова** и **М. Горькаго**.

Сборникъ **ТАТАРСКОЙ** литературы. Подъ редакціей **В. Брюсова**, **Ад. Бѣльскаго** и **М. Горькаго**.

1916 9-10

ОКТАБРЬ 1916 ПТРС.

ЪТОПИСЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

ИВ. БУНИНЪ. Стихотвореніе. ♦ М. ГОРБКІЙ. Въ людяхъ. ♦ ИВ. БУНИНЪ. Аглая. ♦ ВЯЧ. ШИШКОВЪ. Тайга. ♦ Д. СЕМЕНОВСКІЙ. Стихотвореніе. ♦ ВОЛКЪ ФЕНРИСЪ. Финансовая повѣсть. ♦ Г. ДЖ. УЭЛЛСЪ. Мистеръ Бритлингъ пьетъ чашу до дна. ♦ ПАНЪ. Стихотворенія. ♦ А. ЛОЗОВСКІЙ. Экономическій блокъ. ♦ А. СЕЛИВАНОВА. Три года въ провинціи. ♦ М. ПОКРОВСКІЙ. Константинополь. ♦ І. РАБИНОВИЧЪ. О Шейлокѣ. ♦ А. ЛОТОЦКІЙ. Народное образование на украинскомъ югѣ. ♦ В. ВОЛГИНЪ. Изъ иностранной хроники ♦ Р. ГРИГОРЬЕВЪ. Итальянскіи социализмъ и война. ♦ М. ЛУРЬЕ. Германскія дѣла. ♦ М. ГОРЬКІЙ. Памяти В. И. Семевскаго. ♦ А. КУДРЯВЦЕВЪ. В. И. Семевскіи. ♦ Г. НОВОГРАДСКІЙ. По пути къ хлѣбной монополіи. ♦ Р. АРСКІЙ. За два года. ♦ С. Е—ВЪ. Новый факторъ въ культурной жизни Россіи. ♦

БИБЛЮГРАФІЯ.

Цѣна 1 руб. 75 коп.

До конца года бесплатно.
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917-й годъ

ЖУРНАЛЪ ЖУРНАЛОВЪ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ НОВАГО ТИПА. 3-й годъ изданія.

52 Номера Годовые подписчики въ 1917 году получаютъ: большого иллюстр. сатирич. журнала новѣйшей литературы и искусства. 7 томовъ бесплатно, прилож. Романы, повѣсти и юморист. рассказы „Новый Библиотеки Журналь-Журналовъ“.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) А. С. Григъ—Знаменитая книга.	6) Як. Окуневъ—Въ плѣну города
2) О. Л. Д'Орв—Рыбьи пляски.	7) АЛЬБОМЪ - АЛЬМАНАХЪ.
3) И. Василевскій (Не-Буква). — Героиня нашего времени.	Въ 3-хъ частяхъ.
4) Маркъ Криницкн—Душа женщины.	I) Весь литературный Петроградъ.
5) Ю. Волинъ—Шахъ и мать.	II) Вся литературная Москва.
	III) Вся литературная Россія.

Всѣ, нынѣ подписавшіеся на весь 1917 г.—получаютъ журналъ до конца 1916 г. БЕЗПЛАТНО

Редакторъ И. Василевскій (Не-Буква).

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Петроградъ, Невскій пр., 63-Л. Подписная цѣна со всеми приложениями: на годъ—6 руб. 70 к., 1/2 года—3 р. 50 к. Серия №№-ровъ для ознакомленія 30 к. Отд. № 20 к.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССІИ

ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА, имѣющая СПЕЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ

„TABACS et CIGARETTES de LUXE“

Sphinx, Khedive, Classic, — Англійскіе табаки.

CIGARES de la HAVANE — mportation directe.

ПАПИРОСЫ:

„ЯКА“ 10 шт. 15 к. 30 к.
10 шт. 20 к.

„САФО“ 10 шт. 15 к. 30 к.
10 шт. 20 к.

„ДАЯЛИНГ“ 10 шт. 15 к. 30 к.
10 шт. 20 к.

„АДА“ 10 шт.
10 к.

„ДЯДЯ КОСТЯ“ 10 шт.
10 к.

Требуйте всюду, а также въ нашихъ собственныхъ магазинахъ:
ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 24. МОСКВА, Кузнецкій м., д. 1-го Рос. Страх. О-ва

Т-во Я. Н. Богдановъ и Ко.

II годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 ГОДЪ.

II годъ
изданія.

„ЛѢТОПИСЬ“

Ежемесячный литературный, научный и политический журнал,
издаваемый при ближайшемъ участіи М. ГОРЬКІГО.

ЖУРНАЛЪ БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ
И ПРИ ПРЕЖНЕМЪ СОСТАВѢ СОТРУДНИКОВЪ.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1917 ГОДА ВЪ „ЛѢТОПИСИ“ БУДЕТЪ НАПЕЧАТАНО:

Ф. И. ШАЛЯПИНЪ — „АВТО-
БІОГРАФІЯ“ (около 20 печ. лист.). БУДЕТЪ ПЕЧА-
ТАТЬСЯ ВЪ КАЖДОЙ КНИГѢ ЖУРНАЛА.

М. ГОРЬКІЙ — „ПИСЬМА
КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ“.

Въ ближайшихъ книгахъ за 1917 годъ будутъ помѣщены повѣсти, раз-
сказы и стихотворенія: **В. БРЮСОВА**, **Ив. БУНИНА**, **М. ГОРЬКАГО**,
ВВГ. ЗАМЯТИНА, **Н. НИКАНДРОВА**, **К. ТРЕНЕВА**, **И. ПРИШВИНА**
и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Годъ.	1/2-года.	3 мѣс.
Съ доставкой и пересылкой въ Россіи . . .	18 р.	9 р.	4 р. 50 к.
Зя границу	22 р.	11 р.	5 р. 50 к.

На одинъ мѣсяць только для иногороднихъ внутри Россіи 1 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго номера въ книжныхъ магазинахъ 1 р. 75 к.

Кооперативамъ, профессиональнымъ союзамъ, больничнымъ кассамъ, на-
роднымъ библиотекамъ и др. культурно-просвѣтительнымъ учрежденіямъ
предлагаются льготныя условія подписки: на 1 годъ — вмѣсто
18 руб. — 16 руб. и на полгода — вмѣсто 9 руб. — 8 руб.; на
меньшій срокъ льготная подписка не принимается.

Пробный № (изъ книгъ за 1916 г.) высылается наложеннымъ платежемъ
за 1 рубль.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петроградѣ — въ конторѣ журнала „Лѣтопись“, Б. Монетная ул.,
д. 18, тел. 108—91 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ — въ
конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи) и въ книжныхъ магазинахъ;
а также во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россіи по цѣнѣ редакціи,
безъ доплаты за пересылку денегъ.

Издатель **А. Н. Тихоновъ**.

Редакторъ **А. Ф. Радзишевскій**.

Въ теченіе 1916 года въ журналъ „Лѣтопись“ было напечатано:

ВЪ ОТДѢЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: Изв. Бунина.— «Казимиръ Станиславовичъ», «Аглая»; Н. Вогта.— «Котка на ма-
якъ»; К. Волгина— «Нянька»; А. Высоцкаго — «Его родина»; Г. Вят-
кина— «Въ селѣ Успенскомъ»; М. Гарри— «На рисовыхъ поляхъ»; Г. Гнѣ-
ссина— «Воспоминанія бродячаго пѣвца»; М. Гольдшмидтъ— «Еврей»; М. Горь-
каго— «Въ людяхъ»; Г. Гребенщикова— «Любава»; Е. Замятина— «Богъ»,
«Дьячекъ», «Петька»; В. Ирецкаго— «Искусство писать»; Л. Катленъ— «Ихъ
малышъ»; М. Кисина— «Фабричная»; С. Лагерлефъ— «Солнечное затменіе»;
Ф. Ласковой— «Осеннее»; П. Милля— «Монархъ»; Н. Никандрова— «Лѣсъ»;
А. Новоселова— «Жабья жизнь»; Н. Оллеръ— «Природа»; Г. Онрудъ— «Мари
Смехаугенъ»; Л. Пасынкова— «Безъ дѣла»; Я. Седеберга— «Китаецъ»; А. Се-
реброва— «Святки»; Т. Таманина— «Въ вагонѣ»; Льва Толстого—
«Разсказъ о каторжникѣ Теодоровѣ», «Хозяинъ и работникъ» (Пер-
воначальный вариантъ письма); Г. Дж. Уэллсъ— «Мистеръ Бритлингъ пьетъ
чашу до дна»; Л. Фрапье— «Разказы»; А. Чапыгина— «Вѣгунъ»; М. Черно-
нова— «Бурый»; Вяч. Шишкова— «Тайга»; Н. Шляра— «У истоковъ сердца»
и др.

Стихотворенія: В. Аренсъ, А. Блока, В. Брюсова, Изв. Бунина, Н. Вэнг-
рова, С. Губера, С. Дубновой-Эрлихъ, С. Есенина, Пана, Д. Семеновскаго,
Ив. Филипченко.

ВЪ ОТДѢЛЪ ПУБЛИЦИСТИКИ: Б. Азилова— «Война и народ-
ное хозяйство»; М. Ал-роза — «Недосѣвъ»; Р. Арскаго — «Заработная
плата», «За 2 года»; В. Базарова— «Упрощеніе мысли», «Заколдованное
царство», «Текущій моментъ»; Ад. Бѣльскаго — «Внѣшкольное обра-
зованіе»; А. Вильскаго— «Церковныя дѣла»; В. Водовозова — «Къ от-
ставкѣ Сазонова»; Ст. Вольскаго— «Новая Европа», «Алчущіе и жаждущіе»,
«Кооператоръ»; Вл. Войтинскаго— «Сибирскій съездъ»; Г. Гордона—
«Объ алкоголизмѣ въ средней школѣ»; М. Горькаго— «Двѣ души», «По пе-
воду одной анкеты», «Письма къ читателю»; И. Давидзона— «О спекуляціи»;
Динозля— «Грезвость въ Сибири»; А. Ерманскаго— «Политическіе отклики»
(въ 4 кн.); Ю. Каменева— «Крушеніе интернаціонала»; А. Лозовскаго—
«Экономическій блокъ»; А. Лотоцкаго— «Народное образованіе на украин-
скомъ югѣ»; Л. Мартова— «Кантъ и Марксъ»; А. Никитскаго— «Бюджетъ
1916 г. и наши финансы», «Мѣстное самоуправленіе и кооперація», «Война
и биржа»; М. Петрова— «Къ современному муниципальному кризису»;

«Городская реформа»; **А. Пинкевича**—«Къ реформѣ средней школы»; **Н. Рожкова**—«Дороговизна»; **В. Симпльтона**—«Письма знатнаго иностранца»; **П. Сурожскаго**—«По Маринскому водному пути»; **Нин. Суханова**—«О происхожденіи войны», «Интересы Россіи въ войнѣ», «Россія и ея союзники»; **В. Темнаго**—«Религія и государственность»; **И. Чернышева**—«Крестыянская реформа»; **П. Шаскольскаго**—«Евреи въ высшей школѣ» и др.

ВЪ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОМЪ ОТДѢЛѢ: **А. Богданова**—«Міровые кризисы, мирные и военные»; **Р. Виллера**—«Замѣтки историка о современныхъ религіозныхъ исканіяхъ»; **Т. Вульфа**—«Рентгеновскіе лучи и строеніе кристалловъ»; **Ю. Делезскаго**—«Новѣйшія космогоническія теоріи»; **Н. Каблукова**—«Вліяніе профессиональныхъ союзовъ рабочихъ на развитіе производительныхъ силъ страны»; **Ю. Каменеза**—«Соціальное содержаніе имперіализма»; **К. Левина**—«А. И. Герценъ и Польша»; **Н. Никольскаго**—«Основные моменты въ развитіи русской церковной жизни»; **К. Тимирязева**—«Наука въ современной жизни»; **П. Юшкевича**—«Принципъ относительности и новое ученіе о времени» и др.

ВЪ ОТДѢЛѢ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ: **В. Волгина**—«Хроника иностранной жизни» и др.; **Раф. Григорьева**—«Письма изъ Рима»; **Вяч. Калинина**—«Подъ Дамокловымъ мечомъ»; **В. Керженцева**—«Англійскія настроенія», «Ирландская трагедія», «Милитаризмъ въ Америкѣ»; **А. Лозовскаго**—«Конгрессъ французскихъ социалистовъ»; **М. Лурье**—«Общественныя отношенія въ Германіи»; **Л. Мартовъ**—«Гражданинъ Густавъ Эрве»; **А. Мартынова**—«Въ тискахъ міровой конкуренціи»; **М. Павловича**—«Румынія въ международномъ конфликтѣ», «Военная индустрія во Франціи», «Двѣ династіи» и др.

ВЪ ОТДѢЛѢ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИТИКИ: **А. Аврамова**—«Народъ и музыка»; **Ад. Бѣльскаго**—«Жизнь «Ивана»; **А. Кугеля**—«Томмазо Сальвини»; **А. Левинсона**—«Судьба картины», «Міръ Искусства», «Современная живопись»; **Вяч. Полонскаго**—«Исповѣдь одного современника», «Замѣтки о молодыхъ писателяхъ»; **Ромэна Роллана**—«Правда въ Шекспировскомъ театрѣ»; **А. Смирнова**—«Творецъ душъ»; **Д. Тальникова**—«При свѣтѣ культуры» и др.

ВОСПОМИНАНІЯ И ПИСЬМА: **М. Горькаго**—«Памяти В. И. Семейскаго»; **И. Манухина**—«Памяти И. И. Мечникова»; **И. Е. Рѣпина**—«Изъ воспоминаній»; **К. Тимирязева**—«Памяти друга» и др.

Кромѣ того помѣщались **Дневники Льва Толстого** ранѣе ихъ напечатанія въ другихъ изданіяхъ.

Продолжается подписка на 1916 г.

на журналъ

ЛѢТОПИСЬ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

только со 2-ой четверти года.

Новые подписчики, внесшие подписную плату за журналъ съ 1-го апрѣля **ДО КОНЦА 1916 года**, получаютъ первыя главы (I—VI) «Въ людяхъ» М. ГОРЬКАГО бесплатно.

Журналъ имѣетъ слѣдующіе постоянные отдѣлы:

Литература и искусство. Литературно-критическіе очерки. Театръ. Музыка. Живопись.

Зностранныя жизнь. Ежемѣсячный обзоръ международной жизни и политики. Корреспонденціи: изъ Франціи, Англии, Швейцаріи, Германіи, Дании, Голландіи, Швеции, Соед. Штатовъ.

Внутреннее обозрѣніе. Политическая жизнь. Экономика, финансы. Самуправленіе. Окраины. Рабочій вопросъ. Школа. Церковь.

Наука и философія.

По Россіи. Бытъ провинціи. Факты, обзоры и наблюденія провинціальной жизни.

Библиографія. Систематическіе обзоры литературы. Критическія замѣтки и рецензіи.

Подписная цѣна: — на — 1 р. — на — 3 р. — на — 6 р. — на — 9 р.
съ 1 апрѣля: 1 мѣс. 1 р. 3 мѣс. 3 р. 6 мѣс. 6 р. 9 мѣс. 9 р.

Цѣна книги въ розничной продажѣ 1 р. 75 к.

Подписка принимается: въ главной конторѣ, во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ.

Адресъ конторы и редакціи:

Петроградъ, Б. Монетная, 18. — Телеф. 108-91.

Издатель А. Н. Тихоновъ.

Редакторъ А. Ө. Радзишевскій.